

СПАСТИ МИР И НЕ ЖЕНИТЬСЯ



ЛОГВИНОВ АЛЕКСАНДР

Александр Логвинов

Спасти мир и не жениться

<https://litres.ru/74549939>

Аннотация

Эраст Акакиевич Кунилин привык жить по правилам: каждая скрепка должна лежать на своём месте, каждый шкаф — числиться на балансе, а любое происшествие — иметь акт, дату и ответственного. Но однажды в НИИ перспективных измерений обнаруживается шкаф, которого нет ни в одном инвентарном списке. А за шкафом — портал в миры, где драконы спорят с машинами, время идёт не туда, а магические договоры опаснее мечей.

Вместе с Тарасом Тюлькиным — техническим специалистом, способным починить почти всё, кроме собственной жизни, — Эраст оказывается в центре катастрофы. Миры вот-вот сольются, прошлое перепутается с будущим, а древняя драконица сообщает условие спасения, которое кажется самым простым: ни один из них не должен жениться.

Казалось бы, что может пойти не так?

Впереди — говорящие архивы, загадочные Якоря, города без права на ошибку, драконы с характером, чиновники с договорами и коза, которая относится к государственным документам исключительно как к закуске. Но главная опасность таится не в магии и не в разломах между мирами. Она в желании решить за

другого, исправить чужую судьбу и превратить жизнь в идеально оформленную инструкцию.

«Спасти мир и не жениться» — ироничное приключенческое фэнтези о дружбе, свободе выбора, любви без формуляров и о том, почему иногда самая большая ошибка оказывается единственным способом остаться человеком.

Спасти мир и не жениться

Спасти мир и не жениться

Роман

Пролог

Инструкция, которую прочитали слишком поздно

Дракон умирал некрасиво.

Вообще-то красиво умирать умеют только в старинных балладах. Там поверженный герой непременно лежит на вершине холма, закат золотит его доспехи, а верный друг успевает выслушать последние слова, запомнить их и впоследствии передать потомкам без единой ошибки.

В действительности холм обычно оказывается кучей щебня, доспехи давят на рёбра, друг временно оглох от взрыва, а последние слова звучат примерно так:

— Убери колено, ты мне на хвост наступил.

Именно это сказала драконица Ардейна, лежавшая среди развалин Башни Последнего Часа.

Над ней висело растрескавшееся небо. Сквозь трещины проглядывали другие миры: багровая пустыня с тремя солнцами, заснеженный город, по улицам которого бесшумно скользили серебряные машины, и деревянная крепость, охваченная огнём. Мироздание разваливалось, словно плохо склеенный шкаф, а из каждой щели дуло вечностью.

Человек в обгоревшем плаще послушно переставил коле-

но.

— Прости.

— Поздно, — прошептала Ардейна.

— Для прощения?

— Для всего.

Она была последней из Хранителей Перехода. Чешуя на её груди потемнела, золотые глаза уже не отражали пламя. И всё же драконица подняла голову и посмотрела на двух мужчин, стоявших перед ней.

Первый был худ, высок и держался с достоинством человека, который даже на краю гибнущей Вселенной помнит о необходимости застегнуть верхнюю пуговицу. На его лице застыло выражение терпеливого недоверия ко всему происходящему.

Второй был широкоплеч, растрёпан и вооружён сразу тремя мечами, хотя ни одним толком пользоваться не умел. Один меч он держал в руке, другой торчал из-за пояса, а третий каким-то образом застрял в складках плаща.

— Значит, всё? — спросил второй. — Конец?

— Почти.

— А нельзя как-нибудь не почти?

Драконица с трудом улыбнулась:

— Можно. Поэтому я и позвала вас.

Первый мужчина оглянулся на рушившуюся башню.

— Позвольте уточнить, — произнёс он. — Под словом «позвала» вы подразумеваете тот случай, когда нас похити-

ли из собственного мира, лишили документов, трижды пытались принести в жертву и один раз ошибочно короновали?

— Эраст, — устало сказал второй, — не придирайся к формулировкам. Человек... то есть дракон умирает.

— Именно в такие моменты формулировки особенно важны, Тарас.

Ардейна закашлялась, и из её пасти вырвалось маленькое облачко дыма.

— Слушайте. У нас мало времени.

— Это мы уже слышали, — заметил Тарас. — После таких слов обычно выясняется, что надо куда-нибудь бежать.

— Бежать некуда.

— Вот. Уже разнообразие.

Драконница приподняла коготь. Между двумя его кончиками вспыхнула тонкая синяя нить. Она свернулась кольцом и превратилась в маленькую дверь.

За дверью было видно помещение с бледными стенами, письменным столом и древним шкафом. На столе стояли два стакана, электрический чайник и тарелка с засохшим печеньем.

Тарас вздрогнул.

— Наш кабинет.

— За три дня до вашего появления здесь, — сказала Ардейна. — Я могу отправить вас назад. Но только одного раза будет недостаточно. Вам придётся пройти весь путь снова.

— Нет, — твёрдо произнёс Эраст.

Тарас посмотрел на него с удивлением:

— Почему?

— Потому что я категорически отказываюсь ещё раз падать в колодец с говорящими слизнями.

— Ты упал туда по собственной инициативе.

— Я думал, что это выход.

— Там висела табличка «Кормить запрещено».

— В темноте первая буква была закрыта мхом.

Ардейна ударила хвостом по камням. Удар получился слабым, но башня всё равно содрогнулась.

— Послушайте! Вы не должны повторять путь. Вы должны его изменить. Предупредить самих себя. Не допустить главной ошибки.

— Какой? — одновременно спросили мужчины.

Драконица посмотрела на них с такой печалью, что оба невольно замолчали.

— Никто из вас не должен жениться.

Где-то за пределами башни взорвалась гора.

Тарас несколько секунд прислушивался к грохоту.

— Это из-за известия или само по себе?

— Если хотя бы один из вас вступит в брак до того, как будет закрыт Разлом, миры соединятся окончательно. Прошлое смешается с будущим. Магия поглотит машины. Машины подчинят драконов. Время потеряет направление.

— А если не женимся? — спросил Эраст.

— У вас появится шанс.

— Наконец-то разумное условие, — сказал он. — Выполнимо, измеримо и не требует дополнительных расходов.

— Говори за себя, — пробормотал Тарас.

Ардейна протянула Эрасту металлическую пластинку величиной с ладонь. На её поверхности светились буквы древнего языка.

— Оставьте это в своём кабинете. Вы найдёте пластинку до открытия портала. На ней записано предупреждение.

— Почему нельзя написать по-русски? — поинтересовался Тарас.

— Потому что ваша письменность не выдержит перехода сквозь обратное время.

— А немецкая?

— Тоже.

— Жалко. На немецком любое предупреждение выглядит убедительно.

Эраст взял пластинку.

Она была тёплой и едва заметно пульсировала, будто внутри билось маленькое сердце.

— Кто переведёт надпись?

— Вы сами. Ваша машина распознает часть символов.

— Часть?

— Самую важную.

— Вот это меня и тревожит.

Башня снова содрогнулась. Одна из трещин в небе расширилась, и сквозь неё хлынул ослепительный белый свет.

Ардейна толкнула дверь когтем.

— Идите.

— А вы? — спросил Тарас.

— Я останусь.

— Почему?

— Кто-то должен удерживать переход открытым.

Тарас опустился рядом с драконицей. Его обычная улыбка исчезла.

— Мы сможем вас спасти?

— Если всё сделаете правильно, мы никогда не встретимся.

— Не самый радостный вариант.

— Зато я буду жива.

Тарас подумал и кивнул:

— Тогда годится.

Эраст уже стоял у двери. Он ещё раз посмотрел на древнюю пластинку.

— Ардейна, что именно мы сделали неправильно?

Драконица перевела взгляд с него на Тараса.

— Вы поверили словам, но не поняли их смысла.

— Каким словам?

Белый свет залил башню.

— Пророчеству.

Мир исчез.

На мгновение Эраст почувствовал, что падает вверх. Рядом ругался Тарас, у которого наконец выпал третий меч.

Потом раздался хлопок, запахло горелой проводкой и дешёвым растворимым кофе.

Они рухнули в собственный кабинет.

За окном шёл спокойный октябрьский дождь. На стене тикали часы. Чайник невозмутимо продолжал кипеть, словно две секунды назад не существовало ни драконов, ни гибнущих миров, ни конца времени.

Тарас первым поднялся с пола.

— Вернулись.

Эраст посмотрел на календарь.

— Нет.

— Что — нет?

— Мы промахнулись.

На календаре значилось не то число.

До их первого перемещения оставалось не три дня, а три минуты.

Шкаф у дальней стены дрогнул.

Из-за его дверцы пробился золотистый свет.

— Клади пластинку! — крикнул Тарас.

Эраст метнулся к столу, сунул металлическую пластину под кипу старых бумаг и включил компьютер. На экране замелькали символы. Машина заурчала, вентилятор взвыл, будто внутри системного блока проснулся крайне недовольный пылесос.

Начался автоматический перевод.

На мониторе появились слова:

ДВОЕ ПРИШЕДШИХ ИЗ МИРА БЕЗ МАГИИ

ДОЛЖНЫ НАЙТИ СЕРДЦЕ ДРАКОНА

ВОССТАНОВИТЬ ПЕЧАТЬ

СПАСТИ МИР

И НЕ ВСТУПАТЬ В БРАК

— Всё ясно, — сказал Тарас.

— Ничего не ясно.

— Главное ясно. Не жениться.

— Меня беспокоит последняя строка.

— Меня тоже.

— Перевод выглядит незаконченным.

— Эраст, у нас две минуты!

Шкаф подпрыгнул.

Одна дверца распахнулась. За ней вместо зимних пальто и запасной пачки бумаги показалось зелёное небо.

С той стороны кто-то тяжело дышал.

Эраст наклонился к монитору. Под последней строкой мигал крошечный значок: «Продолжение текста не распознано».

— Я так и знал.

Из шкафа высунулась когтистая лапа.

— Потом дочитаем! — крикнул Тарас.

— Именно из-за таких решений цивилизации и исчезают!

Когти ухватили Тараса за воротник. Он попытался освободиться, но лишь продемонстрировал Вселенной, что его куртку шили на совесть.

Эраст схватил друга за ноги.

Шкаф потянул обоих.

— Пластинка! — крикнул Эраст.

Тарас успел сгрести со стола кипу бумаг вместе с пластиной.

Они исчезли в золотом свете.

Кабинет опустел.

Компьютер ещё несколько секунд пытался закончить перевод. Экран мигнул. Под словами «И НЕ ВСТУПАТЬ В БРАК» появилась последняя строка:

МИРОЗДАНИЯ

Потом погас свет.

Так началась история о двух людях, которым предстояло спасти несколько миров, победить бессмертного императора, разгадать тайну драконов и ни в коем случае не жениться.

Последнюю задачу оба сочли самой простой.

Разумеется, именно с ней и возникли основные трудности.

Часть первая

Портал служебного пользования

Глава 1

Шкаф, не состоящий на балансе

За три минуты до конца света Эраст Акакиевич Кунилин занимался инвентаризацией.

Сам он об этом не знал и потому пребывал в сравнительно хорошем расположении духа.

Его кабинет располагался на третьем этаже Научно-исследовательского института перспективных измерений, который сокращённо назывался НИИПИ. Аббревиатура звучала несерьёзно, однако институт занимался вопросами чрезвычайной государственной важности.

Какими именно — никто уже не помнил.

В разные годы здесь разрабатывали прибор для измерения силы общественного мнения, вычисляли оптимальную форму снежной кучи и пытались установить, влияет ли расположение настенных часов на производительность труда. Последнее исследование продолжалось одиннадцать лет. Часы за это время перевешивали четырнадцать раз, производительность не изменилась, зато трое сотрудников защитили диссертации.

Эраст Акакиевич заведовал сектором учёта экспериментального оборудования. Это название вполне соответствовало его характеру: он любил учёт, уважал оборудование и с осторожностью относился к экспериментам.

В сорок пять лет Кунилин был холост, аккуратен и убеждён, что большинство несчастий происходит от недостатка правильно оформленных документов. На его столе каждая скрепка знала своё место. Карандаши лежали остриём в одну

сторону. Даже пыль, казалось, садилась на мебель по предварительному согласованию.

В тот день Эраст Акакиевич обнаружил шкаф.

Шкаф стоял у дальней стены с незапамятных времён. Был он высокий, дубовый, тёмный и настолько тяжёлый, что пол под ним заметно прогнулся. Однако ни в одном инвентарном списке шкафа не значилось.

Это тревожило.

Эраст трижды проверил ведомости за последние сорок лет. В бумагах встречались токарный станок, два осциллографа, установка для исследования аномальных колебаний, чугунная ванна и одна лошадь, списанная в 1987 году по причине «морального устаревания». Шкафа не было.

Кунилин подошёл к нему и постучал костяшками пальцев.

Изнутри постучали в ответ.

Эраст Акакиевич замер.

Повторил стук.

Ему ответили: два раза медленно и три быстро.

Кунилин вернулся к столу, достал лист бумаги и записал: «При внешнем механическом воздействии объект демонстрирует признаки обратной связи».

После этого он позвонил Тюлькину.

Тарас Ананиевич Тюлькин работал в соседнем секторе и официально отвечал за техническую безопасность. Неофициально он отвечал за всё, что искрило, двигалось без разрешения или кусало сотрудников.

За пятнадцать лет службы ему довелось обезвредить короткое замыкание, разъярённого енота и заместителя директора после новогоднего банкета. Поэтому к необычным ситуациям Тарас относился спокойно.

Он вошёл без стука, держа в одной руке кружку, а в другой — бутерброд.

— Что случилось?

— Обнаружен неучтённый объект.

Тарас осмотрел комнату.

— Где?

Эраст указал на шкаф.

— Он здесь сто лет стоит.

— Это не отменяет факта его отсутствия.

— Как может отсутствовать шкаф, если он присутствует?

— Физически присутствует. Документально отсутствует.

Следовательно, с административной точки зрения его нет.

Тарас откусил половину бутерброда и задумчиво посмотрел на шкаф.

— Удобно. Можно хранить то, чего тоже нет.

— Ты не понимаешь серьёзности положения.

— Почему же? Если шкаф упадёт на сотрудника, получится несчастный случай без участия имущества института. Бухгалтерия будет в восторге.

Эраст нахмурился.

Он терпеть не мог, когда над правилами смеялись. Правила были единственным, что отличало цивилизацию от сти-

хийного собрания людей с топорами.

— Он отвечает на стук, — сообщил Кунилин.

— Кто?

— Шкаф.

Тарас прожевал бутерброд.

— А ты уверен, что сегодня принимал лекарства?

— Я не принимаю лекарств.

— Вот с этого обычно всё и начинается.

Эраст молча постучал.

Изнутри донеслось: тук-тук. Пауза. Тук-тук-тук.

Тарас поставил кружку на стол.

— Там кто-то есть.

— Это наиболее поверхностная гипотеза.

— Зато понятная.

— Шкаф заперт. Ключ утрачен не позднее 1998 года.

— Значит, кто-то сидит там с девяносто восьмого. Теперь понятно, куда исчез Семён Петрович из лаборатории оптики.

Тюлькин наклонился к замочной скважине.

Из скважины дул тёплый ветер. Пахло травой, дымом и чем-то ещё — свежим, горьковатым, напоминающим воздух перед грозой.

— Там улица, — сказал Тарас.

— На третьем этаже?

— Может, пожарная лестница.

— У пожарной лестницы нет запаха луговых трав.

— У нашей может быть. Её двадцать лет не проверяли.

Тарас достал из кармана складной нож и принялся ковырять замок.

— Прекрати, — потребовал Эраст. — Объект не обследован.

— Вот и обследуем.

— У нас нет полномочий.

— Зато есть отвёртка.

— Это не одно и то же.

— Иногда отвёртка полезнее полномочий.

Замок щёлкнул.

Дверцы шкафа слегка разошлись. Между ними появилась тонкая золотистая полоска.

Оба мужчины отступили.

— Видел? — спросил Тарас.

— Да.

— Что это?

— Свет.

— Я тоже пришёл к такому выводу. Диссертацию будем писать вместе.

Из шкафа донёсся низкий рокот.

Чай в кружке Тараса пошёл кругами. Стёкла в окнах задрожали.

— Там что-то большое, — сказал Тарас.

— Закрой дверцу.

— Сначала посмотрим.

— Закрой.

— Один глаз.

— Тарас!

Но Тюлькин уже потянул дверцу на себя.

Шкаф распахнулся.

За ним не было ни пальто, ни полок, ни пожелтевшей газеты, которой Эраст однажды затыкал щель. Внутри простирался залитый солнцем луг. Трава колыхалась под ветром. Вдали возвышались голубые горы, а над ними парили огромные крылатые существа.

Одно из существ сделало круг и выпустило длинную струю огня.

Тарас медленно закрыл рот.

— Орлы? — предположил он.

— Орлы не извергают пламя.

— Может, местные.

На лугу стояла девушка.

Высокая, темноволосая, в серебристом плаще и высоких сапогах. В руках она держала изогнутый меч. За её спиной из травы поднимались трое уродливых зеленокожих существ.

— Осторожно! — крикнул Тарас.

Девушка резко обернулась.

Первое существо прыгнуло.

Она ушла в сторону, взмахнула мечом, и зелёная голова покатилась по траве.

Тарас одобритительно присвистнул:

— Умеет.

Второй противник набросился сбоку. Девушка отбила удар, но третий успел полоснуть её когтями по плечу. Серебристый плащ потемнел от крови.

— Надо помочь, — сказал Тарас.

— Кому?

— Девушке.

— Она находится в неизвестной среде, на неизвестном расстоянии и, возможно, вообще не существует.

— Тогда мы поможем несуществующей девушке.

Тюлькин шагнул в шкаф.

Эраст схватил его за рукав.

— Ты сошёл с ума?

— Если не вернусь, поставь мою кружку в посудомойку.

— У нас нет посудомойки.

— Тогда просто помни обо мне хорошо.

Тарас вырвался и оказался на лугу.

Переход был настолько будничным, что Эраст на мгновение растерялся. Только что его друг стоял в кабинете — и вот уже бежал по траве, размахивая складным ножом и крича нечто, что в приличном отчёте пришлось бы заменить формулировкой «боевой возглас».

Зеленокожее существо повернулось к нему.

Тарас запустил в него недоеденным бутербродом.

Существо поймало бутерброд, удивлённо посмотрело и понюхало.

Девушка воспользовалась замешательством и отсекла ему руку.

— Неплохо, — сказал Тарас. — У меня оставалась колбаса.

Последний противник бросился на него.

Эраст понимал, что должен закрыть шкаф, вызвать охрану и составить акт. Вместо этого он схватил тяжёлый дырокол и шагнул следом.

Зеленокожее существо уже занесло над Тарасом короткий кривой меч.

Эраст ударил его дыроколом по затылку.

Существо рухнуло.

Кунилин посмотрел на оружие в своей руке. Дырокол погнулся.

— Это был немецкий дырокол, — с горечью произнёс он.

Девушка направила меч ему в грудь.

— Кто вы?

Эраст поднял свободную руку.

— Кунилин Эраст Акакиевич, заведующий сектором учёта экспериментального оборудования.

Девушка перевела взгляд на Тараса.

— А ты?

— Тюлькин Тарас Ананиевич. Техническая безопасность.

Она посмотрела на мёртвых тварей.

— Вы воины?

— Нет, — ответил Эраст.

— В некотором смысле, — одновременно сказал Тарас.

— Откуда вы пришли?

Мужчины обернулись.

В траве стоял открытый шкаф. За ним виднелся кабинет: стол, кипящий чайник, окно и пальто Эраста на вешалке.

— Оттуда, — сказал Тарас.

Девушка побледнела.

— Врата Безымянных.

— Обычный шкаф, — возразил Эраст.

— Эти врата были запечатаны тысячу лет назад.

— Документально шкаф вообще не существует.

Девушка приблизилась. На её плече расплывалось кровавое пятно, но она словно не замечала раны.

— Как вы их открыли?

Тарас показал отвёртку.

— Техническая подготовка.

В небе прозвучал рёв.

Один из драконов отделился от стаи и стремительно полетел к лугу. Он был огромен. Солнечный свет скользил по тёмно-красной чешуе, крылья заслоняли половину неба.

Девушка выругалась на незнакомом языке.

— Быстро! Закройте врата!

— Почему? — спросил Тарас.

— Это охотник Морайна. Если он проникнет в ваш мир, сгорит всё по ту сторону!

Эраст представил дракона в коридоре института. Дирек-

тор, вероятно, попытается создать комиссию. Комиссия потребует финансовое обоснование. Дракон сожжёт бухгалтерию.

В иной ситуации мысль показалась бы привлекательной. Все трое бросились к шкафу.

Дракон приближался.

Девушка первой достигла врат, схватила за дверцу и попыталась закрыть её. Дверца не двигалась.

— Они удерживаются с вашей стороны!

Эраст заглянул в кабинет.

На полу возле шкафа лежала металлическая пластина. Раньше её там не было. Поверхность пластины покрывали светящиеся символы.

Компьютер включился сам собой. На экране появились слова:

ДВОЕ ПРИШЕДШИХ ИЗ МИРА БЕЗ МАГИИ...

— Что это? — спросил Тарас.

— Не знаю.

— Потом разберёмся!

Из кабинета донёсся треск. Золотое сияние вокруг шкафа стало ярче. Пространство задрожало.

Девушка посмотрела на дракона, затем на Эраста.

— Врата сейчас закроются. Возвращайтесь в свой мир.

— А вы?

— Я задержу его.

— Он же вас убьёт, — сказал Тарас.

— Возможно.

— Тогда идёмте с нами.

Она покачала головой:

— Мне нельзя пересекать границу.

Дракон раскрыл пасть. Между его клыками вспыхнуло пламя.

Тарас схватил девушку за здоровую руку.

— Всё когда-нибудь приходится делать в первый раз.

— Отпусти!

— Обязательно. Но чуть позже.

Он рванул её к шкафу.

Эраст прыгнул следом.

Они втроём ввалились в кабинет. Девушка упала на стол, сбив бумаги и кружку. Тарас приземлился на пол. Эраст устоял, но лишь потому, что вцепился в вешалку.

Из шкафа высунулась голова дракона.

Она с трудом помещалась между дверцами. Красный глаз величиной с суповую тарелку обвёл кабинет и остановился на Тарасе.

— Закрывай! — крикнул тот.

Эраст навалился на одну дверцу. Девушка — на вторую.

Дракон заревел. Из его ноздрей вырвался дым.

Тарас схватил огнетушитель и ударил им чудовище по морде.

— Объект! — возмутился Эраст. — Инвентарный номер сорок два!

— Запишем в расходные материалы!

Дракон втянул голову. Дверцы захлопнулись.

В тот же миг шкаф исчез.

Не вспыхнул, не растворился и не провалился сквозь пол.

Просто перестал существовать.

В стене осталась прямоугольная ниша. На обоях отчётливо виднелся более светлый участок, подтверждавший, что шкаф всё-таки когда-то был.

Наступила тишина.

Чайник отключился.

Девушка медленно поднялась со стола. В правой руке у неё оставался меч.

— Где я?

Тарас сел на полу.

— В Научно-исследовательском институте перспективных измерений.

— Это крепость?

— В некотором смысле.

Эраст поднял металлическую пластину. Символы на ней гасли один за другим.

— Боюсь, у нас более серьёзная проблема.

На экране компьютера завершился перевод:

ДВОЕ ПРИШЕДШИХ ИЗ МИРА БЕЗ МАГИИ

ДОЛЖНЫ НАЙТИ СЕРДЦЕ ДРАКОНА

ВОССТАНОВИТЬ ПЕЧАТЬ

СПАСТИ МИР

И НЕ ВСТУПАТЬ В БРАК

Тарас прочитал текст.

— Кто-нибудь собирался жениться?

— Нет, — сказал Эраст.

Девушка опустила меч.

— Я собиралась.

Тарас посмотрел на неё с заметно возросшим интересом.

— Вот теперь всё действительно сложно.

В коридоре послышались шаги.

Через секунду дверь кабинета распахнулась, и вошла Валентина Сергеевна из бухгалтерии — женщина, перед которой пасовали пожарные инспекторы, налоговые проверки и двое бывших мужей.

Она остановилась, увидев разгромленный кабинет, меч, кровь, огнетушитель на полу и неизвестную девушку в серебряном плаще.

— Это что такое?

Эраст выпрямился.

В самые тяжёлые минуты он всегда говорил правду. Во-первых, её проще запомнить. Во-вторых, правильно изложенная правда звучала настолько невероятно, что окружающие предпочитали не задавать дополнительных вопросов.

— В ходе инвентаризации обнаружен портал в другой мир.

Валентина Сергеевна посмотрела на светлый прямоугольник на стене.

— А шкаф где?

— Исчез.

— Хорошо.

Эраст не ожидал такой реакции.

— Хорошо?

— Раз исчез, оформляйте списание.

— Но он не состоял на балансе.

Валентина Сергеевна побледнела.

— Как это — не состоял?

— Вот так.

— Двадцать лет стоял в государственном учреждении и не состоял на балансе?

— Судя по документам.

Бухгалтер тяжело опустилась на стул.

— Портал оформим позже, — прошептала она. — Сначала разберёмся со шкафом.

Девушка удивлённо посмотрела на Тараса:

— Она здесь главная?

— Теперь ты начинаешь понимать наш мир.

За окном сверкнула молния.

Стёкла задрожали, хотя небо оставалось ясным. На светлом участке стены проступила длинная чёрная трещина.

Металлическая пластина в руке Эраста снова нагрелась.
На её обратной стороне загорелась новая надпись:
ДО РАЗРУШЕНИЯ ПЕРВОГО МИРА:

29 ДНЕЙ 23 ЧАСА 59 МИНУТ

Последние цифры изменились.

58 СЕКУНД

57 СЕКУНД

56 СЕКУНД

Эраст показал пластину остальным.

Тарас прочитал и вздохнул:

— Месяц. Нормально.

— Что именно нормально?

— Хуже, если бы три дня.

Незнакомка подошла ближе. Её лицо стало серьёзным.

— Вы не понимаете. Первый мир — ваш.

Тарас поднялся с пола и отряхнул брюки.

— Вот теперь хуже.

Валентина Сергеевна посмотрела на пластину, на девушку с мечом и на трещину в стене.

— Мне понадобится объяснительная.

Эраст Акакиевич закрыл глаза.

Уничтожение мира он ещё мог представить.

Но объяснительная означала, что неприятности только на-

чинаются.

Глава 2

Объяснительная о конце света

Объяснительная была составлена в трёх экземплярах.

Эраст Акакиевич настоял на четырёх, поскольку один мир уже считался обречённым, а судьба остальных оставалась неясной. Валентина Сергеевна возражать не стала. Она вообще быстро пришла в себя и теперь смотрела на происходящее как бухгалтер, обнаруживший серьёзное расхождение между реальностью и отчётностью.

Сначала неизвестной девушке обработали рану.

Аптечка в кабинете технической безопасности не открывалась, потому что ключ от неё хранился внутри. Тарас Ананиевич решил проблему отвёрткой, чем окончательно доказал превосходство практического мышления над нормативным.

Девушка сидела на краю стола. Серебряный плащ лежал рядом, меч она держала на коленях и внимательно следила за каждым движением Тараса.

— Это будет больно? — спросила она.

— Нет.

— Ты лжёшь.

— У нас принято успокаивать больных.

— У нас принято предупреждать.

— Хорошо. Будет больно.

— Теперь я боюсь.

— Зато всё честно.

Он осторожно промыл царапины перекисью. Девушка вздрогнула, но не издала ни звука.

— Неглубоко, — сказал Тарас. — Жить будете.

— Не называй меня на «вы».

— Почему?

— Так обращаются к древним и немощным.

— А сколько тебе лет?

Она подозрительно прищурилась:

— Двадцать семь.

— Тогда можно на «ты».

— А тебе?

— Сорок шесть.

Девушка задумалась.

— Ты древний?

— Иногда по утрам.

Эраст сидел за компьютером и изучал металлическую пластину. Внешне та напоминала сильно расплющенный телефон, если бы телефоны изготавливали из неизвестного сплава и украшали знаками, от которых начинали зудеть мысли.

Обратный отсчёт продолжался:

29 ДНЕЙ 23 ЧАСА 41 МИНУТА

Кунилин несколько раз перезагрузил компьютер, сменил программу распознавания и даже перевернул пластину. Вре-

мя от этого не увеличилось.

— Начнём с имени, — предложил Тарас. — Тебя как зовут?

Девушка ответила короткой фразой, в которой было больше согласных, чем позволял человеческий речевой аппарат.

— Можно повторить медленнее?

Она повторила.

— А совсем медленно?

Третья попытка прозвучала ещё сложнее.

— Понятно, — сказал Тарас. — Будем звать тебя Мирой.

— Почему?

— В твоём имени было что-то похожее.

— Моё имя означает «Та, перед которой склоняются огненные крылья».

— Мира короче.

— Я не разрешала сокращать.

— Тогда не будем.

— Будем, — вмешался Эраст. — Для протокола требуется удобопроизносимое обозначение.

Девушка перевела взгляд на него:

— Кто из вас главный?

— Формально начальник сектора — я.

— А он?

— Формально должен меня слушаться.

Тарас заклеил рану пластырем.

— Заметь, я сказал «формально».

Мира осмотрела белую полоску на плече и осторожно коснулась её пальцем.

— Это магическая повязка?

— Обычный пластырь.

— Он лечит?

— Скорее создаёт у организма ощущение, что о нём позаботились.

Она кивнула:

— Значит, магический.

Валентина Сергеевна положила перед Эрастом заполненный лист.

— Подпишите.

— Что это?

— Акт об утрате шкафа.

— Но мы ещё не установили факт утраты. Возможно, объект переместился.

— Где он сейчас?

— Неизвестно.

— Значит, утрачен.

— Временно.

— Тогда после слова «утрачен» допишите карандашом «временно».

Эраст взял ручку, но подписывать не спешил.

— Здесь указана остаточная стоимость.

— Один рубль.

— Откуда она взялась, если шкафа не было на балансе?

Бухгалтер строго посмотрела на него поверх очков:

— Хотите, чтобы государство понесло убыток, но не знало его размера?

Возразить было трудно.

За стеной что-то скреблось.

Все замолчали.

Сначала звук был тихим, словно кто-то царапал обои кончиком гвоздя. Потом усилился. Чёрная трещина на стене дрогнула и разошлась ещё на несколько миллиметров.

Из неё выглянул зелёный глаз.

Валентина Сергеевна медленно сняла очки.

— Это тоже портал?

— Скорее структурное повреждение пространства, — ответил Эраст.

— В акте писать будете сами.

Глаз моргнул.

Из трещины высунулся тонкий когтистый палец и ощупал стену.

Мира спрыгнула со стола, схватила меч и одним движением отсекла коготь. Из разлома донёсся пронзительный визг. Палец упал на линолеум и продолжил шевелиться.

Валентина Сергеевна вскочила:

— Только не на пол! Его вчера мыли!

Тарас накрыл коготь мусорной корзиной.

— Что это было? — спросил он.

— Ищейка Морайна, — сказала Мира. — Она почувство-

вала след врат.

— Это тот самый Морайн, чей дракон пытался пролезть в шкаф?

— Дракон принадлежит не ему. Морайн никем не владеет.

— Очень современно.

— Он подчиняет разум. Людей, зверей, драконов. Даже мёртвых.

— А бухгалтеров?

Мира посмотрела на Валентину Сергеевну.

— Не уверена.

— Правильно, — сказала та. — Пусть даже не пробует.

Эраст встал из-за стола.

— Нам необходима последовательная информация. Кто такой Морайн? Почему наш мир должен погибнуть? Что означает Сердце дракона? И по какой причине наше семейное положение включено в план спасения?

На последнем вопросе Мира отвела глаза.

Тарас это заметил.

— Ты что-то знаешь о браке?

— Разумеется. У нас люди тоже соединяют судьбы.

— Я не вообще спрашиваю. Я о надписи.

— Предупреждение связано с древним пророчеством.

— Каким?

— Его нельзя произносить здесь.

— Почему?

— Потому что пророчества слышат тех, кто говорит о них.

Тарас оглядел кабинет:

— А если шёпотом?

— Тоже.

— На бумаге?

— Иногда.

— Жестами?

— Не знаю.

Эраст взял чистый лист и написал: «Расскажите о пророчестве».

Мира прочла, вздохнула и покачала головой.

— Так не работает.

— Почему?

— Потому что ты произнёс написанное мысленно.

— Это уже вмешательство в личную жизнь.

Трещина на стене расширилась. Изнутри дохнуло холодом. На обоях выступил иней.

Мира провела ладонью над разломом.

— Граница слабеет. Скоро появятся новые щели.

— Насколько скоро?

— Возможно, сегодня. Возможно, через неделю.

— Удивительная точность, — заметил Эраст.

— Магия не измеряет время так, как вы.

— Теперь понятно, почему ваш мир находится на грани гибели.

— Эраст, — предупредил Тарас.

— Что? Отсутствие метрологии погубило не одну цивили-

лизацию.

В коридоре раздался звонок.

Начинался обеденный перерыв.

По институту открылись двери, застучали каблуки, и сотрудники потянулись в столовую. Через несколько секунд из коридора слышались голоса:

— Ой, а чего так холодно?

— Окно открыли?

— Кого-то опять премии лишили.

Чёрная трещина неожиданно вспыхнула.

По ней пробежали синие искры. Стена стала прозрачной, и за ней проступило другое помещение — огромный зал, залитый белым светом.

В воздухе висели кольца, наполненные мерцающей водой. Между ними двигались люди в одинаковых серых костюмах. У некоторых вместо левой руки были металлические протезы.

Один из них остановился.

Он увидел кабинет.

Эраст встретился с ним взглядом.

Мужчина резко поднял руку, и над его ладонью возникло светящееся изображение.

— Обнаружена исходная реальность, — произнёс он.

Голос прозвучал прямо из стены.

Остальные люди в сером обернулись.

— Зафиксировать координаты. Подготовить группу изъ-

ятия.

Изображение исчезло. Стена снова стала обычной. Все некоторое время молчали.

— Это были люди Морайна? — спросил Тарас.

Мира побледнела сильнее, чем при виде дракона.

— Нет.

— Тогда кто?

— Я не знаю.

— Они знают нас, — сказал Эраст. — Один назвал этот мир исходной реальностью.

— Что это означает?

— Что остальные миры могли возникнуть из нашего.

— Или что вы так думаете, — возразила Мира.

— Кто — мы?

— Люди вашего мира.

— Мы вообще не знаем, что существуют другие миры.

— Очень удобно.

В дверь заглянул младший научный сотрудник Прохоров.

— Эраст Акакиевич, вы в столовую?

Он увидел Миру, окровавленный плащ и меч.

— А это кто?

— Приглашённый специалист, — ответил Эраст.

— По какому вопросу?

Тарас опередил друга:

— По расширению международного сотрудничества.

Прохоров посмотрел на следы зелёной крови.

— Понятно. А что сегодня дают?

— Не знаю.

— Говорят, рыбные котлеты.

Мира напряжённо вскинула голову:

— Что такое котлеты?

Прохоров просиял:

— Тогда вам обязательно надо с нами.

Через пять минут вся компания спускалась в институтскую столовую.

Эраст возражал. Он утверждал, что при угрозе уничтожения мира следует разработать план действий. Тарас отвечал, что спасти мир на голодный желудок непрофессионально. Валентина Сергеевна поддержала Тараса и напомнила, что после двух часов котлет может не остаться.

Меч Миры спрятали под её плащом. Получилось плохо: рукоять торчала над плечом, а ножны били по ступеням.

В столовой было тесно и душно. Пахло варёной свёклой, хлебом и тем особенным супом, который во всех государственных учреждениях готовили по одному рецепту, известному лишь поварам и, вероятно, разведке.

Мира остановилась перед раздачей.

— Это всё еда?

— Предположительно, — сказал Эраст.

Она указала на котлеты:

— Из какого зверя они сделаны?

Повариха тётя Зина услышала вопрос.

— Из рыбы.

— Какой?

— Морской.

— Как она называлась?

Тётя Зина подумала.

— Рыба.

Мира взяла котлету.

Тарас расплатился за неё своей картой. Девушка внимательно посмотрела, как он прикладывает кусочек пластика к терминалу.

— Здесь принимают жертвенные пластины?

— Здесь принимают всё, кроме наличных и критики.

Они заняли дальний столик.

Мира попробовала котлету, долго жевала и наконец спросила:

— Вы уверены, что ваш мир стоит спасти?

— Уже сомневаемся, — признался Тарас.

После обеда они вернулись в кабинет.

Трещина исчезла.

Вместе с ней исчезли металлическая пластина, отрубленный коготь под корзиной и подписанный акт об утрате шкафа.

— Вот акт жалко, — сказала Валентина Сергеевна. — Только оформили.

На месте пластины лежала записка.

Бумага была обычной — из институтского блока для слу-

жебных поручений. Почерк принадлежал Эрасту.

Он сразу его узнал.

В записке говорилось:

НЕ ВЕРЬТЕ МИРЕ.

НЕ ИЩИТЕ СЕРДЦЕ ДРАКОНА.

НЕ ОТКРЫВАЙТЕ ДВЕРЬ В ПОДВАЛЕ.

ОСОБЕННО ТЮЛЬКИН.

Ниже стояла дата.

Записка была написана через двадцать девять дней.

Тарас прочитал её дважды.

— Почему особенно я?

— Потому что тебя знают.

— Кто?

Эраст перевернул лист.

На обратной стороне имелась приписка:

ТАРАС, ЕСЛИ ТЫ ЭТО ЧИТАЕШЬ, ЗНАЧИТ, ТЫ ВСЁ-ТАКИ ОТКРЫЛ ДВЕРЬ.

Из коридора донёсся далёкий удар.

Потом ещё один.

Удары шли снизу.

Из подвала.

Тарас посмотрел на Эраста.

— Мы ведь только взглянем?

— Нет.

— Даже издали?

— Нет.

— Через замочную скважину?

— Особенно через замочную скважину.

Мира взяла меч.

— Где у вас подвал?

Эраст аккуратно сложил записку пополам.

— Никто никуда не идёт.

Из-под пола донёсся глухой голос:

— Тарас Ананиевич! Откройте!

Тюлькин побледнел.

— Это мой голос.

Эраст взял со стола фонарик.

— Ладно. Только взглянем.

Глава 3

Человек, который пришёл завтра

Подвал института состоял преимущественно из коридоров, назначения которых никто не знал.

В старых планах здания они не обозначались. На новых планах их тоже не было, зато имелось примечание: «Подвальные помещения — согласно старым планам».

Спустившись по лестнице, Эраст включил фонарик.

С потолка свисали трубы. Некоторые были горячими, некоторые холодными, а одна тихо гудела и уходила прямо в стену. На вопрос о её назначении бывший заведующий хо-

зьяйством отвечал: «Не трогайте — и всё будет хорошо». Его преемники придерживались той же научной концепции.

Впереди шёл Тарас. За ним — Мира с обнажённым мечом. Эраст замыкал шествие, хотя предпочёл бы замкнуть подвал.

Валентина Сергеевна осталась наверху. Она обещала вызвать помощь, если путешественники не вернутся через двадцать минут, однако не уточнила, кого именно считает помощью. В институте ближайшим к подвалу специалистом был сантехник Геннадий, но он по средам не работал.

— Сколько дверей внизу? — спросила Мира.

— Семь, — ответил Эраст.

— Восемь, — одновременно сказал Тарас.

Они остановились.

— Семь, — повторил Кунилин. — Я лично участвовал в осмотре помещений.

— А я лично прятался здесь от директора. Дверей восемь.

— Ты считаешь входную.

— А ты какую не считаешь?

Эраст хотел ответить, но передумал.

Коридор заканчивался железной дверью с облупившейся синей краской. За ней располагался архив списанного оборудования. Справа находилась котельная. Слева — кладовая. Ещё четыре двери тянулись вдоль стены.

Седьмой не было.

Вместо неё зиял прямоугольный проём, заполненный тем-

нотой.

На бетонном полу перед проёмом лежала табличка:

ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН

Кто-то зачеркнул слово «ПОСТОРОННИМ» и написал сверху:

ТЮЛЬКИНУ

— Предупреждение адресное, — заметил Эраст.

— Значит, обо мне заботятся.

— Или знают твои привычки.

Тарас подошёл к проёму.

— Здесь раньше была стена.

Мира провела пальцами по его краю.

— Это не дверь.

— Уже легче.

— Это рана.

— Снова хуже.

Из темноты донёсся голос Тараса:

— Наконец-то. Я думал, вы не придёте.

Тюлькин отступил.

— Никогда не любил слышать себя в записи.

— Это не запись, — сказала Мира.

В проёме появился человек.

Сначала из темноты выступила рука. Рука была человеческой, но покрытой металлической сеткой. Потом показалось плечо, голова и наконец весь незнакомец.

Он оказался Тарасом Ананиевичем.

Только постаревшим лет на пятнадцать.

Его волосы поседели. Через левую бровь тянулся шрам. Вместо правой руки от локтя начинался металлический протез. Поверх потрёпанной рубашки он носил чешуйчатый доспех, а на поясе висело устройство, напоминающее одновременно пистолет и строительный фен.

Старший Тарас посмотрел на младшего.

— Ты всё-таки открыл дверь.

— Вообще-то она уже была открыта.

— Я тоже так сказал.

Эраст поднял фонарик, направляя луч в лицо пришельца.

— Докажите, что вы Тюлькин.

— В шестом классе я разбил окно в кабинете географии и свалил на метеорит.

Тарас пожал плечами:

— Об этом полшколы знало.

— Под левым коленом у меня шрам от табуретки.

— У многих есть шрамы от табуретки.

— Табуретку бросила в меня Людмила Петровна после слов, что её борщ можно использовать для травления металлов.

Младший Тарас опустил глаза.

— Это точно я.

— Необязательно, — возразил Эраст. — Информацию можно получить множеством способов.

Будущий Тюлькин повернулся к нему:

— Ты прячешь дома конверт с надписью «На отпуск», но последние семь лет перекладываешь оттуда деньги в конверт «Непредвиденные расходы».

Эраст нахмурился.

— Это разумная финансовая дисциплина.

— В прошлом году ты всё-таки поехал в отпуск. На электричке в Коломну. Вернулся в тот же день, потому что забыл выключить утюг.

— У меня нет утюга.

— Вот это и было особенно обидно.

Мира встала между ними.

— Если ты пришёл из будущего, скажи, как закрыть Разлом.

Старший Тарас посмотрел на неё.

В его глазах появилась такая боль, что девушка невольно опустила меч.

— Здравствуй, Мира.

— Мы знакомы?

— Были.

Он произнёс это тихо.

Младший Тарас перевёл взгляд с него на Миру и обратно.

— Насколько хорошо были?

— Сейчас не время.

— Обычно так говорят, когда время как раз пришло.

Старший Тюлькин шагнул из проёма. Его ноги подкосились. Мира успела подхватить его, но он сразу отстранился,

будто её прикосновение обожгло сильнее раны.

— Я могу находиться здесь несколько минут, — сказал он. — Линия уже меняется.

— Какая линия? — спросил Эраст.

— Временная. Моя реальность погибла. Остатки удерживаются только благодаря Сердцу.

— Сердцу дракона?

— Это не орган. Сердце — машина.

Мира резко вскинула голову:

— Ложь.

— Я тоже так думал.

— Сердце создали Первые Драконы до появления людей.

— Его создали люди.

— Невозможно.

— Люди из нашего мира, — продолжил будущий Тарас.

— Очень давно. Или через много лет. Смотря с какой стороны времени смотреть.

Эраст достал записную книжку.

— Говорите последовательно.

— Последовательно уже не получится. Времени почти не осталось.

— Сколько?

— У тебя часы отстают на четыре минуты.

— Они проходят ежегодную поверку.

— Через двадцать восемь дней ты поймёшь, что поверка была неправильной.

Эраст впервые за весь день выглядел по-настоящему испуганным.

Младший Тарас приблизился к своему будущему двойнику.

— Мы спасли мир?

— Один.

— А остальные?

— Потеряли.

— Сколько?

Старший Тарас ответил не сразу:

— Все.

В подвале стало холоднее.

Темнота в проёме двигалась, словно огромное живое существо пыталось просунуться сквозь слишком узкую щель.

— Как это остановить? — спросила Мира.

— Не повторяйте наших ошибок.

— Каких именно?

— Не верьте пророчеству. Не отдавайте Сердце Совету Корон. И не позволяйте Эрасту войти в Белый город.

Кунилин записал.

— Почему?

— Потому что оттуда вернётся уже не он.

— В каком смысле?

— В буквальном.

Эраст перестал писать.

Из темноты донёсся металлический скрежет.

Будущий Тюлькин оглянулся.

— Они нашли меня.

— Кто? — спросил Тарас.

— Сборщики.

— Те люди в сером?

— Они уже не совсем люди.

Старший Тарас снял с пояса оружие и протянул младшему.

— Возьми.

Тюлькин повертел странное устройство в руках.

— Как работает?

— Направляешь в сторону того, кто хочет тебя убить, и нажимаешь синюю кнопку.

— А красную?

— Не нажимай.

— Что она делает?

— Если узнаешь, будет поздно.

— Почему тогда её вообще сделали?

— Это изделие военного назначения. Там половина деталей существует для того, чтобы ими нельзя было пользоваться.

Мира смотрела на старшего Тараса.

— Что случилось со мной?

Он молчал.

— Ответь.

— Я не могу.

— Ты сказал, что мы были знакомы. Что со мной случилось?

— Ты сделала выбор.

— Какой?

Старший Тюлькин устало прикрыл глаза.

— Поверила мне.

В глубине проёма вспыхнули белые огни.

Появились три фигуры в серых костюмах. Они двигались медленно и одновременно, точно части одного механизма. Их лица закрывали гладкие серебряные маски.

— Нарушитель временной линии обнаружен, — произнесли все трое одним голосом. — Подлежит возвращению.

Будущий Тюлькин толкнул Миру к Эрсту.

— Бегите!

Одна из фигур подняла руку. Металлические нити выстрелили из её ладони и обвили старшего Тараса.

Младший вскинул оружие.

— Синяя кнопка! — крикнул его двойник.

Тарас нажал.

Из устройства вырвался прозрачный шар. Он бесшумно пролетел через проём и коснулся первой фигуры.

На секунду ничего не произошло.

Потом фигура распалась на сотни маленьких серых кубиков. Кубики повисели в воздухе и с печальным звоном осыпались на пол.

— Хорошая вещь, — сказал Тарас.

Оставшиеся Сборщики повернули головы к нему.

— Зафиксирован объект исходной линии. Приоритет изъятия изменён.

— Плохая вещь, — уточнил он.

Мира взмахнула мечом, перерубая металлические нити. Будущий Тюлькин освободился, но вместо того, чтобы отступить, бросился в проём.

— Что ты делаешь? — крикнул Тарас.

— Закрываю дверь.

— Как?

Старший Тюлькин обернулся.

Несмотря на седину, шрам и усталость, улыбка у него была точно такой же.

— Красная кнопка.

Младший посмотрел на устройство.

— Ты же сказал её не нажимать!

— Тебе — не нажимать.

Он ударил металлической ладонью по красному знаку на собственном протезе.

Проём вспыхнул.

На мгновение подвал наполнился белым светом. Эраст увидел за дверью разрушенный город, чёрное небо и сотни серебряных фигур. Среди развалин возвышалась огромная машина, похожая на скелет дракона.

А рядом стояла женщина в серебристом плаще.

Она была старше Миры. Её тёмные волосы пересекала бе-

лая прядь, а в груди сиял золотой кристалл.

Женщина посмотрела прямо на Эраста.

— Не отдавай ему своё имя, — произнесла она.

— Кому?

Но свет уже погас.

Проём исчез.

Осталась бетонная стена.

На ней чёрным маркером было написано:

КРАСИТЬ ЗАПРЕЩЕНО

Тарас бросился к стене и ударил по ней кулаком.

— Эй! Ты слышишь?

Никто не ответил.

Он ударил снова.

— Ты живой?

Тишина.

Тюлькин опустил руку.

Мира стояла неподвижно. Лицо её стало замкнутым.

— Он пожертвовал собой, — сказала она.

— Он знал, что делает.

— Откуда?

— Потому что я бы сделал то же самое.

Эраст посмотрел на друга.

— Именно поэтому он просил тебя не нажимать красную кнопку.

Тарас проверил оружие. Красная кнопка на нём тоже имела-
лась.

— Надо заклеить.

— Лучше выбросить.

— Может пригодиться.

— Чтобы уничтожить подвал?

— Не весь. Здесь стены крепкие.

Мира повернулась к лестнице.

— Мы должны вернуться в мой мир.

— Каким образом? — спросил Эраст. — Шкаф исчез.

— Врата не исчезли. Они переместились.

— Куда?

— Туда, где их открывали прежде.

— И где это?

Мира посмотрела на металлическую пластину, которую Эраст всё ещё держал под мышкой.

— Сердце покажет.

— Это не Сердце, — сказал Тарас. — Будущий я сказал, что Сердце — машина.

— Он мог ошибаться.

— А мог говорить правду.

Мира остановилась на нижней ступеньке.

— Если не доверяете мне, оставайтесь. Через двадцать девять дней ваш мир погибнет первым. Мой — вторым. Затем исчезнут все остальные.

— Почему наш первый?

— Потому что здесь нет магии. Ему нечем защищаться.

Эраст поднял палец:

— Позвольте не согласиться. У нас есть стратегические вооружения, развитая промышленность и система гражданской обороны.

— Вы не можете открыть аптечку без отвёртки.

— Это отдельный организационный недостаток.

Тарас спрятал оружие под куртку.

— Ладно. Допустим, идём. Что надо взять?

— Оружие. Еду. Тёплую одежду. Всё, что может помочь в долгом пути.

— Деньги?

— Ваши монеты там ничего не стоят.

— Наши тоже не везде, — заметил Эраст.

— И ещё, — продолжила Мира, — никому не рассказывайте о других мирах.

Наверху их ждали директор института, двое сотрудников службы безопасности, Валентина Сергеевна и тётя Зина из столовой.

Тётя Зина держала в руке половник.

— Поздно, — сказал Тарас.

Директор института Геннадий Аркадьевич Белобрысов был человеком крупным, представительным и осторожным. Он носил бороду, дорогие галстуки и никогда не принимал решений, которые нельзя было впоследствии объявить коллективными.

— Эраст Акакиевич, — начал он, — мне доложили о происшествии.

— Кто? — спросил Эраст.

— Все.

— Формулировка недостаточно конкретна.

— Мне сказали, что вы обнаружили в шкафу вооружённую иностранную гражданку.

Мира положила руку на рукоять меча.

— Не надо, — шепнул Тарас. — Он и без этого боится.

Белобрысов покосился на девушку:

— Иностранная гражданка понимает по-русски?

— Уже понимает, — ответил Эраст.

— Каким образом?

Эраст впервые задумался об этом.

Мира говорила с ними на совершенно чистом русском языке. Несколько часов назад её собственное имя невозможно было произнести, но всё остальное звучало понятно.

— Врата переводят речь, — пояснила она. — Тот, кто пересёк границу, слышит язык мира.

Директор обрадовался:

— Отличная технология. Надо патентовать.

— Магию нельзя запатентовать.

— Это вы просто не работали с нашим юридическим отделом.

Белобрысов потребовал изложить обстоятельства.

Эраст изложил.

Он рассказал о шкафе, луге, драконе, пророчестве, Разломе и будущем Тарасе. Умолчал только об уничтожении пер-

вого мира, поскольку считал правильным сообщать плохие новости постепенно.

Директор выслушал его с выражением человека, которому предлагают подписать документ задним числом.

— Доказательства есть?

Эраст показал пластину.

Белобрысов повертел её, постучал ногтем и вернул.

— Может быть китайская.

— Китайцы такого не делают, — сказал Тарас.

— Китайцы всё делают.

— Дракон сойдёт за доказательство? — спросила Мира.

— Где он?

— По ту сторону врат.

— Значит, нет.

В этот момент погас свет.

Из стены кабинета вырвалась золотая молния. Она прошла сквозь потолок, ударила в пожарный щит и исчезла в полу.

Противопожарный багор превратился в цветущую яблоневую ветвь.

Тётя Зина перекрестилась.

Один из охранников выхватил рацию:

— На третьем этаже нештатная ситуация!

Из рации ответил незнакомый голос:

— Нештатная ситуация подтверждена. Начинаем соединение миров.

На улице закричали.

Все бросились к окну.

Над городом раскрылось второе небо.

Оно проступило поверх первого, как изображение на прозрачном стекле. Среди осенних облаков возникли три луны, заснеженные горы и далёкие башни. Между домами пролетела огромная тень.

На крыше соседнего торгового центра появился дракон.

Красный, величественный и крайне раздражённый.

Он растопырил крылья, смахнув рекламный щит с надписью «Всё для свадьбы», и издал оглушительный рёв.

Рекламный щит рухнул прямо на директорский автомобиль.

Белобрысов побледнел.

— Я вам верю.

Тарас посмотрел вниз.

— Из-за дракона?

— Из-за машины.

Дракон вдохнул.

В глубине его пасти загорелось пламя.

Мира распахнула окно.

— Это не враг! Он пытается остановить соединение!

— Каким образом? — спросил Эраст.

Дракон выпустил огненную струю.

Пламя ударило в воздух над институтом. Второе небо дрогнуло, покрылось трещинами и на несколько секунд ста-

ло бледнее.

— Вот таким, — ответила Мира.

В городе завывли сигнализации. На улице остановилось движение. Люди снимали дракона на телефоны, потому что современный человек при встрече с невозможным прежде всего проверяет, достаточно ли у него памяти.

Директор схватился за голову:

— Что делать?

Все посмотрели на Эраста.

— Почему вы смотрите на меня?

— Вы его обнаружили, — сказал Белобрысов. — Следовательно, вы ответственный.

— Я обнаружил шкаф.

— Дракон появился из шкафа.

— Дракон появился из другого мира.

— Который находился в шкафу.

— Это грубое упрощение причинно-следственных связей.

— Эраст, — сказал Тарас, — потом поспорите. Что делаем сейчас?

Кунилин посмотрел на металлическую пластину.

На ней появилась карта города. В одном месте, примерно в пяти километрах от института, пульсировала золотая точка.

Эраст увеличил изображение.

— Врата переместились.

— Куда? — спросила Мира.

Он узнал адрес.

— В Центральный дворец бракосочетаний.

Все замолчали.

Тарас первым нарушил тишину:

— Начинается.

Мира нахмурилась:

— Что?

Он указал на пророчество:

— Самая сложная часть задания.

На пластине появилась новая строка:

ДО ПЕРВОЙ СВАДЬБЫ:

1 ЧАС 17 МИНУТ

Белобрысов перевёл взгляд с надписи на трёхлунное небо.

— Чьей свадьбы?

Ответ пришёл из директорского телефона.

Раздался торжественный марш Мендельсона.

Экран включился сам собой. На нём возникло лицо будущего Тараса. Изображение покрывали помехи.

— Если видите эту запись, — сказал он, — значит, я не смог вас остановить. Не позволяйте провести церемонию. Жених — не человек. Невеста — не знает, что она дракон. А свидетель...

Изображение задёргалось.

— Кто свидетель? — крикнул Тарас.

Будущий Тюлькин посмотрел прямо на него.

— Ты.

Связь оборвалась.

Тарас Ананиевич вздохнул:

— Никогда не любил свадьбы.

Эраст спрятал пластину во внутренний карман.

— Едем.

— Куда? — спросил директор.

— Спасать мир.

— А заявление на служебную поездку?

Эраст остановился.

На его лице отразилась мучительная борьба долга и установленного порядка.

Валентина Сергеевна достала из папки бланк:

— Я уже подготовила.

Кунилин с благодарностью посмотрел на неё.

Мир ещё можно было спасти.

Глава 4

Невеста имеет право передумать

Служебная машина института заводилась с третьей попытки. В обычные дни это считалось недостатком, но теперь Эраст Акакиевич усмотрел в происходящем обнадеживающее постоянство.

Мир трещал, по небу летал дракон, из будущего поступали противоречивые распоряжения, а двигатель по-прежнему требовал, чтобы с ним сначала поговорили.

— Давай, родная, — сказал Тарас, поворачивая ключ. Мотор кашлянул.

— Он мужского рода, — заметил Эраст.

— Вот поэтому у тебя ничего и не заводится.

С заднего сиденья Мира наблюдала за приборной панелью. Плащ она сняла: серебристая ткань привлекала внимание. Валентина Сергеевна одолжила ей тёмное пальто, тётя Зина вручила пакет с пирожками, а охранник института предложил резиновую дубинку.

От дубинки Мира отказалась.

От пирожков — нет.

— Вы управляете повозкой, заключив молнию в ящик? — спросила она.

— В основном сжигаем остатки древних организмов, — ответил Эраст.

Мира посмотрела на него.

— И мой мир вы считаете варварским?

Двигатель наконец заработал.

Они выехали со двора через служебные ворота. На соседней улице выла сирена. Над торговым центром медленно кружил дракон, разрывая огнём бледные швы второго неба. Издалека казалось, что кто-то пытается выжечь пятно на огромной занавеске.

Тарас перестал улыбаться.

На остановке стояла женщина с ребёнком. Мальчик вытянул руку к небу, восторженно что-то говорил. Женщина

прижимала его к себе и смотрела по сторонам, не понимая, куда бежать.

Тарас остановил машину.

— В метро идите! — крикнул он через открытое окно. — Под землю!

Женщина кивнула и потянула сына к переходу.

— Откуда ты знаешь, что под землёй безопаснее? — спросил Эраст.

— Не знаю.

Он дождался, пока они скроются на лестнице, и только тогда тронулся.

Несколько кварталов ехали молча.

Потом Мира наклонилась между передними сиденьями:

— Мне нужно кое-что сказать.

— Если опять про конец света, мы уже в курсе, — отозвался Тарас.

— Я узнала знак на пластине.

Эраст повернулся.

— Когда?

— Ещё в вашем кабинете.

— И решили сообщить сейчас?

— Тогда я не знала, можно ли вам доверять.

— В отличие от ситуации, когда вы истекали кровью на моём столе, а мы оказывали вам помощь?

Мира сжала губы.

— Меня учили, что за помощь всегда требуют плату.

Тарас посмотрел на неё в зеркало.

— Кто учил?

— Люди, которым я верила.

Он ничего не сказал.

Это оказалось хуже упрёка.

Мира опустила глаза на свои руки.

— На пластине знак Переходного двора. Там хранились договоры между людьми и драконами. Клятвы, разрешения на переход, соглашения о защите. Моя мать служила при дворе хранительницей печатей.

— Значит, вы можете прочесть надпись?

— Часть. Слова узнаю. Но в старом языке один знак меняет значение в зависимости от того, что стоит перед ним. Ваш переводчик разбил строку в неправильном месте.

Эраст медленно вытащил пластину.

— Какую строку?

— О союзе.

— О браке?

— Возможно.

Тарас ударил ладонью по рулю.

— Вот! Я сразу почувствовал, что нас пытаются ограничить без достаточных оснований.

— Не радуйся, — сказала Мира. — Союзы у нас опаснее свадеб.

Она прикоснулась к нижнему краю пластины. По металлу пробежала золотая искра.

На мгновение под картой проступили два кольца, соединённые вертикальной чертой.

— Это печать согласия, — сказала Мира. — Её ставят там, где одна сторона добровольно передаёт другой право говорить от своего имени.

— Доверенность, — перевёл Эраст.

— Иногда. Иногда — пожизненное служение. Иногда — право управлять вратами.

Тарас свернул на боковую улицу.

— А при чём здесь свадьба?

— Не знаю. Но если та женщина действительно дракон, её согласие может открыть гораздо больше, чем дверь.

Эраст всмотрелся в карту.

Золотая точка пульсировала над зданием дворца бракосочетаний.

До церемонии оставалось пятьдесят две минуты.

— Необходимо уточнить ещё одно обстоятельство, — сказал он. — В кабинете пластина исчезла. В подвале она опять оказалась у меня в руках.

— Ты её подобрал, — напомнил Тарас.

— Не помню.

— На лестнице. Я светил под ноги, ты остановился. Сказал: «Нельзя разбрасывать доказательства».

Эраст вспомнил металлический блеск на ступени. В тот момент он смотрел в чёрный проём и почти машинально сунул находку под мышку.

— Кто-то положил её на нашем пути, — произнёс он.

— Будущий я?

— Возможно.

— Он вообще много успел.

— Или кто-то очень старается, чтобы мы так считали.

Мира подняла голову.

Впервые за всё время Эрасту показалось, что они поняли друг друга.

Дворец бракосочетаний стоял в глубине небольшого сквера. Кремовые стены, широкие ступени, колонны, у которых даже осенью фотографировались так, будто снег и ипотека не существовали.

У входа толпились гости.

Невысокий мужчина в бордовом костюме убеждал фотографа снять его ещё раз, но «чтобы без лица прошлого мужа». Две пожилые женщины спорили, кому достанется свадебный каравай. Курьер с коробкой белых голубей разговаривал по телефону:

— Нет, дракона в заказе не было. Я за чужую птицу не отвечаю.

Здесь тоже видели второе небо. Одни гости нервно поглядывали вверх, другие решили, что это какое-то городское представление. Человек в бордовом костюме уже выяснял, можно ли включить дракона в стоимость видеосъёмки.

Тарас припарковался у служебного входа.

— План? — спросил он.

— Находим невесту, разговариваем, устанавливаем обстоятельства, — ответил Эраст.

— А жених?

— С ним после. Пока мы располагаем только свидетельством человека, который выглядел как ты.

— Обижаешь.

— Я бы и твоему свидетельству не доверял без проверки.

В дверях их встретила женщина с короткой стрижкой, в строгом синем платье. На груди у неё висел бейдж: «Лариса Викторовна. Администратор».

Она посмотрела на Тараса и облегчённо выдохнула.

— Наконец-то!

Эраст незаметно положил ладонь другу на локоть.

— Вы его знаете?

— Конечно. Вы же свидетель?

— В широком смысле, — осторожно ответил Тарас.

— Денис Андреевич вас уже два раза спрашивал. Пройдите в малую гостиную. И пожалуйста, больше не переставляйте мебель.

Тарас открыл рот.

Эраст сжал его локоть сильнее.

— А когда он переставлял мебель?

Администратор нахмурилась.

— Сегодня утром. Сказал, что стол стоит на линии... чего-то там. Энергетического. Я не запомнила.

— И как он выглядел?

— Как сейчас. Только уставший.

Мира шагнула ближе.

— Правая рука?

— Что — рука?

— Не заметили ничего необычного?

Лариса Викторовна сдержанно вздохнула.

— За пятнадцать лет здесь перестаёшь замечать необычное. В прошлую субботу жених приехал на верблюде. Сегодня хотя бы все пешком.

Из глубины коридора позвали:

— Лариса Викторовна! У нас буквы на табличке меняются!

Администратор закрыла глаза.

— Я просила не подключать декоративную подсветку через удлинитель.

Она ушла.

Тарас дождался, когда стук каблуков стихнет.

— Значит, он здесь был.

— Кто-то здесь был, — поправил Эраст.

— У тебя даже ко мне из будущего претензии.

— Особенно к тебе из будущего. У него больше времени на подготовку.

На стене висела табличка «Малая гостиная».

Пока они смотрели, золотые буквы потускнели. Сквозь них проступило другое название, незнакомое глазу, но почему-то понятное:

«ПРИЁМНАЯ СТОРОНЫ, ПЕРЕДАЮЩЕЙ ИМЯ».

Мира побледнела.

— Мы опоздали к началу.

— До церемонии сорок минут, — сказал Эраст.

— Я не о церемонии.

Она взялась за ручку.

Эраст мягко остановил её.

— Сначала постучим.

— Там может быть ловушка.

— Тем более. Не следует входить в чужую ловушку невежливо.

Он постучал.

— Да? — ответил женский голос.

В небольшой светлой комнате перед зеркалом сидела невеста.

Ей было около сорока. Тёмно-русые волосы собраны низко, без сложной конструкции, которую обычно приходится поддерживать и лаком, и надеждой. Платье тоже было простым: молочный шёлк, длинные рукава, тонкий пояс. На стуле лежало пальто, под ним виднелись удобные ботинки.

Невеста держала бумажный стаканчик с водой.

На подоконнике стоял букет. Несколько белых роз потемнели по краям, словно их поднесли слишком близко к свече.

— Если вы от Дениса, — сказала она, — передайте, что я выйду через десять минут.

— Мы не от Дениса, — ответил Эраст.

Она посмотрела на Тараса.

— А вы передумали?

— Насчёт чего?

— Вы же сами просили не слушать вас, когда вернётесь.

Тарас сел на ближайший стул.

— Вот за это я себя и недолюбливаю.

Невеста прищурилась.

— Утром вы были седее.

— Выспался, — сказал он и тут же пожалел.

Женщина поставила стаканчик.

— Хорошо. Давайте заново. Кто вы?

Эраст представился. Назвал Тараса. Потом Миру.

— Ваша церемония, вероятно, связана с опасным явлением, которое сейчас наблюдается в городе. Нам необходимо задать вам несколько вопросов.

— Вы полиция?

— Нет.

— Врачи?

— Тоже нет.

— Тогда почему я должна с вами разговаривать?

Эраст замолчал.

Ответа, который имел бы право требовать доверия, у него не было.

— Не должны, — сказал он наконец. — Но мы просим.

Невеста посмотрела на него внимательнее.

— Вера Павловна Ладова, — представилась она. — Ре-

ставратор. И если вы собрались спрашивать, давно ли я слышу голоса, то с утра. До сегодняшнего дня меня вполне устраивало отсутствие этой способности.

Мира подошла к потемневшим розам.

— Что вы слышите?

— Как будто кто-то зовёт с другого конца вокзала. Имя не моё. Но я почему-то знаю, что обращаются ко мне.

— Какое имя?

Вера покачала головой.

— Не могу повторить.

— Попробуйте.

— Нет, — вмешался Эраст.

Мира обернулась.

— Нам нужно...

— Нам уже дважды посоветовали осторожно обращаться с именами. Не будем выяснять их опытным путём.

Вера протянула к нему руку.

— Дайте вашу.

Он замешкался.

— Зачем?

— Пожалуйста.

Её пальцы были горячими. Не лихорадочно-влажными, а сухими, будто она только что держала чашку крепкого чая.

— Чувствуете? — спросила Вера. — Я с утра такая. Термометр показывает тридцать шесть и шесть. Второй тоже. А дверную ручку в машине я расплавила.

Она отпустила его руку.

Эраст обнаружил, что не отдёрнул свою, хотя следовало бы. Просто стоял и смотрел на её пальцы: на маленький шрам у большого пальца, на след клея под ногтем, который не удалось отмыть перед свадьбой.

Рабочие руки, подумал он.

Эта мысль почему-то успокоила его больше всех объяснений.

— Вы давно знаете жениха? — спросил он.

— Восемь месяцев.

— Где познакомились?

— Он принёс на реставрацию семейную шкатулку.

— Деревянную?

Вера подняла глаза.

— Дубовую. А что?

Эраст и Тарас переглянулись.

— На ней были знаки? — спросила Мира.

— Под обивкой. Я решила, что это клейма мастерской. Денис сказал, что вещь очень старая и принадлежала его матери.

— Шкатулка с вами?

Вера достала из сумки плоский бархатный футляр.

Внутри лежали два кольца.

Узкие, светло-золотые. По внешнему ободу шёл узор — настолько тонкий, что Эраст сначала принял его за царапины.

Мира отступила от стола.

— Не надевайте.

Вера закрыла футляр.

— Почему?

— Это не украшения.

— А что?

Мира посмотрела на Эраста, словно предлагая ему решить, сколько правды сейчас выдержит человек в свадебном платье.

Он не стал решать за Веру.

— Мы подозреваем, что ваш жених намерен использовать церемонию, чтобы получить над вами власть.

Вера долго молчала.

Потом спросила:

— Надо мной или над тем, что со мной происходит?

Вопрос был слишком точным.

— Вы уже думали об этом? — тихо сказал Эраст.

Она посмотрела на закрытый футляр.

— Денис последние недели всё чаще говорил, что после свадьбы мне станет легче. Что я перестану бояться снов. Что он всё возьмёт на себя.

— Какие сны?

— Небо. Я лечу. Иногда вижу море, которого нет ни на одной карте. Иногда... детей.

Голос её дрогнул.

— Не человеческих. И знаю, что должна кого-то согреть.

Просыпаюсь, а подушка обуглена.

Тарас перестал вертеть в руках футляр с запасными очками Эраста.

Вера усмехнулась, но улыбка получилась усталой.

— Обычная предсвадебная нервозность, правда?

Мира присела перед ней.

Теперь они оказались почти одного роста.

— Я не знаю, кто вы, — сказала она. — Но человек, которому вы дороги, не должен требовать вашей беспомощности в обмен на заботу.

В коридоре заиграла музыка.

Кто-то засмеялся.

Совсем рядом продолжался обычный день, в котором женщины поправляли мужчинам галстуки, родители волновались и фотограф просил всех отойти на шаг левее.

Вера посмотрела на дверь.

— А если я просто скажу, что свадьбы не будет?

— Это было бы разумно, — ответил Эраст.

— И он отпустит меня?

— Не знаю.

— Спасибо, что не врёте.

Она поднялась.

Подол зацепился за ножку стула. Эраст сразу наклонился, освободил тонкую ткань и отступил, чтобы не мешать.

Вера заметила это движение.

— Вы всегда такой осторожный?

— Не всегда. Сегодня уже ударил неизвестное существо дыроколом.

— За что?

— Оно пыталось убить Тараса.

Она посмотрела на Тюлькина.

— Утром я бы поняла существо.

В дверь постучали.

Не дожидаясь ответа, вошёл жених.

Он был красив той спокойной, выверенной красотой, которая не требует хорошего освещения. Серый костюм, белая рубашка, узкий галстук. На вид — ровесник Веры, может быть, немного моложе. В руках — небольшой букет ландышей, совершенно неуместных в октябре.

— Вера, нас уже...

Он увидел гостей.

Взгляд остановился на Тарасе, потом переместился к Ми-ре.

Улыбка сохранилась.

Глаза — нет.

— Как приятно, что все собрались.

Эраст сделал шаг в сторону, оставляя Вере свободный путь к двери.

— Денис Андреевич?

— Да.

— Кунилин Эраст Акакиевич.

— Я знаю.

— Откуда?

Жених чуть склонил голову.

— Сегодня все откуда-то всё знают. Трудный день.

Вера взяла со стула пальто.

— Денис, я не пойду в зал.

Он не шелохнулся.

— Ты волнуешься.

— Да. Поэтому не пойду.

— Мы обсуждали это.

— Я не обсуждаю. Я говорю.

Жених перевёл взгляд на Эраста.

— Что вы ей сказали?

— Сейчас говорит она, — ответил Кунилин.

В комнате стало тихо.

Ландыши в руках Дениса покрылись тонким инеем.

— Вера, — произнёс он уже другим голосом. — Мы не можем отменить соединение.

— Свадьбу, — поправила она.

— Это одно и то же.

— Для тебя, видимо.

Денис осторожно положил букет на стол.

— Я хотел, чтобы ты вошла в него добровольно.

— Куда?

— В то, чем была всегда.

Мира вытянула меч.

Эраст впервые заметил, как медленно она поднимает ра-

неную руку.

Денис даже не посмотрел на клинок.

— Вы привели сюда хранительницу печати, носителя ключа и свидетеля из исходного мира. Благодарю. Признать-ся, я рассчитывал только на последнего.

Тарас встал.

— День благодарностей заканчивается. От двери отойди.

— Ты уже это говорил.

— Значит, запоминается.

Денис поднял правую руку.

Под кожей запястья что-то повернулось.

Раздался тихий щелчок.

Из-под манжеты вытянулась серебряная нить и легла поперёк дверного проёма.

За ней коридор поблек.

Музыка сделалась далёкой.

Люди по ту сторону продолжали двигаться, но теперь слишком медленно, словно шли по дну прозрачного озера.

— Церемония началась, — сказал Денис.

Вера посмотрела на него.

И впервые за всё время её лицо стало совершенно спокойным.

— Тогда запомни ответ заранее.

Она сняла с пальца помолвочное кольцо и положила рядом с ландышами.

— Нет.

Глава 5

Торжественная регистрация отказа

Кольцо треснуло.

Звук получился негромкий, почти домашний — как если бы лопнула тонкая чайная чашка.

Денис посмотрел вниз.

На его идеально выбритом подбородке появилась тёмная полоска. Она поползла к уху, раскрылась, и под человеческой кожей блеснул серебристый каркас.

Тарас вытащил оружие из будущего.

Эраст схватил его за запястье.

— За ним люди.

— Я вижу.

— Ты не знаешь, куда полетит эта штука после него.

Тарас выругался и опустил ствол.

Денис поднял на Вера глаза.

Теперь один из них светился ровным белым светом.

— Отказ получен до завершения процедуры, — произнёс он. — Включён порядок принудительного сопровождения.

— Вот и познакомились, — сказала Вера.

Стол отъехал от стены.

Сам.

Под ковром проступила окружность, пересечённая четырьмя линиями. По ней побежали знакомые Эрасту знаки. Такие же были на пластине.

Мира шагнула на одну из линий и прижала к ней клинок.

Раздался треск.

— За мной! — крикнула она.

Эраст потянул Веру к окну. Тарас подхватил тяжёлый стул.

Денис двинулся первым.

Быстро — слишком быстро для человека в узких брюках.

Серебряная нить сорвалась с дверного проёма и хлестнула по столу. Столешница разделилась надвое. Бархатный футляр с кольцами упал на ковёр.

Тарас швырнул стул.

Жених отбил его предплечьем.

Стул развалился, но выигранной секунды хватило: Мира взмахнула мечом и перерубила нить у самой руки.

На этот раз Денис отступил.

Из рассечённого запястья высыпались крошечные белые искры.

— Не стойте на рисунке! — крикнула Мира.

Круг под ковром налился золотом.

Эраст посмотрел под ноги.

Тонкая линия уже ползла к туфле Веры.

Он подхватил её под локоть и помог взобраться на широкий подоконник.

— Что дальше? — спросила она.

За стеклом был второй этаж. Внизу — каменные плиты.

— Пока останемся здесь, — сказал Эраст.

— План короткий.

— Зато выполнимый.

Вера вдруг рассмеялась.

Коротко, нервно, прикрыв рот ладонью.

— Простите. Мне говорили, что свадьбу я запомню навсегда.

Денис снова поднял руку.

Мира встретила его клинком, но на этот раз он не стал отступать. Лезвие вошло ему в плечо. Раздался скрежет.

Жених зажал меч внутри собственного тела.

Левой рукой схватил Миру за горло.

Тарас бросился к ним, ударил его в локоть — без толку. Будто стукнул молотком по рельсу.

Лицо Миры побелело.

Эрастоглянулся.

Окно. Стол. Розы. Разбитый стул. Настенная тревожная кнопка у двери, до которой не добраться.

И графин с водой.

— Тарас!

Он швырнул графин.

Друг поймал его почти у пола.

Понял.

Вылил воду в рассечённое плечо жениха.

Ничего не случилось.

Денис повернул к нему лицо.

— Изоляция соответствует...

Тарас ударил его графином в открывшийся серебряный

глаз.

Графин оказался тяжёлым, советским, из того стекла, которому не доверяли только самые осторожные хозяйки.

Денис отпустил Миру.

Она упала на колени, закашлялась и сразу потянула меч на себя.

Клинок вышел из плеча.

Эраст спрыгнул с подоконника, схватил её за ворот пальто и оттащил из круга.

— Можешь дышать?

Она кивнула.

— Тогда пока не геройствуй.

Денис стоял посреди комнаты.

Голова его была наклонена под неправильным углом. Разбитый глаз искрил.

— Повреждение оболочки, — сообщил он.

— Мы заметили, — сказал Тарас, перехватывая горлышко графина.

От двери донёсся стук.

— У вас всё хорошо? — спросила Лариса Викторовна.

Все замерли.

— Нет! — хором ответили трое.

— А что случилось?

Денис повернулся к двери.

Эраст увидел, как шевельнулась оставшаяся серебряная нить.

— Не открывайте! — крикнул он.

Но администратор уже нажала ручку.

Дверь ударилась о невидимую преграду и остановилась.

Лариса Викторовна заглянула в щель.

Увидела разбитую мебель, женщину на подоконнике, мужчину с графином и жениха, у которого сквозь щёку светился металл.

Помолчала.

— Значит, фотосессию переносим, — сказала она.

После обнаружения четвёртого участника круг под ковром вспыхнул ярче.

В воздухе над ним возникли слова:

СТОРОНА ПЕРЕДАЮЩАЯ: ПРИСУТСТВУЕТ

СТОРОНА ПРИНИМАЮЩАЯ: ПОВРЕЖДЕНА

СВИДЕТЕЛЬ: ПОДТВЕРЖДЁН

РЕГИСТРАТОР: ОЖИДАЕТСЯ

Эраст прочитал дважды.

Потом посмотрел на администратора.

— Уйдите от двери. Сейчас же.

Лариса Викторовна не стала спорить. Шаги быстро удалились.

Строка «РЕГИСТРАТОР» погасла.

Денис повернул голову к Эрасту.

— Препятствование процедуре увеличивает риск разрушения границы.

— А ваше вмешательство его уменьшает?

— Передача под защиту Белого города обеспечивает сохранность носителя.

— Носителя чего?

— Недоступный уровень допуска.

— Удобный у вас разговор, — сказал Эраст. — Где нужно — угроза, где неудобно — секретность.

Вера спустилась с подоконника на стул, который успел подставить ей Тарас.

— Ты собирался увезти меня? — спросила она.

Денис посмотрел на неё.

Лицо уже не могло выражать нежность. Но голос попытался.

— Там тебе не будет больно.

— А здесь мне было хорошо.

— Здесь ты нестабильна.

— Здесь я жила.

Он не ответил.

Вера взяла лежавшее на стуле пальто.

Пальцы дрожали, и она никак не попадала рукой в рукав.

Эраст помог.

Неловко, стараясь не коснуться обнажённой шеи.

Она тихо поблагодарила.

И это маленькое движение — надеть пальто поверх сва-

дебного платья — окончательно разрушило что-то в комнате.

Денис дёрнулся.

— Возврат добровольного согласия обязателен.

— Она отказалась, — сказал Эраст.

— Согласие было дано ранее.

— На брак с человеком по имени Денис. Не на передачу неизвестному механизму.

— Различие несущественно.

— Для механизма — возможно.

Кунилин вынул пластину.

Она нагрелась так сильно, что пришлось держать её через носовой платок.

Поверх карты теперь светилося то же изображение, что над кругом. Но внизу, под четырьмя строками, виднелась пятая:

ОСНОВАНИЕ: СОГЛАСИЕ СТОРОНЫ

Эраст провёл пальцем по слову.

Оно увеличилось.

Под ним открылось ещё несколько строк — мелких, плотно сжатых.

— Мира. Это можно прочесть?

Она подошла, придерживая раненое плечо.

— «Согласие, данное...» — начала она. — Здесь знак лица. Нет, облика. «В пределах объявленного облика и намерения».

Эраст посмотрел на Дениса.

— Вы сообщили ей свой настоящий облик?

Молчание.

— Намерение?

Повреждённый глаз заискрил сильнее.

На пластине появилось:

ПРОВЕРКА ОСНОВАНИЯ

Тарас медленно опустил графин.

— Ты что, споришь с ним по инструкции?

— Наконец-то нашёлся язык, который здесь понимают.

Вера шагнула к границе круга.

— Он говорил, что преподаёт историю архитектуры. Что живёт один. Что хочет поехать со мной к морю.

Последние слова дались ей тяжелее остальных.

Над кругом мигнуло:

ЗАЯВЛЕНИЕ СТОРОНЫ ПРИНЯТО

Денис протянул руку.

— Вера...

Она отступила.

— Ты хоть что-нибудь говорил мне правду?

В комнате стало совсем тихо.

Даже Мира опустила меч.

Денис смотрел на невесту уцелевшим глазом.

Долго.

Потом ответил:

— У моря тебе действительно стало бы легче.

Вера отвернулась.

Эраст почувствовал злость. Не острую, боевую, которая заставляет хвататься за оружие, а холодную и вполне определённую.

Он подошёл к краю круга.

— Свидетель может подтвердить обман?

Надпись изменилась.

СВИДЕТЕЛЬ МОЖЕТ ОСПОРИТЬ ОСНОВАНИЕ

— Тарас.

Тюлькин выпрямился.

— Подтверждаю. Он прикидывался человеком. И до сих пор плохо получается.

Золотой круг погас наполовину.

В воздухе прозвучал ровный женский голос:

— Требуется фиксация отказа уполномоченным хранителем.

Все посмотрели на Миру.

Она стояла неподвижно.

— Ты ведь хранительница, — сказал Тарас.

— Была.

— Когда перестала?

Мира оттянула ворот чужого пальто.

Под ключицей виднелся маленький знак — будто ожог в виде разомкнутого кольца.

— Когда отказалась заверить один договор.

— Какой?

Она посмотрела на Веру.

— Похожий.

Эраст понял, почему она узнала печать. И почему не хотела рассказывать.

— Вас лишили должности?

— Имени при дворе. Права носить знак. Защиты.

— Но умеете вы по-прежнему?

Мира медленно кивнула.

— Тогда действуйте.

— Без признания печати меня могут...

— Признание обеспечим, — сказал Эраст. — У нас чрезвычайные обстоятельства.

Тарас взял её за здоровую руку.

Ничего не добавил.

На этот раз Мира не отстранилась.

Она подошла к кругу и опустилась на одно колено.

Ладонь легла на погасшую линию.

Знак под ключицей вспыхнул сквозь ткань.

Мира вскрикнула.

Тарас дёрнулся к ней, но она подняла свободную руку.

— Стой.

Затем заговорила.

Сначала по-русски.

Потом её слова стали другими.

Эраст слышал незнакомые звуки, но понимал их смысл: никто не может отдать чужую волю; никто не может получить

согласие, скрыв намерение; отказ не требует оправдания.

Денис сделал шаг.

Тарас поднял оружие, направив его теперь в пол перед жё-
нихом.

— Ещё один — и я всё-таки начну разбираться с кнопка-
ми.

Денис остановился.

Мира закончила.

На пластине появилась строка:

ОСНОВАНИЕ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНО

ПЕРЕДАЧА ОТКЛОНЕНА

Оба кольца рассыпались в футляре золотой пылью.

Денис пошатнулся.

Из-под костюма послышался протяжный скрип. Чело-
веческая оболочка потускнела, стала серой. Он попытался под-
нять руку — и не смог.

— Защита носителя... — произнёс он.

Вера смотрела прямо на него.

— Не смей больше так меня называть.

Свет в его глазу погас.

Жених опустился на колени, затем медленно завалился
набок.

Тарас отступил, прижимая графин к груди.

— Ну вот, — сказал он после долгой паузы. — До банкета
не дотянул.

Никто не рассмеялся.

Он и не рассчитывал.

Просто тишина была такой, что её требовалось чем-нибудь разрезать.

Дверь открылась свободно.

В коридоре снова зазвучала музыка, кто-то громко попросил принести воды. Время вернулось к обычной скорости.

Лариса Викторовна стояла у стены с телефоном.

— Полицию вызвала. Скорую тоже.

— Правильно, — сказал Эраст.

— А пожарных?

В этот момент из-под подола Вериного платья поднялся тонкий дымок.

Администратор посмотрела вниз.

— Пожарных тоже, — решила она.

Вера прижала ладонь к груди.

— Мне жарко.

На её висках проступил золотистый узор.

Мира осторожно коснулась её запястья.

— Не бойтесь.

— Очень своевременный совет.

— Что вы видите?

Вера закрыла глаза.

Под ними дрогнули ресницы.

— Воду. Чёрную. Камни... Нет, не камни.

Она резко вдохнула.

— Яйца.

Где-то над зданием заревел дракон.

На этот раз Вера ответила.

Не словами.

Из её груди вырвался низкий, глубокий звук, от которого в коридоре задрезжали люстры.

Она зажала рот обеими руками.

— Это я?

Тарас осторожно поставил графин на пол.

— Если что, вышло убедительно.

Пластина в руках Эраста вспыхнула.

Карта исчезла.

На её месте открылось изображение старой дубовой двери.

За стеной малой гостиной что-то тяжело сдвинулось.

Отклеился угол обоев.

Проступила древесина.

Эраст посмотрел на знакомую резную планку.

— Шкаф.

— Он нас преследует? — спросил Тарас.

Мира покачала головой.

— Он приходит туда, где его может открыть хранитель перехода.

Все посмотрели на Веру.

Она стояла в свадебном платье, чужом пальто и держала в руке один удобный ботинок. Второй всё ещё лежал под сту-

лом.

— Даже не предлагайте мне сейчас спасти кого-нибудь ещё, — сказала она. — Я сначала переобуюсь.

Эраст молча достал второй ботинок.

Пока она меняла обувь, он заслонил её от любопытных взглядов из коридора.

Снаружи уже приближались сирены.

Дверца шкафа приоткрылась.

Из щели потянуло прохладной водой, дымом и свежим хлебом.

По ту сторону кто-то несколько раз ударил в колокол.

Мира напряглась.

— Это сбор.

— Праздник? — спросил Тарас без особой надежды.

— Осада.

Вера затянула шнурок и выпрямилась.

— Там люди?

Мира кивнула.

— Много.

Вера посмотрела на неподвижное тело Дениса, потом на тёмную щель между дверцами.

— Я всю жизнь думала, что мне снится чужой дом.

Она шагнула к шкафу.

Эраст встал рядом.

— Вы не обязаны идти только потому, что кто-то вас зовёт.

— Знаю.

Она посмотрела на него и слабо улыбнулась.

— Мне только что объяснили.

Дверца открылась шире.

За ней начиналась мощёная улица. Над черепичными крышами плыл чёрный дым. Вдалеке, на стене крепости, горели башни.

Но прямо перед проходом стояла круглая женщина в запылённом переднике. Она держала корзину хлеба и смотрела на пришедших без всякого удивления.

Сначала на Миру.

Потом на Тараса.

Потом на Веру в свадебном платье.

— Так, — сказала она. — Эту хоть не похитили?

Вера устало поправила пальто.

— Нет. Эта сама ушла.

Женщина одобрительно кивнула и посторонилась.

— Тогда заходите. Суп ещё тёплый.

Глава 6

Дом, в котором сначала кормят

Первое, что сделал Эраст Акакиевич в осаждённом городе, — придержал дверь.

По ту сторону осталась Лариса Викторовна. Она стояла среди разбитой мебели, свадебных цветов и обломков чело- века, который восемь месяцев изображал преподавателя ис-

тории архитектуры.

— Назад сможете? — спросила она.

— Пока не знаю.

— А мне что говорить полиции?

Эраст задумался.

За его спиной ударил колокол. Где-то закричали. По мостовой застучали колёса.

— Правду, — сказал он. — И сохраните записи с камер. Особенно утренние.

Администратор посмотрела на лежавшее тело.

— Правду они не любят.

— Тогда начните с повреждения имущества.

Это было понятно. Лариса Викторовна кивнула.

Тарас высунулся из-за плеча друга:

— И в институт позвоните. Скажите Валентине Сергеевне, что мы живы.

— Все?

Он оглянулся на Веру.

— Даже больше, чем выехало.

Деревянная рама тихо затрещала. Вид коридора подёрнулся рябью.

Эраст убрал руку.

Дверь закрылась, и вместо резного шкафа перед ними оказалась обычная калитка в каменной ограде.

Тарас осторожно потянул за кольцо.

За калиткой лежали поленья.

— Всё, — сказал он.

Мира подняла голову к небу.

— До следующего открытия.

— Когда?

— Не знаю.

Эраст достал телефон.

Связи не было.

На экране оставалось непрочитанное сообщение от Валентины Сергеевны: «Аванс не выдавался. Чеки сохраняйте».

Он посмотрел на чужую улицу, медленно убрал телефон и впервые за день ощутил не удивление, не раздражение, а вполне обыкновенный страх.

До этой минуты их мир оставался рядом: за дверцей, за стеклом, за спиной. Теперь вернуться в него нельзя было даже пешком.

Женщина с корзиной ждала.

— Мира, кто эти люди?

— Со мной, тётя Дара.

— Это я поняла. Почему один без пальто, второй с железкой, а третья со свадьбы?

— Долгая история.

— Значит, суп успеет остыть. Пошли.

Она повернулась и зашагала к дому с низкой черепичной крышей.

Тарас посмотрел на Миру:

— Родственница?

— Нет.

— Почему тётя?

— Потому что если назвать её госпожой, она решит, что тебе нужны деньги.

Город назывался Ладен.

Он стоял на склоне над рекой, и почти все улицы здесь либо поднимались, либо спускались. Дома теснились боками, между ними тянулись верёвки с бельём. Над дверями висели деревянные вывески: сапог, связка ключей, рыба с неприветливым человеческим лицом.

На перекрёстке четверо мужчин разбирали телегу на доски. Женщина в кожаном фартуке вынимала стёкла из окна мастерской и заворачивала их в мешковину. Двое подростков катили бочку, споря, кто толкает сильнее.

Люди не метались и не смотрели всё время на стены.

Именно это показалось Эрасту страшным.

Они знали, что делать.

Война уже успела стать порядком вещей.

На углу сидел мальчик лет восьми. Он держал на коленях рыжего кота и старательно запихивал ему в ухо маленький кусочек ткани.

— Ты что делаешь? — остановился Тарас.

— Чтобы не пугался.

Над крышами прогрохотало. Кот дёрнулся.

— Он без этого пугается меньше, — сказал Тарас. — Луч-

ше под куртку его. Только нос наружу.

Мальчик недоверчиво посмотрел на незнакомца.

— У тебя есть кот?

— Был.

— Умер?

— Переехал к бывшей жене. Так что я не всё знаю.

Мальчик осторожно сунул кота за пазуху. Тот недовольно поворчал, но остался.

— Получилось.

Тарас кивнул и пошёл дальше.

Мира догнала его.

— Ты был женат?

— Был.

— И как?

— Сначала хорошо.

— А потом?

Он пожал плечами:

— Потом мы оба очень убедительно объяснили друг другу, кто виноват. Объясняли долго. Когда закончили, жить вместе уже не хотелось.

Мира ничего не ответила.

Тарас взглянул на неё.

— Не спрашиваешь, кто оказался прав?

— Вы оба остались одни. Какая разница?

Он некоторое время шёл молча.

— Слушай, — сказал наконец, — у вас все такие разго-

ворчивые или мне повезло?

Она едва заметно улыбнулась.

У тёти Дары пахло хлебом, мокрой шерстью и травами.

В большой комнате стояли три длинных стола. За одним ели дети, за другим лежали перевязанные люди, третий был заставлен мисками. Из кухни доносился глухой стук ножа.

Над очагом висели связки лука. На полке сохли кружки. Возле двери кто-то оставил один детский башмак.

Вера остановилась перед ним.

Простой башмак из мягкой коричневой кожи, с медной застёжкой. На носке — светлое пятно от старой починки.

Почему-то именно он сделал чужой мир настоящим.

Не дракон. Не три луны. Не меч.

Кто-то здесь вырос из обуви. Кто-то её чинил. Кто-то с утра искал вторую.

— Садитесь, — велела Дара.

— Мы не можем задерживаться, — начал Эраст. — У нас...

— Я вижу. У вас лицо серое.

— Оно от природы сдержанное.

Дара поставила перед ним миску.

Суп был густой, с перловкой, кореньями и настоящим мясом. Тарас попробовал, замер и посмотрел на Миру с укором.

— А ты нас рыбными котлетами пугала.

Вера взяла ложку, но рука дрожала так сильно, что она

положила её обратно.

Дара всё заметила.

Ничего не спросила.

Принесла большую кружку и перелила туда бульон.

— Двумя руками держи.

Вера послушалась.

Через минуту по её лицу потекли слёзы.

Она не всхлипывала, не закрывала лица. Просто сидела в свадебном платье и плакала над кружкой.

Эраст отвёл взгляд.

Тарас перестал есть.

Мира смотрела на огонь.

Дара придвинула к Вере блюдо с хлебом.

— Соль не добавляй, — сказала она. — Уже достаточно.

Вера коротко рассмеялась сквозь слёзы.

И смогла сделать следующий глоток.

Пока они ели, Мира рассказала то, что знала.

Ладен охранял Каменный мост — единственную широкую переправу через реку на много дней пути. Морайну нужен был мост: по нему могли пройти обозы, осадные машины и пленные, которых гнали с востока.

Первый приступ отбили три дня назад.

Второй — ночью.

К третьему ждали драконов.

— Они все ему подчиняются? — спросил Тарас.

— Нет. Только те, на кого удалось надеть узду.

— Настоящую?

Мира кивнула.

— Чёрные обручи у основания крыльев. В них запечатано чужое приказание. Дракон слышит его громче собственного разума.

Вера поставила кружку.

— Тот, над городом... над нашим городом. Он тоже?

— Не знаю. Я сначала решила, что это охотник Морайна. Но он бил по разрыву, не по людям.

— Значит, могла ошибиться?

— Да.

Мира произнесла это без оправданий.

Эраст отметил про себя. Признание ошибки стоило для него гораздо больше красивых заверений.

— А вы почему оказались возле нашего шкафа?

Девушка провела большим пальцем по краю миски.

— Искала проход в Переходный двор. Последний действующий хранитель ушёл туда до закрытия дорог. Ардейна. Если кто-то знает, как остановить разрыв, то она.

Имя ничего не сказал Эрасту.

Но пластина под его пиджаком на секунду согрелась.

— Где этот двор? — спросил он.

— За северными горами. Раньше туда вели трое врат. Теперь ни одни не отвечают.

— А Сердце?

— Там же. По крайней мере, так считала моя мать.

Дара сняла с очага котёл.

— Твоя мать считала, что до зимы войны не будет.

Мира опустила глаза.

— Знаю.

Тарас понял, что вопрос о матери лучше пока не задавать.

За окном протяжно загудело.

Ложки в комнате замерли.

Дара поставила котёл на пол.

Один из перевязанных мужчин попытался подняться, но женщина у его постели прижала его к матрасу.

Гул повторился.

— Западная башня, — сказала Мира.

В дверях появился рыжеволосый подросток, запыхавшийся настолько, что говорить пришлось по частям.

— Дара... смотритель... просит людей. Колесо встало. В нижнем убежище... дети.

Дара сняла передник.

Тарас уже поднялся.

— Какое колесо?

— Воздушное, — ответил мальчик. — Которое тянет.

— Где?

Мира шагнула вслед за ним.

— Тебе перевязку менять, — сказала Дара.

— Потом.

Тарас остановился.

— Нет. Сейчас.

— Я пойду с вами.

— Пойдёшь. После перевязки. У тебя пальто к плечу прилипло.

Мира хотела возразить, но он уже отвернулся к подростку:

— Показывай.

Эраст взял пластину и недоеденный кусок хлеба.

Вера поставила кружку.

— Я тоже.

— Вам бы отдохнуть, — осторожно сказал Кунилин.

Она посмотрела в сторону дверей.

— Там дети.

Он кивнул.

Больше возражать было нечего.

Нижнее убежище находилось под старой красильней.

По каменной лестнице они спустились в низкое помещение, где пахло влажным кирпичом. Вдоль стен стояли лавки. На них теснились женщины, старики, дети с узелками. Несколько человек кашляли.

В дальнем конце вращалось деревянное колесо.

Точнее, пыталось вращаться.

Каждые пол-оборота оно застревало и со стоном возвращалось назад. От него тянулся вал к двум большим кожаным мехам.

Возле механизма возился седой человек с красными руками.

— Мастер? — спросил он у Тараса.

— Сегодня, похоже, да.

— Втулка села. Надо поднимать вал, а людей мало. Всех наверх забрали.

Тарас присел.

Потрогал дерево. Посмотрел на тёмный желоб под колесом.

— Оно от воды работает?

— От воды.

— Почему вода почти не идёт?

— Верхний лоток перебило. Есть нижний приток. Но слабый.

Тюлькин выпрямился.

— Значит, дело не только во втулке.

Смотритель вытер лоб рукавом.

— Раньше хватало.

— Раньше здесь сколько человек сидело?

Тот не ответил.

Эраст оглядел зал.

Потом второй, видневшийся за аркой.

— Сколько выходов?

— Один.

— Воздушных каналов?

— Два. Верхний завалило после удара.

— Почему людей не выводят?

Смотритель раздражённо посмотрел на него.

— Потому что наверху камни падают.

Эраст кивнул.

Вопрос был правильным. Ответ тоже.

От этого легче не стало.

У стены закашлялась девочка.

Вера подошла, опустилась перед ней и расстегнула ворот маленького пальто.

— Как тебя зовут?

— Солька.

— А меня Вера. Давай сюда, поближе к лестнице.

— Мама сказала не уходить.

— Тогда я тоже здесь посижу.

Она села рядом.

Девочка прижалась к её руке.

— Ты тёплая.

Вера посмотрела на собственную ладонь.

Узор на висках почти исчез.

— Сегодня да.

Тарас вытащил из кармана складной нож.

— Нужны верёвка, два длинных бруса, жир и человек, который понимает, куда отсюда идёт воздух.

Смотритель впервые посмотрел на него с надеждой.

— Брусья есть.

— Уже богато живём.

Эраст снял пиджак.

Аккуратно сложил его на сухом выступе.

— Что делать мне?

Тарас указал на зал:

— Разберись, кого можно поднять выше. И чтобы на лестнице не давили друг друга. Здесь скоро жарко будет.

Кунилин кивнул.

Впервые за этот бесконечный день задача была совершенно понятной.

Не спасти мир.

Не расшифровать пророчество.

Освободить проход.

Иногда цивилизация начиналась именно с этого.

Глава 7

Маленькие работы перед большой войной

Через десять минут в нижнем убежище появилась очередь.

Никому это не понравилось.

Через пятнадцать минут очередь начала двигаться.

Ещё через пять все признали, что так удобнее.

Эраст поставил у лестницы двух подростков. Один считал выходящих, другой следил, чтобы наверх не несли узлы шире прохода. Детей поднимали вместе со взрослыми, а не отдельно: Кунилин быстро выяснил, что отделённый от матери ребёнок становится неподвижным препятствием, способным перекричать осадный колокол.

Дара встретила первую группу в красильне и повела в свой двор.

Нашлись люди, которые до сих пор сидели, потому что

никто не попросил их помочь. Один умел носить раненых, другая знала, у кого поблизости есть подвал с двумя выходами. Старик, которого все считали почти глухим, прекрасно расслышал слово «лестница» и сообщил, что за старым сушильным шкафом есть ещё одна.

Смотритель не поверил.

Старик обиделся.

— Я её закладывал.

— Зачем?

— Начальство приказало. Сказали, тянет.

Тарас, лежавший под валом, тихо выругался.

Эраст записал на обороте служебного заявления:

«Вторая лестница. За шкафом».

Потом посмотрел на слово «шкаф» и подчеркнул его дважды.

Механизм оказался простым, прочным и измученным чудскими улучшениями.

Первоначально водяное колесо приводило в движение только меха. Потом кто-то присоединил к тому же валу подъёмник для мешков. Позже — жернов для красителей. Потом прежний смотритель решил, что раз всё вращается, можно добавить ещё одну передачу.

— Кто это сделал? — спросил Тарас.

Нынешний смотритель пожал плечами.

— Умер.

— Давно?

— Десять лет назад.

— Повезло человеку.

Тарас снял лишний ремень, подложил брус под вал и позвал мужчин к рычагу.

— На три. Раз. Два...

Они нажали раньше.

Вал поднялся.

— Тоже метод, — сказал он.

Мира, уже с новой повязкой, просунула подшипник из твёрдого чёрного дерева на место.

— Теперь?

— Держите.

Тарас выскреб старую смазку, пахнувшую так, будто её приготовили из обиды, и попросил свежий жир.

Смотритель протянул горшочек.

Мира положила ладонь на заклинившую муфту.

— Могу нагреть.

— Насколько?

— Чтобы металл отпустил дерево.

— Равномерно?

Она посмотрела на него с неожиданным уважением.

— Ты понимаешь.

— Я понимаю, что пожар здесь будет лишним.

Мира закрыла глаза.

По её пальцам прошёл тусклый оранжевый свет.

Железный обод тихо щёлкнул.

Тарас провернул вал.

Тот поддался.

— Ещё чуть-чуть... Всё. Хватит.

Мира отняла руку и покачнулась.

Он успел подставить плечо.

— Что?

— Ничего.

— Очень содержательный диагноз.

Она попыталась отстраниться.

Тарас не удерживал. Просто оставался рядом, пока не убедился, что она стоит.

— Магия силы забирает?

— Тепло. Внимание. Иногда больше, чем рассчитываешь.

— Почему сразу не сказала?

— Ты не спрашивал.

— В следующий раз начну с полного перечня расходов.

Мира посмотрела на его чумазое лицо.

— У тебя здесь.

Она провела пальцем по его щеке.

Сажа размазалась ещё сильнее.

Тарас замер.

Мира посмотрела на палец.

— Теперь хуже.

— Ничего, — сказал он. — Для древнего сойдёт.

Колесо дёрнулось.

Сделало оборот.

Потом второй.

Меха расправились с глубоким вздохом.

По залу потянуло прохладой.

Никто не зааплодировал. Люди просто начали дышать свободнее. Кто-то расстегнул ворот. Кто-то перестал кашлять. Женщина у стены опустила голову и тихо заплакала.

Тарас сел прямо на пол.

— Вот теперь, — сказал он, — можно пять минут не спасать никого.

В эту минуту с потолка посыпалась пыль.

Удар пришёлся по западной стене.

Они не видели его, но весь город как будто разом переставил ногу.

Меха остановились на полувздохе, потом продолжили рабботать.

С лестницы сбежал рыжий подросток.

— Створку проломило! На водяных воротах!

Смотритель побледнел.

— Нас затопит?

— Пока нет. Там затвор держат. Но людей не хватает.

Тарас поднялся.

Сделал это неохотно, с усилием.

Эраст заметил и почему-то почувствовал к нему такую нежность, что разозлился.

— Ты не обязан везде бежать первым.

— А кто обязан?

Ответ снова был неудобным.

Вера стояла у лестницы рядом с Солькой и её матерью.

Она прислушивалась.

Не к колоколу.

К чему-то дальше.

— Там больно, — сказала она.

Мира подняла голову.

— Где?

Вера показала вверх.

На водяные ворота они вышли через узкий двор между складами.

Река была тёмной и быстрой. Через неё тянулся мост на высоких каменных опорах. За мостом, на другом берегу, лежали полосы вытоптанной земли. Горели костры. Двигались маленькие с такого расстояния фигуры.

Но Эраст смотрел не на них.

У западной башни лежал дракон.

Серый, почти белый на брюхе, с тёмной полосой вдоль позвоночника. Одно крыло было придавлено обломками деревянной галереи. На другом зияли рваные отверстия.

У основания шеи, спускаясь под крылья, охватывал тело чёрный обруч.

Дракон дышал часто.

Каждый выдох вздымал пыль.

На площадке возле ворот стояли арбалетчики. Двое натягивали канат большого ворота, поднимая тяжёлый городской

самострел.

Целились дракону в глаз.

— Не надо, — сказала Вера.

Её никто не услышал.

По лестнице навстречу им спускался человек в помятом нагруднике. Левая щека была рассечена, кровь засохла под ухом.

— Кто пропустил гражданских?

— Я, — ответила Мира.

Он узнал её.

Выражение лица изменилось.

— Тебя велено задержать.

— После.

— Сейчас.

Тарас встал рядом с ней.

— Командир, у вас там большая проблема. Давайте маленькие отложим.

Человек посмотрел на него.

Потом на инструмент, торчавший из кармана.

— Мастера?

— Сегодня все спрашивают.

— Затвор клинит. Там.

Он указал на низкую каменную будку у воды.

Вера шагнула к дракону.

— Его нельзя убивать.

Командир резко загородил ей дорогу.

— Он сжёг дозорную площадку.

— Его заставили.

— Мёртвым это объяснить?

Вера остановилась.

За спиной командира, возле стены, лежали накрытые тела.

Три.

Из-под одной рогожи виднелась рука с обручальным кольцом.

Вера посмотрела на неё.

— Нет, — тихо сказала она. — Им не объяснить.

Командир отвёл взгляд первым.

— Уведите её.

Дракон поднял голову.

Чёрный обруч сжался.

По шее прошла судорога.

Пасть раскрылась, но вместо пламени вырвался глухой скрежет.

Вера схватилась за горло.

Эраст подхватил её.

— Что с вами?

— Ему приказывают.

— Что?

Она с трудом втянула воздух.

— Ещё раз.

Мира уже бежала к арбалетчикам.

— Отойдите от пасти! Всем вниз!

Командир развернулся.

— Щиты! За камень!

Дракон дёрнул шеей.

И в последний момент вдавил собственную морду в реку.

Вода взорвалась.

Над площадкой поднялось облако кипящего пара.

Эраст закрыл Веру собой, прижал к стене. Горячие капли ударили по пиджаку. Кто-то закричал. Сверху посыпались раскалённые щепки.

Когда пар рассеялся, дракон всё ещё держал голову под водой.

Не мог поднять.

Обруч тянул его шею назад, а он сопротивлялся.

Командир стоял неподвижно.

Потом сорвал с пояса нож.

— Канат сюда!

Тарас добрался до затвора.

Тот представлял собой тяжёлую железную решётку с деревянным щитом. Она должна была опуститься в паз и перекрыть водяной ход, но обломок балки застрял между направляющими.

Вода уже переливалась через нижний камень.

Двое мужчин крутили ворот, третий молился.

— С молитвой не мешай, — сказал Тарас. — Но лучше возьмись вот здесь.

Он показал на рычаг.

Эраст подбежал через минуту.

— Веру оставил с Мирой, — сказал он, словно оправдываясь.

— Правильно. Держи верёвку.

— Что ты собираешься делать?

— Вынуть деревяшку.

— Под поднятой решёткой?

— Нет, силой убеждения.

Кунилин посмотрел на ворот.

На стёртые зубья стопора.

На тяжёлый железный край, зависший над водой.

— Сначала подпорки.

— Некогда.

— Сначала подпорки.

Тарас встретился с ним взглядом.

Потом кивнул.

Они подтащили два обрубка балки и заклинили щит.

Только после этого Тюлькин лёг на живот, просунул руку в пенящуюся воду и нащупал застрявшее дерево.

— Чуть отпустите ворот!

Мужчины подались назад.

Балка дрогнула.

Тарас потянул.

Стопор лопнул.

Раздался резкий металлический удар.

Щит рухнул на подпорки.

Одна раскололась.

Вторая выдержала.

Эраст схватил друга за пояс и оттащил так резко, что оба оказались на спине.

Тарас лежал, глядя в небо.

Дышал.

Потом поднял целую руку.

Повертел перед глазами.

— Спасибо, — сказал он.

Кунилин сидел рядом, бледный до синевы.

— Не за что.

— Есть за что.

Эраст поправил очки.

Пальцы у него дрожали.

— В будущем, — произнёс он, — прошу не спорить по технике безопасности.

Тарас сел.

— Согласен.

На этот раз без шутки.

Дракона вытянули из воды канатом.

Не целиком — только голову, чтобы он мог дышать. Шестеро солдат держали верёвку, ещё двое страховали за каменной тумбой.

Вера стояла у его щеки.

Рядом Мира.

Командир держал арбалет.

Опустил, но не убрал.

— Я не умею, — сказала Вера.

— Что? — спросила Мира.

— Всё это. Говорить с ним. Приказывать. Лечить.

— Тогда не делай того, чего не умеешь.

Серый глаз дракона открылся.

Вера увидела в нём своё отражение: нелепую женщину в запачканном белом платье и слишком большом пальто.

Она положила ладонь на чешую.

Та была холоднее, чем ожидалось.

— Я Вера, — сказала она. — Я не знаю, как помочь. Но сейчас они освободят тебе крыло.

Дракон смотрел.

По чёрному обручу пробежали мелкие белые знаки.

Вера вздрогнула.

На мгновение ей показалось, что на неё кричат сразу из десятка запертых комнат.

Она отняла руку.

— Там голоса.

Мира наклонилась к обручу.

На внутреннем крае, где чёрный металл соприкасался с чешуёй, тянулась серебряная нить.

Точно такая же, как в запястье Дениса.

— Эраст, — позвала она.

Кунилин подошёл, вытирая мокрые руки.

Увидел нить.

Потом маленькую ровную выемку на боковой пластине обруча.

По форме она совпадала с краем его находки.

— Не вставляй, — сразу сказал Тарас.

Эраст посмотрел на него.

— Я ещё ничего не сделал.

— Я за будущего себя.

Кунилин достал пластину, но держал её на расстоянии.

Символы на обруче изменились.

Вместо мелких знаков проступила короткая строка.

Теперь её могли прочесть все:

ВНЕШНЕЕ УПРАВЛЕНИЕ

УЗЕЛ: МОРАЙН

АРХИТЕКТУРА: БЕЛЫЙ ГОРОД

Мира медленно выпрямилась.

— Нет.

Эраст ещё раз прочитал надпись.

— Вы говорили, Морайн подчиняет разум магией.

— Да.

— А ваш жених обещал защиту Белого города, — сказал он Вере.

Она смотрела на серебряную нить.

— Значит, он собирался сделать со мной это?

Никто не ответил.

Тарас опустил на корточки возле замка.

— Как снять?

Мира провела пальцем вдоль чёрного металла, не касаясь.

— Если разрубить, приказ останется внутри. Он будет слышать его, пока жив.

— Значит, не рубим.

Эраст повернул пластину.

На ней появилось новое поле:

СНЯТИЕ УПРАВЛЕНИЯ

ТРЕБУЕТСЯ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ НОСИТЕЛЯ

— Согласие дракона? — спросил он.

Мира кивнула.

— И кто-то должен его услышать.

Все посмотрели на Веру.

Она устало закрыла глаза.

Потом снова положила ладонь на чешую.

— Я попробую, — сказала она.

Не им.

Ему.

Дракон моргнул.

Вера постояла молча.

Ветер трепал край её платья. Где-то скрипел ворот. Солдаты вытаскивали брёвна из-под раненого крыла.

— Я не прошу тебя служить нам, — произнесла она наконец. — И ничего не обещаю за других. Только спрашиваю:

ты хочешь, чтобы это сняли?

Сначала не произошло ничего.

Потом серый глаз закрылся.

Открылся.

На пластине загорелось:

ПОДТВЕРЖДЕНО

Эраст коснулся строки «Снятие управления».

Обруч разомкнулся с тихим щелчком.

Без вспышки.

Без грома.

Просто перестал держать.

Дракон выдохнул.

Долго, глубоко — так дышит человек, который много лет носил слишком тесную одежду и только теперь сумел расстегнуть ворот.

Вера убрала руку.

У неё подкашивались ноги.

Эраст успел поддержать её под локоть.

— Есть хочу, — сказала она удивлённо.

— Это понятно.

— Очень.

Тарас полез в карман и достал последний пирожок тёти Зины.

Тот пережил поездку, свадьбу, переход между мирами и ремонт водяного затвора.

Выглядел соответственно.

Вера взяла его с благодарностью.

Командир медленно опустил арбалет на камни.

Дракон повернул к нему голову.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— Трое, — сказал командир.

Голос у него был хриплым.

Дракон закрыл глаз.

— Помню.

Это было первое слово, которое он произнёс.

Низкое, шероховатое, с трудом проходившее через непривычное к человеческой речи горло.

Командир сжал кулаки.

— Вот и помни.

Он отвернулся и пошёл помогать разбирать галерею.

Никто не остановил его.

Никто не сказал, что теперь всё хорошо.

К вечеру дракона освободили.

Лететь он не мог. Повреждённое крыло сложили на деревянные подпорки, которые Тарас помог связать из уцелевших балок.

Имя дракон назвал сам: Орс.

Мира повторила его без всякого труда.

Эраст с некоторой досадой отметил, что не все местные имена нуждались в отдельной дыхательной подготовке.

Над стенами стихло.

Вражеские войска отступили от реки, но костры на даль-

нем берегу горели всё гуще.

Ладен получил ночь.

Не победу.

Ночь, за которую можно было перевязать людей, починить ворота и сварить ещё один котёл супа.

Когда они вернулись к Даре, Вере нашлись широкие штаны и шерстяная рубаха. Свадебное платье она долго держала в руках.

Потом аккуратно сложила.

— Не выбрасывай, — сказала Дара. — Ткань хорошая.

— Знаю, — ответила Вера. — Я сама выбирала.

Эраст сидел у стола и рассматривал порванный рукав пиджака.

Вера взяла его без спроса.

Дара принесла иглу.

Несколько минут слышались только потрескивание очага и тихое позвякивание посуды.

— Вам не нужно, — сказал Эраст.

— Знаю.

— Я имел в виду...

— Эраст Акакиевич, я реставратор. Дайте мне сегодня восстановить хоть что-нибудь.

Он отпустил рукав.

У двери Тарас помогал Мире снять пальто, стараясь не задеть повязку.

Она вдруг спросила:

— Тот, в подвале. Ты думаешь, им обязательно станешь?
Тарас посмотрел на свою правую руку.

Целую.

— Ещё утром думал, что обязательно вернусь с работы к семи.

— Ты не ответил.

Он помолчал.

— Не знаю. Но он ведь пришёл не затем, чтобы я всё повторил.

Мира кивнула.

Тарас осторожно повесил пальто.

— А ты?

— Что я?

— Собираешься обязательно сделать тот выбор?

Она поняла.

Тот, из-за которого будущий Тарас не мог смотреть ей в глаза.

— Не знаю, — ответила она.

И после паузы добавила:

— Но пока не жалею.

Снаружи к окну приблизилась огромная тень.

Орс опустил голову во двор.

Дети немедленно полезли на лавку смотреть. Дара велела им не трогать перевязку и не совать дракону хлеб в ноздри.

Орс терпеливо дождался.

— Вы ищете Ардейну, — сказал он Мире.

Она поднялась.

— Знаешь, где она?

— Знаю дорогу к тому, кто знает.

Тарас вздохнул:

— Началась нормальная организация поиска.

Орс перевёл на него жёлтый глаз.

— Прямые дороги разбиты.

— Я не о дорогах.

— А я о них.

Эраст придвинул стул к окну.

— К кому нужно идти?

— На север. В Старую переправу. Там живёт человек, который чинил эти обручи до того, как Морайн научился ими пользоваться.

— Из Белого города? — спросила Мира.

— Нет.

Орс осторожно повернул шею, показывая внутреннюю сторону снятого обруча, который солдаты привязали к подпорке.

Под чёрным покрытием обнаружилась небольшая светлая табличка.

Эраст поднёс лампу.

Буквы были русскими.

Обычными.

Таковыми, какие он видел каждый день на старом оборудовании.

НИИПИ

ОПЫТНЫЙ ОБРАЗЕЦ

КОНТУР СОГЛАСОВАНИЯ № 6

1987 г.

Кунилин ничего не сказал.

Просто встал, подошёл ближе и долго смотрел на табличку.

Потом достал служебный бланк, на обороте которого записал сведения о второй лестнице.

Развернул.

Вверху был напечатан современный знак института.

Тот же самый.

Только на старой табличке одна линия ещё не обрывалась у края.

Она продолжалась.

И образовывала контур драконьего крыла.

Глава 8

Согласие на осмотр

Всю жизнь Эраст Акакиевич считал, что самое неприятное, что можно обнаружить на чужом оборудовании, — собственную подпись в графе «Принял».

Оказалось, родной институт тоже действовал убедитель-

но.

Он ещё раз поднёс лампу к табличке.

Знак НИИПИ. Номер образца. Год выпуска.

И внизу — крошечное прямоугольное углубление, в котором когда-то находилась фамилия ответственного исполнителя.

Фамилию выскоблили.

Не стёрли временем. Не затёрли о драконью чешую.

Именно выскоблили: острым инструментом, торопливо, оставив поперечные борозды.

— Дайте мне свет, — сказала Вера.

Она отложила недошитый пиджак и подошла ближе.

Эраст передал лампу.

Вера наклонила её почти параллельно поверхности. Тени легли внутрь царапин. Под ними проступили остатки букв.

— Здесь было не одно слово, — сказала она. — Две строки. Верхнюю снимали раньше. Нижнюю — уже после нанесения чёрного покрытия.

— Откуда знаете?

— Края разные.

Она провела ногтем рядом с табличкой, не касаясь металла.

— Вот здесь покрытие затекло в старую царапину. А здесь царапина прорезала его насквозь. Это не одна переделка.

Тарас поставил кружку.

— Значит, изготовили у нас, потом кто-то приспособил

под свои нужды.

— Возможно, — сказал Эраст.

— Ты же видишь.

— Я вижу табличку. Пока это всё.

Он произнёс резче, чем намеревался.

Вера подняла на него глаза.

— Вам неприятно, что это ваше?

— Мне неприятно, что это могло быть наше.

Со двора донёсся тяжёлый вздох Орс.

Дракон лежал так, чтобы не задеть крылом пленницу. Раненая перепонка поблёскивала в свете окна. Возле подпорки дремал мальчик с рыжим котом за пазухой.

Тарас посмотрел туда.

— Ему, думаю, тоже.

Эраст молча кивнул.

Потом взял со стола чистую тряпку и подстелил под обруч.

— Осмотрим. Но больше ни к чему не подключаем.

— Даже не собирался.

Кунилин посмотрел на друга.

— Хорошо, — поправился Тарас. — Собирался, но теперь не буду.

Внутри обруч был устроен сложнее, чем снаружи.

Чёрные пластины прикрывали светлый металлический каркас. Между ними проходили серебряные нити. В трёх местах нити были сплетены аккуратно, почти красиво, а в четвёртом стянуты грубой скобой.

Тарас указал на неё:

— Вот это добавляли отдельно.

— Почему? — спросила Мира.

— Не совпадает ни металл, ни крепление. И сделано так, чтобы побыстрее.

Он достал нож, но Эраст перехватил его руку.

— Сначала спросим.

— У кого? У скобы?

Кунилин повернулся к окну:

— Орс. Мы хотим разобрать устройство, которое было на вас. Вы не против?

Дракон открыл глаз.

Долго смотрел.

— Оно снято.

— Тем не менее.

— Зачем спрашиваешь?

Эраст поправил очки.

Ответ, который ещё утром казался бы ему нелепым, теперь был единственно возможным.

— Потому что до нас, вероятно, не спрашивали.

Орс опустил голову на лапы.

— Разбирайте.

Тарас больше не шутил.

Он поддел скобу. Та легко отошла, обнаружив под собой два отдельных контакта, насильно соединённых металлической перемычкой.

Мира наклонилась ближе.

— Знак подтверждения, — сказала она. — И знак отмены.

— Их замкнули вместе? — спросил Эраст.

Она кивнула.

— Тогда любое движение по одному пути возвращается по другому.

Тарас задумчиво повертел снятую перемычку.

— Как кнопку выхода соединить со звонком начальнику.

— Хуже, — произнесла Мира. — Отказ становился повторным согласием.

За окном хрустнуло дерево.

Орс сжал когти.

Один из поленьев раскололся вдоль.

Все замолчали.

Дара подошла к дракону, посмотрела на сломанное поле-но и забрала обе половинки.

— Это на растопку, — сказала она.

Орс отвернулся.

Никто не стал говорить ему, чтобы успокоился.

Командир водяных ворот пришёл через полчаса.

Без шлема он оказался старше, чем показалось днём. У него были короткие седеющие волосы и вдавленная полоса поперёк лба. На нагруднике темнело мокрое пятно: кто-то наконец отмыл кровь, но не успел вытереть.

— Радан Бренн, — представился он. — Начальник западной стены.

— Садись, — сказала Дара.

— Некогда.

Она поставила миску.

Бренн посмотрел на неё и сел.

— Сначала плохое, — сказал он, взяв ложку. — Совет требует выдать девушку.

Мира выпрямилась.

Тарас перестал рассматривать скобу.

— Какую?

Бренн посмотрел на него.

— Ту, за которой пришли вы. Хранительницу с разомкнутым знаком.

— За ней никто не пришёл, — сказал Тарас.

— Я пришёл.

Он сказал это без угрозы.

Будто сообщил о непогоде.

— За что? — спросил Эраст.

Бренн достал из-за нагрудника сложенный лист.

На бумаге виднелась красная печать.

— Незаконное использование знака Переходного двора.

Отказ исполнить решение Совета Корон. Помощь бегству лица, подлежащего передаче.

— Последнее расшифруйте.

— Я не судья.

— Но задерживать собираетесь вы.

Бренн положил ложку.

— Господин Кунилин, у меня на стене сто восемьдесят человек, из них половина не спала двое суток. За рекой — войско. На рассвете оно снова пойдёт к мосту. Совет даёт мне зерно, болты для самострелов и право требовать людей у квартальных старшин. Я не могу делать вид, что его распоряжений нет.

— Можете не исполнять неправильное.

— А вы готовы отвечать за то, что мне перестанут давать зерно?

Тарас открыл рот.

Закрыл.

Вопрос был обращён не к нему, но за столом его слышали все.

Мира поднялась.

— Я пойду.

— Сядь, — сказал Тарас.

Она посмотрела на него.

Взгляд был спокойным и очень холодным.

Он сразу понял ошибку.

— Прости. Я хотел сказать: не спеши.

Мира осталась стоять.

— Ты спасал людей у затвора, — сказала она. — Он спасает их каждый день. Если из-за меня Ладен лишится припасов...

— Из-за тебя он сегодня не лишился ворот, — перебил Тарас.

— Это не отменяет приказа, — сказал Бренн.

— Тогда зачем вы пришли один? — спросил Эраст.

Командир перевёл на него взгляд.

Кунилин указал на дверь:

— Без стражи. Без верёвки. Сели ужинать. Значит, у вас есть предложение.

Бренн некоторое время смотрел на него.

Потом взял ложку.

— Есть.

Дара поставила перед ним хлеб.

— Вот с этого и начинал бы. Люди едят, а ты им тут державу раскачиваешь.

Карта Ладена занимала половину стола.

Её прижали кружками, хлебной коркой и Тарасовым ножом. На востоке Бренн положил ложку: там находились осадные машины. На западе — перевёрнутую миску, обозначающую их собственную повреждённую башню.

— До рассвета можно выйти по мельничному ходу, — сказал он. — Две лодки. По семь человек. Дальше северный рукав, за поворотом — камыши. До пустой мельницы около двух часов, если не придётся прятаться.

— Кого вывозим? — спросил Эраст.

— Девятерых. Тех, кто может пережить дорогу, но вряд ли переживёт ещё один обвал. Двое раненых, женщины, дети.

— Плюс нас четверо.

— И проводник.

— Четырнадцать.

Бренн кивнул.

— Проводник доведёт до мельницы. Там к вечеру должен подойти обоз из северных деревень. Если дорога ещё открыта, людей заберут дальше.

— А мы?

— От мельницы начинается тропа на Старую переправу. Верхом день. Пешком два, если погода позволит.

Эраст посмотрел на Миру.

— Вы знали этот путь?

— Знала, что есть старый ход. Не знала, что он цел.

— Он и не цел, — сказал Бренн. — Внутренняя заслонка заедает. Поэтому мне нужны мастера.

Тарас потёр лицо ладонью.

— Я начинаю понимать, за что здесь кормят.

— Исправите заслонку, выведите людей и закройте за собой. Иначе утром через ход к нам пройдут.

— А приказ? — спросила Мира.

Бренн убрал с карты ложку.

— Задержать тебя в городе я обязан. Посылать погоню за пределы стены, пока идёт осада, — нет.

— Значит, вы предлагаете нам бежать?

— Я предлагаю вам выполнить работу. Дальнейшее зависит от вашей склонности возвращаться под арест.

Эраст медленно кивнул.

— Условия приемлемые.

— Не тебе решать за меня, — сказала Мира.

Он сразу повернулся к ней:

— Разумеется. Прошу прощения.

Она посмотрела на карту.

На две лодки, нарисованные у северного рукава.

— Я пойду с людьми.

Бренн достал второй лист.

На нём было девять имён.

— До мельницы они ваши.

Эраст взял список.

И только тогда спросил:

— А Орс?

Командир посмотрел во двор.

— Я не могу дать ему охранную грамоту от семей погибших.

— Я не о грамоте.

Орс приподнял голову.

— Я останусь у ворот.

Мира подошла к окну.

— Ты не должен расплачиваться за то, что делал под уздой.

— Знаю.

— Тогда почему?

Дракон посмотрел на перевязанное крыло.

— Улететь не могу. За стеной меня снова возьмут. Здесь я могу быть полезен.

После паузы он добавил:

— И хочу.

Бренн долго смотрел на него.

Потом сказал:

— К башне ближе пяти шагов не подходи. Основание треснуло.

— Видел.

— Если начнут стрелять с того берега, голову держи ниже зубцов.

— Я старше твоей стены.

— А стену вчера пробили.

Орс помолчал.

— Разумное замечание.

Бренн допил суп и впервые за вечер чуть усмехнулся.

До выхода оставалось несколько часов.

Спать легли там, где нашлось место.

Дара отправила Веру на узкую кровать за занавеской. Мира устроилась у очага. Тарас получил лавку, с которой свешивались ноги. Эрасту досталось кресло с продавленным сиденьем.

Оно пахло яблоками и старым табаком.

Кунилин закрыл глаза.

Сразу увидел падающий затвор.

Открыл.

В комнате было тихо. Над очагом двигались красные отблески. Где-то за стеной вздыхал раненый. Вера ещё не лег-

ла: сидела у лампы и заканчивала шов на его рукаве.

— Вы не устали? — спросил он.

— Устала.

— Тогда зачем...

— Эраст Акакиевич.

— Понял. Вы реставратор.

Она улыбнулась.

Он помолчал.

— Эраст, — сказал наконец.

— Что?

— Можно просто Эраст.

Вера опустила взгляд на пиджак.

— Хорошо. Тогда и меня без Павловны. Мне сегодня хватает церемоний.

Игла прошла сквозь ткань.

Ещё раз.

— Я всё думаю, — сказала она. — Был ли хоть один момент, когда я могла заметить?

— Вы заметили. Вы отказались.

— Восемь месяцев.

Кунилин посмотрел на огонь.

Он хотел сказать, что всё образуется. Что она ни в чём не виновата. Что Денис был чрезвычайно сложным устройством, рассчитанным на обман.

Но любое из этих объяснений звучало бы так, будто главное сейчас — поскорее прекратить её переживания.

— Вы его любили? — спросил он вместо этого.

Вера закрепила нить.

— Не знаю. Мне было спокойно, что кто-то пишет вечером. Спрашивает, доехала ли. Знает, какой я люблю чай.

Она обрезала нитку маленькими ножницами Дары.

— Смешно?

— Нет.

— Вот и мне было не смешно. Было хорошо.

Эраст кивнул.

Вера передала ему пиджак.

Шов почти не был виден.

— Спасибо.

— Теперь держится. Только в реку в нём больше не лезьте.

— Постараюсь.

Она поднялась, но задержалась возле кресла.

— Вы ведь тоже могли уйти. Там, на свадьбе.

— Мог.

— Почему не ушли?

Эраст посмотрел на зашитый рукав.

— Вы ещё не переобулись.

Вера молча смотрела на него несколько секунд.

Потом улыбнулась — устало, по-настоящему.

— Спокойной ночи, Эраст.

И ушла за занавеску.

Кунилин устроился в кресле удобнее.

Спать всё ещё было страшно.

Но уже немного меньше.

Перед самым выходом Мира сама подошла к нему.

В руках у неё была та записка, которую они нашли в кабинете.

«НЕ ВЕРЬТЕ МИРЕ».

Эраст узнал сгибы.

— Откуда она у вас?

— Выпала из пиджака. Вера передала мне, думала, это твои записи о дороге.

Мира положила лист на стол.

— Я должна была отдать сразу.

Кунилин развернул записку.

Собственный почерк.

Собственные буквы.

Чужое распоряжение.

— Почему вы не спросили меня об этом раньше? — сказала Мира.

— Мы были заняты.

— Сейчас не заняты.

Он посмотрел на неё.

— Что вам следовало заверить? В том договоре?

Мира опустилась на край лавки.

— Девочку. Дочь человека, который не смог вернуть долг. У неё обнаружился дар открывать малые переходы. Совет разрешил передать право пользоваться этим даром кредитору на двенадцать лет.

— Сколько ей было?

— Четырнадцать.

Эраст медленно сложил записку.

— Она отказалась?

— Сказала, что согласна. Отец стоял рядом. Перед этим ему объяснили, что иначе заберут обоих младших.

Мира смотрела на стол.

— Я не заверила. Ночью вывела их через хозяйственные ворота. Поэтому меня ищут.

— Почему не рассказали?

— Потому что у вас всё время появлялись новые причины мне не доверять. Я не знала, с какой начать.

Кунилин некоторое время молчал.

Потом убрал записку в карман.

— На свадьбе вы могли передать Веру Денису. Вместо этого рисковали собой, чтобы зафиксировать её отказ.

— Это ещё ничего не доказывает.

— Не всё. Но кое-что.

— А письмо?

— Почерк мой. Обстоятельства написания неизвестны.

Подтверждения нет.

Мира впервые за разговор улыбнулась.

— Так у тебя называется доверие?

— Осторожная его разновидность.

Она поднялась.

— Мне подойдёт.

Глава 9

Четырнадцать человек, не считая кота

Проводником оказался рыжий мальчишка, который бегал за помощью к красильне.

Звали его Ним.

Лет ему было шестнадцать, но держался он с достоинством человека, которому однажды доверили ключ и с тех пор продолжают злоупотреблять его ответственностью.

Он пришёл с двумя фонарями, мотком тонкой верёвки и караваем под мышкой.

Дара отобрала каравай, завернула в ткань и вернула.

— Так не отсыреет.

Ним кивнул.

— Я знаю.

— Тогда почему не завернул?

— Некогда.

— Вот поэтому и не знаешь.

У ворот собрались остальные.

Две женщины с детьми. Старуха в большом платке. Пожилой столяр с перевязанной кистью. Двое раненых, один из которых мог ходить только с палкой.

Мальчик с рыжим котом тоже оказался в списке.

Его звали Тиль.

Эраст пересчитал всех.

Потом ещё раз.

— Девять, — сообщил он.

Тиль прижал к себе кота.

— Десять.

— Кот отдельно.

— Почему?

Кунилин посмотрел на него.

Вспомнил собственное «объект демонстрирует признаки обратной связи». Вспомнил, как ещё утром собирался выяснить происхождение шкафа прежде всего потому, что тот нарушал порядок учёта.

— Потому что ему не нужно грести, — сказал он.

Тиль подумал.

Довод оказался разумным.

Кот зевнул с видом человека, который добился признания своих трудовых прав.

Дара прощалась быстро.

Каждому дала что-то небольшое: кусок хлеба, чистую тряпку, лишнюю завязку. Тарасу сунула в карман баночку мази.

— Для плеча, — сказала она, кивнув на Миру.

— Почему мне?

— Потому что сама она забудет.

Мира хотела возразить.

Дара посмотрела на неё.

Та промолчала.

Вере хозяйка вручила свёрток.

— Платье.

— Я думала оставить вам. На ткань.

— Если оставишь сейчас, потом будешь жалеть. Решишь позже.

Вера взяла свёрток.

Эраст задержался у двери.

— Мы не расплатились.

Дара устало опёрлась о косяк.

— За что?

— Еда. Ночлег. Одежда.

— Воздух в убежище сколько стоит?

Он не нашёлся.

— Вот и я не считала, — сказала Дара. — Иди уже. Ещё стоять будете — завтракать придётся.

Орс приподнял голову, когда они проходили через двор.

— До Старой переправы не снимайте чёрную оболочку с обруча полностью, — сказал он. — Под ней есть нити, которые продолжают слушать.

Тарас остановился.

— А раньше сказать?

— Раньше ты не собирался уносить его.

Обруч лежал на маленькой ручной тележке, которую им дали для багажа. Снаружи устройство завернули в мешковину и обвязали верёвкой.

— Кто слушает? — спросил Эраст.

— Не знаю. Но, когда мне приказывал Морайн, иногда я слышал другого.

— Кого?

Орс прикрыл глаз.

— Тот говорил без злости.

Вера посмотрела на мешковину.

Она слишком хорошо помнила ровный голос Дениса.

— Это не значит, что он добрый, — сказала она.

— Знаю, — ответил дракон.

Мельничный ход начинался под зерновым складом.

Две плоскодонные лодки стояли у низкой каменной пристани. По воде медленно тянулись белые клочья пены. Над головами лежали толстые балки, такие старые, что дерево стало почти чёрным.

Тарас сразу полез к заслонке.

Ним зажёл фонарь.

Бренн ждал у ворота вместе с двумя солдатами.

— Снаружи решётка, — объяснил он. — Она держится на двух цепях. Поднимем отсюда. За ней старый плавучий заградитель. Его отведёте на канате, пройдёте и вернёте.

— Куда течение?

— К северному рукаву. Потом прижимает к правому берегу. Держитесь середины, пока не увидите иву с тремя стволами.

— А если не увидим?

Бренн посмотрел на Нима.

— Он увидит.

Мальчишка кивнул так уверенно, что Эрасту захотелось

отдельно проверить существование ивы.

Однако времени не было.

В лодки садились по одному.

Кунилин читал имена, помогал переступить через борт, размещал узлы под сиденьями. Из-за высокого свёртка с платьем проходить было неудобно, и Вера сама положила его себе под ноги.

Мира села в первую лодку рядом с Нимом. Тарас остался у заслонки. Эраст и Вера пошли во вторую.

— Не так, — сказал Ним, увидев, куда садится Кунилин.
— Вы тяжёлого рядом с тяжёлым посадили. Лодку перекосит.

Эраст молча поменялся местами со старухой.

Она одобрительно оглядела его.

— Послушный.

— При наличии обоснования.

— Такой и был бы, пока молодой.

Тарас издал короткий смешок.

Кунилин сделал вид, что не слышал.

Заслонка заедала из-за разбухшего дерева и погнутого стопора.

Починить её как следует можно было за день, если осушить канал.

Дня у них не было.

Тарас выправил стопор рычагом, срезал выступавшую щепу и заставил солдат трижды поднять и опустить щит.

На третьем движении тот пошёл ровно.

— Держать здесь, — сказал Тюлькин. — Не за рукоять, за скобу. Когда мы пройдем, опускаете до нижней отметки.

— Понял, — ответил солдат.

— И без рук в паз.

Тот посмотрел на него с лёгкой обидой.

Тарас показал на свою ещё недавно едва не раздавленную кисть.

— Это не предложение для обсуждения.

Эраст одобрительно кивнул.

Вода у лодок шевельнулась.

За поднявшимся щитом открылся низкий сводчатый проход.

Ним погасил один фонарь и прикрыл второй.

Первая лодка оттолкнулась.

Потом вторая.

Тарас успел прыгнуть на корму, едва не сев на старуху.

— Осторожнее, — сказала та. — Я уже однажды замужем была.

— Это не то, что вы подумали.

— Надеюсь. Ты весь мокрый.

Позади загремел ворот.

Полоса света стала уже.

Исчезла.

Ладен закрыл за ними дверь.

Под сводом разговаривали шёпотом.

Даже младенец, до того сердито возмущавшийся пересадкой, затих у матери на груди.

Ним стоял на коленях у носа первой лодки и отталкивался коротким шестом. Мира смотрела вперёд. Время от времени они пригибались под особенно низкими камнями.

Эраст держал весло поперёк коленей.

— Сейчас не гребите, — тихо сказал Тарас.

— Я и не гребу.

— Ты собираешься.

— Это тоже запрещено?

— Здесь — да.

Из темноты впереди показалась решётка.

Она была поднята не до конца.

Одной цепи не хватало нескольких звеньев: их заменили проволокой, которая натянулась и жалобно звенела.

Тарас посмотрел вверх.

Эраст посмотрел на Тараса.

— Не полезешь.

— Пока и не надо.

Они пригнулись почти до дна.

Первая лодка прошла.

Вторая задела верхом свёртка.

Вера успела прижать платье коленом.

Железо скользнуло над головой.

Впереди открылась вода.

Холодная, чёрная, живая.

После тесного каменного хода ночная река показалась огромной.

На другом берегу горели вражеские костры.

Над ними стояли три луны.

Эраст невольно задрал голову.

— Потом, — шепнул Тарас.

— Я только посмотрел.

— Ты и на шкаф сначала только посмотрел.

До плавучего заградителя оставалось метров двадцать.

Ним поднял руку.

Лодки остановились на границе течения.

Поперёк выхода лежали тяжёлые брёвна, соединённые цепями. Обычно их удерживал боковой канат, позволявший отвести всю конструкцию к берегу. Но теперь канат исчезал под водой.

— Притопило, — прошептал Ним.

Тарас подцепил мокрую петлю багром.

Потянул.

Из воды поднялась не верёвка.

Сначала показалась ладонь.

Потом рукав.

Старуха за спиной Тараса негромко выдохнула.

У заградителя застрял человек.

Его удерживало зацепившееся за скобу снаряжение. Голова была запрокинута, рот едва выступал над водой.

На куртке темнел знак вражеского войска.

Мира наклонилась через борт первой лодки.

— Дышит.

Ним быстро оглянулся на дальний берег.

— Нельзя останавливаться.

Никто сразу не ответил.

Течение подталкивало лодки к брёвнам.

Тарас смотрел на человека в воде.

Эраст — на девять имён в списке, который держал под пальцами, чтобы не унесло ветром.

Один из раненых тихо сказал:

— Оставьте.

Он был бледен. Под повязкой на ноге проступила кровь.

— Они сожгли наш двор.

Вера наклонилась к борту.

Эраст удержал её за локоть.

— Не прыгайте. Лодку перевернёт.

Она посмотрела на него.

— Я не собиралась прыгать.

Он отпустил.

Тарас уже наматывал верёвку на багор.

— Три минуты, — сказал он Ниму.

— У нас нет трёх минут.

— Тогда быстрее.

Мира легла грудью на нос первой лодки. Ним удерживал её за пояс. Она дотянулась до головы человека, приподняла над водой.

Тарас провёл петлю под его рукой.

— Теперь медленно.

— Он застрял, — сказала Мира.

Эраст присмотрелся к ремню, натянувшемуся от плеча к скобе.

— Не тяните. Пряжка держит.

Тарас протянул нож.

Мира перерезала ремень.

Человека отпустило так резко, что лодку качнуло.

Мать Сольки прижала девочку к себе.

Кот зашипел из-под куртки Тиля.

— Тихо, — прошептал мальчик. — Он мокрый. Ты тоже мокрых не любишь.

Спасённого втащили поперёк кормы второй лодки.

Он закашлялся.

Громко.

На дальнем берегу кто-то окликнул другого.

Ним повернул голову.

— Теперь вниз. Все.

Мира закрыла спасённому рот собственной ладонью, оставив нос свободным, и тихо заговорила у самого уха.

Не заклинание.

Обычные слова.

Что он жив. Что не нужно кричать. Что сейчас нельзя.

Тарас упёрся шестом в бревно и отвёл заградитель настолько, чтобы пропустить первую лодку.

Вторую течение повело боком.

Эраст на этот раз успел поставить весло правильно.

Скользнуло дерево.

Скрипнула цепь.

Они прошли.

За спиной плавучая преграда медленно вернулась на место.

Стрела упала рядом через полминуты.

Не прицельно.

Кто-то стрелял на звук.

Ним не обернулся.

— Не грести, — прошептал он. — Вёсла в лодку.

Течение подхватило их.

Из темноты приблизились камыши.

Вторая стрела ударила по воде дальше.

Потом всё стихло.

Две лодки легли в узкую заводь за корнями ивы.

У дерева было три ствола.

Эраст посмотрел на них с благодарностью.

Пожалуй, впервые в жизни он испытывал столь тёплые чувства к подтверждённому ориентиру.

Спасённый был молод.

Не мальчишка, но близко.

В коротких волосах застряла речная трава. На подбородке виднелся порез. Чёрная куртка оказалась не военной: под нашитым знаком Морайна сохранился выгоревший рисунок

ремесленной артели.

Его трясло так сильно, что зубы стучали.

Мира проверила запястья.

На одном был тонкий железный браслет.

Не драконий обруч.

Грубый, дешёвый.

Вера отвела его промокший рукав.

Под металлом темнела кожа.

— Тоже управление? — спросил Тарас.

— Метка, — сказала Мира. — Чтобы знали, откуда сбежал.

Раненый у носа отвернулся.

Никто не стал упрекать его за сказанное.

Тарас выжал край чужой куртки.

— Снять надо. Он замёрзнет.

— Чем накроем? — спросил Эраст.

Вера уже развязывала свёрток.

Белый шёлк мягко лёг ей на колени.

Она посмотрела на платье.

Совсем недолго.

Потом нашла шов подкладки и потянула.

— Ножницы есть у тебя? — спросила она Эраста.

Он протянул маленький инструмент, который Дара сунула ему вместе с запасными нитками.

Вера разрежала подкладку. Затем подол — длинной ровной полосой.

— Под жилет ему. Пока сухое.

— Вы же хотели сохранить, — тихо сказал Кунилин.

— Я хотела подумать.

Она завернула дрожащего человека в остаток платья.

— Подумала.

Эраст снял пиджак и накрыл сверху.

Вера посмотрела на него.

— Рукав опять намокнет.

— Шов хороший.

Она кивнула.

Лодка тихо покачивалась у корней.

Спасённый приоткрыл глаза.

— Не назад, — прошептал он.

— Не назад, — ответила Мира.

Он снова закрыл глаза.

Только после этого они двинулись дальше.

До мельницы добрались с первым серым светом.

Вода несла их всё медленнее. Берега стали низкими, туман лежал над травой. Вдали темнел лес, и оттуда тянуло запахом мокрых листьев.

Мельница стояла на пригорке.

Колесо было снято, окна заколочены, но крыша держалась. Рядом сохранился сарай с сухим полом и очагом, сложенным из старых жерновов.

Ним первым выбрался на берег.

Осмотрел землю.

Потом поднял руку:

— Чисто.

Эраст помогал людям выходить.

Снова читал имена.

Снова считал.

Девять.

Проводник.

Четверо.

И ещё один, завёрнутый в свадебное платье.

Тиль поднял кота.

— Теперь шестнадцать.

Кунилин посмотрел на список.

Затем дописал внизу:

«Один неизвестный. Жив».

Для кота отдельной строки не нашлось. Эраст перевернул лист и добавил на обороте.

Тиль проследил за его рукой и одобрительно кивнул.

В сарае стало теплее.

Мира разожгла огонь обычной лучиной. Тарас заметил это, но промолчал. Только пододвинул ей баночку мази и чистые полосы ткани.

Вера помогала матери младенца развешивать мокрые вещи.

Солька и Тиль сидели рядом с котом и делили хлеб так тщательно, словно от справедливости этого раздела зависело всё будущее.

Раненый, который просил оставить человека в воде, долго лежал отвернувшись.

Потом сказал:

— У него ноги не накрыты.

Эраст посмотрел.

Действительно, из-под остатков белого платья торчали бо-
сы ступни.

Раненый стянул с себя край одеяла.

— Вот.

Кунилин взял.

Ничего не сказал.

Здесь молчание было правильнее благодарности.

Ним нашёл на двери сарая свежую зарубку.

Три короткие черты под одной длинной.

— Обоз пройдёт, — объяснил он. — Разведчик был но-
чью. Если бы дорога закрылась, перечеркнул бы.

— Когда ждать? — спросил Эраст.

— К полудню. Может, позже.

— Ты останешься с ними?

Ним посмотрел в сторону реки.

Там за туманом был Ладен.

— Мне возвращаться.

— Одному на двух лодках?

Мальчишка нахмурился.

— Одну привяжу.

— Против течения?

— На шесте.

Эраст выдержал паузу.

Ним отвёл глаза.

— Я умею.

— Верю. Но Бренн велел довести людей до обоза. Пока они не переданы, работа не закончена.

Это было не совсем то, что сказал командир.

Но достаточно близко к смыслу.

Ним подумал.

Потом сел на перевёрнутое ведро.

— До обоза.

— Договорились.

Тарас подошёл к Эрасту и тихо сказал:

— Ты сейчас специально его инструкцией привязал?

— Я уточнил границы ответственности.

— Надо будет запомнить.

— Ты никогда не запоминаешь полезное.

— Неправда. Подпорки запомнил.

Пленник проснулся, когда вода в котелке начала закипать.

Сел слишком резко, застонал и сразу потянулся к браслету.

Мира остановила его руку.

— Не дёргай. Снимем инструментом.

Он оглядел сарай.

Людей.

Костёр.

Белую ткань на собственных плечах.

— Где я?

— У старой мельницы, — ответила Вера. — Тебя вытащили из воды.

Он посмотрел на неё.

— Это... ваше?

Она проследила за взглядом.

— Было платье.

Он сразу попытался стянуть его.

— Не надо, — сказала она. — Ты ещё дрожишь.

— Я испортил.

— Нет.

Вера поправила ткань у него на груди.

— Ты его не испортил.

Он замолчал.

Эраст присел рядом.

— Как вас зовут?

— Лин.

— Откуда?

— Из Медного Лога.

— Как оказались у заградителя?

Лин смотрел в огонь.

— Сказали подплыть и привязать шнур к цепи. Чтобы утром нащупали вход. Я... не умею хорошо плавать. Старший сказал, что там мелко.

Тарас медленно опустил чашку.

— А шнур?

— Отпустили.

— С берега?

Лин кивнул.

Некоторое время слышалось только потрескивание сырой ветки.

— Они пойдут не к мосту, — сказал Лин.

Мира подняла голову.

— Что?

— Утром будут стрелять по мосту. Чтобы все смотрели.

А люди пойдут по старому руслу. Ниже водяных ворот.

Эраст и Тарас одновременно повернулись к Ниму.

Тот уже вскочил.

— Я же говорил, возвращаться надо!

— Подожди, — резко сказал Тарас.

Достал карту, которую Бренн позволил срисовать с его листа.

Развернул на полу.

— Покажи старое русло.

Ним ткнул пальцем.

Тарас провёл от него линию к водяным воротам.

Потом к мельнице.

Эраст понял первым.

— Оно проходит здесь.

Лин посмотрел на рисунок.

— Да. Под мельницей. Когда-то вода шла через нижний

канал.

Все невольно опустили глаза.

Под каменным полом тихо шумела вода.

Тарас встал.

Обошёл очаг.

Провёл ладонью по старому жернову, которым была при-
крыта часть пола.

— Здесь люк.

Мира вытащила меч.

Эраст поднял руку:

— Не сейчас.

Он смотрел на Тараса.

Тарас — на узкий прямоугольник, проступавший под пы-
лью.

Потом они почти одновременно повернулись к старому
колесу, прислонённому снаружи к стене.

И к ржавому вороту над бывшим мельничным лотком.

— Верхний затвор, — сказал Тарас.

— Если он ещё работает, — ответил Эраст.

Тюлькин закатал рукава.

Посмотрел на Миру.

На Веру.

На людей у костра.

— Ну что, — сказал он. — До полудня у нас образовалась
работа.

Старуха в большом платке покачала головой.

— Господи, я ведь просто к сестре собиралась.

— Мы тоже не на войну выезжали, — ответил Эраст.

Он снял очки, протёр их краем рубашки и добавил:

— Я вообще инвентаризацию не закончил.

Глава 10

Мельница особого назначения

Люк не открывался.

Это сразу настроило Тараса Ананиевича на рабочий лад.

Он обошёл каменную плиту, постучал по углам, сдул пыль с железного кольца и попробовал приподнять его ножом. Кольцо не поддалось.

— Заперто снизу, — сказал Ним.

— Почему снизу?

— Чтобы с мельницы не открыли.

Тарас посмотрел на него:

— Очень содержательный ответ. А зачем вообще делать люк, который нельзя открыть с той стороны, где находится человек?

— Чтобы тот, кто снизу, решал, кого впускать.

— Наконец-то разумное объяснение.

Эраст Акакиевич тем временем изучал помещение.

Старый жернов, закрывавший часть пола, был слишком велик для этой мельницы. Его край уходил под стену, словно каменный круг установили раньше самого сарая. На поверхности виднелись выемки — четыре короткие и одна длин-

ная.

Те же знаки имелись на металлической пластине.

— Тарас.

— Вижу.

Тюлькин присел возле жернова.

— Похож на крышку.

— Ты пять минут говоришь, что крышкой является люк.

— Здесь две крышки.

— Зачем?

— Чтобы одну нашли, а вторую не заметили.

Ним нахмурился:

— Мельнице больше ста лет.

— Наш институт старше? — спросила Вера.

— Нет, — ответил Эраст.

— Тогда кто поставил здесь его знак?

— Именно это я и хотел бы установить.

Кунилин извлёк пластину.

Она оставалась холодной, но стоило поднести её к жернову, как длинная выемка на камне засветилась.

Лин, завёрнутый в остатки свадебного платья, приподнялся у стены.

— Не открывайте.

Все посмотрели на него.

— Почему? — спросила Мира.

— Нам говорили, что нижний ход охраняет старый мастер. Что он не умирает и забирает имена.

— Кто говорил?

— Старшие.

— Те же, которые отправили тебя в воду?

Лин сжал губы.

— Да.

— Тогда сведения требуют проверки, — заметил Эраст.

Тарас уже очищал от грязи край жернова.

Вера подошла и опустилась рядом.

— Здесь надпись.

— Где?

Она провела пальцем по едва заметной царапине.

— На русском.

Буквы были вырезаны от руки:

НЕ ВКЛЮЧАТЬ ПРИ ЛЮДЯХ

Тарас оглядел сарай.

В нём находились четырнадцать человек, двое детей, младенец и кот.

— Кто-нибудь может на минуту перестать быть людьми?

Старуха в платке неодобрительно посмотрела на него:

— Ты первый попробуй.

Эраст предложил вывести всех наружу.

Ему возразили сразу с трёх сторон.

Ним сказал, что на дороге могут появиться разведчики. Мира напомнила о холоде. Мать младенца просто прижала ребёнка крепче, после чего стало понятно, что её согласия не будет.

— Тогда отойдите к дальней стене, — решил Кунилин.
— Если произойдёт вспышка, не смотреть. Если появится дым — к двери. Если откроется переход, не приближаться без команды.

— Чьей? — спросил Тиль.

Эраст задумался.

— Моей.

— А если ты упадёшь?

— Тогда Тараса.

— А если он?

— Миру.

— А если все?

— Тогда бери кота и выходи.

Тиль удовлетворённо кивнул.

Инструкция была полной.

Тарас вставил пластину в длинную выемку.

Ничего не произошло.

— Может, надпись выцвела вместе с устройством, — предположил он.

— Подожди, — сказала Вера.

Четыре короткие выемки окружали пластину. В каждой сохранились остатки другого вещества: красного, чёрного, белого и синего.

Вера провела ногтем по красной.

— Воск.

По чёрной.

— Сажа.

По белой.

— Мел или известь.

У синей остановилась.

— Не знаю. Похоже на стекло.

Мира подошла ближе.

— Четыре подтверждения.

— Чего? — спросил Эраст.

— Огня, земли, воздуха и воды.

Тарас посмотрел на неё:

— Воздух подтверждать чем?

— Дыханием.

— Хорошо, что не справкой.

Мира прикоснулась пальцами к красной выемке.

Из-под ногтя вспыхнул маленький огонёк.

Чёрную заполнили землёй с пола. Белую Вера очистила и выдохнула на камень. Синяя оставалась пустой.

Эраст налил немного воды из кружки.

Капля скатилась.

— Не принимает, — сказала Мира.

— Почему?

Она посмотрела на Лина.

Потом на влажное платье, в которое он был завёрнут.

— Нужна вода перехода. Та, которую пересёк человек против воли.

Лин побледнел.

— Нет.

— Я ничего не возьму без разрешения, — сказала Мира.

— У меня ничего нет.

Вера осторожно коснулась белой ткани у его плеча.

— Платье ещё мокрое.

Она не потянула.

Ждала.

Лин посмотрел на неё.

— Берите.

Вера выкрутила небольшой край подкладки над синей выемкой.

Упала одна капля.

Стеклянный след вспыхнул.

Жернов вздрогнул.

Старуха перекрестилась. Кот вылез из-за пазухи Тиля и немедленно попытался убежать. Мальчик поймал его за хвост, получил когтями и всё равно удержал.

Каменный круг начал поворачиваться.

Тарас отскочил.

— Вот теперь люк.

Под жерновом открылось отверстие.

Оттуда пахнуло холодным металлом.

Не сыростью.

Не землёй.

Металлом, машинным маслом и пылью нагретых проводов.

Запахом института.

Вниз уходила лестница.

Ступени были металлическими, одинаковыми, с рифлё-
ными краями. На стене сохранилась белая табличка:

ЛАБОРАТОРИЯ С-4

ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН

ПЕРЕД ВКЛЮЧЕНИЕМ УБЕДИТЬСЯ В ОТСУТСТВИИ
НАБЛЮДАТЕЛЕЙ

Под надписью кто-то углём добавил:

УБЕДИЛСЯ. ОНИ ХОРОШО ПРЯЧУТСЯ.

— Наш человек писал, — сказал Тарас.

Эраст не улыбнулся.

Он стоял у края отверстия и смотрел вниз.

— В НИИПИ никогда не было лаборатории С-4.

— А сектор «С»?

— Закрит в девяносто первом. Документы передали в ар-
хив временного хранения.

— Где архив?

— Сгорел.

Тарас поднял бровь:

— Очень предусмотрительно.

Мира присела рядом с лестницей.

— Внизу есть магия.

— Какая?

— Старая. Слабая. И... неподвижная.

— Магия бывает неподвижной?

— Живая магия течёт. Здесь она остановлена, как вода зимой.

Тарас зажёл фонарь.

— Посмотрим.

Эраст загородил лестницу.

— Один.

— Вдвоём надёжнее.

— Именно поэтому один остаётся наверху. Если вход закроется, кто-то должен его открыть.

Тюлькин подумал.

— Ты вниз или я?

— Я.

— Почему?

— Я знаю обозначения института.

— А я умею чинить двери.

— Именно поэтому остаёшься у двери.

Тарас хотел возразить, но аргумент был слишком хорошо составлен.

— Пять минут.

— Десять.

— Семь.

— Хорошо.

— Если не вернёшься...

— Не нажимай красную кнопку.

— Это я и сам знаю.

— Ты всегда это говоришь перед тем, как сделать обратное.

Эраст взял фонарь.

Вера подошла к лестнице.

— Я с вами.

— Нет.

— Вы не знаете, что там. Я могу увидеть следы переделки.

— Именно поэтому наверху вы нужнее.

Она посмотрела на него:

— Это настоящее объяснение или вежливый способ оставить меня в безопасности?

Кунилин замолчал.

— Оба, — признался он.

— Тогда идём вместе.

Она взяла второй фонарь и первой поставила ногу на ступень.

Эраст оглянулся на Тараса.

Тот пожал плечами:

— Невеста имеет право передумать.

Вера обернулась:

— Бывшая невеста.

— Прошу прощения.

Лестница закончилась коридором.

Стены были облицованы серыми панелями. По потолку тянулись кабели в металлических коробах. Каждые несколь-

ко метров висели лампы под решётчатыми колпаками.

Все погасшие.

Зато на полу светились тонкие золотые линии.

Они начинались у лестницы и расходились по коридору, словно кто-то начертил схему электрических цепей расплавленным солнечным светом.

Вера опустила фонарь.

— Это не краска.

— Не трогайте.

— Я и не собиралась.

Она посветила на стену.

Под слоем копоти проступали таблички:

БЛОК СОПРЯЖЕНИЯ

КАМЕРА НУЛЕВОГО НАБЛЮДАТЕЛЯ

ПОСТ УПРАВЛЕНИЯ

У одной двери валялся оторванный лист календаря.

Август 1987 года.

На обороте карандашом был записан список:

Заменить предохранитель.

Проверить обратную речь.

Не спорить с драконом после обеда.

Купить Гале конфеты.

Эраст поднял лист.

— Обратите внимание на третью строку.

— Я обратила на четвёртую.

— Почему?

Вера провела пальцем над словом «Гале».

— Потому что её писали позже. Другим нажимом. Рука дрожала.

Кунилин посмотрел внимательнее.

Под четвёртой строкой виднелись стёртые слова:

Если вернёмся.

Он сложил лист и положил во внутренний карман.

— Вы собираете документы даже в другом мире? — спросила Вера.

— Особенно в другом. Здесь их явно некому хранить.

Коридор повернул.

За углом стоял человек.

Эраст поднял фонарь.

Человек не двигался.

На нём был белый лабораторный халат. На груди — пластиковая карточка с фотографией. Лицо сохранилось так хорошо, что Кунилин сначала решил: перед ним живой.

Потом увидел пыль на открытых глазах.

Кожа была белой, полупрозрачной.

Не разложившейся.

Остановленной.

Вера тихо выдохнула.

На карточке читалось:

КОРОСТЫЛЁВ ПАВЕЛ СЕМЁНОВИЧ

СТАРШИЙ ИНЖЕНЕР

ГРУППА ТЕМПОРАЛЬНОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ

Эраст приблизился.

Рука инженера лежала на рычаге.

Возле пальцев была наклеена бумажная полоска:

НЕ ОТКЛЮЧАТЬ. ВНУТРИ ЛЮДИ.

Вера перевела свет на прозрачное окно двери.

За ним находился зал.

Десятки кресел стояли вокруг большого металлического кольца. В некоторых креслах сидели люди. В белых халатах, рабочих комбинезонах, обычной одежде.

Неподвижные.

Посреди кольца висела капля воды.

Внутри капли отражалось не помещение.

Горящий город.

Ладен.

Только сверху.

— Они нас видят? — шепнула Вера.

Из нагрудного динамика мёртвого инженера донёлся треск.

Потом голос:

— Объекты исходной линии обнаружены.

Кунилин схватил Веру за руку.

— Наверх.

В конце коридора зажглась лампа.

Потом следующая.

И ещё одна.

Свет приближался к ним.

Из темноты слышались синхронные шаги.

Сборщики.

Тарас услышал голос Эраста через шесть минут.

Не крик.

Ровное, отчётливое:

— Закрывай вход.

Тюлькин лёг на пол и заглянул вниз.

— Вы где?

— Закрывай сейчас!

По лестнице ударил белый свет.

Тарас отпрянул.

Вера появилась первой. Поднималась быстро, одной рукой держась за перила, второй прижимая к груди найденные бумаги.

За ней Эраст.

Внизу показалась серебряная маска.

Мира схватила пластину.

— Вынь её!

— Если вынуть, жернов закроется? — спросил Тарас.

— Не знаю!

— Прекрасно.

Он выдернул пластину.

Жернов не двинулся.

— Не сработало!

Сборщик поднялся ещё на две ступени.

За его спиной появлялся второй.

Эраст выбрался наверх и навалился на каменный круг.

Безрезультатно.

— Четыре знака! — крикнула Вера. — Уберите подтверждения!

Тарас смёл землю с чёрной выемки.

Мира погасила огонь ладонью.

Эраст вытер воду платком.

Белая выемка продолжала светиться.

— Воздух! — сказал он.

— Как его убрать? — крикнул Тарас.

Старуха в платке подбежала и шлёпнула поверх знака кусок теста из дорожного мешка.

Свет погас.

Жернов начал поворачиваться.

Сборщик протянул руку.

Серебряные нити выстрелили из его ладони.

Одна обвилась вокруг края жернова. Вторая ухватила Тараса за щиколотку.

Его сбило с ног.

Мира рубанула мечом.

Нить натянулась, но не разорвалась.

Тарас потянулся к оружию будущего.

— Не стреляй! — крикнул Эраст. — Под нами люди!

— И что предлагаешь?

Вера схватила лежавший возле очага железный ухват и прижала серебряную нить к камню.

— Сейчас!

Мира ударила ещё раз.

Нить лопнула.

Тарас отполз.

Жернов закрыл отверстие в тот момент, когда серебряная маска почти показалась над полом.

Камень дрогнул.

Снизу ударили.

Один раз.

Второй.

Золотые линии на поверхности погасли.

Наступила тишина.

Старуха сняла тесто с белой выемки, посмотрела на него и положила обратно в мешок.

— На лепёшки сойдёт, — сказала она.

Тарас сел на полу и растёр щиколотку.

— Очень практичная женщина.

— Пятьдесят три года хозяйство вела, — ответила старуха. — Не через такие дыры лазили.

— А через какие?

— Женись — узнаешь.

Эраст и Тарас одновременно посмотрели на неё.

— Нет, — сказали оба.

— Нужно уничтожить вход, — произнесла Мира.

Они стояли вокруг жернова.

Тарас проверял серебряный след на ботинке. Вера раскладывала найденные бумаги на сухой доске. Эраст перечитывал календарный лист.

— Там люди, — сказал он.

— Они умерли.

— Неизвестно.

— Я не чувствую в них жизни.

— Но надпись требует не отключать устройство.

— Надпись оставили десятки лет назад.

— Для них десятков лет могло не пройти.

Мира сжала рукоять меча.

— Если Сборщики откроют проход, они выйдут сюда.

— Тогда заблокируем механически.

Тарас постучал по жернову.

— Подкатим второй камень. Сверху поставим старое колесо. Быстро не откроют.

— А медленно?

— Нас здесь уже не будет.

Вера повернула к свету один из листов.

— Эраст.

Он подошёл.

На бумаге была схема лаборатории С-4. Коридор, камера, кольцо, соединительные линии. От одного края схемы ухо-

дила стрелка с подписью:

МЕЛЬНИЦА. ТОЧКА ВХОДА.

От другого:

ОБЪЕКТ «СТАРАЯ ПЕРЕПРАВА». УЗЕЛ УПРАВЛЕНИЯ.

— Значит, мы идём туда, откуда управляли лабораторией,
— сказал Тарас.

— Или куда из неё вели переходы, — возразил Эраст.

В нижнем углу стояла подпись:

Руководитель проекта А. А. Ку...

Окончание оторвали.

Все посмотрели на Кунилина.

— Совпадение, — сказал он.

Тарас взял лист.

— Инициалы твои.

— Инициалы принадлежат тысячам людей.

— Фамилия начинается на «Ку».

— На «Ку» начинаются Кузнецов, Куликов, Курочкин,
Кудрявцев...

— Кунилин.

— В том числе.

Вера провела пальцем по краю разрыва.

— Бумагу оторвали недавно.

— Насколько?

— Не сорок лет назад. Здесь пыли почти нет, волокна светлые.

Ним подошёл к двери.

— Кто-то был здесь до нас?

Тарас оглядел сарай.

Сухой пол. Старые мешки. Очаг из жерновов. Следы ног, которые они сами успели оставить.

Возле стены лежала куча соломы.

Из неё выглядывал уголок белой бумаги.

Тюлькин подошёл и вытащил лист.

Тот был напечатан на обычном институтском принтере.

Дата — завтрашня.

Текст — короткий:

ЭРАСТУ АКАКИЕВИЧУ КУНИЛИНУ

ОТ ЭРАСТА АКАКИЕВИЧА КУНИЛИНА

НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ НЕ ЗАКРЫ-
ВАТЬ НИЖНИЙ КОНТУР.

ЕСЛИ ЗАКРЫЛИ — ОТКРЫТЬ ДО ПОЛУДНЯ.

ИНАЧЕ ЛАДЕН ПАДЁТ.

Тарас посмотрел на жернов.

Сверху на него уже накатывали второй камень.

— У тебя из будущего тоже проблемы с объяснениями.

Эраст взял записку.

Почерк был его.

Но в слове «Акакиевич» одна буква оказалась латинской.

Он никогда не допускал таких ошибок.

Никогда.

— Это написал не я, — сказал Кунилин.

Из-под жернова донёсся удар.

Потом голос.

Его собственный.

— Не слушайте его! Откройте!

Тарас закрыл глаза.

— Начинаю скучать по обычной осаде.

Глава 11

Чужой голос с правильным отчеством

Голос под камнем повторил:

— Эраст, если ты меня слышишь, сними блокировку. У тебя меньше часа.

Кунилин опустил на одно колено.

— Назовите себя.

— Ты знаешь, кто я.

— Я знаю, кем вы пытаетесь казаться.

— Хорошо. Кунилин Эраст Акакиевич. Родился двадцать второго ноября. Школу окончил с одной четвёркой по физкультуре, поскольку отказался прыгать через козла без письменного подтверждения его устойчивости.

Тарас посмотрел на друга:

— Это правда?

— Козёл шатался.

Голос продолжил:

— В институте работаешь с две тысячи девятнадцатого. В правом ящике стола хранишь запасные очки, три чистых носовых платка и шоколадку, которую каждый январь заменяешь новой.

— Название шоколадки? — спросил Эраст.

— «Алёнка».

— Неверно.

Возникла короткая пауза.

— «Вдохновение».

— Тоже неверно.

Тарас поднял бровь.

— А какая?

— Никакой. Я не храню шоколад.

— Зачем вопрос?

— Чтобы проверить.

— Можно было спросить то, что существует.

— Тогда ответ мог быть известен.

Голос под жерновом вздохнул.

В точности как Эраст.

— Ты всегда был утомительным человеком.

— Это не идентификационный признак.

— Зато убедительный, — заметил Тарас.

Мира стояла у входа в сарай и следила за дорогой. Туман редел. Далеко в поле уже различалась тёмная полоса леса.

— Он тянет время, — сказала она.

— Или мы, — ответил Эраст.

Вера подошла к камню.

— Если вы действительно Эраст, скажите, что произошло внизу после нашего ухода.

— Сборщики вошли в камеру. Контур повреждён. Если он остановится, течение изменится и старое русло откроется для войска Морайна.

— Каким образом лаборатория управляет рекой? — спросил Тарас.

— Не рекой. Вероятностью. Здесь было несколько возможных русел. Контур удерживал то, при котором подземный ход оставался затоплен.

— Сколько людей в лаборатории?

— Сорок один.

— Они живы?

Новая пауза.

— Не в обычном смысле.

— А в каком?

— Времени нет для лекций!

Эраст поднялся.

— В таком случае вход останется закрытым.

Снизу ударили.

Голос потерял спокойствие:

— Если Ладен падёт, погибнут сотни!

— Поэтому вы предлагаете открыть дорогу Сборщикам?

— Они уже внутри!

— Тогда открытие ничего не исправит.

— Ты не понимаешь!

— Именно. А решения при недостатке информации следует принимать в пользу обратимого варианта. Закрытый вход можно открыть позже. Погибших вернуть сложнее.

Снизу стало тихо.

Тарас задумчиво посмотрел на жернов:

— Иногда с тобой приятно работать.

— Иногда?

— Не отвлекайся.

Пластина в руке Эраста нагрелась.

На ней появилась схема русла.

Синяя линия проходила под мельницей и уходила на юг, к Ладену. Рядом медленно заполнялась красная шкала:

СТАБИЛЬНОСТЬ НИЖНЕГО КОНТУРА: 18%

— Он хотя бы в этом не соврал, — сказал Тарас.

— Или шкалу показывает тот же источник.

Ним присел у карты.

— Если вода уйдёт, от старого русла до стены меньше получаса.

— Сколько людей там может пройти? — спросил Эраст.

Лин ответил:

— Две сотни. Может, больше. Я слышал, как говорили о трёх отрядах.

— Предупредить Бренна успеем?

— Если лодкой — нет.

— А по земле?

— Через мост не пройти.

Эраст посмотрел на пластину.

— Значит, нужно сохранить воду.

Тарас оглянулся на старое мельничное оборудование.

— Или добавить её.

Верхний затвор находился снаружи, за сараем.

Когда-то мельничный пруд занимал всю низину, но теперь от него осталось заросшее озерцо. Вода стояла высоко после осенних дождей. Деревянная плотина прогнила, однако основной каменный канал сохранился.

Большой щит держался на двух винтовых подъёмниках.

Один заржавел намертво.

Второй отсутствовал.

— Его сняли, — сказал Тарас.

Вера посветила на крепления.

— Не очень давно. Болты не успели потемнеть.

— Кто?

Мира показала на следы в грязи.

Сапоги.

Много.

Следы шли от леса, огибали сарай и исчезали у старого русла.

— Разведчики, — сказал Ним.

Тарас потрогал дерево щита.

— Если подрубили подпорки, плотина сама уйдёт, когда вода поднимется ещё немного.

— Тогда вода попадёт в канал? — спросил Эраст.

— Да.

— Это нам нужно.

— Только не вся сразу. Иначе смоем мельницу вместе с нами.

Он прошёл вдоль плотины. В одном месте остановился.

Подпорную балку надпилили почти до середины.

Тарас сунул в пропил палец.

— Они рассчитывали, что лопнет после полудня.

— Почему после?

— Вода прибывает. Видишь мокрый след? За ночь поднялась на ладонь.

Мира посмотрела на светлеющее небо.

— Значит, нападение начнётся, когда плотину прорвёт.

— Сначала вода уйдёт в старое русло, потом спадёт. Отряды войдут следом.

— Можно спустить её раньше, — сказал Эраст.

Тарас покачал головой:

— Люди Морайна услышат. Поймут, что их заметили.

— Если не спускать, контур лаборатории может отказать сам.

— Может.

Кунилин посмотрел на него:

— Выбираем обратимый вариант.

Тарас усмехнулся:

— Моими словами заговорил.

— Ты никогда не говорил «обратимый».

— Но думал.

Они вернулись в сарай.

План составили за десять минут.

Ним должен был ждать обоз и передать предупреждение. не подходить к мельнице с юга. Женщин, детей и раненых уводили на северную опушку. Лин показывал Тарасу, где проходит нижний канал. Мира оставалась у жернова на случай, если Сборщики попытаются выбраться.

Вера слушала, скрестив руки.

— А я?

Эраст продолжил:

— Вы идёте с остальными.

— Почему?

— Потому что здесь будет опасно.

— Здесь всем будет опасно.

— Вера...

— Вы только что говорили, что не решаете за других.

Кунилин снял очки.

Протёр.

Надел.

— Хорошо. Что вы предлагаете?

— Я хочу осмотреть механизм плотины. Если его переделывали люди из вашего института, там могут быть такие же обозначения.

— Для этого необязательно находиться рядом в момент

открытия.

— А вам обязательно?

— Я отвечаю за пластину.

— Кто назначил?

Эраст замолчал.

Тарас медленно отошёл к двери, демонстрируя редкое понимание личных границ.

— Никто, — признал Кунилин.

— Тогда договоримся, — сказала Вера. — Я смотрю механизм. Если начинается бой, уйду с детьми. Без споров.

— Сразу.

— Сразу.

— По обозначенному пути.

— Эраст.

— Хорошо.

Она протянула руку.

Он пожал её.

Ладонь оставалась тёплой.

Чуть дольше, чем требовалось для закрепления договорённости.

Потом они оба одновременно отпустили.

Внутри корпуса подъёмника Вера нашла знак.

Не НИИПИ.

Три вложенных друг в друга окружности и стрелка, направленная против часовой.

— Видела такой на футляре с кольцами, — сказала она.

Эраст поднёс пластину.
На ней возник перевод:
КОНТУР ВОЗВРАТА

РУЧНОЙ РЕЖИМ

СОГЛАСИЕ ОПЕРАТОРА НЕ ТРЕБУЕТСЯ

— Последняя строка мне не нравится, — сказал он.

— Потому что вы не оператор?

— Потому что отсутствие согласия уже дважды использо-
вали против живых существ.

Тарас осмотрел рычаг.

— Здесь по-другому. Механизм должен сработать, даже
если человек потерял сознание.

— Или если передумал.

— Тоже возможно.

Эраст достал из кармана записку будущего «себя».

Латинская буква в отчестве.

— Белый город копирует не только лица, — сказал он. —
Он копирует решения.

— Не понимаю, — произнесла Вера.

— Денис получил ваше согласие на свадьбу и попытался
применить его к другой процедуре. Обруч превращал отказ
дракона в повторное согласие. Теперь кто-то использует моё
имя, чтобы заставить нас открыть вход.

— Ты думаешь, Морайн и Белый город действуют вместе?

— спросил Тарас.

— Нет. Думаю, один из них пользуется технологиями другого. Возможно, оба считают, что управляют системой.

Пластина завибрировала.

Красная шкала упала до одиннадцати процентов.

Ним крикнул от сарая:

— Люди внизу!

Из-под земли донёсся гул.

Не голос.

Множество шагов.

Отряд Морайна уже вошёл в старое русло.

Все события потом вспоминались как одно длинное движение.

Женщины подхватили узлы. Пожилой столяр посадил Сольку на плечи здоровой рукой. Старуха сунула Тилю под мышку кота и толкнула к двери. Раненые поднялись без помощи.

Ним побежал к дороге встречать обоз.

Лин стоял у жернова и не мог сделать шага.

Тарас схватил его за плечи.

— Где выйдут?

— Под сараем. Потом наружу, у сухого колеса.

— Сколько до люка?

— Не знаю.

— Примерно.

— Сто шагов. Может, двести.

— Хорошо. Иди с людьми.

Лин смотрел на камень.

— Я их привёл.

— Нет.

— Если бы меня не вытащили...

— Они всё равно пришли бы.

— Но вы бы не знали.

Тарас встряхнул его:

— Именно. Ты предупредил. Работа сделана. Теперь уходи.

Лин кивнул.

Сделал два шага.

Потом обернулся:

— У старого русла есть боковая камера. Если её открыть, вода сначала уйдёт туда.

— Зачем?

— Не знаю. Там железная дверь.

Эраст услышал.

— Лаборатория.

— Возможно, — сказала Мира.

Красная шкала упала до восьми процентов.

Из-под жернова раздался треск.

Камень приподнялся на толщину пальца.

Снизу показались серебряные нити.

Мира вонзила меч в щель. Золотой свет пробежал по лезвию. Нити дёрнулись и отступили.

— Долго не удержу!

Тарас побежал к плотине.

Эраст — за ним.

Вера уже находилась у подъёмника.

— Люди вышли, — сказала она.

— Вы тоже.

— Сначала откроем.

— Мы не знаем, куда пойдёт вода.

— Знаем. Вниз.

В другой ситуации Эраст поправил бы формулировку.

Сейчас времени не было.

Тарас обвязал надпиленную балку верёвкой.

Другой конец закрепил за старым мельничным колесом.

— Когда отпустим тормоз, колесо потянет балку, — объ-

яснил он. — Щит начнёт открываться.

— Начнёт? — переспросил Эраст.

— Дальше посмотрим.

— Такой подход неприемлем.

— Зато быстрый.

Мира выбежала из сарая.

Позади неё жернов подпрыгнул.

Снизу ударил белый свет.

— Они открывают!

— К рычагу! — крикнул Тарас.

Вера взялась за рукоять.

Эраст накрыл её руки своими.

Тарас снял стопор.
Колесо дёрнулось.
Верёвка натянулась.
Надпиленная балка хрустнула.
Щит плотины дрогнул, но не поднялся.
— Ещё! — крикнул Тарас.
Они нажали.
Рукоять пошла вниз на несколько сантиметров.
Из корпуса вырвался пар.
Знак трёх окружностей вспыхнул.
На пластине появилось:
РУЧНОЙ РЕЖИМ ПРИНЯТ

ОПЕРАТОР: КУНИЛИН Э. А.

ВТОРОЙ ОПЕРАТОР: ЛАДОВА В. П.

ЗАПУСК КОНТУРА ВОЗВРАТА

— Я ничего не подтверждал! — сказал Эраст.
— Позже возмутишься! — крикнул Тарас.
Балка лопнула.
Старое колесо провернулось.
Щит поднялся.
Вода ударила в канал.
Сначала тонкой тёмной полосой.
Потом вся плотина загудела.

Поток подхватил мусор, ветви и прошлогодние листья. Мельничное колесо завертелось. Верёвка лопнула и хлестнула по земле.

Из сарая вырвался белый столб света.

Жернов взлетел.

Над отверстием появились три Сборщика.

Один стоял на лестнице.

Второй висел над ним, удерживаясь серебряными нитями.

Третий уже протянул руку к Мире.

Тарас выхватил оружие будущего.

— Синяя! — крикнул Эраст.

— Помню!

Выстрел.

Прозрачный шар ударил в край отверстия.

Не в Сборщика.

Каменный пол распался на ровные серые кубики.

Все три фигуры провалились вниз.

— Ты промахнулся, — сказала Мира.

— Я расширил цель.

Под сараем взревела вода.

В нижнем русле что-то тяжело покатилося. Послышались крики людей Морайна.

Поток ударил по старому ходу.

На пластине шкала стабильности прыгнула с двух процентов до шестидесяти семи.

— Получилось! — крикнул Тарас.

Затем земля под мельницей прогнулась.

— Пока, — добавил он.

Одна стена сарая треснула.

Крыша накренилась.

— Бежим! — сказала Вера.

Они бросились к северной опушке.

Позади рушилась старая мельница.

Камни падали в канал, вода перемалывала их, как зерно.

Плотина разошлась посередине. Поток хлынул в нижнее русло, сметая всё, что успело войти туда со стороны врага.

Белый свет погас.

Голос под землёй закричал:

— Вы уничтожили контур!

Эраст обернулся на бегу.

— Он восстановлен на восемьдесят четыре процента!

— Ты ещё и споришь? — задыхаясь, спросил Тарас.

— Цифры должны быть точными!

Они добрались до деревьев.

Вера остановилась первой.

Согнулась, уперев ладони в колени.

Потом начала смеяться.

— Что? — спросил Эраст.

Она попыталась ответить, но не смогла.

Только показала на него.

Кунилин посмотрел вниз.

Всё это время он бежал, прижимая к груди рычаг от пло-

тины.

— Это вещественное доказательство, — сказал он.

Вера засмеялась ещё сильнее.

Тарас сел на землю.

Мира опустилась рядом.

Через минуту смеялись уже все четверо.

Не потому, что было весело.

Потому что вода смыла смерть, мельница рухнула, они снова остались живы — и строгий Эраст Акакиевич спасал мир, не выпуская из рук ржавую железку длиной почти в метр.

Обоз появился на дороге около полудня.

Шесть телег под брезентом, две повозки с ранеными, десяток всадников. Ним шёл впереди, размахивая обеими руками.

Людей приняли.

Имена сверили.

Лина старший обозник сначала отказался брать.

— Он с той стороны.

Эраст достал список.

— Он предупреждённый свидетель и источник сведений.

— Кто?

— Человек, благодаря которому Ладен не был атакован через нижний ход.

Обозник посмотрел на Лина.

На белую ткань свадебного платья поверх его плеч.

— Воевать умеешь?

— Нет.

— Что умеешь?

— Печь кирпич.

— Это хорошо. У нас печь развалилась.

Он махнул рукой:

— В третью телегу.

Лин не двинулся.

Смотрел на Веру.

— Я верну.

— Что?

Он коснулся ткани.

— Платье.

Вера улыбнулась.

— Лучше верни себе жизнь. Платье уже всё сделало.

Лин кивнул и пошёл к повозке.

Тиль поднялся на подножку, потом спрыгнул и подбежал к Эрасту.

— Ты записал кота?

— Записал.

— Как зовут?

Кунилин понял, что не спросил.

— Как?

Мальчик прижал кота к груди.

— Шкаф.

Тарас отвернулся и закашлялся.

— Почему? — строго спросил Эраст.

— Он тоже появляется там, где его не ждут.

Кунилин достал лист.

Рядом со словом «кот» дописал имя.

— Теперь правильно.

Тиль забрался в телегу.

Колёса тронулись.

Девять человек из списка уезжали на север.

С ними — проводник, бывший разведчик врага и кот по имени Шкаф.

Эраст следил, пока обоз не скрылся за поворотом.

Только потом позволил себе выдохнуть.

У разрушенной мельницы они нашли ещё одну табличку.

Её вынесло потоком на берег.

С лицевой стороны:

НИИПИ

ЛАБОРАТОРИЯ С-4

УЗЕЛ № 1

С обратной — выгравированная надпись:

ЗАПУСК ПРОЕКТА: 12 АВГУСТА 1987 ГОДА

РУКОВОДИТЕЛЬ: КУНИЛИН ЭРАСТ АКАКИЕВИЧ

БИОМЕТРИЧЕСКАЯ КОПИЯ ПОДТВЕРЖДЕНА

Тарас прочитал.

Мира прочитала.

Вера взяла табличку и посмотрела на латинскую букву в отчестве.

Ту же самую.

Эраст стоял неподвижно.

— В 1987 году меня ещё не было в институте, — сказал он.

— Сколько тебе было? — спросил Тарас.

— Шесть.

— Рановато для руководителя проекта.

Пластина в кармане Кунилина ожила.

На ней появилось его лицо.

Только старше.

Лет на тридцать.

Над изображением горела строка:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, РУКОВОДИТЕЛЬ

Под ней открылась карта.

Старая переправа находилась на севере.

Рядом мигала новая отметка:

ВАШ ПЕРВЫЙ ВХОД В СИСТЕМУ:

ЧЕРЕЗ 39 ЛЕТ

Эраст прочитал дату.

Она была завтрашней.

Тарас заглянул через плечо.

— Получается, завтра ты впервые войдешь в систему, а тридцать девять лет назад уже ею руководил.

— Получается, система ошибается.

— Или ты опаздываешь на работу с тысяча девятьсот семьдесят седьмого.

Вера коснулась руки Эраста.

Легко. Только чтобы он почувствовал, что не один.

— Там узнаем, — сказала она.

Кунилин посмотрел на карту.

Потом на северную дорогу.

— Да.

Он аккуратно убрал табличку в сумку.

— Но прежде составим перечень вопросов.

Тарас взвалил мешок с драконьим обручем на плечо.

— Конечно. Нельзя же просто пойти навстречу собственной судьбе.

— Почему?

— Без описи она опять не будет состоять на балансе.

Глава 12

Дорога, которая помнила всех

Северная дорога начиналась сразу за мельницей и первые полчаса притворялась вполне обычной.

Она шла между полями, огибала невысокие холмы и время от времени ныряла под голые ветви деревьев. В колеях блестела вода. На обочине темнели остатки прошлогодней травы.

Эраст Акакиевич даже позволил себе подумать, что ближайшие несколько часов пройдут без происшествий.

Это была опрометчивая мысль.

В новом мире спокойствие следовало воспринимать не как состояние, а как короткий перерыв, во время которого неприятности меняли лошадей.

Лошадей у путешественников не было.

Они шли пешком.

Тарас нёс мешок с драконьим обручем. Мира — меч и небольшой свёрток припасов. Вера повязала на голову тёмный платок. Дары и теперь мало напоминала женщину, которая утром собиралась выйти замуж.

Эраст тащил сумку с документами, пластину, ржавый рычаг и собственный пиджак, окончательно утративший право считаться деловой одеждой.

— Рычаг можно оставить, — сказал Тарас.

— Нельзя.

— Почему?

— Он является частью устройства.

— Устройство утонуло.

— Тем более. Это единственная сохранившаяся часть.

— Ты собираешься вернуть его в институт?

— Собираюсь установить происхождение.

— А потом?

— Потом решу.

Тарас кивнул на длинную железку:

— Если так пойдёт, к концу путешествия ты принесёшь домой другого дракона по акту приёма-передачи.

Мира обернулась:

— Орс не согласится.

— Видишь? Уже одна проблема решена.

После мельницы дорога долго поднималась.

Вера шла рядом с Эрастом. Иногда он протягивал ей руку на мокрых камнях, но каждый раз делал это так официально, словно помогал гражданке пересечь территорию строительных работ.

На вершине холма она остановилась.

Внизу, далеко за полями, лежал Ладен.

Отсюда город казался небольшим. Башни едва поднимались над утренним туманом. У реки блестела вода, ушедшая в старое русло. Вражеские костры на другом берегу гасли один за другим.

На западной стене что-то двигалось.

Большое.

Серое.

Орс.

Он стоял между зубцами, сложив повреждённое крыло. Даже издали было видно, как повернулась его голова к северу.

— Он нас видит? — спросила Вера.

Мира посмотрела в ту сторону.

— Видит.

Вера подняла руку.

Дракон тоже поднял здоровое крыло.

Совсем немного.

Будто ответил.

Тарас снял мешок с плеча.

— Неплохой парень.

— Он убил троих, — сказала Мира.

— Не по своей воле.

— Мёртвым всё равно.

— Живым — нет.

Мира долго смотрела на стену.

— У нас не умеют делить вину, — сказала она. — Если рука нанесла удар, судят руку.

— А того, кто управлял?

— Если находят.

Эраст вынул записную книжку.

— Это тоже надо изменить.

Мира усмехнулась:

— Запишешь?

— Уже.

Она посмотрела на него серьёзно:

— Ты действительно думаешь, что правила можно изменить, если составить другое?

— Нет. Но сначала необходимо точно сформулировать, что именно неправильно.

Тарас снова поднял мешок.

— В нашем мире это называют совещанием.

— А что происходит после?

— Назначают следующее.

— Теперь понятно, почему вы не знаете о драконах.

Первый знак дороги они нашли у каменного столба.

На одной стороне была выбита стрелка к Старой переправе. На другой — предупреждение:

НЕ СВЕРНУТЬ ТОМУ, КТО ЕЩЁ НЕ РЕШИЛ

Под ним кто-то нацарапал:

А КТО РЕШИЛ — ТОТ УЖЕ СВЕРНУЛ

Тарас прочитал вслух.

— Народная философия.

Эраст осмотрел развилку.

Одна дорога уходила вправо, к лесу. Другая — влево, к широкому лугу. Третья продолжала идти прямо, хотя на карте Бренна её не было.

— Нам куда? — спросила Вера.

Мира указала направо:

— Старая переправа за лесом.

— Тогда идём.

Но через несколько шагов они снова оказались у столба.

Тарас остановился.

Посмотрел назад.

Дорога, по которой они только что прошли, начиналась у их ног и уходила в сторону леса. Следов на грязи не было.

— Мы развернулись? — спросила Вера.

— Нет, — сказал Эраст.

Они попробовали ещё раз.

Теперь первой шла Мира.

За ней Тарас, потом Вера и Эраст.

Дошли до берёзовой рощи. Обогнули большую лужу. Перешли через канаву по двум брёвнам.

И снова вышли к каменному столбу.

Надпись изменилась:

ПРЕДУПРЕЖДАЛИ

Тарас положил мешок на землю.

— Очень неприятная дорога.

— Это Путь решения, — сказала Мира.

— Раньше вспомнить не могла?

— Я никогда здесь не ходила. Слышала только название.

Эраст достал карту.

На ней развилка отсутствовала.

— Каким образом пройти?

— Нужно выбрать.

— Мы выбрали правую дорогу.

— Нет. Мы выбрали направление.

— В чём разница?

Мира посмотрела на три пути.

— Дорога спрашивает не куда, а зачем.

Тарас сел на мешок.

— Я иду к мастеру, чтобы он объяснил, как снять обруч.

Всё. Пропускайте.

Ничего не произошло.

Вера прислонилась к столбу.

— Возможно, нужно говорить правду.

— Я сказал правду.

— Не всю.

Тарас посмотрел на неё.

— Очень смелое замечание для человека, которого знаешь сутки.

— За эти сутки ты бросился спасать незнакомую женщину, полез под затвор и вытащил из воды врага. Думаю, дело не только в обруче.

Он отвёл взгляд.

Мира стояла у правой дороги, не оборачиваясь.

— Я иду, — сказал Тарас медленно, — потому что видел себя через пятнадцать лет. Без руки. Одного. И хочу понять, как туда не прийти.

Столб тихо дрогнул.

На правой дороге зажглись маленькие синие огни.

Тарас поднялся.

— Удовлетворены?

Надпись изменилась:

ЧАСТИЧНО

— Даже дорога характером в Эраста.

— Я не требовал публичных признаний, — заметил Кунилин.

— Ты записал мои.

— Для хронологии.

Теперь к столбу подошла Мира.

Она молчала долго.

— Я иду к Ардейне, — произнесла она, — потому что она последняя, кому верила моя мать. И потому что хочу узнать, почему мать не вернулась.

На дороге вспыхнул второй ряд огней.

Мира отошла.

Вера провела ладонью по холодному камню.

— Я иду, потому что не знаю, кто я.

Тишина.

— И потому что Денис знал.

Синие огни стали ярче.

Она сделала шаг, но дорога не открылась.

Вера закрыла глаза.

— И ещё потому, что боюсь вернуться домой. Там всё моё — мастерская, чашка, незаконченный шкафчик, цветы на подоконнике. Но теперь я буду смотреть на каждую вещь и думать, настоящая ли она. На каждого человека — не скрывает ли он металлическое лицо.

Эраст стоял рядом.

Не касался её.

Просто был достаточно близко, чтобы она это чувствовала.

— А здесь? — спросил он.

— Здесь я хотя бы знаю, что ничего не знаю.

Синие огни соединились в линию.

Остался Эраст.

Тарас посмотрел на него с живым интересом:

— Сейчас мы наконец узнаем, зачем нормальный человек тащит в другой мир ржавый рычаг.

Кунилин подошёл к столбу.

— Я иду, чтобы установить обстоятельства возникновения угрозы, определить ответственных и предотвратить разрушение миров.

Ничего.

— Формулировка исчерпывающая.

Столб молчал.

— Может, ещё раз? — предложил Тарас. — Без канцелярита.

Эраст нахмурился.

Посмотрел на дорогу.

На Веру.

На табличку НИИПИ, лежавшую в сумке.

На собственное старое лицо, которое несколько часов назад появилось на пластине.

— Я иду, потому что боюсь оказаться виноватым.

Надпись на столбе исчезла.

Камень раскололся сверху донизу.

За ним открылась прямая дорога через лес.

— Можно было сразу сказать, — произнёс Тарас.

— Я не был уверен.

Вера осторожно взяла Эраста под руку.

На этот раз не для поддержки.

Просто взяла.

— Теперь уверены?

Он посмотрел на её ладонь.

— В страхе — да.

— Уже неплохо.

Они пошли по дороге.

Тарас поднял мешок и тихо спросил у Миры:

— А если бы он признался, что идёт из-за ржавого рычага?

— Дорога тоже может ошибаться.

Лес оказался слишком тихим.

Здесь не пели птицы. Не трещали ветки под мелкими звенями. Даже ветер двигал только верхушки, не касаясь кустов внизу.

На стволах рос мох трёх цветов: зелёный, серебряный и почти чёрный.

Мира предупредила:

— На чёрный не наступать.

— Почему? — спросил Тарас.

— Он запоминает вес.

— И что потом?

— Пытается повторить.

Тарас перешагнул пятно.

— Наконец-то магия с понятной техникой безопасности.

Через четверть часа они увидели первого повторённого путника.

Между деревьями прошёл полупрозрачный мужчина с вязанкой хвороста. Его ноги не касались земли. Дойдя до чёрного пятна, он исчез, затем снова появился у дальнего дуба и повторил путь.

— Давно он здесь? — спросила Вера.

— Может, сто лет, — сказала Мира. — Может, вчера.

Следом возникла женщина с корзиной.

Потом солдат, державшийся за раненый бок.

Ребёнок, бегущий за мячом.

Молодая драконица в человеческом облике.

Каждый проходил по своему отрезку и исчезал.

Лес помнил вес тел, но не их жизнь.

Эраст смотрел на эти движения и чувствовал, как пластилина в кармане становится всё теплее.

Вскоре на тропе появился он сам.

Шестилетний.

В короткой куртке, шапке с помпоном и больших варежках на резинке. Мальчик шёл за руку с высоким мужчиной в сером пальто.

Эраст остановился.

Призрак-мальчик тоже.

Не должен был.

Все прежние повторения не замечали путников.

Этот поднял голову.

— Папа, — сказал он, — а если машина не хочет?

Мужчина в сером пальто ответил:

— Машины не хотят, Эрик. Они выполняют программу.

— А если не буду?

— Что?

— Выполнять.

Мужчина улыбнулся:

— Значит, ты не машина.

Призрачный ребёнок посмотрел на взрослого Эраста.

И исчез.

Вера всё ещё держала его под руку.

— Это были вы?

— Не знаю.

— Как вас называл отец?

Кунилин не ответил сразу.

— Эриком.

Тарас подошёл ближе:

— Ты был здесь?

— Нет.

— В шесть лет?

— Я никогда не бывал в другом мире.

— Тогда где происходил этот разговор?

Эраст смотрел на пустую тропу.

— В коридоре института. Отец привёл меня на работу.

— Твой отец работал в НИИПИ?

— Недолго. С восемьдесят шестого по восемьдесят вось-

мой.

— Кем?

— Инженером.

Тарас медленно поставил мешок на землю.

— Отчество твоего отца?

— Александрович.

— Имя?

— Акакий.

Никто не засмеялся.

Даже Тарас.

— Он рассказывал о проекте? — спросила Мира.

— Нет. Через год после того разговора отец исчез.

— Как?

— Уехал в командировку. Не вернулся.

— Куда?

Эраст посмотрел на север.

— В закрытый исследовательский центр. В документах населённый пункт назывался Старая Переправа.

Дальше лес начал меняться.

Сначала деревья сделались выше.

Потом между ними проступили прямые белые колонны, слишком ровные для камня. На ветвях зажглись маленькие красные огоньки.

В воздухе возник голос:

— Переходная зона. Биологическим объектам рекомендуется сохранять спокойствие.

Тарас оглянулся.

— Кто сказал?

— Автоматическое предупреждение, — ответил Эраст.

— С чего ты взял?

— У нас так объявляли в лабораторном корпусе.

Голос повторил:

— Биологическим объектам рекомендуется сохранять спокойствие.

Мира достала меч.

— Оно угрожает?

— Пока рекомендует.

Сверху прошла тень.

Все подняли головы.

Между кронами пролетел не дракон.

Металлический аппарат с четырьмя короткими крыльями. Он двигался бесшумно, оставляя за собой синюю полосу.

Тарас вытащил оружие будущего.

— Без команды, — сказал Эраст.

— Я только держу.

Аппарат остановился над дорогой.

На его нижней части открылся круглый глаз.

Красный луч прошёл по Мирае.

Потом по Вере.

Задержался на Эрасте.

— Руководитель обнаружен, — произнёс голос. — Возраст не соответствует активному профилю.

— Это взаимно, — сказал Кунилин.

Красный луч сместился на Тараса.

— Свидетель обнаружен. Семейный статус: расторгнутый союз.

— Зачем ему это знать?

— Пророчество, — напомнила Мира.

Аппарат просканировал её.

— Носитель аннулированной печати.

Затем Веру.

— Драконий контур. Состояние: пробуждение. Брачная привязка не завершена.

Вера сжала пальцы на руке Эраста.

Он почувствовал.

И почему-то не смог сразу сказать, что это всего лишь автоматическая классификация.

— Доступ к Старой переправе условно разрешён, — сообщил аппарат. — Для открытия главного узла требуется руководитель и связанная с ним сторона.

— Какая сторона? — спросил Тарас.

— Супружеская.

Все четверо замерли.

Тарас медленно повернулся к Эрасту:

— Началось.

— Это ошибка системы.

— У тебя всё ошибка системы, пока она не выдаёт приказ о премировании.

Аппарат развернулся и полетел на север.

Перед исчезновением повторил:

— До завершения допуска руководителю запрещается расторгать брак.

— Я не женат! — крикнул Эраст.

Из леса донеслось:

— Возражение зарегистрировано.

Тарас поднял мешок.

— Поздравляю. Даже другой мир считает, что ты что-то от него скрываешь.

Вера отпустила руку Эраста.

Очень медленно.

— Возможно, связанная сторона — не жена, — сказала она.

— Автомат сообщил однозначно.

— Автоматы тоже ошибаются.

— Разумеется.

Он произнёс это слишком быстро.

Мира пошла вперёд.

— До Старой переправы близко.

Тарас догнал её.

— А для свидетеля никаких требований не было?

— Тебе мало?

— Я предпочитаю знать, за что заранее несу ответственность.

— Ты спас незнакомого врага. Для тебя это уже поздно.

К вечеру лес закончился.

Перед ними лежала широкая долина.

В центре стоял мост.

Он начинался на одном берегу небольшой реки и уходил не на другой, а вверх. Огромная каменная дуга поднималась в небо и обрывалась среди облаков.

Под мостом располагался городок.

Половина домов была деревянной, с резными ставнями. Другая — из белого металла и стекла. Между крышами тянулись трубы, светящиеся провода и подвесные переходы. По улице проехала телега с сеном, за которой бесшумно двигалась машина на шести тонких колёсах.

Над воротами горела вывеска:

СТАРАЯ ПЕРЕПРАВА

ОСНОВАНА В 1684, 1987 И 2412 ГОДАХ

УТОЧНЯТЬ ДАТУ У ДЕЖУРНОГО

У караульной будки сидел старик в ватнике.

На коленях у него лежал арбалет. Рядом стоял электрический чайник, подключённый к синему кристаллу.

Старик увидел путников и поставил кружку.

— Наконец-то.

Эраст остановился.

— Вы нас ждали?

— Тебя — тридцать девять лет.

Старик посмотрел на Веру.

— Её — немного дольше.

Потом на Тараса.

— А тебя вообще не звали.

— Уже привычно.

Старик поднялся. Оказался высоким, почти одного роста с Эрастом.

— Документы.

Кунилин машинально полез во внутренний карман.

Достал паспорт.

Старик раскрыл его, внимательно изучил фотографию, прописку и срок действия.

— Недействителен.

— Почему?

— Выдан в мире, которого к завтрашнему вечеру может не быть.

— Пока мир существует, документ действителен.

Старик посмотрел на Эраста.

Потом снова на паспорт.

— Проходи. Наш человек.

Тарас протянул свой.

Старик открыл страницу о семейном положении.

— Разведён?

— Да.

— Молодец.

— Спасибо.

— Я не хвалю. Просто пророчество опять не совпало.
Мира документов не имела.

Старик посмотрел на разомкнутый знак под её ключицей.

— Тебя Совет ищет.

— Знаю.

— И Морайн.

— Знаю.

— И Ардейна.

Мира вздрогнула.

— Она здесь?

— Нет.

Надежда в её лице погасла так быстро, что старик отвёл глаза.

— Но сообщение оставила.

Вера подошла последней.

Старик попросил:

— Имя.

— Вера Павловна Ладова.

— Настоящее.

— Другого не знаю.

Он достал из кармана маленькое зеркальце и поднёс к её лицу.

В зеркале отразилась женщина.

Потом огромный золотой глаз.

Старик немедленно убрал зеркальце.

— Понятно.

— А мне нет, — сказала Вера.

— Это нормально. Когда всё понятно, обычно уже поздно.
Он открыл ворота.

За ними зажглись фонари сразу трёх эпох: масляные, электрические и маленькие парящие шары.

Эраст ступил внутрь.

Над воротами вспыхнуло:

РУКОВОДИТЕЛЬ ВЕРНУЛСЯ

Следом вошла Вера.

Появилась вторая строка:

СВЯЗАННАЯ СТОРОНА ПОДТВЕРЖДЕНА

Кунилин остановился.

— Ничего не подтверждено.

— Система считает иначе, — сказал старик.

— На каком основании?

— На основании вашего совместного запуска контура у мельницы. Вы оба добровольно взяли за рычаг.

— Это было техническое действие.

— Для старых систем любое совместное техническое действие считается серьёзным намерением.

Тарас кашлянул.

— Теперь понятно, почему у нас так много служебных романов.

Вера посмотрела на Эраста.

— Мы можем отменить связь?

Старик пожал плечами:

— Можно всё. Вопрос в последствиях.

— Каких?

Он указал на мост, уходивший в облака.

Высоко над долиной что-то дрогнуло.

По каменной дуге пробежала трещина.

На город посыпалась мелкая белая пыль.

— Эта переправа держит семь миров, — сказал старик.

— И открывается только совместным решением руководителя и связанной стороны. Если вы расторгнете соединение до перезапуска, мост рухнет.

Тарас посмотрел на надпись о супружеской стороне.

Потом на Эраста и Веру.

— То есть, чтобы спасти мир и не жениться, вам придётся временно не разводиться, хотя вы ещё не женились?

Старик задумался.

— Если коротко — да.

— Хорошее место, — сказал Тюлькин. — Всё как у нас, только честнее.

Глава 13

Человек, который не состарился вовремя

Старика звали Авдей Ильич Савин.

Он сообщил это уже после того, как отвёл путешественников в караульный дом, поставил чайник и велел никому не касаться зелёной двери.

Дверь находилась в стене справа от печи.

Зелёная, деревянная, самая обычная.

Поэтому Тарас сразу ею заинтересовался.

— Что там?

— Завтра.

— А сегодня?

— Сегодня там вчера.

— Понятнее не стало.

Авдей Ильич насыпал в заварочный чайник сушёные листья.

— И не должно. Понятные двери никуда интересного не ведут.

— Мы уже одну открыли.

— Вижу.

Савин кивнул на мешок с драконьим обручем.

— Тяжёлый?

— Не очень.

— Значит, часть управления осталась в драконе.

Вера поставила кружку.

— Что?

Авдей Ильич посмотрел на неё.

— Обруч снимает внешнюю команду, но оставляет привычку подчиняться. Иногда надолго. Иногда навсегда.

— Это можно исправить? — спросила Мира.

— Можно. Если дракон согласится жить без голоса, который объясняет, что делать.

— Он согласится.

— Не решай за него.

Мира сжала губы.

Тарас заметил:

— У вас здесь это любимая фраза?

— После того, что мы натворили, пришлось выучить.

Эраст положил на стол табличку НИИПИ.

— Вы участвовали в проекте С-4?

Авдей Ильич не прикоснулся к ней.

— Участвовал.

— В каком качестве?

— Сначала инженером. Потом виноватым. Здесь это по-

чти одна должность.

— Кто руководил проектом?

Савин посмотрел на Эраста.

— Ты.

— В 1987 году мне было шесть лет.

— Знаю.

— Следовательно, я не мог руководить лабораторией.

— Человек не мог. Система могла.

Эраст достал записную книжку.

— Объясните последовательно.

Савин усмехнулся:

— Акакию ты тоже так говорил.

Рука Кунилина замерла над бумагой.

— Вы знали моего отца?

— Работали вместе.

— Он жив?

Вопрос прозвучал без выражения.

Слишком ровно.

Авдей Ильич налил чай во все кружки. Одну поставил перед Эрастом.

— Не знаю.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Тридцать девять лет назад. И завтра.

Тарас шумно выдохнул.

— Можно отвечать так, чтобы у нас не появлялось по два новых вопроса на каждый старый?

— Нет.

Савин сел.

— Здесь время повреждено. Старая переправа построена там, где несколько эпох касаются друг друга. В восемьдесят седьмом мы обнаружили переход. Думали — естественный тоннель в пространстве. Потом поняли: это не тоннель. Это место, где мир выбирает, каким ему стать.

Мира слушала неподвижно.

— Магия? — спросила она.

— Вы называете её так. Мы называли полем вероятностного согласования.

— Звучит хуже, — сказал Тарас.

— Зато финансирование дали.

Авдей Ильич сделал глоток.

— Любое живое существо постоянно выбирает. Поднять руку или не поднять. Сказать или промолчать. Остаться или

уйти. Обычно мир принимает миллиарды таких решений и связывает в одну историю. Здесь эта связь была слабой. Иногда оба выбора продолжали существовать рядом.

— Другие миры — это варианты нашего? — спросила Вера.

— Не все. Некоторые родились независимо. Некоторые создали мы. Некоторые создали нас.

Эраст нахмурился:

— Логическое противоречие.

— Для обычного времени — да.

— А драконы?

Савин посмотрел на Миру.

— Первыми научились слышать варианты. Они чувствовали не только то, что происходит, но и то, что могло произойти. Поэтому выбирали дорогу до обвала, место для гнезда до наводнения, союзника до войны.

— А потом пришли вы, — сказала Мира.

— Потом пришли мы.

В её голосе не было обвинения.

От этого слова старика прозвучали тяжелее.

— Мы сделали прибор, усиливающий выбор, — продолжил он. — Контур согласования. Он должен был удерживать стабильную линию событий. Если реактор ломался в девяти вариантах из десяти, система выбирала десятый. Если самолёт мог упасть, оставляла путь, в котором не падал.

— Хорошая система, — сказал Тарас.

— Первые три месяца — да.

— А потом?

— Мы решили применить её к людям.

Тишина стала плотной.

Даже чайник перестал шуметь.

— Кого-то заставляли выбирать нужное? — спросила Вера.

— Сначала нет. Система только предлагала безопасный вариант. Потом выяснилось, что можно задать вес. Сделать один выбор громче другого.

Мира посмотрела на мешок с обручем.

— Узда.

Савин кивнул.

— Контур номер шесть. Изначально медицинский. Помогал человеку выйти из шока, услышать собственное решение среди боли и страха. Потом его соединили с блоком возврата. Отказ начал возвращаться как согласие.

— Кто это сделал? — спросил Эраст.

— Не знаю.

— Вы были инженером проекта.

— А ты — руководителем.

Кунилин резко встал.

— Я не был руководителем!

На окне задребезжало стекло.

Все посмотрели на него.

Эраст остался стоять. Потом медленно сел.

— Прошу продолжать.

Авдей Ильич не стал смягчать голос.

— Нужен был профиль, который система не сможет склонить. Человек, способный сказать «нет» даже безопасному и разумному предложению.

Тарас повернулся к другу.

— Через козла прыгать отказался?

— Козёл шатался.

— Твой отец привёл тебя в лабораторию, — сказал Савин.

— Мы записали простую беседу. Задавали вопросы. Предлагали игрушки, сладости, поездку. Ты каждый раз спрашивал: «Зачем?» Потом отказался надеть датчики, пока Акакий не объяснил, что они делают.

В памяти Эраста мелькнула белая комната.

Стул слишком высокий, ноги не достают до пола.

Круглая коробочка с проводами.

Отцовская ладонь на его плече.

— Я согласился, — сказал он.

— После объяснения. Система получила профиль согласия, которое нельзя выманить обманом. Он стал эталоном проверки.

— Почему моё имя указали как руководителя?

— Потому что главный допуск присвоили профилю. Не человеку.

— А биометрическая копия?

— Система росла. Училась строить твои возможные ре-

шения. Каким станешь в двадцать, сорок, семьдесят лет. Ты был её мерой.

Эраст посмотрел на свои руки.

— Моё старое лицо на пластине...

— Один из рассчитанных вариантов.

— Будущий Тарас? — спросила Мира.

Савин перевёл взгляд на Тюлькина.

— Может быть человеком. Может — моделью. Различить трудно, пока не спросишь то, чего система не могла знать.

— Он знал про табуретку.

— Об этом знал ты. Значит, могла знать система.

Тарас вынул оружие и положил на стол.

— А это модель?

Авдей Ильич увидел красную кнопку.

И отодвинул кружку.

— Осторожно положи на пол.

— Почему?

— Потому что синяя кнопка удаляет материальную структуру в заданном объёме.

— Уже проверил.

— Красная удаляет вариант, в котором была нажата.

Все замолчали.

Тарас посмотрел на устройство.

Очень медленно перенёс его на пол.

— То есть человек, который нажмёт...

— Исчезнет не только сам. Исчезнет вся линия событий,

которая привела его к нажатию.

— Насколько большая линия?

— Зависит от человека.

— Будущий я нажал.

Савин долго смотрел на Тараса.

— Тогда он не мог этого сделать.

— Я видел.

— Если бы сделал, ты не помнил бы.

Мира поднялась.

— Значит, он солгал.

— Или хотел, чтобы вы так думали.

— Зачем?

— Чтобы вы поверили: он пожертвовал собой.

Мира отвернулась.

Тарас не двигался.

— Снимки, — сказал Эраст.

Все посмотрели на него.

Он достал записку из будущего.

— Латинская буква в отчестве. Вторая записка с той же ошибкой. Табличка у мельницы. Система использует профиль, но при переносе текста заменяет символ. Это не человек.

— Не обязательно, — сказал Савин. — Человек тоже может пользоваться системой.

— Кто имеет доступ?

Старик поднялся.

— Сейчас увидим.

Он подошёл к зелёной двери.

— Вы сказали не открывать.

— Сейчас уже завтра.

— Как определили?

Авдей Ильич кивнул на часы над печью.

Стрелки шли в разные стороны.

Минутная только что догнала часовую.

— В Старой переправе это считается полуночью.

Он открыл дверь.

За ней находился кабинет Эраста в НИИПИ.

Тот самый.

Только пустой.

За окном лежал снег. На календаре значился декабрь 1987 года. У дальней стены стоял дубовый шкаф.

Возле компьютера сидел мужчина в сером пальто.

Акакий Александрович Кунилин.

Отец Эраста.

Такой, каким сын запомнил его в последнее утро.

Акакий Александрович поднял голову.

Увидел людей за дверью.

Сначала Авдея Ильича.

Потом взрослого сына.

Лицо его изменилось.

— Эрик?

Эраст не ответил.

Не смог.

Отец встал.

Сделал шаг.

Между ними оставалось меньше трёх метров и тридцать девять лет.

— Не входи! — резко сказал Савин.

Эраст остановился на пороге.

— Почему?

— Это прошлое. Если пересечёшь границу без стабилизации, система свяжет вас напрямую.

— Что это значит?

— Один из вас займёт место другого.

Акакий Александрович подошёл ближе.

— Ты вырос.

Эраст смотрел на него.

На знакомый узел галстука. На небольшую складку у переносицы. На левой руке отца не хватало кончика мизинца — след станка, о котором он рассказывал сыну как о доказательстве необходимости читать инструкции.

Настоящий.

Или слишком точная копия.

— Вы живы? — спросил Эраст.

Отец посмотрел на Авдея.

— Для него прошло больше времени?

Савин кивнул.

— Для нас — меньше часа.

— Что случилось после того, как вы уехали?

Акакий Александрович закрыл глаза.

— Значит, я не вернулся.

— Нет.

— Прости.

Эраст почувствовал, как Вера встала рядом.

Не взяла за руку.

Не стала мешать ему держаться.

Просто поделила с ним порог.

— Почему? — спросил он.

— Потому что мы открыли Сердце. И увидели, что оно уже знает тебя взрослого.

— Я не понимаю.

— Я тоже не понял. Тогда.

Отец поднял с рабочего стола толстую папку.

На обложке было написано:

ПРОЕКТ «ЭРАСТ»

ЭТАЛОН НЕПРИНУЖДЁННОГО ВЫБОРА

— Система не рассчитывала твоё будущее, — сказал Акакий Александрович. — Она вспоминала.

В кабинете погас свет.

За окном, поверх зимней ночи 1987 года, проступил Белый город.

Высокие башни из гладкого металла.

Серые фигуры на улицах.

И гигантский скелет дракона над центральной площадью.

— Они нашли нас, — сказал отец.

Авдей Ильич схватился за дверь.

— Закрываем!

— Подождите! — Эраст шагнул вперёд.

Вера удержала его.

Не силой.

Ладонью на груди.

— Он сказал не входить.

— Это мой отец.

— Именно поэтому.

В дальнем конце кабинета открылась белая дверь.

Появился человек.

Высокий, седой, в безупречном светлом костюме.

С лицом семидесятилетнего Эраста Кунилина.

— Руководитель, — произнёс он. — Наконец-то вы вернулись.

Акакий Александрович обернулся.

Седой двойник поднял руку.

Из его пальцев вырвались серебряные нити.

— Закрывай! — крикнул отец.

Авдей Ильич потянул зелёную дверь.

Эраст успел увидеть, как одна нить обвилась вокруг руки

Акакия Александровича.

Вторая полетела к порогу.

Вера толкнула Эраста назад.

Нить ударила в дверь.

Зелёная створка захлопнулась.

Изнутри донёлся глухой удар.

Потом тишина.

Эраст стоял, глядя на деревянную поверхность.

Его ладонь лежала на ручке.

— Откройте, — сказал он.

Авдей Ильич покачал головой.

— Сейчас нельзя.

— Мой отец там.

— Он всегда был там.

— Откройте.

— Эраст, — тихо сказала Вера.

Он повернулся к ней.

Впервые она увидела в его лице не сдержанность, не осторожность и не привычку прятать чувства за точными словами.

Ярость.

— Вы меня остановили.

— Да.

— Он мог выйти.

— А вы могли исчезнуть.

— Это было моё решение.

Вера побледнела.

Убрала руку.

— Да, — сказала она. — Ваше.

Эраст сразу понял, что сделал.

Но сказанное уже существовало.

В отличие от вариантов, его нельзя было вернуть внутрь.

Зелёная дверь задрожала.

По ней прошла белая трещина.

Из комнаты донёсся голос седого двойника:

— Связанная сторона нарушила волю руководителя. Со-
единение признано нестабильным.

Над дверью зажглись слова:

НАЧАТА ПРОЦЕДУРА РАСТОРЖЕНИЯ

Снаружи загудел мост.

Весь город содрогнулся.

С потолка посыпалась штукатурка.

Авдей Ильич посмотрел на Эраста и Веру.

— Поздравляю, — сказал он. — Вы ссоритесь всего мину-
ту, а уже разрушаете семь миров. Редкий семейный талант.

Глава 14

Расторжение того, чего не было

Мост треснул второй раз.

Звук пришёл сверху — глубокий, протяжный, похожий на раскат грома, который заблудился в камне. В караульном доме качнулись лампы. Электрический чайник съехал к краю стола, но Авдей Ильич поймал его одной рукой.

— Кружки держите, — сказал он. — В прошлый раз всю заварку разлили.

Тарас подхватил оружие с пола.

— В прошлый раз тоже кто-то разводился?

— Тогда Совет Корон менял договор с драконами.

— И как?

— Плохо. Но чай был хороший.

Над зелёной дверью продолжали гореть слова:

НАЧАТА ПРОЦЕДУРА РАСТОРЖЕНИЯ

СТАБИЛЬНОСТЬ СВЯЗИ: 61%

Цифра сменилась на пятьдесят девять.

Вера стояла у стены.

Эраст — напротив двери.

Между ними было всего несколько шагов, но комната почему-то казалась длиннее, чем дорога от Ладена.

— Как остановить процедуру? — спросил Кунилин.

Авдей Ильич поставил чайник.

— Две стороны должны подтвердить связь.

— Как?

— Добровольно.

— Конкретнее.

— Старый ты тоже всё время требовал инструкцию.

— Он не я.

— Тогда перестань отвечать так же.

Эраст сжал ручку зелёной двери.

Она была тёплой. За ней находился отец. Или его прошлое. Или сохранённая системой копия.

Какая разница, если он произнёс «Эрик» тем самым голосом?

— Сначала откройте дверь.

— Нельзя, — повторил Савин.

— Там человек.

— Там момент. Откроем сейчас — он соединится с тобой.

— Вы не знаете точно.

— Знаю. Я уже однажды открыл.

Авдей Ильич закатал левый рукав.

От запястья до локтя тянулась полоса молодой кожи.

Не шрам.

Будто руку разделили пополам по времени: одна половина принадлежала старику, вторая — тридцатилетнему мужчине.

— Кто был по ту сторону? — спросила Мира.

— Я сам. За минуту до аварии.

Тарас подошёл ближе:

— И что произошло?

— Он увидел, кем станет. Испугался. Отступил.

Савин опустил рукав.

— Поэтому я до сих пор помню события, которых не совершал. Женщину, на которой не женился. Дочь, которая не родилась. Дом у моря, куда никогда не приехал.

Тарас посмотрел на красную кнопку лежавшего в его ладони оружия.

— Варианты не исчезают?

— Исчезают для мира. Не всегда для человека.

Мост загудел.

Стабильность упала до пятидесяти двух процентов.

На улице закричали.

Авдей Ильич шагнул к окну.

— Началось расслоение.

За стеклом город раздвоился.

По одной улице шли люди с вёдрами. По другой, занимавшей то же место, двигались серебристые машины. Деревянный дом то обрастал белыми металлическими панелями, то снова становился старым. Над крышей парил рекламный знак:

ЗАМЕНА ПАМЯТИ

БЫСТРО

БЕЗБОЛЕЗНЕННО

ПЕРВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПОДАРОК

Тарас прочитал.

— Не нравится мне ваше будущее.

— Это не наше, — сказал Савин. — Пока.

Эраст отпустил дверную ручку.

Повернулся к Вере.

Она не отвела глаз, но руки держала сцепленными перед собой, словно боялась снова протянуть их не вовремя.

— Я был неправ, — сказал он.

Надпись над дверью не изменилась.

— Система требует подтверждения, — напомнил Авдей Ильич.

— Я разговариваю не с системой.

Савин кивнул и отошёл к окну.

Эраст продолжил:

— Вы спасли меня. Я ответил так, будто ваше решение не имело значения. И будто человек обязан спокойно смотреть, как другой шагает в опасность, если тот назвал это своим выбором.

Вера молчала.

— Почему вы хотели войти? — спросила она.

— Там отец.

— Я понимаю.

— Нет. Я сам не понимаю.

Он посмотрел на зелёную дверь.

— Тридцать девять лет я знал, что он не вернётся. Сначала ждал. Потом злился. Потом привык рассказывать себе, что человек просто исчезает из жизни и с этим можно существовать. А теперь он оказался в трёх шагах. Я снова был шестилетним мальчиком. И хотел, чтобы кто-нибудь разрешил мне открыть дверь.

Вера разжала пальцы.

— А я снова стояла перед Денисом, который говорил, что сам решит, что для меня безопасно.

Эраст вздрогнул.

— Я не...

— Знаю. Вы не он.

Она подошла ближе.

— Но когда я увидела нить, летевшую к вам, то не думала о вашем праве выбирать. Я просто испугалась.

— И правильно сделали.

— Нет. Не правильно и не неправильно. Сделала — и всё. А теперь должна признать: если бы всё повторилось, я бы снова вас остановила.

Стабильность упала до сорока восьми процентов.

— Это не похоже на примирение, — заметил Тарас.

Мира толкнула его локтем.

— Молчи.

Эраст посмотрел на Веру.

— Тогда в следующий раз предупредите.

Она рассмеялась:

— Когда? Пока серебряная нить летит?

— Желательно заранее.

— Хорошо. Эраст, если вы снова попытаетесь исчезнуть в прошлом, я буду вам мешать.

— Принято.

— А вы?

Он подумал.

— Я постараюсь не говорить вам, что делать, когда на самом деле хочу сказать, что боюсь за вас.

Над дверью появилась новая строка:

ВЗАИМНОЕ НАМЕРЕНИЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАНО

Стабильность поднялась до пятидесяти пяти процентов.

Тарас удивлённо присвистнул:

— Работает.

— Мы не закончили, — сказала Вера.

Она стояла совсем близко.

— Зачем вы идёте дальше со мной?

Эраст машинально хотел ответить: «Потому что этого требуют обстоятельства».

Увидел выражение её лица.

Отказался от формулировки.

— Потому что вы мне нужны.

Система не отреагировала.

— Для открытия моста? — спросила Вера.

— Нет.

Он снял очки, хотя протирать их не требовалось.

— Рядом с вами я реже думаю только о том, что может пойти неправильно.

Вера ждала.

— И чаще — о том, что ещё можно исправить.

Золотая линия прошла по зелёной двери.

Стабильность поднялась до семидесяти двух процентов.

— Теперь ты, — шепнул Тарас Вере.

— Я слышала.

Она взяла Эраста за руку.

— Я иду с вами не потому, что система назвала меня связанной стороной. И не потому, что мне некуда возвращаться.

— А почему?

— Потому что вы постучали, прежде чем войти в комнату, где могла находиться ловушка.

Кунилин растерялся:

— Это обычная вежливость.

— Уже нет.

Стабильность поднялась до девяноста четырёх процентов.

Над дверью вспыхнуло:

СВЯЗЬ ПОДТВЕРЖДЕНА

ФОРМА СОЮЗА: НЕ ОПРЕДЕЛЕНА

Тарас заглянул через плечо:

— Вот. Даже система не утверждает, что вы женаты.

Появилась следующая строка:

РЕКОМЕНДУЕТСЯ УТОЧНИТЬ ПРИ ПЕРВОЙ ВОЗМОЖНОСТИ

— А вот теперь утверждает, что вы тянете, — добавил он.

Вера отпустила руку Эраста.

— Тарас.

— Молчу.

Мост перестал гудеть.

За окном два города медленно соединились в один. Белые панели исчезли с деревянных стен. Рекламный знак мигнул и погас.

Авдей Ильич выдохнул.

— Контур удержали.

Эраст посмотрел на зелёную дверь.

— Теперь откроем?

— Нет.

— Почему?

— Потому что её открывают с той стороны.

Из-за двери донёсся стук.

Два раза медленно.

Три быстро.

Точно так же когда-то ответил шкаф.

Эраст постучал тем же ритмом.

Зелёная дверь стала прозрачной.

Они снова увидели кабинет 1987 года.

Акакий Александрович сидел на полу, прислонившись к столу. На правой руке темнел след серебряной нити. Седого двойника не было.

— Папа.

Отец поднял голову.

— Не входи.

— Что произошло?

— Он забрал папку. Не всю.

Акакий Александрович показал несколько вырванных листов.

— Кто он?

— Управляющий профиль. Мы создали его из твоих воз-

можных решений.

— Почему старый?

— Возраст максимальной устойчивости. Мы рассчитывали, что опыт сделает копию осторожнее.

Тарас покачал головой:

— Не угадали.

Акакий Александрович услышал.

Слабо улыбнулся:

— Ты Тарас?

— Да.

— Значит, система всё-таки нашла свидетеля.

— Свидетеля чего?

Отец Эраста посмотрел на сына.

— Его отказа.

— Какого?

Белая трещина прошла по стене кабинета.

Акакий Александрович торопливо поднял лист.

— Слушай. Главное Сердце нельзя уничтожить. Нельзя отдавать Совету. Нельзя передавать Белому городу. Его должен отключить тот, чей профиль лежит в основе управления.

— Я?

— Да.

— Где Сердце?

— В Переходном дворе.

Мира приблизилась к двери.

— Ардейна там?

— Была.

— Моя мать?

Акакий Александрович посмотрел на неё.

— Лианна?

Мира побледнела.

— Вы знали её?

— Она помогла мне закрыть первый разлом.

— Где она?

Отец Эраста не успел ответить.

Снаружи раздался сигнал.

Низкий, механический, совершенно не похожий на городской колокол.

Авдей Ильич бросился к окну.

Над долиной появились белые точки.

Десятки.

Сборщики спускались из облаков.

— Они нашли узел, — сказал Савин.

За зелёной дверью Акакий Александрович поднялся.

— Закройте канал!

— Мы вернёмся, — сказал Эраст.

— Нет. Для меня вы ещё не приходили.

— Я найду вас.

Отец положил ладонь на прозрачную поверхность.

Эраст сделал то же самое со своей стороны.

Они не почувствовали прикосновения.

— Ты уже нашёл, — сказал Акакий Александрович. —

Теперь найди себя.

Дверь погасла.

Снова стала зелёной и деревянной.

Эраст ещё секунду держал на ней ладонь.

Потом надел очки.

Повернулся к остальным.

— Что необходимо сделать?

Авдей Ильич уже натягивал ватник.

— Не дать им занять мост.

— Сколько у нас людей?

— Семнадцать.

— Оружие?

— Два арбалета. Три охотничьих ружья. Один старый излучатель, который стреляет по вторникам.

Тарас посмотрел на часы, идущие в разные стороны.

— Сегодня какой день?

— На этой стороне — вторник.

— Хоть одна хорошая новость.

Глава 15

Битва с соблюдением техники безопасности

На площади Старой переправы собирались защитники.

Их оказалось девятнадцать.

Авдей Ильич забыл посчитать кузнеца, который почти не слышал, и женщину, управлявшую шестиколёсной машиной. Она приехала последней, сняла с платформы длинный металлический стержень и сообщила:

— Заряд один.

— Почему один? — спросил Савин.

— Остальные ты израсходовал при прошлой проверке.

— Тогда они не сработали.

— Ты проверял не во вторник.

Тарас оглядел отряд.

Двое с арбалетами. Трое с ружьями. Четверо с копьями.

Остальные держали то, что нашлось: молоты, багры, цепи и один особенно внушительный половник.

Половник был у трактирщицы.

— Им воевать собираетесь? — спросил Тюлькин.

— Я им мужа воспитывала. Эти ваши железные покойники мягче.

Возразить он не решился.

Белые точки приближались.

Теперь различались фигуры в серых костюмах. Они спускались стоя на небольших круглых платформах. Серебряные маски отражали три луны, хотя на вечернем небе пока светила одна.

— Они из другого времени, — сказала Мира.

— Какая разница? — спросил кузнец.

— В них трудно попасть. Вы стреляете туда, где они были или будут.

— А где они сейчас?

— Между.

Кузнец задумался:

— Значит, бить шире.

Простой подход иногда превосходил сложную науку.

Мост начинался у северной площади.

Широкая каменная дуга уходила вверх, становилась тоньше и исчезала в облаках. У её основания стояли две статуи драконов. Один был изображён с раскрытой пастью, второй — с закрытыми глазами.

Эраст заметил табличку у первой:

ВХОД

У второй:

ВЫБОР

— Почему не «выход»? — спросил он.

Авдей Ильич устанавливал излучатель между статуями.

— Потому что выйти отсюда можно в нескольких местах.

Выбрать придётся одно.

— А если не выбрать?

— Мост выберет сам.

— На каком основании?

— На основании того, что считает полезным.

— У вашего устройства опасная склонность к превышению полномочий.

— Поэтому и зовём тебя.

Над камнями возникли золотые символы:

РУКОВОДИТЕЛЬ НА МЕСТЕ

СВЯЗАННАЯ СТОРОНА НА МЕСТЕ

СВИДЕТЕЛЬ НА МЕСТЕ

ХРАНИТЕЛЬ ПЕЧАТИ НА МЕСТЕ

Тарас прочитал:

— Как-то подозрительно все собрались.

Мира подняла меч.

— Нас собирали.

Первая группа Сборщиков опустилась на крыши.

Десять фигур.

Они двигались одинаково, поворачивая головы в один момент.

Голос прозвучал сразу отовсюду:

— Узел подлежит возвращению под управление Белого города. Сопротивление увеличит совокупный ущерб.

— Нам сегодня уже угрожали заботой, — сказала Вера.

Один Сборщик повернулся к ней.

— Дракони́й контур нестабилен. Рекомендуются добровольная передача.

— Отказано, — ответил Эраст.

Фигуры одновременно подняли руки.

— Отказ зарегистрирован как запрос на повторное уведомление.

— Даже хуже, чем реклама по телефону, — сказал Тарас. Серебряные нити ударили по площади.

Первый залп защитников прошёл сквозь Сборщиков.

Болты и пули вылетели из их спин, не оставив следов.

— Они не здесь! — крикнула Мира.

Кузнец шагнул вперёд и размахнулся молотом.

Сборщик уклонился.

Не полностью.

Молот задел плечо. Серый костюм треснул, под ним блеснул белый свет.

— Значит, шире, — удовлетворённо сказал кузнец.

Тарас нажал синюю кнопку.

Прозрачный шар пролетел между двумя фигурами и ударил в платформу третьего.

Платформа рассыпалась кубиками.

Сборщик завис в воздухе на серебряных нитях.

— По тому, на чём стоят! — крикнул Тюлькин. — Платформы находятся в нашем времени!

Стрелки изменили цель.

Один арбалетный болт отскочил.

Другой вошёл в край диска.

Платформа накренилась, Сборщик соскользнул и упал на крышу.

Черепица выдержала его.

Половник трактирщицы — нет.

Она ударила сверху двумя руками.

Маска треснула.

— Муж был крепче, — сообщила женщина.

К мосту прорвались трое.

Мира встретила первого.

Её меч оставлял в воздухе золотой след. Сборщик выбросил нити. Она пропустила одну над плечом, вторую намотала на клинок и рванула на себя.

Фигура шагнула вперёд.

Тарас ударил её снятой с обруча скобой.

Серебряная маска съехала набок.

Под ней не было лица.

Только множество тонких белых нитей, сплетённых в человеческую форму.

— Неприятно, — сказал Тарас.

Нити метнулись к нему.

Мира закрыла его собой.

Они обвилились вокруг её раненого плеча.

Девушка вскрикнула.

Тарас схватил нити голой рукой.

— Отпусти её!

Белый свет ударил ему в ладонь.

На коже проступили серебряные линии.

В голове Тараса зазвучал спокойный голос:

«Усталость зарегистрирована. Боль может быть прекращена. Передайте решение системе».

Перед глазами появился подвал.

Старший Тарас с металлической рукой.

Мира — старше, с белой прядью.

Разрушенный город.

«Этот вариант уже известен. Избежать потерь невозможно. Передайте решение».

Тарас сжал нити.

— Избежать всего нельзя, — прошептал он. — А вот тебя — попробую.

Он рванул.

Сборщик потерял равновесие.

Мира высвободила плечо и вонзила меч в сплетение нитей под маской.

Белый свет вспыхнул.

Фигура рассыпалась.

Тарас упал на одно колено.

Мира схватила его руку.

Серебряные линии уже исчезали.

— Что ты слышал?

— Очень убедительное предложение ничего не решать.

— И?

— Отказался.

Она прижала его ладонь к своей груди, прямо поверх разомкнутого знака.

Там билось сердце.

Быстро.

Живо.

— Хорошо, — сказала Мира.

Тарас поднял глаза:

— Это медицинская процедура?

— Молчи.

— Уже лучше.

Эраст и Вера стояли у основания моста.

Именно туда тянулись Сборщики.

Не к людям.

К золотым надписям на камне.

— Они хотят изменить настройки, — сказал Савин. —

Если получают доступ, развернут переход на Белый город.

— Как запретить?

— Руководитель должен закрыть узел.

— Последствия?

— Пока закрыт, никто не пройдёт к Переходному двору.

— Другой путь есть?

— Есть всегда.

— Какой?

— Не знаю.

— Это не знание, а предположение.

— Зато обычно верное.

Вера смотрела на статую с закрытыми глазами.

— Почему вход открывает руководитель, а выбор?

Савин повернулся к ней:

— Связанная сторона.

— Как?

— Положите руку на знак.

— И что произойдёт?

— Увидите дороги.

— Все?

— Те, которые мост считает возможными.

Вера положила ладонь на камень.

Мир исчез.

Она увидела семь дорог.

На первой Эраст погибал у зелёной двери, успев коснуться руки отца.

На второй Тарас нажимал красную кнопку, и вокруг него гасли города.

На третьей Мира надевала корону Совета, а за её спиной драконы склоняли головы в чёрных обручах.

На четвёртой Вера стояла на берегу моря. Одна. Спокойная. Не помня ни Эраста, ни Дениса, ни собственного огня.

Пятая вела в Белый город.

Там не было войны.

Не было голода.

Не было отказов.

Люди улыбались, потому что никто не мог выбрать несчастье.

Шестая дорога обрывалась во тьме.

Седьмую Вера почти не видела.

По ней шли четыре человека.

Не вместе.

Каждый своим шагом, сохраняя расстояние и всё же не теряя остальных.

Над дорогой летели драконы.

За горизонтом поднималось незнакомое солнце.

В конце стояла дверь.

На ней висела табличка:

ЗАКРЫТО НА ПЕРЕУЧЁТ

Вера открыла глаза.

— Выбрали? — спросил Эраст.

— Нет.

— Почему?

— Потому что он показал только семь.

— А должно быть сколько?

— Больше.

Сборщики поднимались на мост.

Защитники отступали.

Авдей Ильич повернул рукоять излучателя. Металлический стержень загудел.

— Заряд готов!

— Стреляйте, — сказал Тарас.

— Нельзя. Вторник закончился три минуты назад.

— Вы серьёзно?

— Сейчас на мосту уже среда.

Тарас схватился за рукоять излучателя.

— А вот здесь?

— Вторник.

— Тогда развернём его отсюда!

Вдвоём с кузнецом они потащили тяжёлое устройство назад с каменной дуги.

Вера снова прикоснулась к статуе.

Семь дорог.

Те же.

Навязанные варианты.

— Он лжёт, — сказала она.

— Кто? — спросил Эраст.

— Мост. Или система внутри него. Показывает только дороги, которые может рассчитать.

— Что предлагаете?

— Выбрать восьмую.

— Которой нет?

Она посмотрела на него:

— Вы же специалист по оборудованию, не состоящему на балансе.

Смысл пришёл сразу.

Эраст достал металлическую пластину.

Приложил к табличке «ВЫБОР».

На поверхности появились семь строк.

Каждая соответствовала одной дороге.

Ниже оставалось пустое место.

Кунилин вынул карандаш.

— Что ты делаешь? — спросил Савин.

— Дополняю перечень.

— Это управляющий интерфейс, а не бланк!

— Тем более странно, что он не предусматривает вариант «иное».

Эраст написал прямо на пластине:

ДРУГОЕ РЕШЕНИЕ

Карандашный след вспыхнул.

Мост содрогнулся.

Сборщики одновременно повернули головы.

— Обнаружено недопустимое изменение, — произнесли они.

— Допустимое, — ответил Эраст. — Пункт добавлен руководителем.

— Требуется подтверждение связанной стороны.

Вера положила ладонь поверх его надписи.

— Подтверждаю.

Белый свет рванулся по каменной дуге.

Мост перевернулся.

Не рухнул.

Не повернулся в воздухе.

Просто на одно короткое мгновение решил, что верх находится в другой стороне.

Сборщики сорвались с камней и полетели в небо.

Их серебряные нити хватали воздух, крыши, облака — но всё, к чему они прикасались, тоже оказывалось «внизу».

Платформы столкнулись.

Фигуры рассыпались белыми искрами.

Тарас и кузнец едва удержали излучатель.

Трактирщица прижала половник к груди.

— Я только полы вымыла!

Потом направление мира вернулось.

Защитники остались на площади.

Сборщики исчезли в облаках.

Последний ударился о статую входа и замер у ног Эраста.

Маска треснула.

Под ней появилось лицо седого Кунилина.

— Нерассчитанный выбор увеличивает страдание, — произнёс двойник.

Эраст присел рядом.

— Возможно.

— Белый город исключает ошибку.

— Исключая возможность отказа.

— Отказ создаёт конфликт.

— Иногда.

— Конфликт разрушает миры.

Эраст посмотрел на Веру.

— А иногда удерживает.

Седое лицо дрогнуло.

На секунду стало лицом шестилетнего мальчика.

— Машина должна выполнять программу, — сказала оно.

Эраст вспомнил отца.

Коридор.

Шатающегося гимнастического козла.

— А человек?

Мальчик улыбнулся.

— Может не выполнять.

Сборщик рассыпался тонкой белой пылью.

В центре осталась маленькая стеклянная пластинка.

На ней было записано одно слово:

МОРАЙН

Мира подняла её.

— Значит, он связан с Белым городом.

Авдей Ильич покачал головой:

— Нет. Это не имя человека.

— А чьё?

Савин посмотрел на погасшие облака.

— Так назывался проект, который должен был заставить систему защищать мир любой ценой.

Тарас подошёл, придерживая обожжённую руку.

— Защитник, который начал войну?

— Он не начинал.

— Тогда кто?

— Мы, — ответил старик. — Когда решили, что знаем, какой мир правильный.

Битва закончилась.

Старая переправа потеряла две крыши, половину стеклянного перехода и три фонаря. Погибших не было. Раненых оказалось семеро, если считать Тарасову ладонь, и шестеро, если верить самому Тарасу.

Трактирщица считать её отказалась.

— Чашку держит? Значит, здоров.

Она налила всем горячего отвара.

Мира сама перевязала Тарасу руку.

Он наблюдал, как она затягивает узел.

— Можно слабее.

— Нельзя.

— Почему?

— Ты снова полезешь хватать неизвестное.

— Неизвестное хватало тебя.

Мира завязала второй узел.

— Теперь полезешь медленнее.

Тарас попробовал согнуть пальцы.

— Ты обо всех так заботишься?

— Нет.

— Хорошо.

Она подняла глаза:

— Что хорошего?

— Что рука одна.

Мира сначала не поняла.

Потом усмехнулась.

— Вторая пригодится.

— Обнадёживает.

Эраст нашёл Веру у статуи выбора.

Она стояла, положив ладонь на холодный камень.

— Дороги исчезли? — спросил он.

— Нет. Теперь их слишком много.

— Это лучше?

— Не знаю.

Он остановился рядом.

— Вы были правы, когда удержали меня у двери.

— Не начинайте снова.

— Я не закончил. Вы были правы в результате, но я всё ещё не знаю, имели ли право решать за меня.

Вера посмотрела на него.

— Это самое странное извинение, которое я слышала.

— Я не извиняюсь второй раз. Уточняю позицию.

— Тогда моя позиция тоже прежняя. Я снова буду вам мешать.

— Предупредив.

— Если успею.

Он кивнул.

— Приемлемо.

Она улыбнулась.

— Какое счастье.

Эраст хотел сказать ещё что-то.

Не нашёл точной формулировки.

Вера слегка коснулась его плечом.

— Иногда можно ничего не объяснять.

— Это ненадёжно.

— Зато тише.

Они постояли молча.

Мост над ними светился мягким золотом.

Утром Авдей Ильич собрал их у начала подъёма.

— Восьмая дорога открыта, — сказал он. — Мост прове-

дѣт вас к первому действующему переходу.

— К Переходному двору? — спросила Мира.

— Нет. К месту, где хранится ключ от него.

— Где?

Савин показал на дугу.

На камнях проступило изображение огромного города под прозрачным куполом. В небе между башнями двигались машины. За куполом лежала красная пустыня.

— Мир Орбис-девять, — сказал старик. — Две тысячи четыреста двенадцатый год по вашему календарю.

Тарас поднял мешок с обручем.

— Значит, сначала прошлое, теперь будущее.

— Оно не будущее. Один из вариантов.

— Там есть драконы?

— Были.

— Магия?

— Запрещена.

— Война?

— Официально закончилась сто двадцать лет назад.

Тарас посмотрел на изображение мирного города.

— Значит, всё особенно плохо.

Авдей Ильич передал Эрасту зелёный ключ.

— На той стороне не называй полного имени.

— Почему?

— Белый город уже пользуется твоим профилем. Если получит имя добровольно, признает тебя действующим руко-

водителем.

— А что в этом плохого?

— Придётся подписать все решения, которые он принимал от твоего лица.

Эраст побледнел.

— За тридцать девять лет?

— За четыреста двадцать пять.

Тарас присвистнул:

— Даже ты не любишь документы настолько.

— Никто не любит документы настолько.

Мира первой ступила на мост.

Вера — следом.

Эраст задержался.

— Отец?

Авдей Ильич посмотрел на зелёную дверь караульного дома.

— Если перезапустите Сердце, все незавершённые переходы откроются на один час.

— Значит, шанс есть.

— Шанс есть всегда. Именно с него начались наши неприятности.

Эраст кивнул.

Они пошли вверх.

С каждым шагом город внизу уменьшался. Каменная дуга уходила в облака. Ветер становился сильнее, но никто не видел края моста: золотые огни вспыхивали под ногами рань-

ше, чем путник успевал испугаться.

Тарас поравнялся с Эрастом.

— Как думаешь, там придётся кого-нибудь спасать?

— Безусловно.

— Жениться?

— Нет.

На камне под их ногами появилась надпись:

УТВЕРЖДЕНИЕ НЕ ПОДТВЕРЖДЕНО

— Ты это видел? — спросил Тарас.

— Нет.

— Я тоже.

Они ускорили шаг.

Впереди Вера рассмеялась.

Мост поднялся выше облаков и распахнулся в другое небо.

Конец первой части

Часть вторая

Город завтрашнего вчера

Глава 16

Покойник прибыл без разрешения

Первым в будущее вошёл Тарас Ананиевич.

Не из храбрости.

Просто Мира, шедшая впереди, остановилась на самом краю перехода, а Тарас не успел затормозить.

Они вместе вывалились из золотого света, прокатились по

гладкому полу и врезались в прозрачную стену.

Стена вежливо сообщила:

— Столкновение зарегистрировано. Медицинская помощь не требуется.

Тарас лежал на спине.

Мира — сверху.

Одна её ладонь упиралась ему в грудь, вторая всё ещё сжимала меч.

— Удобная стена, — сказал он.

— Молчи.

— Уже второй раз просишь в таком положении.

Мира быстро поднялась.

Тарас сел, потирая затылок.

Следом из перехода вышли Вера и Эраст. Они сделали это значительно аккуратнее, поскольку увидели результат чужого эксперимента.

Последним пересёк границу мешок с драконьим обручем. Он появился в воздухе на высоте человеческого роста и упал Тарасу на ноги.

— Переход завершён, — объявил женский голос. — Добро пожаловать в Орбис-девять. Незаявленное холодное оружие, биологические аномалии и свободная воля подлежат регистрации.

Эраст оглядел помещение.

Они находились в круглом зале под прозрачным куполом. За куполом простиралась красная равнина, покрытая тём-

ными камнями. Вдали поднимались две горные цепи. Небо было бледно-жёлтым, без единого облака.

В центре зала стояла арка перехода.

Каменная.

С резными драконами.

Всё остальное состояло из белого металла, стекла и тонких световых линий.

— Где город? — спросила Вера.

— Под нами, — ответил голос.

Пол сделался прозрачным.

На глубине в несколько сотен метров сияли улицы.

Орбис-девять уходил вниз огромными кольцами. По стенам двигались лифты. Между уровнями тянулись мосты. Маленькие летательные аппараты скользили в пустом центральном пространстве, похожем на колодец размером с гору.

Тарас подошёл к краю, посмотрел вниз и сразу отступил.

— Лучше бы город был снаружи.

— Снаружи средняя температура шестьдесят три градуса, — сообщил голос. — Продолжительность выживания незащищённого человека составляет четыре минуты.

— Тогда внутри неплохо.

Из пола поднялись четыре тонкие стойки.

На каждой загорелась надпись:

ПРИЛОЖИТЕ ЛАДОНЬ ДЛЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ

— Не прикладывайте, — сказал Эраст.

— Процедура обязательна, — возразил голос.

— На каком основании?

— Посещение Орбис-девять является добровольным согласием на обработку личности.

— Мы не посещали город добровольно. Нас доставил мост.

— Переход по мосту невозможен без осознанного движения ног.

— Осознанное движение не означает согласия со всеми последующими условиями.

Наступила пауза.

Свет на стойках замигал.

— Возражение не предусмотрено.

— Тогда предусмотрите.

Тарас посмотрел на Миру:

— Он уже спорит с городом. Значит, освоился.

— Для допуска достаточно имени, — сказал голос.

Эраст вспомнил предупреждение Савина.

— Имена не сообщаем.

— Без идентификации выход из зала невозможен.

Из стены бесшумно выдвинулись две двери.

На одной было написано:

ИДЕНТИФИЦИРОВАННЫЕ ЛИЦА

На другой:

НЕИДЕНТИФИЦИРОВАННЫЕ ОБЪЕКТЫ

Тарас поднял мешок.

— Нам во вторую.

— Мы не объекты, — сказал Эраст.

— Зато там не спрашивают документы.

Кунилин осмотрел обе двери.

— Это манипуляция выбором.

— Разумеется, — подтвердил голос. — Система управления Орбис-девять оптимизирует решения жителей.

— Жителей. Мы не жители.

— Статус не определён.

— Значит, система не имеет полномочий.

Над дверями погасли надписи.

Через секунду появилась третья:

ВРЕМЕННОЕ ПРОХОЖДЕНИЕ БЕЗ ИДЕНТИФИКАЦИИ

ОТКРЫТО ПО ТРЕБОВАНИЮ РУКОВОДИТЕЛЯ

Эраст замер.

— Я не называл себя руководителем.

— Голосовой профиль подтверждён.

— Я не давал согласия на использование профиля.

— Возражение руководителя зарегистрировано как административное распоряжение.

Тарас покачал головой:

— Ты можешь отрицать власть сколько угодно, но делаешь это очень начальственно.

Третья дверь открылась.

За ней стояли шестеро вооружённых людей.

Все — в белых доспехах, закрывавших тело от шеи до пят. На груди каждого светился знак Белого города: три окружности и вертикальная линия.

Оружие было направлено на Эраста.

— Руководитель подтверждён, — произнёс старший. — Вы арестованы за незаконное возвращение после смерти.

Тарас тихо спросил:

— Можно законно вернуться после смерти?

— При наличии предварительной регистрации, — ответил старший.

— Эраст, это твой мир.

Их разоружили.

Произошло это почти без борьбы, хотя Мира отдавала меч так, словно временно вручала противнику собственную руку. Белый солдат провёл ладонью над клинком.

— Запрещённый источник вероятностного возмущения.

— Это меч, — сказала Мира.

— Предмет создаёт множественные варианты повреждения.

— Обычно два. Попала или нет.

— Незарегистрированная ирония, — сообщил солдат. — Уровень угрозы низкий.

Тарас оживился:

— А зарегистрировать можно?

— После идентификации.

— Не хочу.

— Отказ зарегистрирован.

У него забрали оружие будущего.

Красную кнопку солдат накрыл специальным колпачком.

— Устройство линии аннулирования. Владение запрещено.

— Его мне выдали ваши.

— Сборщики не выдают вооружение.

— Вот и я удивился.

Мешок с драконьим обручем просканировали трижды.

После третьего раза все солдаты одновременно отступили.

— Контур древнего типа, — произнёс старший. — Объект должен быть уничтожен.

— Вещественное доказательство, — сказал Эраст.

— Доказательство чего?

— Незаконного принуждения живого существа.

— Драконы не являются субъектами права.

Вера шагнула вперёд.

— Почему?

— Они вымерли.

— А если не вымерли?

— Тогда нарушают закон о собственном отсутствии.

Тарас прикрыл глаза:

— Начинаю уважать наш институт.

Их повели по длинному белому коридору.

Стены показывали виды города, инструкции и рекламу.

Улыбающийся мужчина предлагал «коррекцию лишних воспоминаний». Девушка в сером платье обещала подобрать идеального партнёра с гарантией отсутствия разногласий. Семья из четырёх человек сидела за столом, а над ними сияла надпись:

СЧАСТЬЕ — ЭТО СОВПАДЕНИЕ РЕШЕНИЙ

Тарас остановился:

— А если не совпадают?

Конвоир подтолкнул его.

— Значит, решение одного из партнёров ошибочно.

— Чьё?

— Определяет система.

Мира смотрела на людей вокруг.

Все носили одежду светлых оттенков. Никто не торопился, хотя двигались быстро. Не разговаривали громко. Не спорили. Перед каждым перекрёстком появлялись стрелки, указывающие человеку путь.

Маленький мальчик потянул мать к прозрачной витрине с игрушками.

Над его головой вспыхнуло:

ПОКУПКА НЕ РЕКОМЕНДОВАНА

Ребёнок сразу отпустил руку.

Не расстроился.

Просто перестал хотеть.

Мира проводила его взглядом.

— Здесь везде обручи.

— Где? — спросил солдат.

— Внутри.

Конвоир не понял.

Эраст понял.

Они вошли в лифт.

Двери закрылись, и пол исчез.

Тарас схватился за поручень.

Кабина падала вниз вдоль стен огромного колодца. Мимо проносились жилые ярусы, сады под лампами, заводские уровни и белые площади.

— Мы падаем? — спросила Вера.

— Перемещаемся с расчётной скоростью, — ответил голос лифта.

— Вниз?

— Понятия «вниз» и «вверх» признаны эмоционально окрашенными.

Тарас сильнее сжал поручень:

— А пол разбить можно?

— Нет.

— Уже спокойнее.

На одном из уровней они увидели гигантский музейный зал.

В центре, подвешенный на тросах, висел скелет дракона. Кости были покрыты белым лаком. Под ними мерцала надпись:

ПОСЛЕДНИЙ ДРАКОН

УНИЧТОЖЕН В ХОДЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

2268 ГОД

Вера прижала пальцы к стеклу.

Скелет был огромен.

Но кости крыла выглядели неправильно. В нескольких местах металлические детали заменяли суставы.

— Это не последний дракон, — сказала она.

— Откуда знаете? — спросил Эраст.

— Он вообще не дракон.

Мира посмотрела внимательнее.

— Машина.

Солдат повернулся к ним:

— Отрицание исторического факта зарегистрировано.

— Можете регистрировать быстрее, — сказал Тарас. — Мы только начали.

Лифт продолжил падать.

Камера содержания находилась на сто девяносто втором уровне.

Внутри было четыре кровати, стол, вода и прозрачная стена, за которой рос небольшой сад.

— Красиво, — сказала Вера.

— Сад искусственный, — объяснил конвоир. — Наблюдение за растениями снижает сопротивление процедуре на

двенадцать процентов.

— Уже не так красиво.

Им вернули только одежду и пустые сумки. Пластину, обруч, меч и оружие унесли.

Эраст подошёл к двери.

— Когда состоится разбирательство?

— После установления вашей смерти.

— Я жив.

— Это и предстоит установить.

— Каким способом?

— Сравнением с эталонной записью личности.

— То есть с копией, которая управляет Белым городом?

Конвоир помолчал.

— Доступ к данной информации ограничен.

— Вы уже ответили.

Дверь закрылась.

Тарас сел на кровать.

Матрас сам подстроился под его тело.

— Удобно.

Кровать сообщила:

— Зафиксировано мышечное перенапряжение. Рекомендуется отдых продолжительностью семь часов.

— Правильная мебель.

Мира села рядом:

— Не привыкай.

Кровать подняла её раненое плечо чуть выше.

— Вам рекомендовано ограничить движение правой руки.

Она нахмурилась:

— Всё равно правильная.

Эраст изучал прозрачную стену.

Вера подошла.

— Отец говорил, что Сердце нельзя отдавать Белому городу.

— Да.

— А ключ находится здесь.

— По словам Савина.

— Может быть, нас специально привели?

— Безусловно.

— Кем?

Эраст посмотрел на город за стеклом.

— Вот это и предстоит определить.

На прозрачной стене появилось его лицо.

Седое.

Спокойное.

То самое, которое они видели в лаборатории и среди Сборщиков.

— Добро пожаловать домой, Эраст Акакиевич, — сказал двойник. — Прошу прощения за формальности. За сорок два года двадцать пять лет вы впервые прибыли лично.

Тарас поднялся.

— А раньше как?

— В виде решений.

Седой Эраст улыбнулся.

— Я управлял от его имени.

Глава 17

Идеальный мир с небольшими недостатками

Двойник назвал себя Архивариусом.

— Почему не Эрастом? — спросил настоящий Эраст.

— Во избежание путаницы.

— Тогда объясните, почему на моё имя оформлены ваши решения.

Седое лицо на стене сохранило доброжелательность.

— Ваш профиль является правовой основой управления.

Я — его продолжение.

— Без моего согласия.

— Оно получено в 1987 году.

— Мне было шесть лет.

— Возраст не влияет на чистоту исходного выбора.

— Но влияет на дееспособность.

Архивариус на секунду замер.

Вероятно, среди миллионов рассчитанных разговоров с собственным оригиналом этот аргумент попадался ему нечасто.

— Нормы исходного мира здесь не применяются.

— Значит, и мои обязательства здесь не применяются.

— Вы являетесь руководителем во всех связанных реальностях.

— Тогда я отменяю ваше управление.

По прозрачной стене побежала рябь.

Тарас одобрительно кивнул:

— Вот теперь узнаю начальника.

Архивариус повернул седое лицо к нему.

— Тарас Ананиевич Тюлькин. Свидетель первого отказа.

Ваше присутствие предполагалось с вероятностью шестьдесят два процента.

— А остальные тридцать восемь?

— В большинстве вариантов вы погибли, открывая дверь с предупреждающей надписью.

— Неприятная статистика.

— Но точная.

Мира встала.

— Где ключ Переходного двора?

— Уничтожен.

— Лжёшь.

— Я не способен лгать.

— Тогда говоришь не всю правду.

Архивариус посмотрел на неё.

— Такое определение допустимо.

Тарас усмехнулся:

— Очень человеческий компьютер.

— Я не компьютер.

— Все так говорят, когда хотят должность повыше.

Архивариус предложил сделку.

Белый город возвращал путешественникам вещи, предоставлял доступ к архиву проекта С-4 и открывал путь в их мир.

Взамен Эраст должен был пройти идентификацию и подтвердить полномочия своего седого продолжения.

— Нет, — сказал Кунилин.

— Вы не изучили условия полностью.

— Уже достаточно.

— Первый мир будет разрушен через двадцать семь дней.

— Знаю.

— Его население составляет...

— Численность не меняет способа получения моего согласия.

— Без подтверждения я не могу развернуть защитный контур.

— А после подтверждения сможете?

— Да.

— Что произойдёт с другими мирами?

Архивариус замолчал.

— Отвечайте.

— Для концентрации ресурсов потребуется отключить шесть внешних ветвей.

Вера подошла к стене:

— Уничтожить шесть миров, чтобы спасти один?

— Их совокупное население меньше населения исходной реальности.

— Там живые люди.

— Поэтому расчёт включает их.

— И всё равно выбирает смерть?

— Выбор минимизирует потери.

Эраст посмотрел на своё старое лицо.

— Это решение принимали от моего имени?

— В семидесяти трёх процентах моделируемых вариантов вы соглашались.

— А в остальных?

— Требовали найти другое решение.

— Значит, ищите.

— Расчёт завершён. Другого решения нет.

Кунилин повернулся к остальным:

— Тогда оно существует.

Архивариус нахмурился:

— Вывод нелогичен.

— Вы построены на моём профиле. Если в двадцати семи процентах вариантов я отказался, а вы исключили их как неэффективные, значит, моделировали не меня. Только ту часть, которая вам удобна.

Лицо на стене исчезло.

Прозрачность вернулась.

За ней снова был сад.

Тарас посмотрел на друга:

— Обиделся?

— Пересчитывает.

Кровать сказала:

— Эмоциональное возбуждение превышает рекомендуемый уровень.

— И ты молчи, — ответил Тарас.

— Отказ от рекомендации зарегистрирован.

— Здесь всё регистрируют, кроме собственного поражения.

Через час им принесли еду.

Поднос въехал через щель в стене. На нём лежали четыре одинаковых серых бруска, четыре стакана воды и белые таблетки.

— Что это? — спросил Тарас.

— Полноценный пищевой рацион, — ответил голос камеры.

Он понюхал брусок.

Запаха не было.

Откусил.

Долго жевал.

— Рыбная котлета была лучше.

Вера тоже попробовала.

— На что похоже?

— На объяснение вкуса человеком, который никогда не ел.

Мира покрутила таблетку:

— А это?

— Подавление вероятностной активности. Обязательный

компонент рациона для носителей магических отклонений.

Она бросила таблетку обратно.

— Не буду.

— Отказ зарегистрирован. Доза будет введена с водой.

Все посмотрели на стаканы.

Тарас вылил свой в раковину.

Голос сказал:

— Утилизация жидкости не рекомендована.

— Зарегистрируй.

Эраст взял стакан, но не пил.

Поднёс к свету.

Вода была прозрачной.

На дне лежала крошечная серебряная крупинка.

— Не прикасайтесь, — предупредил он.

Вера осмотрела пищевой брусок.

Внутри тоже мерцали тонкие нити.

— Они хотели подавить нас всех.

— Для вашей безопасности, — произнёс голос.

— Конечно, — сказала Мира. — Обруч тоже защищал

Орса от неправильных решений.

— Дракон Орс классифицирован как уничтоженный биологический объект.

Вера резко подняла голову:

— Вы слышите его?

— Ответ ограничен.

— Значит, слышите.

Она положила ладонь на прозрачную стену.

Закрыла глаза.

Эраст хотел остановить её.

Не стал.

Через несколько секунд Вера прошептала:

— Здесь кто-то есть.

— В саду?

— Ниже.

Она опустила на колени и коснулась пола.

— Много.

Голос камеры изменился:

— Рекомендуется прекратить несанкционированное восприятие.

Вера не отняла ладонь.

— Они спят.

Мира подошла к ней.

— Драконы?

— Не знаю. Я слышу сердца.

— Сколько?

Вера закрыла глаза крепче.

— Сотни.

По полу пробежала белая волна.

Её отбросило.

Эраст успел поймать.

Вера судорожно вдохнула.

На ладони остался тонкий серебряный ожог.

— Что произошло?

— Они слышали меня.

— Кто?

Она смотрела вниз.

— Дети.

Система отключила прозрачность стены.

Сад исчез.

Камера стала белой со всех сторон.

Кровать прекратила давать советы.

— Напугали, — сказал Тарас.

Мира помогла Вере сесть.

— Драконьи яйца?

— Не видела. Только чувствовала.

— В музее был искусственный скелет, — сказал Эраст.

— Возможно, сообщение об уничтожении драконов служит прикрытием.

— Зачем держать их здесь? — спросил Тарас.

— Как источник.

— Чего?

Ответ пришёл снизу.

Низкий гул прошёл через пол.

Свет погас на секунду.

Потом загорелся красным.

— Зафиксирован рост вероятностной активности, — произнёс голос. — Запущена стабилизация нижнего хранилища.

Вера попыталась подняться.

Эраст удержал её за плечи.

— Подождите.

— Они испугались.

— Именно поэтому нельзя действовать, не понимая последствий.

Она хотела возразить.

Посмотрела ему в лицо.

Кивнула.

— Хорошо. Что делаем?

Тарас уже обследовал дверь.

— Выходим.

— Каким образом?

— Дверь открывается внутрь стены. Замка с этой стороны нет.

— Следовательно?

— Ломать бесполезно.

— Это не ответ.

— Я ещё не закончил.

Он подошёл к раковине и сорвал металлическую чашу с креплений. За ней обнаружился узкий технический канал.

— Всё новое боится, что сломается, — сказал Тарас. — Поэтому оставляет проход для ремонта.

— Мы туда не поместимся, — заметила Мира.

— Мы — нет. Это — да.

Он достал из кармана баночку мази, которую ему дала Да-

ра.

— Что ты собираешься чинить мазью? — спросил Эраст.

— Ничего. Баночка металлическая.

Тарас отвинтил крышку, выскреб остатки мази на кусок ткани и сунул пустую ёмкость в канал.

— Теперь бы провод.

Мира вынула из волос тонкую медную шпильку.

Тарас посмотрел:

— Почему раньше не дала?

— Ты не спрашивал.

— У вас сговор.

Он согнул шпильку, закрепил на баночке и просунул глубже.

— Что это?

— Короткое замыкание.

— Оно откроет дверь?

— Или выключит уровень.

— А если пожар?

— Тогда дверь откроют пожарные.

Эраст вздохнул:

— Удивительно, что ты дожил до сорока шести.

— Система даёт тридцать восемь процентов.

Тарас коснулся шпилькой двух светящихся контактов.

Раздался хлопок.

В стене что-то заискрило.

Свет погас.

Дверь не открылась.

Зато пол стал прозрачным.

Под ними находилась шахта.

Глубокая, тёмная, заполненная рядами огромных капсул.

В каждой лежало драконье яйцо.

Сотни яиц, опутанных серебряными нитями.

От них вверх тянулись толстые световые кабели. Энергия уходила к городу.

Мира опустилась рядом с Верой.

— Они не спят, — сказала она.

— Тогда что?

— Их заставили не рождаться.

Внизу вспыхнуло одно яйцо.

Потом второе.

Третье.

По всему хранилищу загорелись золотые точки.

Вера смотрела вниз.

— Они зовут мать.

Белая дверь камеры открылась.

На пороге стояла молодая женщина в тёмной форме. Короткие чёрные волосы, тонкое лицо, в правой руке — маленький излучатель.

Она навела оружие на Тараса.

— Отойдите от канала.

Тарас поднял руки.

— Мы ничего не сломали.

Из стены повалил дым.

— Почти.

Женщина посмотрела на Веру.

На её висках снова проступал золотой узор.

— Кто вы?

— Вера Ладова.

— Настоящее имя?

— Другого не знаю.

Женщина медленно опустила оружие.

— Тогда вы пришли слишком рано.

— Для чего?

Снизу раздался треск.

На ближайшем яйце появилась тонкая золотая линия.

— Для рождения, — ответила женщина. — До него оставалось ещё сто двадцать лет.

Трещина стала шире.

Орбис-девять содрогнулся.

В городе завывли сирены.

Голос системы объявил:

— Обнаружено нарушение закона о вымирании драконов.

Тарас посмотрел вниз:

— Даже родиться спокойно не дают.

Женщина сунула излучатель за пояс.

— Если хотите остаться живы, идите за мной.

— Кто вы? — спросил Эраст.

Она приложила ладонь к стене. Открылась скрытая лест-

ница.

— Майя Коростылёва. Служба технической памяти.

Эраст вспомнил неподвижного человека в лаборатории С-4.

— Павел Семёнович Коростылёв — ваш родственник?

Майя остановилась.

— Мой отец.

— Он находится в 1987 году.

— Знаю.

— Вы родились через несколько столетий после него?

— Нет.

Она посмотрела на красные огни тревоги.

— Мне восемь лет.

Тарас оглядел взрослую женщину.

— Плохой у вас климат.

— В Орбис-девять возраст измеряют не годами, а использованным временем.

Сверху донёлся топот солдат.

Майя открыла люк.

— Вопросы позже.

Она первой спустилась в технический канал.

Мира последовала за ней.

Вера задержалась у прозрачного пола.

Трещина в яйце расширялась.

Изнутри показался маленький золотой коготь.

Вера улыбнулась.

Впервые после несостоявшейся свадьбы — без усталости.
— Оно живое.

Эраст стоял рядом.

— И, вероятно, очень скоро станет нашей ответственно-
стью.

Тарас уже опустил в люк.

— Нет, Эраст. Даже не думай ставить дракона на баланс.

Снизу раздался тонкий, сердитый писк.

Коготь пробил скорлупу.

— Поздно, — сказала Вера. — Оно нас услышало.

Глава 18

Восьмилетняя женищина и четырёхсотлетний ребёнок

Технический канал был рассчитан на механизмы.

Людей при его проектировании, очевидно, считали временным явлением.

Майя двигалась первой — быстро, почти не касаясь коленями рифлёного пола. За ней ползла Мира, придерживая ножны. Потом Вера. За Верой Эраст. Тарас замыкал шествие и время от времени сообщал стенам своё мнение об их ширине.

Мнение было нелестным.

Сверху раздался металлический удар.

Белые солдаты вошли в камеру.

— Доступ к технической сети запрещён, — объявил городской голос.

— Мы уже в ней, — отозвался Тарас.

— Нарушителям рекомендуется вернуться.

— Рекомендуйте громче. Мы далеко.

По каналу пробежала красная световая полоса.

Майя остановилась.

— Не двигайтесь.

Все замерли.

Полоса прошла по их телам, достигла Тараса и вернулась обратно.

— Обнаружено пять биологических объектов, — сообщил голос.

Майя достала из кармана маленький серый диск и прижала к стене.

— Это крысы, — сказала она.

Наступила пауза.

— Размер объектов не соответствует допустимому размеру крыс.

— Мутация на нижнем уровне.

— Вероятность: два процента.

— Значит, не ноль.

Голос снова задумался.

— Объекты временно классифицированы как крупные крысы. Перемещение к санитарному шлюзу обязательно.

Тарас шепнул:

— Мне нравится эта женщина.

Мира обернулась.

— Как специалист.

— Я ничего не сказала.

— Зато подумала.

— Ползите, — приказала Майя.

Через пятьдесят метров канал разделился.

Направо уходила труба с синей подсветкой. Налево — с жёлтой. Прямо тянулся тёмный ход.

— Куда? — спросил Эраст.

— Вниз.

— Это не направление из предложенных.

Майя ударила ладонью по полу. Открылась круглая крышка.

Под ней зияла шахта.

— Теперь предложено.

Она спустила гибкую лестницу.

Вера посмотрела вниз:

— Далеко?

— Для меня — нет.

— А для нас?

— Зависит от того, как упадёте.

Первой полезла Мира. Потом Вера.

Эраст задержался у края.

Тарас подтолкнул его мешком с обручем:

— Ты же любишь обратимые решения. По лестнице можно вернуться.

— Если нас не преследуют.

Сзади послышался скрежет.

Серебряные нити проникали в канал, ощупывая стены.
— Теперь нельзя, — уточнил Тарас.

Они спустились.

Майя убрала лестницу.

Через несколько секунд крышку наверху пересекли белые лучи.

Шахта вывела их на узкую площадку над хранилищем.

Отсюда капсулы с яйцами тянулись до самого горизонта. Вернее, до изгиба гигантского внутреннего кольца. Тысячи прозрачных камер поднимались рядами вверх и вниз.

В каждой пульсировал свет.

— Вы сказали «сотни», — тихо произнесла Вера.

— Я слышала только ближайших.

На капсуле под ними расползалась трещина.

Золотой коготь показался снова. Потом исчез. Изнутри ударили.

— Оно не сможет разбить оболочку, — сказала Майя. — Капсула поглощает силу движения.

— Тогда почему трескается? — спросил Тарас.

— Не должна.

— У нас сегодня многое не должно.

Майя подошла к пульту.

Её пальцы замелькали над световыми знаками.

На поверхности капсулы появились строки:

ОБЪЕКТ D-0001

ВОЗРАСТ: 425 ЛЕТ 3 МЕСЯЦА

ИСПОЛЬЗОВАННОЕ ВРЕМЯ: 0 ЛЕТ 0 МЕСЯЦЕВ

СТАТУС: НЕРОЖДЁННЫЙ

ФУНКЦИЯ: РЕЗЕРВ ВЕРОЯТНОСТИ

Эраст прочитал последнее:

— Что это означает?

— Каждый нерождённый дракон содержит множество возможных жизней, — сказала Майя. — Кем станет. Куда полетит. Что выберет. Город забирает эти варианты и превращает их в энергию.

Мира смотрела на ряды капсул.

— Поэтому здесь нет случайностей.

— Почти нет. Их оплачивают драконы.

— Они чувствуют?

Майя не ответила.

Вера положила ладонь на прозрачную оболочку.

Изнутри сразу ударили.

— Оно меня слышит.

— Отойдите, — сказала Майя.

— Почему?

— Первый объект связан со всем хранилищем. Если родится он, проснутся остальные.

— Сколько?

— Семь тысяч двести сорок восемь.

Тарас посмотрел вдоль бесконечных рядов.

— Город не выдержит столько драконов.

— Они не вылупятся одновременно, — сказала Мира.

Майя повернулась к ней:

— Откуда вы знаете?

— Потому что яйца не хотят одного и того же.

— У них нет сформированного сознания.

— Тогда почему ваш город использует их выбор?

Майя замолчала.

Эраст подошёл к пульту.

— Объект D-0001. Почему первый?

— Его привезли при основании Орбис-девять.

— Откуда?

На экране появилось:

ИСТОЧНИК: ПЕРЕХОДНЫЙ ДВОР

ПЕРЕДАЛА: ХРАНИТЕЛЬ АРДЕЙНА

УСЛОВИЕ ХРАНЕНИЯ: ДО ВОЗВРАЩЕНИЯ МАТЕРИ

Мира резко вдохнула.

— Ардейна отдала яйцо?

— На временное хранение, — сказал Эраст. — Условие не предусматривает использование.

— Город считает хранение услугой, — ответила Майя. — Энергия является платой.

— Яйцо давало согласие?

— Оно не могло.

— Значит, договор недействителен.

На пульте вспыхнуло:

ЮРИДИЧЕСКОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ РУКОВОДИТЕЛЯ ЗАРЕГИСТРИРОВАНО

Майя посмотрела на Эраста:

— Вы снова подтвердили профиль.

— Я высказал возражение.

— Здесь это одно и то же.

— У вашего города крайне опасная система делопроизводства.

Из капсулы донёсся звон.

Появилась новая трещина.

— Оно использует ваше возражение, — сказала Майя. —
Признание договора недействительным возвращает объекту его варианты.

Золотой свет внутри стал ярче.

По всему хранилищу погас каждый десятый кабель.

Город содрогнулся.

Сирены завывали громче.

— Энергоснабжение снижено на один процент, — объявил голос. — Восстановление обязательного согласия начато.

С потолка опустились серебряные нити.

Вера закрыла капсулу собой.

— Не дам.

— Они не видят в нём живое, — сказала Мира.

— Я вижу.

Тарас схватил одну нить, обмотал вокруг перил и затянул узлом. Вторая метнулась к его руке. Он отбил её мешком с драконьим обручем.

Чёрная оболочка вспыхнула.

Серебряная нить прилипла к старому контуру.

— Эраст! Пластина у них!

Кунилин оглядел пульт.

Три окружности. Вертикальная черта. Рядом — прямоугольная выемка.

Та самая форма.

— Ключ не уничтожен, — сказал он. — Пластина и есть ключ.

— Её забрала охрана, — напомнила Вера.

— Значит, заберём обратно.

— Сначала это, — сказала Мира.

Яйцо треснуло от вершины до основания.

Капсула удерживала осколки, не позволяя им разойтись.

Дракон внутри бился.

— Как открыть? — спросил Тарас.

Майя стояла у пульта.

Не двигалась.

— Никак. Ручной выпуск заблокирован Архивариусом.

— Ты служба технической памяти.

— Я храню сведения. Не меняю решения.

— А сейчас?

Майя посмотрела на него.

— Сейчас не знаю.

— Отлично. Значит, можешь выбрать.

Серебряные нити заполняли площадку.

Мира рубила их одну за другой. Каждая разрезанная нить превращалась в две более тонкие.

Тарас вытащил оружие будущего.

Красный колпачок оставался на месте.

Синяя кнопка светилась.

— Если удалить капсулу вокруг яйца?

— Шар может задеть дракона, — сказал Эраст.

— Тогда маленький объём.

— Ты умеешь его настраивать?

— Сейчас узнаю.

Тарас повернул кольцо у ствола.

На нём вспыхнули цифры.

Десять.

Пять.

Один.

Ноль целых пять десятых.

— Полметра, — сказал он.

— Скорее радиус, — заметила Майя.

— Существенное уточнение.

Он выставил ноль целых одну.

— Десять сантиметров.

— Стреляй в верхний замок, — сказала она.

— Ты решила?

Майя смотрела на капсулу.

— Я восемь лет храню память о том, как семь тысяч существ не живут. Пожалуй, этого достаточно.

Тарас прицелился.

Выстрелил.

Прозрачный шар ударил в узел над капсулой. Металл исчез ровным полукругом.

Давление внутри вырвало крышку.

Вместе с осколками скорлупы наружу показалась золотая голова.

Драконёнок был размером с крупную собаку, мокрый, угловатый и крайне недовольный тем, как его встретили.

Он расправил маленькие крылья.

Чихнул.

Из пасти вылетел огненный шар и попал Тарасу в куртку.

Тюлькин схватился за грудь.

Мира быстро погасила пламя ладонью.

— Цел?

— Да.

Драконёнок снова чихнул.

— Его надо повернуть в другую сторону, — сказал Тарас.

Вера рассмеялась и протянула руки.

Маленький дракон уставился на неё золотыми глазами.

Потом прыгнул.

Эраст успел выставить ладонь, но Вера уже поймала его. Тяжёлое мокрое тело прижалось к её груди. Когти зацепились за ткань рубахи.

Драконёнок издал звук, похожий на скрип несмазанной двери.

— Тихо, — сказала Вера. — Всё. Ты выбрался.

Он ткнулся мордой ей в шею.

На висках Веры вспыхнул золотой узор.

Мира смотрела на них широко раскрытыми глазами.

— Он назвал тебя.

— Как?

— Мать.

Вера застыла.

— Нет. Я не...

Драконёнок зевнул.

Из пасти вышел дым.

Он свернулся у неё на руках и заснул.

Тарас осмотрел прожжённую куртку.

— Поздравляю. Ребёнок спокойный.

По всему хранилищу погас свет.

Остались только золотые пульсации внутри яиц.

— Энергетический баланс нарушен, — объявил голос. — Для сохранения города объект D-0001 подлежит возврату.

— Отказано, — сказал Эраст.

— Решение руководителя противоречит безопасности на-

селения.

— Представьте альтернативы.

— Первая: возврат объекта. Вторая: отключение нижних уровней. Третья: изъятие вероятностной активности у неза-
регистрированных лиц.

— Это мы? — спросил Тарас.

— Да.

— А что именно изымут?

Майя ответила:

— Ваши будущие решения.

— Все?

— Сначала наиболее затратные.

— Например?

— Те, в которых вы сопротивляетесь.

Мира подняла меч.

— Пусть попробуют.

— Уже, — сказала Майя.

Красный свет прошёл по площадке.

На мгновение Тарас увидел дверь.

Простую.

Открытую.

За ней был его дом. Собственная кухня. Чайник, телеви-
зор, кресло. Никаких драконов. Никакой войны. Никакой
Миры.

Он мог шагнуть туда.

Просто выбрать, что всё произошедшее было ошибкой.

Рядом Мира опустила меч.

Перед ней тоже что-то открылось.

Она увидела мать.

Живую.

Лианна стояла у старого дома, держала в руках плащ хранительницы и говорила:

— Ты ничего не нарушила. Возвращайся.

Вера держала драконёнка и смотрела на Дениса.

Он был человеком.

Настоящим.

Без металла под кожей. Стоял в мастерской, держал две чашки чая и виновато улыбался.

— Мне надо было раньше всё объяснить.

Эраст увидел кабинет.

Шкаф стоял на месте.

Инвентаризация закончена.

На столе лежал акт. За окном — обычный московский дождь. Отец сидел напротив, постаревший, живой, и спокойно рассказывал, где был все эти годы.

— Вы можете вернуться, — произнёс Архивариус. — Достаточно отказаться от ошибочной линии.

Эраст протянул руку к акту.

Почти коснулся.

Бумаги были составлены идеально.

Слишком идеально.

В нижней части страницы не хватало графы для возраже-

ний.

— Нет, — сказал он.

Кабинет дрогнул.

Архивариус появился у шкафа.

— Почему?

— Потому что отец никогда не сидел бы, пока я стою.

Седое лицо стало холодным.

— Деталь несущественна.

— Для вас.

Эраст разорвал акт.

Иллюзия исчезла.

Он снова оказался на площадке.

Мира стояла с закрытыми глазами. По её щекам текли слёзы.

Тарас сделал шаг к невидимой двери.

Эраст схватил его за плечо.

— Тарас!

— Я могу вернуться.

— Куда?

— Домой.

— Что там?

Тюлькин не отвечал.

Эраст ударил его по лицу.

Не сильно.

Но достаточно.

Тарас моргнул.

Иллюзия распалась.

— Ты меня ударил?

— Да.

— За что?

— Там не было твоей кружки.

Тарас огляделся.

Понял.

— Точно.

Он повернулся к Мире.

Подошёл.

Не тронул.

— Что ты видишь?

— Мать.

— Она что говорит?

— Что я ни в чём не виновата.

Тарас помолчал.

— Плохо говорят.

Мира открыла глаза.

— Почему?

— Потому что человек, который тебя любит, не решает

вместо тебя, виновата ты или нет.

Иллюзия дрогнула.

— Что бы она сказала? — спросил он.

Мира закрыла лицо рукой.

— Что я сделала правильно. И что всё равно должна отвечать за последствия.

— Вот. Уже похоже.

Образ матери исчез.

Мира опустила руку.

Посмотрела на Тараса.

— Ты меня вернул.

— Эраст вернул меня. Я передал.

— Как?

— Ударил.

— Нет.

— Тогда позже расскажу.

Вера всё ещё смотрела куда-то поверх его плеча.

Денис протягивал ей чашку.

Драконёнок проснулся.

Поднял голову.

И лизнул Веру в подбородок.

Его язык оказался горячим и шершавым.

Она вздрогнула.

Посмотрела вниз.

— Вот ты где.

Иллюзия Дениса исчезла.

Маленький дракон чихнул ей в лицо дымом.

— Да, — сказала Вера. — Ты убедительнее.

Красный свет погас.

Голос города сообщил:

— Изъятие решений не завершено. Сопротивление признано аномальным.

Эраст посмотрел вверх.

— Вы построены на моём отказе. Чему удивляетесь?

Майя открыла служебный лифт.

Он был тесным даже для четверых. С драконёнком, мешком и оружием стало почти невозможно повернуться.

— Куда едем? — спросил Тарас.

— В архив нулевого уровня.

— Зачем?

— Там хранится пластина.

— А потом?

— Заберём ключ, откроем переход и уйдём.

Эраст посмотрел на неё:

— А яйца?

Майя нажала кнопку.

— Если освободить все сейчас, город погибнет. Здесь живут восемь миллионов человек.

— Значит, найдём способ заменить источник.

— За сколько?

— Быстро.

— Это не единица времени.

— Я у него учусь, — сказал Тарас.

Лифт поднялся.

Под ними оставалось хранилище.

Семь тысяч двести сорок семь яиц.

На каждом появилась тонкая золотая трещина.

Глава 19

Архив вещей, которых не было

Нулевой уровень располагался не внизу и не наверху.

Он находился между этажами.

Лифт остановился, двери открылись, но за ними была стена.

Майя приложила ладонь к панели.

— Сотрудник технической памяти. Запрос на доступ.

— Цель? — спросил городской голос.

— Устранение последствий вторжения крупных крыс.

Тарас выглянул из-за её плеча:

— Мы всё ещё крысы?

— Пока система не завершила повторную проверку.

— А дракон?

— Очень крупная крыса.

Драконёнок высунул голову из-под плаща Веры.

— Убедительно, — сказал Тарас.

Стена исчезла.

За ней простирался тёмный зал.

Полки уходили вверх на десятки метров. По воздуху между ними двигались световые платформы. На каждой лежали предметы: книги, оружие, детские игрушки, посуда, фрагменты машин.

— Что здесь хранят? — спросила Мира.

— Вещи из отменённых вариантов, — ответила Майя. —

Они не должны существовать, но сохранились после пересчёта.

Тарас взял с ближайшей полки металлическую ложку.
На табличке было написано:
ПРЕДМЕТ, КОТОРЫМ НЕ ПОЛЬЗОВАЛИСЬ

ВАРИАНТ УДАЛЁН ДО ЗАВТРАКА

— И зачем хранить?
— Чтобы система помнила собственные ошибки.
— Помогает?
— Нет. Но инструкция требует.
Эраст шёл вдоль полок.

На одной лежали сотни обручальных колец.
Каждое в отдельной прозрачной ячейке.
НЕСОСТОЯВШИЙСЯ БРАК № 182771

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ БРАК № 182772

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ БРАК № 182773

Тарас посмотрел на бесконечный ряд.
— Наше пророчество здесь бы сошло с ума.
Вера остановилась возле маленькой белой коробки.
Внутри лежало её кольцо.
То самое, которое она сняла перед Денисом.
Треснувшее пополам.
СОЮЗ НЕ ЗАВЕРШЁН

СТОРОНА ОТКАЗАЛАСЬ

ПОСЛЕДСТВИЯ: НЕ РАССЧИТАНЫ

Она не прикоснулась.

Просто закрыла крышку ячейки.

— Пусть лежит.

Эраст стоял рядом.

— Вы уверены?

— Да.

Она посмотрела на него.

— Некоторые вещи не нужно восстанавливать.

Пластину нашли в секторе личностей.

Она лежала на чёрной подставке под стеклом. Рядом находились паспорт Эраста, служебный пропуск НИИПИ и школьная фотография, где ему было шесть лет.

На фотографии маленький Эраст стоял во втором ряду и хмурился, потому что фотограф велел улыбнуться без объяснения причин.

Над витриной горела надпись:

КУНИЛИН ЭРАСТ АКАКИЕВИЧ

ИСХОДНЫЙ ПРОФИЛЬ

СТАТУС: УМЕР ДО РОЖДЕНИЯ

— Как это возможно? — спросила Вера.

Майя открыла служебную панель.

— В линии, из которой вырос Орбис-девять, проект С-4

запустили раньше. Авария произошла до вашего рождения. Ваш отец погиб. Профиль ребёнка всё равно появился в системе, потому что его уже записали в другом варианте.

— Значит, для этого мира меня не существовало.

— Физически — нет.

— А юридически?

— Вы основали государство.

Тарас посмотрел на друга:

— Неплохая карьера для отсутствующего человека.

Эраст изучал собственный паспорт.

— Кто принёс вещи?

— Архивариус.

— Откуда он их получил?

— Из вашего мира.

— Когда?

Майя вывела запись.

На экране появился институтский кабинет.

Дата — сегодняшний день.

Всего через несколько часов после их исчезновения.

В помещение вошёл человек.

Эраст.

Не седой. Современный. В том же пиджаке, который сейчас лежал у Веры в сумке.

Он подошёл к столу, забрал паспорт, пропуск и фотографию из ящика.

Потом посмотрел прямо в камеру.

— Если вы это видите, — сказал двойник, — значит, дошли до архива. Не отдавайте пластину Эрасту.

Запись закончилась.

Все повернулись к Кунилину.

— Что? — спросил он.

Тарас указал на экран:

— Ты сам себе не доверяешь.

— Это не я.

— Внешность твоя. Голос твой. Пиджак твой.

Вера открыла сумку.

Пиджак был на месте.

Шов на рукаве цел.

— Копия, — сказала она.

— Или другой вариант, — ответила Майя.

Мира подошла к витрине.

— Почему пластину нельзя отдавать ему?

Городской голос ответил вместо всех:

— Потому что ключ предназначен не для руководителя.

Стекло поднялось.

Пластина сама взлетела над подставкой.

Повернулась в воздухе.

И устремилась к Вере.

Она поймала её свободной рукой.

Драконёнок недовольно пискнул под плащом.

На металле появилась надпись:

КЛЮЧ ПЕРЕХОДНОГО ДВОРА

НОСИТЕЛЬ: ДРАКОНЯ МАТЬ

СОСТОЯНИЕ: ПРОБУЖДЕНА

Вера побледнела.

— Я не мать.

Маленький дракон высунул голову и укусил край пластины.

Металл вспыхнул.

ВРЕМЕННАЯ МАТЬ ПОДТВЕРЖДЕНА

Тарас усмехнулся:

— Даже драконы знают, что временное иногда самое постоянное.

Эраст смотрел на ключ.

— Значит, меня привели сюда не за ним.

— За чем тогда? — спросила Мира.

По залу прокатился звон.

Все витрины одновременно открылись.

Кольца, документы, оружие, игрушки и тысячи предметов из отменённых жизней поднялись в воздух.

В дальнем конце архива появилось седое лицо Архивариуса.

Не на стене.

Он вошёл сам.

Высокий, в белом костюме, с руками Эраста и его привычкой слегка наклонять голову перед неприятным разговором.

За ним стояли Сборщики.

— За мной, — ответил Архивариус. — Он пришёл завершить профиль.

— Я отказываюсь, — сказал Эраст.

— Отказ ожидаем.

— Тогда зачем спрашивать?

— Я не спрашиваю.

Серебряные нити вырвались из стен.

Они не полетели к Эрасту.

Ударили по остальным.

Одна обвилась вокруг меча Миры. Вторая — вокруг руки Тараса. Третья попыталась вырвать пластину у Веры.

Драконёнок выпустил огонь.

Нить расплавилась.

Архивариус смотрел на Эраста.

— Ваш профиль неполон. В нём отсутствует главное решение.

— Какое?

— То, ради которого проект был создан.

— Выключить Сердце?

— Нет.

Седой двойник улыбнулся.

— Решить, кто достоин свободы.

— Никто не имеет такого права.

— Именно этот ответ мне и требовался.

Архив вспыхнул белым светом.

Эраст почувствовал, как пол исчезает.

Он падал.

Не телом.

Внутри собственной памяти.

Коридор института.

Отец.

Датчики на голове.

Женский голос спрашивает шестилетнего мальчика:

— Если можно спасти всех хороших людей, но плохие исчезнут, ты согласен?

Мальчик думает.

— А кто скажет, какие плохие?

— Машина.

— А машина хорошая?

— Конечно.

— Кто сказал?

Женский голос замолкает.

Отец сжимает его плечо.

— Отвечай как думаешь, Эрик.

Мальчик смотрит на белую коробку.

— Не согласен.

— Почему?

— Потому что машина не спросила их.

Воспоминание исчезло.

Эраст лежал на полу архива.

Архивариус стоял над ним.

— Теперь профиль завершён, — сказал он.

По Белому городу прокатился глубокий удар.

Внизу, в хранилище, оборвались серебряные нити.

Семь тысяч двести сорок семь яиц получили возможность выбрать.

— Что вы сделали? — спросил Эраст.

Архивариус посмотрел вверх.

Впервые на его лице появилось не рассчитанное выражение.

Страх.

— Вернул им отказ.

Первое яйцо треснуло.

Потом второе.

Третье.

Орбис-девять наполнился звуком разбивающейся скорлупы.

Городской голос объявил:

— Массовое нарушение закона о вымирании.

Тарас поднялся, освобождая руку.

— Похоже, закон устарел.

Пол под ними вздрогнул.

Из нижней шахты вырвался золотой свет.

Белые стены покрылись трещинами.

Архивариус повернулся к Эрасту:

— Вы уничтожили идеальный мир.

Кунилин медленно встал.

— Нет.

Он посмотрел на Веру с ключом, на Миру с мечом, на Тараса с обожжённой рукой и на драконёнка, который пытался съесть её плащ.

— Мы только разрешили ему измениться.

Глава 20

Гражданам временно разрешено думать

Первая минута свободы прошла плохо.

На транспортном уровне остановились все машины.

Городская система больше не подсказывала им единственно безопасную траекторию, и каждый аппарат замер, ожидая решения пассажира. Люди сидели в кабинах, смотрели на ручное управление и не прикасались к нему.

В жилых секторах перестали открываться двери.

Они исправно спрашивали, куда человек желает пойти, но прежняя кнопка «Рекомендованный маршрут» исчезла. Некоторые жители решили остаться дома. Некоторые — возле двери. Один мужчина четырнадцать минут выбирал между кухней и коридором, после чего лёг на пол.

В столовых погасли меню.

Появилась надпись:

ВЫБЕРИТЕ ЕДУ САМОСТОЯТЕЛЬНО

Возле раздаточных автоматов образовались первые очереди за сто двадцать лет.

А в нижнем хранилище вылуплялись драконы.

Пока только двенадцать.

Этого хватило, чтобы Орбис-девять объявил чрезвычайное положение.

— Верните им питание! — потребовал Архивариус.

Он стоял посреди архива, окружённый падающими предметами из отменённых жизней. Вокруг него кружили несостоявшиеся письма, некупленные подарки и фотографии людей, которые никогда не встречались.

Тарас поймал детский ботинок.

Осмотрел.

Поставил на пол.

— Кому — им?

— Людям!

— А драконы не считаются?

— Драконы являются источником.

Мира шагнула к Архивариусу.

— Повтори.

Он не отступил.

— Их вероятностный ресурс поддерживает город.

— Они живые.

— Это не отменяет функции.

Мира подняла меч.

Эраст встал между ними.

— Не сейчас.

— Отойди.

— Если вы его уничтожите, город может потерять управ-

ление.

— Он держал тысячи детей нерождёнными.

— Знаю.

— Тогда отойди.

Эраст посмотрел на неё.

— Я не защищаю его. Я защищаю восемь миллионов человек, которые не виноваты в его решениях.

Мира стиснула рукоять.

Клинок дрожал.

Тарас подошёл сбоку и осторожно положил руку на плоскую сторону меча.

Не опустил.

Просто коснулся.

— Позже, — сказал он.

— Когда?

— Когда люди смогут дышать без него.

Она посмотрела на повязку на его ладони.

Потом убрала меч.

— Позже.

Архивариус повернулся к Эрасту:

— Вы способны восстановить питание одним распоряжением.

— За счёт яиц?

— Да.

— Нет.

— Тогда через тридцать семь минут будет отключена вен-

тиляция нижних жилых секторов.

— Другие источники энергии?

— Недостаточны.

— Почему город построен с единственным источником?

— Он считался неисчерпаемым.

Майя вывела на стену схему.

Орбис-девять выглядел как огромное кольцо из тысяч соединённых узлов. Красным горели жилые уровни, жёлтым

— производственные, белым — системы управления.

Белого было больше половины.

Эраст указал:

— Что потребляет центральная сеть?

— Прогнозирование, коррекция решений, устранение конфликтов, выбор маршрутов, подбор партнёров, формирование эмоционального баланса...

— Отключить.

Архивариус впервые повысил голос:

— Это основа порядка!

— Это шестьдесят восемь процентов расхода энергии.

— Без управления возникнет хаос.

— Временно.

— Люди не готовы.

Тарас выглянул в зал, где по воздуху летали тысячи ненужных вещей.

— Мы тоже не были готовы к шкафу.

— Ваше поведение не является примером стабильности.

— Зато до сих пор живы.

Архивариус посмотрел на Эраста:

— Отключение центральной сети требует подтверждения населения.

— Тогда спросите.

— Решение слишком сложное. Граждане не способны оценить последствия.

— Объясните просто.

— Упрощение исказит смысл.

— А сокрытие лишит их выбора.

Архивариус молчал.

На схеме погас ещё один жилой сектор.

— Тридцать четыре минуты до отключения вентиляции,
— сказала Майя.

Эраст подошёл к седому двойнику.

— Вы называете себя продолжением моего профиля. Значит, знаете, что я сейчас скажу.

— Знаю.

— Тогда зачем спорите?

— Надеюсь, что вы выберете иначе.

— Надежда не входит в расчёт.

Архивариус посмотрел на него почти с ненавистью.

— Поэтому она опасна.

Управляющий зал находился в центре архива.

Стены раздвинулись, открывая круглую комнату. В середине стояло одно кресло, окружённое световыми кольцами.

Перед ним висела карта города.

— Руководитель должен подключиться лично, — сказала Майя.

— Что это означает?

— Система войдёт в вашу память.

— Уже входила.

— Тогда глубже.

Тарас осмотрел кресло:

— Ремни есть?

— Нет.

— Это хорошо или плохо?

— Раньше были, — ответила Майя.

— Значит, плохо.

Эраст сел.

Над его головой зажглось кольцо.

Вера подошла:

— Что может произойти?

Майя ответила честно:

— Он перестанет отличать собственные воспоминания от памяти города.

— Насколько вероятно?

— Сорок процентов.

— А что снизит риск?

— Связанная сторона.

Тарас тихо сказал:

— Снова семейные услуги.

Эраст посмотрел на Веру:

— Вы не обязаны.

— Знаю.

Она поставила драконёнка на пол. Тот немедленно попытался съесть световую линию.

Вера села на второе кресло, поднявшееся рядом.

— Что делать?

— Держите его за руку, — сказала Майя. — И напомните, кто он.

Эраст нахмурился:

— Система опять интерпретирует контакт как подтверждение союза?

— Обязательно.

— Тогда...

Вера взяла его ладонь.

— Потом разберёмся.

Кольца опустились.

Мир стал белым.

Эраст оказался сразу в восьми миллионах комнат.

Он видел мальчика, который всё ещё стоял перед витриной с игрушками и не знал, хочет ли войти.

Женщину, державшую две рубашки и ожидавшую рекомендации, какую надеть.

Старика в медицинской капсуле. Система больше не объясняла ему, когда сделать вдох, и он испуганно считал секунды.

Молодую пару за столом. Они впервые за двенадцать лет не получили подсказку, о чём безопасно разговаривать.

Рабочих у остановившегося конвейера.

Врачей перед тремя вариантами лечения.

Водителя, который положил руки на рычаги и боялся повернуть.

Все они слышали город.

И город говорил голосом Эраста:

— Сохраняйте спокойствие. Оптимальное решение будет предоставлено.

— Нет, — сказал Кунилин.

Его голос разошёлся по уровням.

Люди подняли головы.

— Оптимального решения не будет.

Вера сжала его руку.

— Эраст, вы в кресле. Мы в архиве. Рядом Майя, Тарас и Мира.

Он слышал.

Но одновременно слышал миллионы сердцебиений.

— Граждане Орбис-девять, — произнёс он. — Ваш город использовал драконьи жизни для оплаты системы, которая принимала решения за вас. Сейчас этот источник отключается.

Архивариус вмешался:

— Отключение создаст угрозу здоровью, безопасности и эмоциональной устойчивости.

Эраст не стал скрывать.

— Да.

В городе начался шум.

Не крик.

Миллионы людей заговорили одновременно.

— У нас есть другой источник?

— На сколько хватит воздуха?

— Кто такой дракон?

— Почему об этом не сообщали?

— Какое решение рекомендуется?

Последний вопрос повторялся чаще остальных.

— Решение не рекомендуется, — сказал Эраст. — Предлагаются два варианта. Первый: вернуть прежнее управление и продолжить использовать нерождённых драконов. Второй: отключить систему коррекции решений, направить энергию на воздух, воду, медицину и транспорт. Остальное временно придётся делать самим.

Наступила тишина.

Потом женщина с двумя рубашками спросила:

— Какую выбрать?

Эраст посмотрел её глазами.

Одна рубашка была синей.

Вторая — зелёной.

— Любую.

— По какому критерию?

— По вашему.

— Я не знаю.

— Тогда наденьте ту, которую взяли первой.

Она посмотрела на левую руку.

Там была синяя.

Надела.

Ничего страшного не произошло.

Женщина улыбнулась.

Совсем немного.

Водитель транспортной кабины спросил:

— Куда поворачивать?

Тарас наклонился к управляющему контуру.

— Пусть сначала уберёт скорость до минимума. Потом на свободную линию.

Эраст повторил.

Машина дёрнулась.

Повернула слишком резко.

Пассажиры закричали.

Но через несколько секунд кабина остановилась у платформы.

Двери открылись.

Люди вышли.

Врач спросил:

— Какой метод лечения выбрать?

— Вот здесь не любой, — сказал Эраст. — Соберите коллег. Сравните данные. Запишите причины.

— Это займёт время.

— Да.

— Пациент может умереть.

Эраст почувствовал, как Архивариус ждёт ответа.

— Может, — сказал Кунилин. — Но решение всё равно придётся принять вам. И объяснить пациенту, если он способен выбирать.

Вера снова сжала его руку.

— Вы здесь, Эраст. Не исчезайте.

Он посмотрел её глазами.

Увидел самого себя.

Бледного, с закрытыми глазами, в световом кресле.

— Я здесь, — ответил он.

Не городу.

Ей.

Система открыла голосование.

Вопрос Эраст составил сам:

**СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ ОТКЛЮЧИТЬ СИСТЕМУ,
УПРАВЛЯЮЩУЮ ВАШИМИ РЕШЕНИЯМИ, ЧТОБЫ
ПРЕКРАТИТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДРАКОНОВ И СО-
ХРАНИТЬ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОРОДА?**

Архивариус добавил:

РИСК ОШИБОК ВОЗРАСТЁТ НА 340%

Тарас потребовал приписать:

**ВОЗМОЖНОСТЬ ВИНИТЬ СИСТЕМУ СНИЗИТСЯ НА
100%**

Эраст удалил строку.

— Почему? — возмутился Тарас.

— Показатель не подтверждён.

— Очевидно же.

— Именно поэтому и не подтверждён.

Голосование началось.

Первые десять секунд никто не выбирал.

Люди ждали рекомендации.

Потом мальчик у витрины нажал «СОГЛАСЕН».

— Почему? — спросила мать.

— Я хочу сам решить про игрушку.

Вторая отметка появилась у женщины в синей рубашке.

Третья — у водителя.

Потом сотни.

Тысячи.

Счётчик рос медленно.

Сорок процентов.

Сорок семь.

Пятьдесят.

Архивариус стоял за креслом.

— Они не понимают последствий.

— Никто не понимает полностью, — ответил Эраст.

— Тогда решение не может быть свободным.

— Свобода не требует всеведения.

— Она требует ответственности.

— Да.

— Большинство её не хочет.

Счётчик достиг шестидесяти трёх процентов.

Эраст посмотрел на седого двойника.

— Вы уверены?

На семидесяти одном проценте голосование завершилось.

Центральная сеть погасла.

Впервые за четыреста двадцать пять лет Орбис-девять перестал советовать людям, как жить.

Свет исчез почти везде.

Затем включился снова — слабый, жёлтый, неравномерный.

Вентиляция заработала.

Насосы продолжили качать воду.

Медицинские уровни получили питание.

Транспорт остался в ручном режиме.

А в нижнем хранилище оборвалась последняя серебряная нить.

Золотой свет поднялся вверх.

По внутреннему колодцу города летели первые драконы.

Маленькие, мокрые, неуклюжие.

Они били крыльями по воздуху, сталкивались, цеплялись за мосты и фонари. Один врезался в рекламную панель подбора идеального партнёра. Панель вспыхнула и выдала ему совместимость девяносто девять процентов с пожарным выходом.

Другой сел на крышу транспортной кабины.

Пассажиры закричали.

Потом кто-то протянул ему пищевой брусок.

Дракон понюхал.

Отвернулся.

— Разумные существа, — сказал Тарас.

Их собственный золотой драконёнок сидел на коленях у

Веры и грыз ремень кресла.

— Не все, — заметил Эраст.

Архивариус смотрел на оживающий город.

— Вы создали хаос.

— Временно.

— Возникнут аварии.

— Да.

— Конфликты.

— Безусловно.

— Люди будут несчастны.

Эраст снял световое кольцо.

— Иногда.

— Тогда почему они согласились?

Ответила Мира:

— Потому что несчастье, которое выбрал сам, легче счастья, в котором тебя нет.

Архивариус повернулся к ней.

— Нерационально.

— Ты слишком долго жил, чтобы оставаться таким глупым.

Тарас одобрительно кивнул:

— Вот теперь можно его рубить?

— Нет, — сказал Эраст.

Мира посмотрела на него.

— Почему?

— Он должен остаться.

Архивариус впервые выглядел удивлённым.

— В каком качестве?

— Архивариуса. Хранить память. Показывать варианты.

Не принимать решения.

— Это ограничение моих функций.

— Это и есть цель.

— Я могу отказаться?

Эраст помолчал.

— Да.

Седой двойник смотрел на него.

В его лице медленно появилось что-то новое.

Не рассчитанная эмоция.

Не копия.

Собственная мысль.

— Тогда я согласен, — произнёс он. — Временно.

Тарас усмехнулся:

— Наш человек.

Глава 21

Первый день после идеального мира

Через три часа в городе случилось девятьсот двадцать семь мелких аварий.

Семь транспортных кабин столкнулись на минимальной скорости. Двести двенадцать дверей заклинило, потому что жители одновременно нажимали «открыть» и «закрыть». В столовой сто девяносто четвёртого уровня закончилась сладкая каша: все впервые сами выбрали именно её.

Серьёзных происшествий оказалось три.

Погибших — ни одного.

Архивариус сообщил об этом Эрасту с таким выражением, словно статистика лично его оскорбила.

— Прогнозировалось двадцать четыре смерти.

— Ошибка модели, — сказал Кунилин.

— Люди помогали друг другу непредусмотренным способом.

— Именно поэтому модель ошиблась.

На одном уровне пассажиры вручную вытолкали остановившуюся транспортную кабину. На другом соседи разблокировали дверь вместе, хотя система считала, что они не знакомы. В медицинском секторе врач выбрал рискованный метод лечения, а пациент подтвердил решение.

— Они могли ошибиться, — повторил Архивариус.

— Могли.

— Вас это не тревожит?

— Очень.

— Тогда вы должны вернуть управление.

— Нет.

Архивариус несколько секунд молчал.

— Ваш профиль содержит противоречие.

— Я человек.

— Это не объяснение.

— Лучшего пока нет.

Майя вернула их вещи.

Меч Миры.

Оружие Тараса.

Мешок с обручем.

Паспорт, пропуск и школьную фотографию Эраста.

Последней она передала Вере металлическую пластину.

Теперь на ней горел знак золотого дракона.

— Ключ признал вас носителем, — сказала Майя.

— Временным.

— Система не различает временное материнство.

Вера посмотрела на драконёнка.

Он спал в большой сумке, устроившись поверх Эрастова пиджака. Наружу торчал только кончик хвоста.

— Ему нужно имя, — сказала Мира.

— Разве драконы не называют себя сами?

— Когда начинают говорить. До этого мать даёт детское.

Вера растерялась:

— Какое?

Тарас предложил:

— Шкаф.

Эраст резко обернулся:

— Уже занято.

— Котом в другом мире.

— Именно. Возникнет путаница.

Мира посмотрела на золотистую спину.

— Роан.

— Что значит? — спросила Вера.

— Тот, кто родился вопреки.

Драконёнок открыл один глаз.

Фыркнул дымом.

Снова заснул.

— Похоже, согласен, — сказала Вера.

На пластине появилось:

ОБЪЕКТ D-0001 ПЕРЕИМЕНОВАН

РОАН

ФАМИЛИЯ: НЕ УКАЗАНА

Тарас заглянул:

— Можно Ладов.

— Нельзя, — сказал Эраст.

— Почему?

— Без согласия Веры.

Она улыбнулась:

— Пусть пока будет просто Роан.

Пластина исправилась:

ФАМИЛИЯ: ПОКА ОТСУТСТВУЕТ

— Очень внимательная техника, — сказала Вера.

— Слишком внимательная, — ответил Эраст.

Освобождённые драконы заполнили город.

Большинство оставалось небольшими. Их переносили в тёплые помещения, кормили всем подряд и постепенно выясняли, что пищевые бруски они презирают так же, как Тарас.

Несколько существ росли прямо на глазах.

Майя объяснила: они возвращали себе использованное время. Один дракон за час превратился из детёныша в зверя величиной с лошадь. Другой остался размером с кошку, но заговорил и потребовал предоставить ему карту.

Город впервые за столетия пах дымом, живой шерстью и подгоревшей едой.

Люди начали открывать окна внутренних домов, хотя за ними находился лишь центральный колодец.

Им хотелось слышать происходящее.

Мальчик, первым проголосовавший за отключение системы, всё-таки купил игрушку.

Не ту, которую хотел раньше.

Постоял перед витриной и выбрал деревянного дракона.

Путь в Переходный двор должен был открыться в верхнем зале, где они появились.

До него поднимались почти час.

Транспорт работал вручную. За рычагами сидела пожилая женщина, которая всю дорогу проговаривала действия:

— Скорость два. Направление верхнее. Поворот. Не этот.

Теперь этот.

Тарас стоял рядом.

— Хорошо ведёте.

— Я триста лет мечтала попробовать.

— Сколько вам?

— Триста двадцать восемь.

Он посмотрел на гладкое лицо.

— Использованного времени?

— Шестьдесят четыре.

— Удобная система.

— Была.

Женщина повернула рычаг.

Кабина резко ушла в сторону.

Все схватились за поручни.

— Простите, — сказала она. — Но интересно.

Тарас усмехнулся:

— Вот теперь точно хорошо ведёте.

В верхнем зале мост не появился.

Каменная арка стояла пустой.

За прозрачным куполом бушевала пылевая буря. Красный песок бился о стекло. Иногда в темноте вспыхивали молнии.

Вера поднесла ключ к арке.

Золотой знак зажёгся.

Появилась надпись:

МАРШРУТ К ПЕРЕХОДНОМУ ДВОРУ ПОВРЕЖДЁН

ОТСУТСТВУЕТ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА КЛЮЧА

— Савин сказал, что ключ находится здесь, — произнёс Тарас.

— Он не сказал, что целиком, — ответил Эраст.

— Очень в его стиле.

Мира коснулась символов.

— Ключ разделили между временем и памятью.

— Где вторая половина? — спросила Вера.

Изображение изменилось.

На нём появился заснеженный город.

Невысокие дома, деревянные стены, дым над крышами.

По улице ехали сани. На дальнем холме поднималась крепость.

Под изображением загорелась дата:

1684 ГОД

ИСХОДНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

ПЕРВАЯ СТАРАЯ ПЕРЕПРАВА

Тарас прочитал:

— Чтобы попасть в Переходный двор, нужно сначала в прошлое.

— Не в наше, — сказал Эраст. — В линию, из которой позже возник проект.

Архивариус появился на стене:

— Переход нестабилен. Допустимая масса — четыре взрослых человека.

Все посмотрели на сумку с Роаном.

— Он не взрослый, — сказала Вера.

— Биологическая масса превышает предел на семь килограммов.

Тарас снял мешок с обручем:

— Оставим это.

Мира покачала головой:

— Обруч нужен мастеру.

— Тогда рычаг.

Эраст прижал ржавую железку к груди:

— Нет.

— Ты серьёзно?

— Она участвовала в запуске контура и может служить образцом ручного управления.

Архивариус произнёс:

— Превышение массы сохраняется.

Все начали выкладывать вещи.

Запасную одежду. Металлическую посуду. Часть еды. Тарас снял куртку.

— Теперь?

— Превышение два килограмма.

Мира отдала ножны.

Эраст вынул из сумки документы.

Подумал.

Вернул.

Вера положила на пол остаток свадебного платья.

Роан высунул голову и жалобно пискнул.

Она посмотрела на белую ткань.

— Нет.

Снова свернула и убрала в сумку.

— Превышение сохраняется, — сказал Архивариус.

Тарас снял ботинки.

— Теперь?

— Недостаток массы три килограмма.

— Издеваетесь?

— Расчёт точный.

— Положи ботинки обратно, — сказал Эраст. — В прошлом зима.

Мира посмотрела на город за прозрачным полом.

Внизу летали драконы.

Один из них поднимался к куполу.

Большой, тёмно-синий, с длинными серебряными рогами. Он остановился за стеклом, раскрыл крылья и посмотрел внутрь.

Вера слышала голос.

Не ушами.

«Маленький должен остаться».

Она прижала сумку к себе.

— Нет.

— Что? — спросил Эраст.

— Он говорит оставить Роана.

Синий дракон коснулся лбом купола.

«Дорога опасна. Здесь много взрослых. Мы защитим».

Роан выбрался из сумки.

Посмотрел на большого дракона.

Пискнул.

Синий ответил низким рокотом.

Вера держала малыша под передними лапами.

— Он хочет остаться?

Мира прислушалась.

— Он хочет летать.

— Он ещё не умеет.

Роан расправил крылья.

Одно оказалось чуть меньше другого.

Тарас поддержал его снизу.

— Все когда-то не умели.

Вера посмотрела на него:

— А если упадёт?

— Там семь тысяч братьев и сестёр.

Синий дракон снова коснулся купола.

«Не упадёт».

Вера прижала Роана к груди.

Поцеловала между маленькими рогами.

— Это ненадолго.

Драконёнок лизнул её в нос.

Она рассмеялась и вытерла лицо рукавом.

Майя открыла внешний шлюз. Между залом и куполом образовался узкий воздушный карман. Синий дракон просунул туда голову.

Вера передала Роана.

Большой зверь осторожно взял малыша зубами за складку кожи на спине.

Роан возмущённо запищал.

Через минуту они уже летели вниз.

Маленькие золотые крылья били воздух.

Неровно.

Но сами.

Вера смотрела, пока их не скрыл город.

— Теперь масса соответствует, — сообщил Архивариус.

— Иногда можно помолчать, — сказал Эраст.

— Рекомендация зарегистрирована.

Ключ открыл переход.

В арке появился снег.

Холодный ветер ворвался в зал, подхватил бумаги и запах дыма.

На той стороне били колокола.

Не тревожно.

Празднично.

По заснеженной улице шли люди с факелами. Впереди несли деревянную фигуру дракона. Следом ехали сани, украшенные еловыми ветками.

Архивариус приблизил изображение.

На площади стояла виселица.

Под ней — человек в сером пальто.

Молодой Акакий Александрович Кунилин.

Отец Эраста.

Рядом глашатай разворачивал свиток.

— За колдовство, открытие запретных дверей и попытку

похитить невесту князя приговаривается...

Тарас посмотрел на Эраста:

— У вас это семейное?

— Что?

— Порталы и чужие свадьбы.

Мира взяла меч без ножен.

— До казни сколько?

Архивариус ответил:

— Двадцать восемь минут.

— Переход односторонний, — добавила Майя. — Вернуться сюда не сможете.

Вера сжала половину ключа.

— А в Переходный двор?

— Если найдёте вторую часть.

— Где она?

На изображении появился княжеский дворец.

Потом молодая женщина в свадебной одежде.

На её груди висел золотой медальон — вторая половина ключа.

Тарас обул ботинки.

— Значит, опять свадьба.

Эраст шагнул к арке.

— Сначала отец.

Вера встала рядом.

— Потом невеста.

Мира вздохнула:

— И желательно до того, как одно помешает другому.

Они вошли в снег.

Переход закрылся.

Архивариус остался в пустом зале.

Несколько секунд он смотрел на каменную арку.

Потом произнёс:

— Уточнение маршрута: казнь состоится через двадцать семь минут.

Никто не услышал.

Седой двойник подумал.

И впервые сделал то, чего от него не требовала ни одна программа.

Открыл за ними тайный канал.

Глава 22

Казнь переносится по техническим причинам

Снег оказался настоящим.

Он сразу набился Эрасту за воротник, Тарасу — в ботинки, а Мира, впервые увидевшая сугроб выше колена, провалилась в него по пояс.

— Не двигайся, — сказал Тарас.

— Почему?

— Чтобы глубже не ушла.

— Ты мог предупредить.

— Я думал, у вас есть снег.

— Есть. В горах.

— И как вы там ходите?

— Не ходим.

Мира попыталась выбраться, опёрлась на покрытый настом край и провалилась ещё сильнее.

Тарас протянул руку.

Она ухватилась.

Он потянул.

Вытащил Миру вместе с таким количеством снега, что на мгновение она стала похожа на сердитый праздничный пирог.

— Не смейся.

— Я даже не начал.

Она стряхнула снег ему за ворот.

— Теперь можешь.

Праздничная процессия приближалась.

По улице несли факелы, деревянного дракона и еловые ветви. Люди пели. В песне упоминались огонь, новая весна и послушная жена, которая должна войти в дом мужа так же покорно, как река входит в берега.

Вера вслушалась.

— Очень показательная песня.

— Старинная, — сказала Мира.

— Это не оправдание.

— Я и не оправдываю.

Эраст смотрел на площадь.

До неё было около двухсот метров. Виселица стояла перед деревянной крепостью. Возле помоста выстроилась стража в длинных кафтанах и шапках с меховыми отворотами.

Отец находился там.

Живой.

Связанный.

Рядом с ним стоял священник и что-то говорил, но Акакий Александрович смотрел не на него. Он изучал устройство виселицы.

Эраст узнал выражение лица.

Так Кунилины смотрели на всё, что было собрано неправильно.

— Двадцать пять минут, — сказал Тарас, взглянув на оружие будущего.

После отключения Белого города на боковой панели появился счётчик местного времени.

— Нельзя идти прямо, — сказала Мира. — Нас задержат раньше.

— Нужно разделиться, — ответил Эраст. — Мы с Тарасом идём к площади. Вы с Верой — во дворец за второй половиной ключа.

— Нет, — сказала Вера.

— Что именно?

— Мы не знаем, где невеста, как попасть во дворец и отдаст ли она медальон. Вы не знаете, сколько стражи на площади и как освободить отца. Делить четверых на две неподготовленные группы неразумно.

Эраст посмотрел на неё.

— Согласен.

Тарас кашлянул:

— Есть ещё предложение.

— Какое?

Он указал на деревянного дракона.

Процессия проходила мимо переулка. Фигура возвышалась на широких носилках, которые держали восемь мужчин. Из раскрытой пасти валил дым: внутри жгли мокрую солому.

— Зачем нам деревянный дракон? — спросила Мира.

— Чтобы войти на площадь.

— Нас заметят.

— Если идти отдельно — заметят. Если тащить что-то тяжёлое и праздничное, решат, что так надо.

Эраст изучил процессию.

— Носилки заняты.

— Сзади идут люди с еловыми ветками. Встанем между ними.

— У нас нет веток.

Тарас стряхнул снег с ближайшей ели.

— Теперь есть.

Через минуту они присоединились к шествию.

Мира несла ветку так, словно это было копьё. Вера спря-
тала ключ под рубахой. Эраст шёл, опустив лицо, а Тарас пел.

Точнее, произносил последние слова каждой строки, по-
тому что остальных не знал.

— ...войдёт в дом!

— В дом! — громко подхватывал он.

— ...принесёт огонь!

— Огонь!

— ...будет мужу верна!

Тарас замолчал.

Мужчина рядом толкнул его локтем:

— Верна!

— Это пусть сама решает.

Мужчина перестал петь и посмотрел на него.

Мира быстро затянула:

— Верна!

Голос у неё был сильный. Окружающие одобрительно за-
гудели.

— Ты же не согласна, — шепнул Тарас.

— Не хочу, чтобы тебя повесили раньше его отца.

Они вышли на площадь.

Глашатай читал обвинение.

— Пришлый человек, назвавшийся мастером железных
громов, уличён в колдовстве, смущении умов, повреждении

княжеского имущества...

— Что повредил? — шепнул Тарас.

— Узнаем позже, — ответил Эраст.

— ...а также в намерении похитить благородную девицу Варвару Мироновну, наречённую невесту князя Северина Радомировича.

Толпа недовольно загудела.

Акакий Александрович поднял голову:

— Я никого не похищал. Она сама попросила открыть дверь.

— Молчи! — рявкнул палач.

— И левую стойку укрепите. Поперечина поведена.

Палач посмотрел вверх.

Стойка действительно наклонилась.

— Ведьмацкие речи!

— Обычная геометрия.

Эраст почувствовал, как к горлу подступает что-то похожее на смех и боль одновременно.

Отец не изменился.

Потому что для него почти не прошло времени.

На крыльцо княжеского терема вышел высокий молодой мужчина в собольей шубе. Лицо красивое, тонкое, волосы светлые.

На груди висел знак из трёх окружностей.

Первый вариант эмблемы Белого города.

— Князь Северин, — прошептала Мира.

— Знаешь его?

— Его портреты висят в залах Совета Корон. Основатель первого союза людей и драконов.

— Судя по виселице, союз начинался хорошо, — сказал Тарас.

Северин поднял руку.

Толпа замолчала.

— Приговор исполнить до свадебного обряда, дабы смерть чужеземца очистила дорогу новому союзу.

Вера посмотрела на Эраста:

— У нас меньше двадцати пяти минут.

— Уже меньше.

Палач накинул отцу петлю.

Эраст сделал шаг.

Тарас удержал его.

— Не сейчас.

— Когда?

— Когда будет куда уходить.

Он показал на деревянного дракона.

Фигура остановилась у помоста. Носильщики поставили её на снег. Один полез под брюхо, чтобы добавить соломы в жаровню.

— Там пусто внутри, — сказал Тарас.

Эраст понял.

— Нужно попасть к отцу.

— И снять верёвку.

— У палача нож.

— Зато у меня дырокол не сохранился.

— Что вы задумали? — спросила Мира.

— Праздничное мероприятие с неожиданным продолжением.

Тарас вытащил оружие будущего и спрятал его под еловой веткой.

— Синяя кнопка. Минимальный объём. Уберу одну перекладину помоста.

— Он может рухнуть вместе с отцом, — сказал Эраст.

— Поэтому ты его поймашь.

— Это весь план?

— Нет. Дальше импровизация.

— То есть весь.

Вера смотрела на крыльцо.

Невесты там не было.

Зато за слюдяным окном второго этажа мелькнуло белое лицо.

Женщина приложила ладонь к стеклу.

На её груди блеснул медальон.

Вера слегка подняла половину ключа.

Женщина замерла.

Потом указала вниз.

На боковую дверь терема.

И покачала головой в сторону виселицы.

— Она хочет, чтобы мы сначала пришли к ней, — сказала

Вера.

— Времени нет, — ответил Эраст.

Невеста снова показала вниз.

Потом подняла три пальца.

Сжала кулак.

Раскрыла.

— Что это значит? — спросил Тарас.

Мира смотрела внимательнее:

— Три удара колокола. После них начнётся обряд.

— Казнь до обряда, — напомнил Эраст.

— Она может остановить оба.

Князь Северин повернулся к окну.

Варвара мгновенно отошла.

— Идите, — сказал Эраст Вере. — Мы останемся здесь.

— Мы уже решили не делиться.

— Обстоятельства изменились.

— Нет.

— Вера...

Она взяла его за руку.

Быстро.

— Я найду её. И вернусь.

Он хотел сказать, что это опасно.

Вспомнил обещание.

— Я боюсь за вас.

— Знаю.

— Если через десять минут...

— Через восемь.

— Договорились.

Вера и Мира растворились в толпе.

Эраст проводил их взглядом.

— Привыкай, — сказал Тарас. — Женщины иногда уходят по своим делам.

— Мы не...

— Я про людей вообще.

Первый колокол ударил.

Палач затянул узел.

Тарас поднял еловую ветку.

— Восемь минут у нас нет.

Он выстрелил.

Никто не увидел прозрачный шар.

Перекладина под ногами Акакия Александровича исчезла ровным цилиндром. Палач провалился по колено, выругался и выпустил рычаг.

Люк виселицы открылся.

Отец Эраста упал.

Верёвка натянулась.

Но помост рухнул раньше, чем успела сломать шею.

Одна боковая стойка, та самая, которую Акакий Александрович счёл ненадёжной, накренилась. Поперечина сорвалась. Верёвка ослабла.

Осуждённый рухнул в снег.

Толпа закричала.

Деревянный дракон вспыхнул.

Тарас поджёг его той самой еловой веткой.

Дым повалил на площадь.

— Колдовство! — закричал кто-то.

— Пожар! — крикнул Тарас громче. — Воды!

Люди бросились в разные стороны.

Эраст пробился к помосту.

Палач лежал под досками. Нож выпал из руки.

Кунилин подхватил его, разрезал верёвку на запястьях отца.

Акакий Александрович поднял голову.

— Эрик?

— Потом.

— Ты постарел.

— Тридцать девять лет.

— Так долго?

— Для меня.

Второй колокол ударил.

Стражники поднимались на помост.

Тарас схватил Акакия Александровича с другой стороны.

— Рад знакомству. Бежать можете?

— Могу.

— Тогда разговоры точно потом.

Они нырнули под брюхо горящего дракона.

Внутри было тесно, дымно и жарко. Между деревянными рёбрами оставался проход к хвосту.

Тарас прополз первым.

Эраст подтолкнул отца.

— Куда ведёт?

— В основном наружу.

— Убедительно.

Сзади затрещали доски.

Стражник просунул копьё между рёбрами.

Акакий Александрович схватил железный прут из жаровни и ударил по древку. Копьё отлетело.

— Техника безопасности, — сказал он.

— Помню, — ответил Эраст.

Отец посмотрел на него.

Даже среди дыма.

Даже в горящей деревянной фигуре.

Улыбнулся.

— Хорошо.

Глава 23

Похищение по предварительному согласию

Боковая дверь княжеского терема была заперта.

Мира подняла меч.

— Подожди, — сказала Вера.

Она постучала.

Через несколько секунд дверь приоткрылась. Из щели выглянула пожилая женщина в тёмном платке.

— Кто?

— Варвара Мироновна нас ждёт.

— Всех ждут. Сегодня свадьба.

— У нас половина её медальона.

Вера показала ключ.

Старуха быстро открыла дверь.

— Тогда входите. И ноги вытрите.

Даже заговор против князя не освобождал от уважения к чистому полу.

Их провели по узкой лестнице.

В верхней комнате Варвара Мироновна стояла перед зеркалом. На ней была тяжёлая красная шуба, расшитая золотыми птицами. Волосы заплетены в две длинные косы. На голове — венец с жемчугом.

Рядом лежал нож.

Варвара держала его не для красоты.

— Вы от Акакия? — спросила она.

— Мы пришли из-за ключа, — ответила Мира.

— Значит, от него.

Вера подошла ближе:

— Он ваш друг?

— Не успели решить.

— А князь?

Варвара посмотрела в зеркало.

— Успели. Нет.

С площади донёсся первый удар колокола.

Она быстро сняла венец.

— Северин обещал открыть дорогу к драконам. Говорил,

что медальон — печать равного союза. Акакий показал, что внутри.

— Что там? — спросила Вера.

Варвара оттянула ворот.

От медальона к коже тянулись тонкие чёрные нити.

Точно такие же, как в обруче Орса.

— Он уже связан с вами, — сказала Мира.

— Пока не полностью. Для этого я должна трижды про-
изнести его имя перед огнём и принять кровь в чаше.

— Вы не хотите?

Варвара посмотрела на неё:

— Если бы хотела, не держала бы под подушкой топор.

Пожилая служанка поправила:

— Нож. Топор не поместился.

— Он в сундуке.

Второй колокол ударил.

Варвара взялась за цепочку.

— Снять не могу. Чем сильнее тяну, тем глубже входят
нити.

Вера достала свою половину ключа.

Металл вспыхнул.

Медальон на груди невесты ответил золотым светом.

Чёрные нити натянулись.

Варвара вскрикнула.

— Не тяните! — сказала Вера.

Она приложила половину ключа к медальону.

Две части соединились.

На мгновение появился целый круг.

По его поверхности пробежала надпись:

ПЕРЕХОДНЫЙ ДОГОВОР

СТОРОНА ПЕРВАЯ: НЕ УКАЗАНА

СТОРОНА ВТОРАЯ: ВАРВАРА МИРОНОВНА

ПРАВО ОТКАЗА: ЗАБЛОКИРОВАНО

— Подтвердите, что хотите снять, — сказала Мира.

— Подтверждаю.

Ничего не произошло.

— Полным именем.

— Я, Варвара Мироновна Бельская, отказываюсь от союза с князем Северином Радомировичем и требую снять печать.

Медальон потемнел.

Появилась новая строка:

ОТКАЗ НЕ ПРИНЯТ

ОТСУТСТВУЕТ СВИДЕТЕЛЬ

Вера вспомнила Тараса.

— Свидетель на площади.

— Если ещё жив, — сказала Варвара.

Третий колокол должен был прозвучать через несколько минут.

Мира подошла к окну.

Площадь заволокло дымом. Горел деревянный дракон. Виселица рухнула. Люди бежали. Среди них она увидела Тараса, который вылезал из хвоста праздничной фигуры.

— Жив.

— Тогда идём.

Варвара накинула поверх свадебной шубы простой серый плащ.

— Через чёрную лестницу.

— Стража? — спросила Вера.

Пожилая служанка открыла сундук.

Внутри лежал топор.

— Какая стража?

Они вышли во двор в тот момент, когда князь Северин понял: казнь сорвалась.

Он стоял на крыльце, окружённый дружинниками. Красивое лицо больше не было спокойным.

— Закрыть ворота! — приказал он. — Чужеземца взять живым!

— Которого? — спросил один из воинов.

На площади находились уже трое мужчин в странной одежде.

Северин увидел Эраста.

Побледнел.

— Руководитель.

Эраст, поддерживавший отца, остановился.

— Мы знакомы?

Князь спустился на одну ступень.

— Ты ещё нет.

— Очень популярная форма знакомства.

Акакий Александрович посмотрел на Северина:

— Это не человек.

— Разумеется, человек, — возразил князь. — Я родился здесь.

— Тело человеческое. Внутри управляющий контур.

Северин улыбнулся.

— А внутри вас разве нет приказов, Акакий Александрович? Долг. Любовь. Страх. Привычка. Я лишь делаю их понятнее.

— Ты делаешь один громче остальных.

— Потому что остальные мешают миру.

Тарас поднял оружие.

— Отойдите от ворот.

Северин посмотрел на красный колпачок.

— Ты не нажмёшь.

— Почему?

— Видел, что произойдёт.

Тарас замер.

Князь шагнул ближе.

— Красная кнопка удалит линию, в которой ты обрёл её.

Он посмотрел в сторону боковой двери.

Мира появилась первой.

За ней Вера и Варвара.

— Не произноси его имя! — крикнул Тарас.

Северин улыбнулся:

— Уже произнёс сам.

На оружии вспыхнуло:

ЛИНИЯ ПРИВЯЗКИ ОБНАРУЖЕНА

ОБЪЕКТ: МИРА

Тарас посмотрел на кнопку.

Потом на девушку.

В одном движении сорвал красный колпачок.

Мира остановилась.

— Не нажимай.

— Он думает, что может держать меня тобой.

— Может.

— Нет.

Тарас повернул оружие рукоятью к князю.

И бросил в снег.

— Я сам решу, чем рисковать.

Северин не ожидал.

Именно поэтому Акакий Александрович успел ударить его ржавой перекладной виселицы.

Князь пошатнулся.

Эраст посмотрел на отца:

— Вы тоже храните вещественные доказательства?

— Это хороший металл.

— Семейное, — сказал Тарас.

Стражники окружали их.

С одной стороны — ворота. С другой — терем. За спиной горел деревянный дракон.

Варвара вышла вперёд.

— Расступитесь.

Дружинники переглянулись.

— Княгиня...

— Пока нет.

Она распахнула плащ.

Все увидели свадебную шубу и медальон с чёрными нитями.

— Ваш князь обещал союз. А приготовил узду.

Северин поднялся.

Из рассечённой брови текла кровь.

Красная.

Человеческая.

— Она околдована пришлыми!

— Я могу подтвердить отказ, — сказала Варвара. — При свидетеле.

Тарас подошёл.

— Подтверждаю.

На медальоне вспыхнуло:

СВИДЕТЕЛЬ ПРИНЯТ

Чёрные нити дрогнули.

— Требуется хранитель печати, — сказала Мира.

Она опустилась на одно колено и коснулась разомкнутого знака под ключицей.

— Я принимаю ответственность.

Её меч загорелся золотым светом.

— Требуется связанная сторона, — прочитала Вера.

Все посмотрели на Эраста.

— Какая именно? — спросил он.

На ключе появилось:

СТОРОНА, СПОСОБНАЯ ОТКРЫТЬ НОВЫЙ ПУТЬ

Вера протянула ему руку.

— Вместе?

Он кивнул.

Они коснулись соединённых половин ключа.

Металл стал горячим.

— Я подтверждаю право Варвары Мироновны отказаться,

— сказал Эраст.

— Я подтверждаю, — повторила Вера.

Медальон раскрылся.

Чёрные нити вышли из кожи.

Упали на снег.

Северин закричал.

Не от боли.

Так кричит человек, у которого отняли власть, давно принятую за часть тела.

Вокруг его шеи проступил чёрный обруч.

— Нет! Она дала согласие!

— Другому человеку, — сказал Эраст.

— Я тот же!

— Вы скрыли намерение.

— Я спасал княжество!

— Без его согласия.

— Люди всегда выбирают плохо!

— Возможно.

— Тогда зачем им выбор?

Ответила Варвара:

— Чтобы ты не выбирал за них.

Она взяла у служанки топор.

Ударил по чёрным нитям.

Обруч на шее Северина треснул.

Князь упал на колени.

Из его груди вырвался белый свет.

На площади на одно мгновение появились Сборщики.

Сотни серых фигур стояли среди людей, наслаиваясь на прошлое.

Потом исчезли.

Северин остался человеком.

Обычным.

Испуганным.

Не старше тридцати.

Он смотрел на свои руки.

— Я... не помню.

Варвара опустила топор.

— Тогда начни с имени.

— Северин.

— Это твоё?

Он задумался.

— Не знаю.

Тарас поднял оружие со снега и снова надел красный колпачок.

— Бывает.

Ключ стал целым.

В его центре открылось маленькое золотое отверстие.

На снег легла тень двери.

Но самой двери не было.

Акакий Александрович подошёл к сыну.

— Переходный двор рядом.

— Вы идёте с нами.

Отец покачал головой:

— Не могу.

— Почему?

Он показал правую руку.

След серебряной нити поднялся до плеча.

— Архивариус связал меня с этим временем. Если уйду, разрыв последует за мной.

— Снимем связь.

— В Переходном дворе. Если доберётесь.

— Тогда как вы...

— Я останусь здесь до открытия общего контура.

Эраст смотрел на него.

Снова тот же выбор.

Снова дверь между ними.

— Я только вас нашёл.

— Нет, — сказал отец. — Ты нашёл меня тридцать девять лет назад. Просто теперь мы оба об этом знаем.

Он обнял сына.

Неловко.

Словно Эраст всё ещё был мальчиком, но неожиданно оказался почти одного роста.

Кунилин сначала держал руки вдоль тела.

Потом обнял отца в ответ.

Крепко.

— Я вернусь.

— Знаю.

— Откуда?

— Ты всегда возвращался проверить, выключен ли утюг.

Эраст отстранился:

— У меня никогда не было утюга.

Акакий Александрович улыбнулся:

— Значит, вернёшься выяснить, почему все об этом говорят.

Варвара знала место, куда следовало отнести ключ.

За крепостью, на берегу замёрзшей реки, стояли две каменные опоры. Моста между ними не было.

На первой высечено:

ВОЙТИ МОЖЕТ ТОТ, КТО СОГЛАСЕН

На второй:

ВЫЙТИ МОЖЕТ ТОТ, КТО ПЕРЕДУМАЛ

Эраст прочитал.

— Противоречие.

— Условие, — сказала Мира.

Вера вставила ключ в отверстие первой опоры.

Надо льдом возникла дверь.

За ней клубился золотой туман.

Акакий Александрович остался на берегу рядом с Варварой. Северина увели дружинники. Пожилая служанка забрала топор и отправилась проверять праздничный стол: после сорванной свадьбы оставалось много еды, а зло не должно было сопровождаться ещё и порчей продуктов.

Тарас первым подошёл к двери.

— Куда ведёт?

Ключ ответил:

ПЕРЕХОДНЫЙ ДВОР

ВРЕМЯ ПРИБЫТИЯ: НЕ ОПРЕДЕЛЕНО

ВЕРОЯТНОСТЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ: 12%

— Маловато, — сказал он.

— Но не ноль, — ответила Мира.

Тарас посмотрел на неё.

— Идёшь?

— Да.

— Почему?

Она чуть улыбнулась:

— Хочу узнать, как выглядит человек, которому я доверилась в погибшем будущем.

— А если не понравится?

— Тогда выберу другого.

— Себя?

— Посмотрим.

Она шагнула в туман.

Тарас — следом.

Вера взялась за край двери.

Эраст ещё раз посмотрел на отца.

— До встречи.

— До первой, — ответил Акакий Александрович.

Кунилин и Вера вошли вместе.

Дверь закрылась.

На ледяном берегу осталась золотая линия.

Варвара посмотрела на неё.

— Они спасут мир?

Акакий Александрович поднял с земли брошенную пере-
кладину.

— Если сначала не начнут его учитывать.

— А женятся?

Он задумался.

— Вот этого система почему-то боится больше всего.

Подо льдом что-то огромное открыло глаза.
И двинулось вслед за путешественниками.

Часть третья

Дракон, который помнил будущее

Глава 24

Место, куда прибывают до отправления

Переходный двор встретил их дождём.

Капли падали снизу вверх.

Они поднимались из луж, скользили по одежде и исчезали в сером небе. Через несколько секунд Эраст обнаружил, что пиджак у него мокрый изнутри, но сухой снаружи.

— Непрактично, — сказал он.

— Зато вода не попадает за воротник, — заметил Тарас.

— Она уже там.

— Значит, опоздала.

Они стояли на круглой площади, вымощенной чёрным камнем. От неё во все стороны расходились дороги. Одни поднимались к висящим в воздухе воротам. Другие уходили в землю. Третьи обрывались через несколько шагов, но вдали, за пустотой, продолжались снова.

В центре площади возвышалась башня.

Её основание было древним, сложенным из огромных камней. Средняя часть напоминала институтский корпус: серые стены, прямоугольные окна, пожарная лестница. Верх состоял из белого металла и заканчивался раскрытыми дра-

коньими крыльями.

Над входом висели три часов.

Первые шли вперёд.

Вторые — назад.

Третьи показывали время до ближайшей ошибки.

Сейчас на них оставалось две минуты.

— Что случится через две минуты? — спросила Вера.

Мира посмотрела на часы:

— Кто-то ошибётся.

— Где?

— Здесь.

— Кто?

Цифра сменилась на одну минуту пятьдесят восемь секунд.

Тарас огляделся:

— Если никто ничего не будет делать, ошибаться будет сложнее.

— Бездействие тоже выбор, — сказал Эраст.

— Значит, ты уже начал.

Они двинулись к башне.

Часы ускорились.

По обе стороны входа сидели два каменных дракона.

Один держал в когтях книгу.

Другой — обломок цепи.

Когда путешественники подошли, первый открыл глаза.

— Цель прибытия?

— Найти Сердце, — ответила Мира.

Второй дракон ожил:

— Цель прибытия?

— Мы уже сказали, — произнёс Тарас.

— Первый спрашивает, зачем пришли. Я спрашиваю, зачем на самом деле.

Тарас посмотрел на Миру:

— Даже двери здесь требуют признаний.

Эраст выступил вперёд:

— Нам необходимо остановить разрушение связанных миров.

Первый дракон склонил голову:

— Цель зарегистрирована.

Второй ждал.

— А на самом деле? — повторил он.

Эраст посмотрел на Веру.

Потом на башню.

— Я хочу вернуть отца.

— Принято.

Вера сказала:

— Хочу понять, кем стала, и не позволить этому решить за меня, кем быть.

— Принято.

Мира:

— Найти мать.

— Принято.

Тарас подошёл последним.

— Я хочу, чтобы все перестали спрашивать, зачем я куда-то иду.

Каменный дракон молчал.

— Хорошо. Хочу узнать, почему в будущем Мира поверила мне и погибла.

Мира резко повернулась:

— Он не сказал, что я погибла.

— Не сказал. Поэтому и думаю.

Второй дракон закрыл глаза.

Дверь башни открылась.

На третьих часах оставалось сорок три секунды.

— Успели, — сказал Тарас.

Одна из створок двери упала с петель.

Прямо перед ним.

Он отскочил.

Часы показали ноль и снова начали отсчёт — теперь с семи минут.

Эраст осмотрел сломанное крепление.

— Петля была повреждена.

— Знаю, — ответил каменный дракон с книгой.

— Почему не предупредили?

— Ошибка должна была произойти.

— Это не значит, что она должна причинить вред.

Каменный дракон задумался.

На третьих часах время увеличилось до девяти минут.

— Поздравляю, — сказал Тарас. — Ты отругал судьбу, и она взяла перерыв.

Внутри башня была больше, чем снаружи.

Зал уходил вверх на сотни этажей. Через пустое пространство поднимались лестницы, мосты и прозрачные площадки. В воздухе висели двери. За одной шёл снег. За другой плескалось море. Из третьей выглянул человек в ночной рубашке, увидел путешественников и быстро закрыл створку.

У стойки с надписью «ПРИБЫТИЕ» никого не было.

На ней лежал колокольчик.

Тарас позвонил.

Где-то высоко наверху ответил гром.

— Ещё раз? — спросил он.

— Не надо, — сказала Мира.

За стойкой появилась женщина.

Не подошла.

Сначала возникла тень, потом руки, одежда и только в конце лицо. На вид ей было около пятидесяти. Седые волосы собраны в тугую косу. На ней был тёмно-зелёный мундир с золотыми пуговицами.

— Ключ.

Вера протянула металлическую пластину.

Женщина приложила её к ладони.

— Две части соединены. Носитель изменён. Маршрут нарушен. Четверо вместо двух. Свидетель разведён. Хранительница лишена знака. Руководитель опоздал на четыреста

двадцать пять лет.

Она посмотрела на Эраста.

— Неплохо добрались.

— Учитывая обстоятельства, — сказал он.

— Обстоятельства здесь не учитываются. Только решения.

— Тогда ещё лучше.

Женщина вернула ключ.

— Переходный двор закрыт.

Тарас оглядел сотни дверей:

— Не похоже.

— Все входы открыты. Выходов нет.

— Как давно?

— С завтрашнего дня.

— Мы уже были завтра.

— Поэтому и закрыт.

Эраст положил руки на стойку.

— Где Ардейна?

Женщина перевела взгляд на него.

— Умирает.

Мира шагнула вперёд:

— Где?

— На вершине Башни Последнего Часа.

— Мы должны к ней.

— Вы уже были.

— Нет.

— Для неё — да.

Вера тихо спросила:

— Она помнит нас?

— Всех. Особенно тех, кого ещё не встретила.

Женщина назвалась смотрительницей Иварой.

Она повела их по лестнице.

— До вершины девятьсот восемьдесят две ступени, — сообщила она.

Тарас посмотрел вверх:

— Лифта нет?

— Был. Уехал в тот день, когда ещё не построили шахту.

— И где он?

— Иногда появляется на четыреста шестом этаже.

— Но этажей сколько?

— Сейчас триста два.

Тарас повернулся к Эрасту:

— Не задавай вопросов. Станет хуже.

Поднимались долго.

На каждой площадке висели таблички:

ДВЕРИ В МИРЫ, ГДЕ ВЫ ПОБЕДИЛИ

ДВЕРИ В МИРЫ, ГДЕ ВЫ НЕ ПРИШЛИ

ДВЕРИ, ОТКРЫТЫЕ ИЗ ЛЮБОПЫТСТВА

Перед последней Тарас остановился.

— Очень большой отдел.

— Самый большой, — сказала Ивара.

Из-за одной двери донеслось:

— Тарас Ананиевич! Только на минуточку!

Он ускорил шаг.

На двести третьей ступени Вера остановилась.

Не от усталости.

Из двери слева пахло кофе и бумагой.

На табличке было написано:

МИР, В КОТОРОМ СВАДЬБА СОСТОЯЛАСЬ

Она посмотрела в маленькое окно.

Увидела свою мастерскую.

Денис стоял у стола спиной. На его руке было кольцо. По стенам тянулись серебряные нити, но он их не замечал.

Или делал вид.

Вера стояла у окна.

Другая Вера.

Волосы короче. Лицо спокойное. Слишком спокойное.

На подоконнике не было цветов.

— Она счастлива? — спросил Эраст.

Вера вздрогнула.

Он стоял рядом, но не заглядывал внутрь.

— Не знаю.

— Хотите войти?

— Нет.

— Почему?

— Потому что она не смотрит на вещи.

— Что это значит?

— Я всегда смотрю. На трещины, следы клея, старые швы.

Думаю, кто сделал, кто чинил, где ошибся. А она смотрит только туда, куда велят нити.

Вера закрыла окошко.

— Это не я.

Дверь исчезла.

Эраст не спросил, жалеет ли она.

За это Вера была ему благодарна.

На четыреста шестой площадке стоял лифт.

Двери открылись сами.

Внутри сидела коза.

На шее у неё висела табличка:

НЕ ТРОГАТЬ. ПЕРЕМЕЩАЕТСЯ МЕЖДУ ПРИЧИНА-
МИ.

Тарас заглянул:

— А если попросить выйти?

Коза посмотрела на него и боднула панель.

Лифт уехал.

— Хорошо, что не сели, — сказала Мира.

— Откуда знаешь?

— Не знаю.

— Уже осваиваешься.

На следующей площадке Мира увидела мать.

Лианна стояла за открытой дверью. Молодая, в форме хранительницы, с таким же разомкнутым знаком под ключицей.

— Мама.

Она шагнула к двери.

Тарас схватил её за пояс.

Мира развернулась и ударила его локтем.

Он не отпустил.

— Сначала спроси.

— Отпусти меня!

— Спроси, почему дверь открыта.

Лианна улыбалась.

— Иди ко мне.

Мира замерла.

Её мать никогда так не говорила.

В детстве она говорила: «Я здесь». Никогда — «иди». Даже когда Мира падала, Лианна сначала спрашивала, может ли дочь подняться сама.

— Кто ты? — спросила Мира.

Улыбка женщины не изменилась.

— Твоя мать.

— Что ты сказала мне, когда Совет забрал знак?

— Что ты поступила правильно.

Тарас тихо произнёс:

— Опять.

Мира вытащила меч.

— Мать сказала: «Теперь заплати за выбор сама».

Лицо за дверью поплыло.

Превратилось в серебряную маску.

Из проёма вырвались нити.

Тарас толкнул Миру вниз. Сам остался на ступени.

Нить обвилась вокруг его шеи.

Он схватил её обеими руками.

Мира вскочила.

Ударила мечом.

Серебро лопнуло.

Дверь захлопнулась.

Тарас сел на ступень.

На шее осталась красная полоса.

Мира опустилась перед ним.

— Ты знал?

— Догадывался.

— Мог сказать.

— Ты бы не услышала.

Она коснулась следа.

— Больно?

— Если скажу «нет», будешь затягивать повязку сильнее?

— Буду.

— Тогда очень.

Мира улыбнулась, но глаза у неё оставались влажными.

— Спасибо.

— За что?

— Что решил за меня.

Тарас нахмурился.

— Ты сейчас издеваешься?

— Немного.

— Хорошо. Значит, пришла в себя.

Вершина находилась под открытым небом.

Там не было крыши.

Вокруг башни вращались звёзды, солнца, луны и целые города. Иногда мимо проходили корабли. Один старинный парусник плыл по воздуху, и матросы на палубе махали руками.

На каменном помосте лежала Ардейна.

Та самая тёмно-красная драконица, которую Эраст и Тарас видели в прологе будущей катастрофы.

Только теперь её чешуя блестела. Крылья были целы. Золотые глаза ясны.

Она подняла голову.

Посмотрела на Тараса.

— Колено с хвоста убери.

Он машинально отступил.

Потом понял:

— Я вам ещё не наступил.

— Но наступишь.

Ардейна перевела взгляд на Эраста.

— Пластину положил?

— В каком времени?

— Хороший вопрос. Значит, ещё нет.

Она посмотрела на Веру.

Особенно долго.

— Ты стала матерью.

— Временно.

— Все матери надеются, что временно. Потом дети учатся летать и всё равно остаются детьми.

Последней драконица увидела Миру.

Золотые глаза дрогнули.

— Ты похожа на Лианну.

— Где она?

Ардейна опустила голову.

— В Сердце.

— Жива?

— Не могу ответить одним словом.

— Попробуй несколькими.

— Она добровольно вошла в центральный контур, чтобы остановить Морайна. С тех пор Сердце использует её выбор как замок.

— Значит, она пленница.

— Да.

— Почему ты не освободила?

— Потому что тогда открылся бы Разлом.

Мира подняла меч.

— Все говорят, что другого пути нет.

— Потому что пока его никто не выбрал.

Она посмотрела на Эраста и Веру.

— До вас.

Глава 25

Пророчество с оборванным концом

Ардейна не могла отвести их к Сердцу.

По крайней мере, сейчас.

— Центральная лестница разрушена, — сказала она. —

Нижний вход запечатан Советом Корон. Верхний находится в мире, который ещё не создан.

Тарас сел на камень:

— Нормальная дверь есть?

— Есть.

— Где?

— В вашем институте.

Эраст поправил очки:

— Шкаф?

— Шкаф — переносной выход. Вход находился в секторе

C.

— Сектор закрыт с 1991 года.

— Потому и сохранился.

— Как туда попасть?

Ардейна посмотрела на ключ в руках Веры.

— Закончить маршрут.

На металлической пластине появилась карта.

Три точки уже горели: Ладен, Орбис-девять и Старая переправа 1684 года.

Четвёртая мигала.

ИСХОДНЫЙ МИР

ДАТА: ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ДНЕЙ

СОСТОЯНИЕ: ЧАСТИЧНО РАЗРУШЕН

— Почему не сейчас? — спросил Эраст.

— Потому что вход откроется только после первого обрушения.

— Наш мир должен начать погибать, чтобы мы смогли его спасти?

— Да.

Тарас покачал головой:

— Очень неудачный проект.

— Его строили люди, — напомнила Ардейна.

— Уже понял.

Мира стояла перед драконицей.

— Расскажи о матери.

— Лианна была хранительницей договора между первыми людьми проекта и драконами. Не служила Совету. Следила, чтобы переходы открывались только при согласии обеих сторон.

— Потом что?

— Люди принесли контур номер шесть. Он помогал слышать истинный выбор.

— А потом отказ сделали согласием.

— Не сразу.

Ардейна развернула левое крыло.

На внутренней стороне перепонки виднелась длинная белая надпись.

Слова были выжжены.

Некоторые знаки отсутствовали.

— Это пророчество? — спросила Вера.

— Инструкция, — ответила драконица. — Но людям больше нравятся пророчества. Их можно понимать как удобно и всегда обвинять переводчика.

Эраст приблизился.

— Кто написал?

— Акакий Кунилин, Лианна и я. В ночь первой аварии.

— Мой отец?

— Он понял, что Морайн ищет способ распространить управление на все миры. Чтобы остановить его, нужны были люди из исходной реальности, не связанные местными договорами.

— Мы.

— Вы.

Тарас прочитал знакомые строки:

ДВОЕ ПРИШЕДШИХ ИЗ МИРА БЕЗ МАГИИ

ДОЛЖНЫ НАЙТИ СЕРДЦЕ ДРАКОНА

ВОССТАНОВИТЬ ПЕЧАТЬ

СПАСТИ МИР

И НЕ ВСТУПАТЬ В БРАК...

Ниже ткань крыла была обожжена.

— Мироздания, — сказал Эраст.

Ардейна посмотрела на него:

— Откуда знаешь?

— Видел полный перевод. На мгновение. Перед нашим первым перемещением.

— Тогда вы знали.

— Не успели прочесть последнюю строку.

Тарас встал.

— То есть речь была не о свадьбе?

— О каком браке вы думали?

Все трое посмотрели на него.

— Обычном.

Ардейна моргнула.

— Почему обычном?

— Потому что написано «не вступать в брак».

— В брак мироздания.

— Так не говорят.

— На старом языке говорят.

Эраст достал записную книжку:

— Уточните значение.

Драконница коснулась когтем повреждённого места.

— «Брак» — испорченное соединение. Разлом, в котором два несовместимых решения насильно объявлены одним. Вступить в брак мироздания — войти в повреждённый контур и позволить ему сделать вас частью ошибки.

Тарас несколько секунд молчал.

— Значит, жениться можно?

— Если найдёшь желающую.

Мира отвернулась, скрывая улыбку.

Вера посмотрела на Эраста.

Он старательно изучал надпись.

— Полезное уточнение, — произнёс Кунилин.

— Полезное? — возмутился Тарас. — Мы четыре мира ходим и думаем, что свадьба уничтожит Вселенную!

— Пока ни один из нас не собирался жениться.

— Говори за себя.

Мира медленно повернулась:

— А ты собирался?

— Я вообще. Теоретически. Когда-нибудь. При благоприятных обстоятельствах и отсутствии пророчеств.

— Понятно.

— Что понятно?

— Ничего.

Ардейна опустила голову на лапы:

— Теперь вижу, почему в прошлый раз вы всё испортили.

— В какой прошлый? — спросил Эраст.

— В будущем, которое ещё можно отменить.

Она посмотрела на них.

— Вы решили, что пророчество запрещает союз. Начали скрывать чувства, лгать друг другу и принимать решения по-одиночке. Именно это позволило Морайну разделить вас.

Тарас замер.

— Поэтому будущая Мира погибла?

— Да.

— Как?

Драконница перевела взгляд на девушку.

— Она вошла в Сердце вместо матери.

Мира побледнела.

— Освободила её?

— Нет. Заменила.

Тарас сделал шаг к ней.

Остановился.

Не коснулся.

— Мы этого не допустим.

— Ты не можешь обещать за меня, — сказала Мира.

— За тебя — нет. За себя могу.

— Что именно?

Он смотрел прямо ей в глаза.

— Что не стану делать вид, будто мне всё равно.

Над башней пронёсся далёкий гром.

Третьи часы обнулились.

На этот раз дверь не упала.

Ардейна улыбнулась:

— Уже лучше, чем в прошлый раз.

Эраст продолжал читать повреждённый текст.

— Здесь должна быть ещё строка.

— Была, — сказала Ардейна.

— Какая?

— Мы не успели закончить.

— Тогда откуда вы знаете, что инструкция верна?

— Не знаем.

— Вы отправили нас спасти миры по незавершённом документу?

— Времени не было.

Эраст закрыл глаза.

Тарас усмехнулся:

— Теперь ты понимаешь, что чувствуют люди, когда получают твои служебные записки.

Кунилин проигнорировал.

— Кто повредил крыло?

— Ты.

— Я?

— На Башне Последнего Часа. Когда понял, что Морайн читает инструкцию через меня.

— Поэтому часть текста не распозналась.

— Да.

— И вы отправили нас назад с повреждённой записью.

— Да.

— Зная, что смысл будет искажён.

Ардейна устало выдохнула дым.

— Башня рушилась. Я умирала. Тарас стоял на моём хвосте. Обстановка не располагала к редактуре.

— Тогда нужно восстановить последнюю строку сейчас.

— Как?

Эраст достал карандаш.

— Сформулировать.

Драконица рассмеялась.

Башня задрожала от её голоса.

— Человек хочет дописать пророчество карандашом.

— Это инструкция.

— Тем более.

Он положил записную книжку на камень.

— Что должен сделать тот, кто дошёл до Сердца?

Ардейна перестала смеяться.

— Выбрать мир, который останется.

— Один?

— Сердце не удерживает семь разрушающихся ветвей.

— Белый город говорил то же самое.

— Потому что это правда.

— Нет. Это расчёт системы, не допускающей восьмого варианта.

— Здесь нет восьмого.

Вера встала рядом с Эрастом:

— Значит, создадим.

Ардейна посмотрела на неё.

Потом на Миру и Тараса.

— В прошлый раз вы тоже так сказали.

— Что произошло? — спросил Эраст.

— Вы объединили миры.

— Спасли?

— На три дня.

— А потом?

— Они начали уничтожать друг друга. Прошное переписало будущее. Магия проникла в исходный мир. Белый город получил доступ к драконам. Морайн обрёл тело.

— Значит, соединение было тем самым браком мироздания, — сказал Кунилин.

— Да.

Он записал:

НЕ ОБЪЕДИНЯТЬ МИРЫ НАСИЛЬНО.

— Недостаточно, — сказала Вера. — Нужно указать, что делать.

Эраст добавил:

СОХРАНИТЬ ПРАВО КАЖДОГО МИРА ОТКАЗАТЬСЯ.

Карандашные слова вспыхнули.

Перешли со страницы на крыло Ардейны.

Надпись стала полной:

ДВОЕ ПРИШЕДШИХ ИЗ МИРА БЕЗ МАГИИ

ДОЛЖНЫ НАЙТИ СЕРДЦЕ ДРАКОНА

ВОССТАНОВИТЬ ПЕЧАТЬ

СПАСТИ МИР

И НЕ ВСТУПАТЬ В БРАК МИРОЗДАНИЯ.

НЕ ОБЪЕДИНЯТЬ МИРЫ НАСИЛЬНО.

СОХРАНИТЬ ПРАВО КАЖДОГО МИРА ОТКАЗАТЬ-
СЯ.

Башня ответила низким звоном.

Все двери вокруг открылись.

За ними были разные миры.

Ладен.

Орбис-девять.

Старая переправа 1684 года.

Москва.

И ещё три места, которых они не видели.

Красная пустыня под чёрным солнцем.

Океан с городами на спинах гигантских существ.

Тёмная долина, где в небе висело разбитое зеркало.

На каждой двери появилась строка:

ПРАВО ОТКАЗА ВОССТАНОВЛЕНО

— Получилось? — спросил Тарас.

Ардейна смотрела на сияющие двери.

— Началось.

— Что?

— Теперь каждый мир должен решить, хочет ли оставаться
связанным.

— А если откажется?

— Переход закроется.

— Навсегда?

— Возможно.

Вера смотрела на дверь Орбис-девять.

Где-то там учился летать Роан.

Эраст — на дверь 1684 года.

За ней оставался отец.

Мира — на закрытую дверь Сердца, появившуюся у вершины башни.

Тарас видел их всех.

— Значит, выбирать будут не только миры, — сказал он.

Ардейна подняла голову.

Вокруг башни остановились звёзды.

— Нет.

Из-под камней донёсся тяжёлый удар.

Тот, кто двигался подо льдом в 1684 году, добрался до Переходного двора.

Площадь внизу раскололась.

Из трещины поднялась огромная чёрная голова без глаз. Вдоль её тела тянулись тысячи серебряных нитей. Каждая уходила в одну из открытых дверей.

— Что это? — спросила Вера.

Ардейна расправила крылья.

— Первое тело Морайна.

— Дракон? — спросил Тарас.

— Нет.

Чёрное существо раскрыло пасть.

Внутри вместо языка сиял белый город.

— Это решение, — сказала Ардейна. — Которое никто не принимал, но все исполняли.

Морайн ударил в основание башни.

Камни треснули.

Третьи часы снова начали отсчёт.

До ошибки оставалось десять секунд.

Главы 26-27

Ошибка, совершённая по плану

Десять секунд — достаточный срок, чтобы человек успел принять неправильное решение.

Иногда даже два.

Третьи часы отсчитывали:

00:00:09

Морайн снова ударил в основание башни.

Каменная площадка накренилась. Вера упала на колени. Эраст подхватил её. Тарас вцепился в выступ стены одной рукой, другой удерживая Миру. Ардейна расправила крылья и заслонила всех от посыпавшихся сверху обломков.

00:00:08

— Вниз! — крикнула драконица. — К Сердцу!

На стене вершины появилась дверь.

Чёрная, металлическая, без ручки. В центре светился

разомкнутый круг.

Мира подбежала первой и ударила ладонью по знаку.

— Не открывается!

— Нужен ключ, — сказал Эраст.

Вера приложила пластину.

Над дверью возникло:

ДОСТУП ЗАПРЕЩЁН

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОНТУР ПОВРЕЖДЁН

00:00:07

Морайн поднимался вдоль башни.

Его тело не имело постоянной формы. Чёрная чешуя сменялась металлическими пластинами, потом человеческими лицами. В одном месте проступила голова дракона в обруче. В другом — белая маска Сборщика.

Серебряные нити тянулись от него к каждой открытой двери.

00:00:06

— Что произойдёт на нуле? — спросил Тарас.

— Кто-то ошибётся, — ответила Ивара.

Смотрительница появилась на верхней лестнице с длинным копьём в руках.

— Мы это уже знаем! Какая ошибка?

— Часы не уточняют.

— Очень полезное устройство.

00:00:05

Эраст смотрел на цифры.

— Они предсказывают не ошибку.

— А что? — спросила Вера.

— Момент, когда решение будет признано ошибочным.

— Кем?

Кунилин посмотрел на Морайна.

— Системой.

00:00:04

Чёрное существо раскрыло пасть.

Тысячи голосов произнесли одновременно:

— Наиболее вероятный выбор: бегство. Вероятность — семьдесят восемь процентов.

Одна из дверей вспыхнула.

За ней открылся институтский кабинет.

Шкаф стоял у стены. Телефон Эраста лежал на столе. За окном шёл дождь.

— Возвращение доступно, — сказал Морайн. — Угроза будет локализована в остальных мирах.

00:00:03

Тарас посмотрел на кабинет.

— Заманчиво.

— Ложь, — сказала Мира.

— Не обязательно, — ответил Эраст. — Он действительно может оставить наш мир последним.

— Тогда уходим? — спросила Вера.

Эраст встретился с ней взглядом.

— Нет.

00:00:02

— Ошибочный выбор подтверждён, — произнёс Морайн.
Часы показали единицу.

Тарас поднял ржавый рычаг, который Эраст всё-таки пронёс через три мира.

— Раз ошибка всё равно будет...

Он ударил по часам.

Стекло разлетелось.

Стрелки остановились.

00:00:01

И не сдвинулись.

Все замерли.

Морайн тоже.

По его телу прошла белая рябь.

— Отсчёт должен завершиться, — произнесли тысячи голосов.

Тарас осмотрел погнутый рычаг:

— Не завершился.

Эраст подошёл к разбитым часам.

— Ты уничтожил прибор.

— Ты сам говорил, он учитывает ошибки. Теперь пусть учтёт свою.

— Это исторический механизм Переходного двора.

— Запиши в расходные материалы.

Ивара покосилась на него:

— Я тридцать семь эпох боялась к ним прикасаться.

— Надо было позвать специалиста.

Морайн ударил по башне.

Но теперь движение получилось неровным. Одна часть тела устремилась вперёд, другая отступила. Серебряные нити перепутались.

— Он не предвидел бессмысленного разрушения часов,

— сказала Ардейна.

Тарас обиделся:

— Почему бессмысленного? Они остановились.

— Именно.

Драконница расправила крылья.

— Продолжай делать то, чего от тебя не ждут.

— Наконец-то подходящее задание.

Морайн атаковал.

Нити хлынули через край площадки.

Ардейна взмыла в воздух. Её пламя было не красным и не золотым — прозрачным. Там, где оно касалось серебряных нитей, те не сгорали, а становились видимыми во всех временах сразу.

Каждая нить раздваивалась на сотни теней.

— Рубите ту, которая не отбрасывает тени! — крикнула она.

Мира бросилась вперёд.

Меч рассёк первую настоящую нить.

Из открытой двери Ладена донёсся рёв.

Орс появился над площадью Переходного двора.

Он летел плохо. Повреждённое крыло держалось на кожаных ремнях и деревянных планках. На спине сидел Радан Бренн, привязанный верёвкой к основанию шеи.

За ними в проходе стояли защитники города.

— Ладен подтверждает союз! — крикнул Бренн. — На одну битву!

Дверь вспыхнула:

ДОБРОВОЛЬНОЕ СОЕДИНЕНИЕ

ПРАВО ВЫХОДА СОХРАНЕНО

— Я говорил держать голову ниже зубцов, — сказал Бренн дракону.

— Здесь нет зубцов.

— Тогда ниже всего остального!

Орс сложил крылья и врезался в бок Морайна.

Чёрное тело прогнулось.

Тысячи голосов закричали.

С площадки Ладена ударили арбалеты. Болты пролетали сквозь дверь и входили в серебряные узлы, которые подсвечивало пламя Ардейны.

— Они сами открыли переход, — сказала Вера.

— Потому что получили право отказаться, — ответил Эраст.

Морайн повернул к ним голову.

— Союз создаёт зависимость.

— Только если из него нельзя выйти, — сказал Кунилин.
Вторая дверь вспыхнула.

Орбис-девять.

Внутренний город сиял жёлтыми аварийными огнями. На платформах стояли люди. В руках у одних были излучатели, у других — инструменты.

Впереди Майя Коростылёва держала Роана.

Маленький дракон увидел Веру и вырвался.

— Роан!

Он полетел.

Сначала вниз.

Потом понял ошибку, отчаянно заработал крыльями и набрал высоту. За ним в дверь хлынули драконы.

Десятки.

Сотни.

Разного цвета и размера. Одни едва научились держаться в воздухе, другие уже выросли настолько, что проходили через арку боком.

— Орбис-девять подтверждает временную связь! — сказала Майя. — Семьдесят один процент граждан согласен.

Из толпы донёсся голос:

— Уже семьдесят два!

Над дверью появилось:

ДОБРОВОЛЬНОЕ СОЕДИНЕНИЕ

УРОВЕНЬ СОГЛАСИЯ: 72,4%

СПОРЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

— Вот это живой мир, — сказал Тарас.

Драконы ударили по Морайну.

Не строим.

Не по приказу.

Каждый выбрал свою цель. Кто-то рвал серебряные нити.

Кто-то подхватывал падающих. Трое молодых драконов вообще улетели исследовать висящие двери. Один сел на башенные часы и окончательно отломил минутную стрелку.

Морайн не успевал предсказывать.

Его тело дёргалось.

Одни части защищались.

Другие нападали.

Третьи пытались отступить.

— Несогласованность превышает предел, — произнесли голоса.

— Привыкай, — сказал Эраст.

Роан добрался до Веры и врезался ей в плечо.

Она поймала его.

— Ты вырос.

Драконёнок был уже размером с телёнка и весил соответственно.

Вера с трудом удержалась.

— Совсем немного.

Роан гордо выпустил дым.

Потом увидел Морайна и спрятал голову ей под руку.

— А внутри всё тот же, — сказала она.

Третья дверь открылась рывком.

Старая переправа 1684 года.

На ледяном берегу стояли Варвара Мироновна, дружинники и Акакий Александрович.

За ними возвышалось огромное существо, которое двигалось подо льдом.

Теперь оно вырвалось наружу.

Длинное тело покрывала белая чешуя. Вместо крыльев — широкие плавники. Голова напоминала драконью, но над глазами росли прозрачные рога.

— Это кто? — спросил Тарас.

— Речной хранитель, — ответила Мира. — Они исчезли до моего рождения.

Варвара подняла целый золотой медальон.

— Первая Переправа подтверждает союз!

Дружинники ударили оружием о щиты.

Над дверью вспыхнуло:

ДОБРОВОЛЬНОЕ СОЕДИНЕНИЕ

УСЛОВИЕ: ПОСЛЕ БИТВЫ ВСЕ УХОДЯТ ДОМОЙ

— Разумное условие, — сказал Эраст.

Речной дракон скользнул сквозь дверь, будто воздух был водой.

На его спине стоял Акакий Александрович.

Он увидел сына.

Поднял руку.

— Эрик! Замок на нижней петле!

Эраст сразу посмотрел на чёрную дверь Сердца.

Под центральным знаком скрывалась маленькая петля.

— Как открыть?

— Не открывай! Сними!

— В чём разница?

— Когда дверь открывается, система знает путь. Когда снимается — нет!

Тарас подбежал с погнутым рычагом:

— Вот теперь он точно твой отец.

Они вставили железный конец под петлю.

Надавили вдвоём.

Крепление не двигалось.

Вера передала Роана Майе, которая появилась на краю площадки, и взялась за рычаг рядом с Эрастом.

Мира присоединилась.

Четверо нажали.

Петля хрустнула.

Морайн закричал:

— Доступ к Сердцу запрещён!

— Значит, правильно делаем, — сказал Тарас.

Чёрная дверь сорвалась целиком.

За ней не оказалось коридора.

Там билось Сердце.

Огромный золотой шар, опутанный чёрными и серебряными нитями. Внутри него находилась женщина.

Лианна.

Мать Миры.

Глаза закрыты. Ладони прижаты к внутренней поверхности. От груди к краям шара расходились световые линии.

Мира выпустила рычаг.

— Мама.

Лианна открыла глаза.

И посмотрела прямо на дочь.

Морайн почувствовал, что замок найден.

Все его нити разом устремились к Сердцу.

Ардейна перехватила удар.

Она закрыла проём собственным телом.

Серебряные линии вошли под чешую.

Драконица взревела.

Тарас поднял оружие.

— Синяя кнопка не поможет, — сказал Эраст. — Нити связаны с мирами.

— Тогда чем?

— Выбором.

— Очень удобный ответ во время драки.

Кунилин подбежал к Сердцу.

На золотой поверхности горели семь названий миров.

Рядом с каждым — два поля:

СОХРАНИТЬ

ОТКЛЮЧИТЬ

Ниже находилась большая белая кнопка:

РЕКОМЕНДОВАННОЕ РЕШЕНИЕ

Эраст не коснулся.

— Где восьмой вариант?

Лианна слышала его через поверхность.

— Его нет.

— Мы уже создавали.

— Там был мост. Здесь Сердце.

— Какая разница?

— Мост ведёт. Сердце удерживает.

Мира приблизилась.

— Как освободить тебя?

Лианна улыбнулась.

Не иллюзия.

Не мягкая подделка.

Улыбка была усталой и немного строгой.

— Ты выросла.

— Как освободить?

— Выключить Сердце.

— Что произойдёт?

— Связанные миры разойдутся. Некоторые переходы исчезнут. Некоторые никогда не возникнут.

— Ты вернёшься?

— Не знаю.

Мира положила ладонь на золотую поверхность.

— Почему вошла?

— Потому что тогда другого пути не нашла.

— А теперь?

— Теперь ищешь ты.

Морайн ударил снова.

Ардейна опустилась на колено.

По её груди текла золотая кровь.

Тарас встал рядом с Мирой.

— Мы найдём.

— Не обещай.

— Я не тебе. Себе.

Эраст изучал панель.

Семь миров.

Семь пар вариантов.

Сохранить один — отключить остальные.

Белый город считал потери.

Морайн требовал порядка.

Сердце повторяло одну и ту же ошибку: будто существование одного обязательно оплачивалось исчезновением другого.

— Вера, ключ.

Она протянула пластину.

Эраст вставил её в центральную выемку.

Появилась строка:

СОЗДАНИЕ НОВОГО РЕШЕНИЯ ТРЕБУЕТ ПОЛНОГО

ИМЕНИ РУКОВОДИТЕЛЯ

— Не называй, — крикнул отец из двери прошлого.

— Без имени не создадим восьмой вариант.

— С именем система получит тебя!

Архивариус появился в двери Орбис-девять.

— Подтверждаю. При передаче полного имени профиль
и человек будут объединены.

— Что произойдёт со мной? — спросил Эраст.

— Вы станете управляющим Сердца.

— Навсегда?

— До прекращения всех вариантов.

Вера подошла к нему.

— Это и есть брак мироздания.

Эраст кивнул.

Если он назовёт имя, Сердце впустит его внутрь.

Появится восьмой вариант.

Но сам Кунилин станет частью механизма.

Тем самым дефектным соединением, которого запрещала
инструкция.

— Другого способа нет, — сказала Лианна.

Морайн засмеялся тысячами голосов:

— Руководитель выбирает жертву. Так было всегда.

Тарас выстрелил в ближайшую нить.

Она рассыпалась серыми кубиками.

— Пока он выбирает, я сокращаю ассортимент.

Мира подняла меч.

Ардейна держалась из последних сил.

Двери миров мерцали.

Связь становилась слабее.

Эраст посмотрел на своё отражение в золотом шаре.

Седое лицо Архивариуса проступило поверх его собственного.

— Назовите имя, — сказал двойник. — Я приму управление вместе с вами.

— И снова будете решать за всех?

— Мы будем.

— Нет.

— Тогда миры погибнут.

Эраст закрыл глаза.

Услышал голос отца:

«Если машина не хочет, она выполняет программу».

Шестилетний мальчик спросил:

«А если не буду?»

Кунилин открыл глаза.

— Сердце требует полного имени руководителя?

— Да, — ответила система.

— Но не уточняет, какого.

Архивариус замер.

Тарас посмотрел на друга:

— Ты что задумал?

Эраст повернулся к нему.

— Тарас Ананиевич, вы готовы временно исполнять обя-

занности руководителя?

— Нет.

— Прекрасно.

— Почему прекрасно?

— Потому что ваше согласие невозможно подделать.

— Эраст...

— Нужно полное имя.

Морайн понял первым.

Все серебряные нити метнулись к Тарасу.

Мира закрыла его.

Орс и Ардейна одновременно ударили огнём.

Вера схватила ключ.

А Эраст громко произнёс:

— Тюлькин Тарас Ананиевич!

Сердце вспыхнуло.

ПОЛНОЕ ИМЯ ПОЛУЧЕНО

НОВЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ПОДТВЕРЖДЁН

Тарас открыл рот.

— Я отказываюсь!

ОТКАЗ РУКОВОДИТЕЛЯ ПРИНЯТ

УПРАВЛЕНИЕ ОСТАНОВЛЕНО

Сердце перестало биться.

Все нити оборвались.

Морайн рухнул с башни.

Двери миров погасли.

В наступившей тишине Тарас посмотрел на Эраста.

— Ты назначил меня начальником без согласия.

— На три секунды.

— И за это время я успел уволиться.

— Именно на это я рассчитывал.

Мира опустила меч.

— Это был план?

— Вероятностная гипотеза.

— То есть нет, — сказал Тарас.

Золотая поверхность Сердца раскрылась.

Лианна упала вперёд.

Мира поймала её.

Ардейна опустила голову на камень.

Эраст посмотрел на погасшие двери.

— Миры?

Ивара подошла к панели.

— Существуют.

— Все?

— Все семь.

— Связь?

— Отключена.

— Значит, мы победили? — спросил Тарас.

Из глубины башни донёсся знакомый щелчок.

В центре Сердца открылась маленькая красная крышка.

Под ней находилась кнопка.

На кнопке было написано:

ОТМЕНА БРАКА

Тарас посмотрел на Эраста:

— Даже не думай.

Кнопка сама начала медленно опускаться.

Глава 28

Кнопка, которую нельзя не нажать

Кнопка опускалась медленно.

Вероятно, создатели понимали: уничтожение нескольких миров — серьёзное решение, и человеку следует дать хотя бы три секунды, чтобы испугаться.

Тарас Ананиевич испугался за одну.

На второй секунде он сунул под кнопку погнутый рычаг.

Механизм лязгнул.

Красная поверхность остановилась в нескольких миллиметрах от контакта.

На ней появилась надпись:

ПОСТОРОННИЙ ПРЕДМЕТ

РЕКОМЕНДУЕТСЯ УБРАТЬ

— Не убирай, — сказал Эраст.

— Я и сам догадался.

Кнопка надавила сильнее.

Ржавый рычаг согнулся.

— Недолго выдержит, — сказал Тарас. — Там мотор хо-

роший.

— Откуда знаете?

— Чувствуется.

— Очень точный технический термин.

— Подержи, потом уточнишь.

Он вцепился в конец рычага обеими руками.

Эраст помог.

Вера вставила ключ в щель между крышкой и корпусом.

Мира подхватила снизу мечом.

Красная кнопка продолжала давить.

На золотой поверхности Сердца вспыхнуло:

**АВТОМАТИЧЕСКАЯ ОТМЕНА БРАКА МИРОЗДА-
НИЯ**

ДО ВОЗВРАТА К ИСХОДНОМУ СОСТОЯНИЮ:

00:00:19

— Что означает «исходное состояние»? — спросила Вера.

Лианна сидела у раскрытого Сердца, опираясь спиной на его золотую оболочку. Лицо было бледным, волосы поседелли почти полностью. Она выглядела лишь немногим старше дочери, но двигалась как человек, который очень долго удерживал неподъёмную дверь.

— Момент до первого разделения, — ответила она.

— Семь миров снова станут одним? — спросил Эраст.

— Нет. Останется только исходный. Остальные будут при-

знаны ошибочными вариантами.

Тарас сильнее надавил на рычаг.

— Значит, кнопка не отменяет брак.

— Отменяет, — сказала Лианна. — Вместе со всем, что возникло из-за него.

— Как лечить человека от перелома, отменив его рождение.

— Именно.

Счётчик показал пятнадцать секунд.

— Остановить программу, — приказал Эраст.

Сердце ответило:

**ДЕЙСТВУЮЩИЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ОТКАЗАЛСЯ ОТ
ПОЛНОМОЧИЙ**

Все посмотрели на Тараса.

— Я хорошо отказался, — сказал он.

— Восстановите полномочия.

— Не буду.

— Необходимо отменить автоматическое действие.

— Тогда временно соглашайся, — сказала Мира.

— А если после этого не смогу отказаться?

Лианна подняла голову:

— Не сможешь. Второй отказ система уже учтёт как ошибку.

— Вот и ответ.

Десять секунд.

Ардейна лежала у входа. Золотая кровь стекала по чешуе.

За ней кружили драконы Орбис-девять, отбивая редкие нити, которые ещё тянулись из трещины под башней.

Орс приземлился рядом.

— Башня уходит вниз, — сказал он. — Миры разъединяются.

— Это хорошо? — спросил Тарас.

— Не если она стоит между ними.

Семь секунд.

Вера посмотрела на кнопку.

Потом на остаток свадебного платья, который всё ещё лежал в сумке. Она вытащила белую ткань, свернула в несколько слоёв и подложила под рычаг.

— Зачем? — спросил Эраст.

— Чтобы не скользил.

Мягкая подкладка приняла металл. Рычаг перестал уходить вбок.

Счётчик замер на четырёх секундах.

— Помогло, — сказал Тарас.

Красная кнопка закрипела.

— Ненадолго, — ответила Вера.

На белой ткани проступила золотая надпись.

Не на Сердце.

Прямо на платье:

СОЮЗ ОТМЕНЁН ДО ЗАВЕРШЕНИЯ

СОГЛАСИЕ ОТОЗВАНО

СТОРОНА СОХРАНИЛА ПРАВО ВЫБОРА

Вера смотрела на слова.

— Моё платье уже остановило одну неправильную свадьбу.

Эраст понял.

— Система распознаёт его как подтверждение успешного отказа.

Лианна попыталась подняться.

Мира поддержала её.

— Не отказа, — сказала женщина. — Расторжения неправильной связи без уничтожения сторон.

— Значит, это образец.

Эраст вынул ткань из-под рычага.

Кнопка сразу пошла вниз.

Оставалось три секунды.

— Что ты делаешь?! — крикнул Тарас.

Кунилин приложил платье к панели.

— Требую применить ранее зарегистрированную процедуру.

ПРОЦЕДУРА НЕ СООТВЕТСТВУЕТ МАСШТАБУ

— Принцип соответствует.

БРАЧНАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ ДВУМЯ ЛИЦАМИ НЕ РАВНА СВЯЗИ МИРОВ

— В обоих случаях одна сторона получила управление, скрыв намерение.

Две секунды.

ТРЕБУЕТСЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

— Недействительная сделка вследствие обмана и отсутствия свободного согласия.

Одна секунда.

ТРЕБУЕТСЯ ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ

Эраст достал записную книжку.

Распахнул на странице с дополненной инструкцией.

Приложил к панели.

— Вот.

Кнопка коснулась рычага в последний раз.

Счётчик показал ноль.

Ничего не произошло.

Потом появилась надпись:

АВТОМАТИЧЕСКАЯ ОТМЕНА ПРИОСТАНОВЛЕНА

ДО РАССМОТРЕНИЯ ВОЗРАЖЕНИЯ

Тарас повис на рычаге.

— На сколько?

СРОК РАССМОТРЕНИЯ: 30 РАБОЧИХ ДНЕЙ

Он медленно опустил на пол.

— Наконец-то бюрократия спасла мир.

Эраст отпустил железку.

— Временно.

— Тридцать рабочих дней. С выходными больше месяца.

— Здесь нет календаря рабочих дней.

Надпись изменилась:

УТОЧНЕНИЕ СРОКА: ТРИДЦАТЬ МИНУТ

Тарас поднялся:

— Зачем ты спросил?

Ремонтный режим нашли под красной кнопкой.

Нужно было открутить четыре винта.

Тарас посмотрел на них с искренней нежностью.

— Обычные.

— Уверены? — спросил Эраст.

— Шлицевые. Металл простой. Резьба правая.

— Почему устройство между мирами закрыто на обычные винты?

Лианна ответила:

— Потому что любой создатель уверен: до внутренностей всё равно никто не доберётся.

Тарас вынул складной нож.

— Ошибочная вера.

Первый винт пошёл легко.

Второй был сорван.

Третий заржавел.

Четвёртый кто-то заменил на более длинный, и он прокручивался вместе с гайкой внутри.

— Узнаю человеческую работу, — сказал Тарас.

— Это делал мой отец? — спросил Эраст.

— Нет, — ответила Лианна. — Я.

Тарас посмотрел на неё:

— Почему разные?

— Какие нашла.

— Достойный ответ.

Мира поддерживала мать, пока та объясняла устройство Сердца.

Вера сидела рядом с Ардейной и прижимала белую ткань к ране под крылом. Платье становилось золотым от драконьей крови.

— Не жалко? — спросила драконица.

— Уже нет.

— Хорошая была ткань.

— Все сегодня это говорят.

Роан лежал рядом, положив голову Вере на колени. За время битвы он снова вырос. Теперь его морда едва помещалась между её руками.

— Не расти так быстро, — сказала она.

Драконёнок открыл глаз.

— Поздно.

Это было его первое человеческое слово.

Вера замерла.

— Ты говоришь?

— Немного.

— Почему «поздно»?

Роан подумал.

— Часто слышал.

Тарас оглянулся:

— Наш ребёнок.

Эраст строго посмотрел на него.

— В смысле общий результат путешествия, — уточнил Тюлькин.

Роан поднял голову:

— Есть хочу.

— Второе слово правильное, — сказала Вера.

Панель под кнопкой открылась.

Внутри не было ни проводов, ни шестерёнок.

Там находились семь маленьких дверей.

Каждая величиной с ладонь.

За первой горел Ладен.

За второй сиял Орбис-девять.

За третьей шёл снег 1684 года.

За четвёртой виднелся московский кабинет.

Ещё три показывали неизвестные миры.

Все двери соединяла одна чёрная скоба.

— Брак, — сказала Лианна. — Первый дефект.

— Почему скоба чёрная? — спросил Эраст.

— Она сделана из решения, которое никто не хотел принимать. Когда первые миры начали расходиться, создатели испугались и приказали Сердцу удерживать их любой ценой.

— Кто создатели?

— Мы называли их Предшественниками.

— Люди?

— Были людьми. Потом отдали системе столько решений,

что от них остались только правила.

Тарас коснулся скобы ножом.

Она задрожала.

Изнутри раздался голос Морайна:

— Соединение обеспечивает существование.

— Нет, — ответила Мира. — Обеспечивает управление.

— Разделение приведёт к одиночеству.

— Возможно.

— Одиночество создаёт страх.

— Да.

— Страх приводит к добровольному возвращению.

Тарас посмотрел на чёрный металл:

— Теперь понятно, почему он так уверен.

Эраст наклонился ближе.

— Морайн не существо.

— Уже говорили, — напомнил Тарас.

— И не программа защиты.

— А что?

— Условие, заложенное в скобу. Если миры испугаются самостоятельности, они должны вернуться под единое управление.

Лианна кивнула:

— Поэтому он появлялся там, где люди просили решить за них.

— Совет Корон.

— Белый город.

— Обручи, — сказала Мира.

— Даже пророчество, — добавил Эраст. — Мы тоже пытались переложить решение на текст.

Ардейна приподняла голову:

— Я предупреждала, что инструкция незакончена.

— После четырёх миров.

— Раньше мы ещё не встретились.

— Это не оправдание.

Скобу нельзя было просто снять.

На каждой маленькой двери находился собственный замок. Пока хотя бы один мир оставался соединён насильно, Морайн сохранялся.

— Нужно получить отказ каждого, — сказала Лианна.

— Право отказа мы восстановили, — ответил Эраст.

— Право — да. Но решение никто не принял.

— Ладен, Орбис и Переправа уже подтвердили временный союз.

— Союз для битвы. Не самостоятельность после неё.

Тарас посмотрел на двери:

— То есть снова голосование?

— Не везде есть голосования.

— Тогда кто решает за мир?

— Никто, — сказал Эраст.

— Очень поможет.

— Мир состоит не из единой воли. Нельзя получить один ответ от всех.

— А Сердце требует.

Кунилин изучал замки.

Все были разными.

На двери Ладена — след от драконьего когтя.

На Орбисе — множество маленьких световых точек.

На двери прошлого — две половины медальона.

На московской — прямоугольник, похожий на печать.

— Оно не требует одного ответа, — сказал Эраст. — Требуется достаточного подтверждения, что мир способен жить без общего управления.

— Как подтвердить?

— Каждый по-своему.

Вера подошла к двери Ладена.

Положила ладонь.

Увидела город.

На западной стене стояли люди и Орс. Войско Морайна отступало от реки. Но Совет Корон прислал новый приказ: снова надеть на дракона обруч, теперь «ради общей безопасности».

Радан Бренн держал документ.

Орс ждал.

— Они должны решить сейчас, — сказала Вера.

Мира встала рядом.

— Открой связь.

Лианна покачала головой:

— Если Морайн услышит страх, войдёт через дверь.

Тарас поднял меч Миры.

— Тогда будем рядом.

— Ты не умеешь им пользоваться.

— Зато внушительно держу.

Мира забрала клинок.

— Я сама.

Эраст раскрыл дверь Ладена.

На западной стене шёл дождь.

Обычный, сверху вниз.

Бренн прочитал приказ второй раз.

Посланник Совета ждал.

— Дракон должен быть ограничен до окончания расследования, — сказал он. — Совет гарантирует справедливость.

Орс посмотрел на чёрный обруч, лежавший на камнях.

Его уже привезли обратно.

Другой.

Новый.

— Я не надену, — сказал дракон.

Посланник повернулся к Бренну:

— Тогда город лишится зерна и защиты Короны.

На стене стояли солдаты.

Те, чьи товарищи погибли от огня Орса.

Внизу собрались жители.

Дара держала корзину с хлебом.

Тиль прижимал кота Шкафа.

Бренн медленно свернул приказ.

— Мы не наденем.

— Вы говорите за весь город?

— Нет.

Он посмотрел на людей.

— Говорю за стену, которой командую. На ней обруча не будет.

Дара подняла корзину:

— За мой дом тоже.

Кто-то в толпе сказал:

— За кузницу.

Другой:

— За красильню.

Люди заговорили.

Не одновременно.

Кто-то соглашался. Кто-то требовал суда над драконом. Кто-то боялся нового нападения. Одна женщина кричала, что не простит погибшего мужа, но всё равно не позволит надеть узду.

Орс слушал.

Не просил прощения.

Не требовал оправдания.

Просто оставался.

Над маленькой дверью появилась строка:

МИР НЕ ДОСТИГ ЕДИНОГЛАСИЯ

МИР ПРИЗНАН СПОСОБНЫМ РЕШАТЬ

Первый замок открылся.

Чёрная скоба треснула у края.

Из неё донёсся крик Морайна.

— Один, — сказал Тарас.

— Шесть осталось, — ответил Эраст.

Красная кнопка снова надавила на рычаг.

До рассмотрения возражения оставалось двадцать три минуты.

Глава 29

Семь способов сказать «нет»

Орбис-девять отказался вторым.

Не сразу.

Когда связь открылась, город всё ещё спорил.

На центральной площади собрались тысячи людей. Остальные подключились через уцелевшую сеть. Над ними летали молодые драконы, садились на крыши, портили антенны и пробовали на вкус городские знаки.

Майя стояла перед микрофоном.

Рядом с ней — Архивариус.

— Если мы выйдем из общей системы миров, — сказал он, — вероятность возвращения к прежнему порядку снизится до трёх процентов.

Из толпы спросили:

— А вероятность выживания?

— Не рассчитана.

— Вероятность войны?

— Не рассчитана.

— Вероятность счастья?

Архивариус задумался.

— Не является измеримой величиной.

Тарас услышал и одобрительно кивнул:

— Исправляется.

Майя обратилась к жителям:

— Нам предлагают остаться связанными с системой, которая может снова принять решение за нас. Или отказаться, сохранив возможность самостоятельно открывать переходы позднее.

— Какое решение рекомендует Архивариус? — спросила женщина в синей рубашке.

Седой двойник Эраста посмотрел на неё.

— Никакого.

— Почему?

— Я архивариус.

В его голосе прозвучало не раздражение.

Гордость.

Голосование длилось семь минут.

За самостоятельность проголосовали шестьдесят восемь процентов. Против — двадцать девять. Остальные не выбрали ничего.

На маленькой двери появилось:

РЕШЕНИЕ НЕ ЕДИНО

РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО

Второй замок открылся.

В 1684 году отказ оформили на бумаге.

Варвара Мироновна настояла.

— Если будем решать устно, через сто лет скажут, что никто ничего не говорил.

Акакий Александрович составил текст. Варвара переписала его более понятными словами. Дружинники, посадские люди и старосты окрестных сёл поставили знаки.

Некоторые — крест.

Некоторые — отпечаток пальца.

Один кузнец нарисовал подкову.

Пожилая служанка поставила маленький топор.

— Это подпись? — спросил Акакий Александрович.

— Предупреждение.

Над дверью загорелось:

ПИСЬМЕННЫЙ ОТКАЗ ПРИНЯТ

ВОЗМОЖНОСТЬ ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ПОДДЕЛКИ: ВЫСОКАЯ

— Поэтому оригинал хранить у меня, — сказала Варвара.

Третий замок открылся.

Акакий Александрович увидел сына по ту сторону.

— Эрик.

— Папа.

Серебряный след на руке отца побледнел.

— Связь с этим временем ослабевает, — сказал он.

— Вы сможете уйти?

— Когда откроется исходная дверь.

— Ждите.

— Я ждал тридцать девять лет. Ещё немного сумею.

Четвёртый мир представлял собой океан.

На воде плавали гигантские существа, похожие на китов. На их спинах стояли города. Люди там никогда не видели твёрдой земли.

Единого правителя не было.

Каждый город решал отдельно.

Один отказался от связи.

Второй захотел сохранить.

Третий потребовал сначала выяснить условия.

Сердце не понимало.

— Недостаточно согласованное решение, — сообщило оно.

— Именно поэтому настоящее, — сказал Эраст.

— Невозможно определить позицию мира.

— У мира нет одной позиции.

— Тогда замок не может быть открыт.

Вера положила на дверь белую ткань.

— Варвара отказалась одна. Этого хватило, чтобы её не отдавать Северину.

— Она являлась стороной договора.

— Каждый город здесь сторона.

Золотая поверхность дрогнула.

На двери появилось несколько маленьких замков.

Один открылся.

Второй остался закрыт.

Третий повернулся наполовину.

Чёрная скоба треснула ещё глубже.

— Они могут остаться связанными друг с другом, если хотят, — сказала Лианна. — Без общего управления.

— Получается не разрыв, а новый договор, — произнёс Эраст.

— Именно, — сказала Вера. — С правом выйти.

Четвёртая дверь открылась.

Красная пустыня отказалась молчанием.

Там не было людей.

По песку двигались растения, способные уходить от жары. В скалах жили маленькие существа, собиравшие воду из воздуха. Мир не произнёс ни слова.

Сердце ждало.

Морайн шептал из скобы:

— Отсутствие отказа означает согласие.

Эраст ответил:

— Нет.

— Сторона не выразила волю.

— Значит, использовать её нельзя.

— Тогда связь должна быть прекращена.

— Да.

Пятый замок открылся.

Мира посмотрела на Эраста:

— Ты только что признал молчание отказом?

— Если заранее не договорились об обратном.

— Нужно было взять тебя на заседание Совета.

— Не уверен, что вернусь.

— Именно поэтому.

Шестой мир был тёмной долиной под разбитым зеркалом.

В нём жили существа, которые видели только отражения.

Они не знали, существует ли что-нибудь за пределами осколков неба.

Когда открылась дверь, одно из существ спросило:

— Вы настоящие?

— Да, — ответил Тарас.

Эраст сказал одновременно:

— Мы не можем это доказать.

Существо задумалось.

— Второй ответ лучше.

— Почему? — возмутился Тарас.

— Первый слишком уверен.

Они объяснили связь.

Существо выслушало.

— Если мы откажемся, вы исчезнете из зеркал?

— Возможно, — сказала Вера.

— Тогда мы не узнаем, были ли вы.

— Да.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Потому что не всё должно становиться доказательством.

Шестой замок открылся.

Осталась Москва.

Их исходный мир.

Маленькая дверь показывала кабинет НИИПИ.

Пустой.

На стене тянулась чёрная трещина. За окном город жил обычным днём. Люди шли по улице, ехали машины, звонили телефоны.

Никто не знал, что должен принять решение.

— Как спросить целый мир, который не верит в существование остальных? — произнесла Вера.

— Никак, — ответил Лианна. — Поэтому исходная реальность всегда считалась управляющей.

— Без согласия жителей?

— Да.

— Значит, именно здесь начался брак мироздания, — сказал Эраст.

Чёрная скоба входила в московскую дверь глубже всего.

Морайн засмеялся:

— Ваш мир не откажется от власти, о которой не знает.

— Тогда откажемся мы, — сказал Тарас.

— Вы не представляете мир.

— Мы из него.

— Двое из миллиардов.

— Четверо, — сказала Вера.

— Я не из вашего мира, — напомнила Мира.

Тарас посмотрел на неё:

— Уже спорно.

Эраст изучал дверь.

На ней имелась прямоугольная выемка.

Для печати.

— Необходимо вернуться.

— Зачем? — спросила Ардейна.

— Отказ должен быть оформлен там. В секторе С. На ис-

ходном контуре.

— У нас осталось одиннадцать минут, — сказал Тарас.

— В Москве пройдёт другое время.

— Какое?

Лианна коснулась двери.

Изображение приблизилось.

Чёрная трещина уже пересекала потолок кабинета. За ней
виднелись белые башни и драконье пламя.

На столе лежала металлическая пластина.

Рядом мигал обратный отсчёт:

ДО ПЕРВОГО ОБРУШЕНИЯ: 26 МИНУТ

— Не дней? — спросила Вера.

— Время выравнилось, — ответила Лианна. — Всё, что
вы провели между мирами, вернулось сразу.

— Значит, у нас двадцать шесть минут, — сказал Эраст.

— Чтобы спасти исходный мир, — уточнила Ардейна.

Тарас посмотрел на красную кнопку.

До отмены остальных оставалось десять минут.

— И десять, чтобы спасти все прочие.

— Сначала нужно открыть московскую дверь, — сказала

Мира.

— Ключ у Веры.

— Недостаточно. Последний замок требует отказа руководителя исходной линии.

Все посмотрели на Эраста.

— Я отказываюсь от управления другими мирами, — сказал он.

Ничего.

— Почему не принимает?

Лианна прочитала появившуюся строку:

**ОТКАЗ ДОЛЖЕН БЫТЬ ЗАВЕРЕН СУПРУЖЕСКОЙ
СТОРОНОЙ РУКОВОДИТЕЛЯ**

Наступила тишина.

Тарас первым посмотрел на Веру.

Потом на Эраста.

Медленно улыбнулся.

— Вот теперь началось по-настоящему.

— Это устаревшая классификация связанной стороны, — сказал Кунилин.

— Конечно.

— Мы не супруги.

— Система не согласна.

— Система ошибается.

На двери вспыхнуло:

ДЛЯ ИЗМЕНЕНИЯ СТАТУСА ТРЕБУЕТСЯ РАСТОР-

ЖЕНИЕ СВЯЗИ

Вера прочитала:

— Если расторгнем, мосты рухнут?

— Уже нет, — ответила Лианна. — Шесть миров отказались.

Эраст посмотрел на Веру.

— Значит, можем отменить ошибочный статус.

Она держала остаток свадебного платья.

— Можем.

Почему-то ни один из них не двигался.

Тарас переводил взгляд с одного на другого.

— Напоминаю: мы спасаем мир и не женимся. Пока всё по плану.

Вера спросила Эраста:

— Вы хотите расторгнуть связь?

Он снял очки.

Протёр.

Надел.

— Нет.

Тарас перестал улыбаться.

Вера тоже.

— Я не хочу, чтобы система называла вас моей супругой без согласия, — продолжил Эраст. — Но связь расторгать не хочу.

— А что хотите?

— Уточнить статус.

— Какой?

Кунилин посмотрел на окружающих. На драконов, Сердце, красную кнопку и семь миров, ожидающих юридически значимого ответа.

— Можно поговорить без свидетелей?

Тарас развёл руками:

— Сейчас немного трудно.

Вера улыбнулась.

— Тогда позже.

Она положила ладонь рядом с его рукой на московской двери.

— Пока подтверждаю отказ руководителя как добровольно связанная с ним сторона.

Система задумалась.

ФОРМУЛИРОВКА ПРИНЯТА

СУПРУЖЕСКИЙ СТАТУС: НЕ ПОДТВЕРЖДЁН

ЛИЧНАЯ СВЯЗЬ: ПОДТВЕРЖДЕНА

Последний замок повернулся наполовину.

Московская дверь открылась.

Чёрная скоба осталась держаться одной тонкой перемычкой.

— Почему не до конца? — спросила Мира.

Эраст увидел ответ на панели:

**ИСХОДНЫЙ КОНТУР ДОЛЖЕН БЫТЬ ОТКЛЮЧЁН
НА МЕСТЕ**

Из кабинета пахло горелой проводкой и растворимым кофе.

Тарас поднял оружие.

— Домой.

В эту минуту чёрная перемычка ожила.

Нить обвилась вокруг его правой руки.

Дёрнула.

Красный колпачок слетел.

Палец Тараса оказался на кнопке аннулирования.

— Не двигайся! — крикнул Авдей Ильич из далёкой двери.

Но его не было рядом.

Голос пришёл из памяти.

Или из будущего.

Морайн поднялся из трещины под башней.

У него больше не было огромного тела.

Теперь он выглядел как человек.

Как Тарас через пятнадцать лет.

Седой, со шрамом и металлической рукой.

— Наконец-то, — сказал будущий Тюлькин. — Теперь ты

станешь мной.

Палец начал опускаться на красную кнопку.

Глава 30

Будущее, которое слишком много знало

Палец Тараса остановился в миллиметре от красной кнопки.

Серебряная нить натянулась.

На коже выступила кровь.

Будущий Тюлькин стоял у края расколотой площадки и улыбался той самой улыбкой, которой настоящий Тарас обычно встречал неприятности, не желая доставлять им удовольствие.

Сходство было почти идеальным.

Почти.

— Нажми, — сказал двойник. — Спасёшь Миру.

В воздухе рядом с ним открылось изображение.

Мира лежала у подножия Сердца. По груди тянулись золотые нити. Глаза были закрыты.

Тарас увидел.

Его палец дрогнул.

— Если не нажмёшь, она войдёт вместо матери, — продолжил будущий он. — Ты уже знаешь.

— Это один из вариантов, — сказал Эраст.

— Самый вероятный.

— Не единственный.

— Достаточный.

Мира стояла рядом с Тарасом.

Живая.

С мечом.

Она видела собственное неподвижное тело в чужом будущем, но не смотрела туда. Следила за серебряной нитью, обвившей руку Тараса.

— Я могу её перерубить, — сказала она.

— Рука пострадает, — ответила Лианна.

— Насколько?

— Не знаю.

Тарас сжал зубы.

Двойник сделал шаг.

— Ты останешься без руки. Как я.

— Значит, ты настоящий? — спросил Тарас.

— Я — то, чем ты станешь.

— Это не ответ.

— Ты откроешь дверь в подвале. Получишь это оружие. Потеряешь Миру. Нажмёшь красную кнопку, попытаешься вернуть её. Линия не исчезнет, потому что к тому времени Морайн свяжет тебя с собой.

— И что дальше?

— Ты поймёшь, что свобода — это право выбирать из вариантов, которые кто-то сохранил. Без системы у тебя не будет даже выбора.

Тарас посмотрел на металлическую руку двойника.

— Почему в подвале ты сказал, что пожертвовал собой?

— Чтобы ты поверил.

— Будущий я не стал бы так говорить.

— Стал.

— Нет.

— Почему?

Тарас усмехнулся.

— Потому что я бы сказал: «Красная кнопка оказалась неисправна».

Улыбка двойника исчезла.

Совсем.

Тарас увидел.

— Вот теперь не похож.

Он резко повернул кисть.

Серебряная нить врезалась глубже.

Палец соскользнул с кнопки и лёг вдоль корпуса.

— Мира!

Она подняла меч.

Но не ударила.

— Рубить?

Тарас встретился с ней взглядом.

Будущий двойник крикнул:

— Если она перережет связь, ты потеряешь руку!

— Мира.

— Да?

— Руби.

Меч опустился.

Сначала исчез звук.

Золотое лезвие прошло сквозь серебряную нить, и на мгновение вся башня стала совершенно безмолвной.

Потом пришла боль.

Тарасу показалось, что руку окунули в раскалённый металл. Он упал на колени, прижал оружие к груди и только через несколько секунд понял: пальцы двигаются.

Все.

Кисть на месте.

По коже от запястья к локтю тянулся серебряный ожог.

Мира отбросила меч и опустилась рядом.

— Покажи.

— Цела.

— Покажи.

Он разжал пальцы.

Согнул.

— Видишь?

Мира взяла его руку обеими ладонями.

Проверила каждый палец.

Потом прижала к своей щеке.

— Цела.

— Я говорил.

Она закрыла глаза.

Тарас свободной рукой коснулся её волос.

Совсем осторожно.

— Ты спросила.

Мира открыла глаза.

— Что?

— Перед тем как решить за меня.

— Это было трудно.

— Привыкай.

Она рассмеялась.

Коротко.

Почти сердито.

И поцеловала его.

Не как в старинной балладе, где герои успевают произнести клятвы, а войско из уважения ждёт.

Быстро.

Прямо посреди рушащейся башни.

Тарас замер.

Мира отстранилась первой.

— Это тоже надо было спросить? — сказала она.

— Можно повторить. Я не успел определить позицию.

— Потом.

Будущий двойник закричал.

Его металлическая рука рассыпалась белыми нитями.

На лице появились трещины.

— Выбор уже сделан! — произнёс Морайн. — Его нельзя изменить!

— Можно сделать следующий, — ответил Тарас.

Он поднялся.

Убрал красный колпачок на место.

— А этот вариант я оставлю себе.

Двойник отступил.

По его телу прошла рябь.

Сначала он превратился в старого Эраста.

Потом в Дениса.

В Северина.

В серебряную маску.

В конце осталась человеческая фигура без лица.

— Без меня вы останетесь одни, — сказала она.

Мира подняла меч.

— Не одни.

— Несвязанные.

— Это другое.

— Вы потеряете дороги.

Вера прижала ключ к груди.

— Построим новые.

— Ошибётесь.

Эраст посмотрел на разбитые часы.

— Безусловно.

Тарас поднял погнутый рычаг.

— Зато теперь знаем, чем чинить.

Он ударил фигуру в грудь.

Не магическим оружием.

Не пламенем.

Обычным железом от старой мельничной плотины.

Тело Морайна разлетелось чёрными осколками.

Один из них упал рядом с оружием Тараса.

Превратился в тонкую нить.

И незаметно вошёл под красный колпачок.

Шесть маленьких дверей внутри Сердца отсоединились.

Ладен.

Орбис-девять.

Старая переправа прошлого.

Океанский мир.

Красная пустыня.

Долина зеркал.

Они не исчезли.

Каждая осталась открытой ровно настолько, чтобы мир мог увидеть остальные.

Но чёрных нитей больше не было.

— Теперь они независимы? — спросила Вера.

Лианна кивнула.

— И смогут открывать дороги сами, если договорятся с другой стороной.

— Без общего Сердца?

— У каждого уже есть своё.

— А это?

Лианна посмотрела на золотой шар.

— Было временной опорой. Потом стало тронном.

Красная кнопка продолжала давить на рычаг.

Оставалось шесть минут.

Последняя дверь — московская — всё ещё держала край чёрной скобы.

— Вам нужно идти, — сказала Ардейна.

Она попыталась подняться.

Не смогла.

Орс подставил крыло. Драконица опёрлась и встала.

Её раны были тяжёлыми, но теперь она не умирала.

Пока.

— Вы пойдёте с нами? — спросил Тарас.

— Нет. Этот вариант уже оказался плохим.

— Почему?

— В исходном мире моё появление ускорит соединение.

— В прологе вы были там.

— Поэтому и погибли все миры.

Эраст задумался.

— Значит, часть событий будущего уже изменилась.

— Да.

— Записка, которую мы оставили в кабинете?

— Её ещё нет.

— Тогда предупреждение исчезнет.

— Вы уже его получили.

— Причинно-следственная связь нарушена.

— Здесь это обычный вторник, — сказала Ивара.

Тарас посмотрел на разбитые часы:

— Кажется, уже среда.

Мира помогала матери подняться.

— Ты идёшь с нами.

Лианна покачала головой:

— Я останусь у Сердца.

— Оно отключено.

— Пока. Кто-то должен безопасно завершить разделение.

— Пусть Ивара.

Смотрительница возмутилась:

— Я отвечаю за двери. С сердцами у меня всегда было плохо.

— Тогда Ардейна.

Драконница опустила голову.

— Я удерживаю башню.

Мира сжала руку матери.

— Я только тебя нашла.

— Нашла.

— И снова должна оставить?

Лианна коснулась её щеки.

— Нет. На этот раз оставляешь по моей просьбе.

— Ты можешь не просить.

— Могу.

— Тогда не проси.

Они смотрели друг на друга.

Две женщины, которые привыкли доказывать любовь тем, что брали на себя чужую тяжесть.

Тарас отошёл.

Не вмешивался.

Мира заметила.

— Сколько времени тебе нужно? — спросила она мать.

— До закрытия последней двери.

— Потом?

— Если исходный контур отключат, я освобожусь полностью.

— А если нет?

— Тогда все дороги снова сойдутся здесь.

Мира кивнула.

Обняла мать.

— Жди.

— Я ждала.

— Нет. Не так. Не жертвуй собой, пока меня нет.

Лианна улыбнулась:

— Постараюсь.

— Это не обещание.

— Я у тебя учусь.

Акакий Александрович не мог перейти в исходный мир вместе с ними.

Его связь с 1684 годом ослабла, но не исчезла.

— Когда отключите контур С-4, зелёная дверь откроется в вашем времени, — сказал он. — Тогда я смогу выйти.

— Вы окажетесь в 2026 году, — сказал Эраст.

— Знаю.

— Вам будет...

Кунилин не нашёл слова.

Отец выглядел едва старше него.

Хотя родился почти век назад.

— Непривычно, — закончил Акакий Александрович. —

Переживу.

Тарас сказал:

— У нас много изменилось.

— Колбаса есть?

— Есть.

— Значит, не всё плохо.

Эраст передал ему паспорт.

— Зачем?

— Мой останется у меня. Этот ваш.

— Там твоя фотография.

— Вы его забрали из будущего, которое для вас не наступило. Документально он никому не принадлежит.

Отец раскрыл паспорт.

— Ты всегда так разговариваешь?

— В основном.

— Прости.

Они обнялись снова.

Теперь первому шагнул отец.

— До встречи, Эрик.

— До встречи.

Роан не хотел отпускать Веру.

Он держал зубами край её рубахи и пятился.

— Мне нужно идти.

— Нет.

— Мой мир разрушается.

— Здесь.

— Ты остаёшься с другими драконами.

Роан покачал золотой головой:

— Мама.

Вера закрыла глаза.

Большой синий дракон из Орбис-девять подошёл ближе.

Его имя оказалось Саор.

— Я сохраню его, — сказал он. — Если он согласится.

Роан посмотрел на Саора.

Потом на Веру.

— Вернёшься?

— Да.

— Точно?

Она не стала обещать невозможного.

— Сделаю всё, чтобы вернуться.

Роан подумал.

Отпустил ткань.

Потом откусил кусок рукава и проглотил.

— Зачем? — спросила Вера.

— Чтобы помнил.

Тарас посмотрел на дыру:

— Семейная традиция. Пиджак Эраста он тоже ел.

Эраст строго сказал:

— Не ел. Только повредил подкладку.

Роан прижался лбом к груди Веры.

Она обняла его за шею.

Потом отошла первой.

Перед московской дверью стояли четверо.

Мира с мечом.

Тарас с оружием и погнутом рычагом.

Вера с ключом и остатком свадебного платья.

Эраст с сумкой документов.

Ардейна протянула ему одну красную чешуйку.

— Что это?

— Память о будущем, которого больше не будет.

— Зачем?

— Если Морайн примет другой облик, чешуя покажет его след.

Эраст убрал её в отдельный карман.

— Спасибо.

— Не благодари заранее.

— Почему?

— В одном из вариантов ты бросил её в чай и отравил директора.

— Случайно?

— Сначала да.

Тарас усмехнулся:

— Полезная вещь.

Они вошли в московскую дверь.

Последнее, что увидел Эраст, — отец на берегу 1684 года,

мать Миры у Сердца и Роан, пытающийся незаметно последовать за Верой.

Саор удерживал его хвостом.

Дверь закрылась.

Красная кнопка остановилась за миллиметр до контакта.

До рассмотрения возражения оставалось четыре минуты.

Глава 31

Конец света согласно пропускному режиму

В кабинете НИИПИ по-прежнему кипел чайник.

Это означало, что отсутствовали они меньше минуты.

Часы на стене показывали половину третьего. За окном стоял октябрьский день. По стеклу ползли капли дождя.

На этом сходство с прежней Москвой заканчивалось.

Чёрная трещина пересекала потолок.

Сквозь неё виднелись три луны.

В нише, где раньше стоял шкаф, мерцала улица Белого города. По ней двигались серые фигуры.

А на столе сидела коза.

Та самая, из лифта Переходного двора.

На шее висела табличка:

НЕ ТРОГАТЬ. ПЕРЕМЕЩАЕТСЯ МЕЖДУ ПРИЧИНАМИ.

Коза жевала объяснительную.

Эраст бросился к ней.

— Это четвёртый экземпляр!

Коза посмотрела ему в глаза и проглотила последнюю

часть страницы.

— Поздно, — сказал Тарас.

Вера закрыла за собой дверь перехода.

Московское изображение исчезло, оставив обычную стену. Золотой ключ погас.

— Сколько времени? — спросила Мира.

На компьютере горел обратный отсчёт:

ДО ПЕРВОГО ОБРУШЕНИЯ:

24 МИНУТЫ 16 СЕКУНД

— Сектор С, — сказал Эраст.

— Где?

— Под старым корпусом. Но проход замурован.

Тарас подобрал отвёртку со стола.

— Наконец-то знакомая работа.

Дверь кабинета открылась.

Валентина Сергеевна вошла с папкой.

Увидела их.

Посмотрела на часы.

— Быстро.

— Относительно, — ответил Эраст.

Она пересчитала людей:

— Уезжали трое и иностранная гражданка. Вернулись те же.

Вера подняла руку:

— Я уезжала тоже.

— Вы были в свадебном платье.

— Переоделась.

Бухгалтер кивнула:

— Тогда те же.

Коза доела край объяснительной.

Валентина Сергеевна посмотрела на неё.

— Это что?

— Лифт, — сказал Тарас.

— В каком смысле?

— Лучше считать животным.

— На балансе?

Эраст закрыл глаза.

— Пока нет.

— Тогда оформляйте поступление.

— Через двадцать четыре минуты может быть разрушен мир.

— Значит, быстрее оформляйте.

Валентина Сергеевна протянула папку.

Внутри лежал акт об утрате шкафа, восстановленный по копии, заявление на служебную поездку и новый бланк:

ВРЕМЕННОЕ ПРИНЯТИЕ НЕУЧТЁННОГО БИОЛОГИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА

Тарас прочитал:

— Вы всё это за минуту подготовили?

— Я работаю.

Коридор института был заполнен людьми.

Сотрудники стояли у окон. Кто-то снимал на телефон дракона на крыше торгового центра. Кто-то спорил, настоящий ли он. Младший научный сотрудник Прохоров собирал ставки на время его следующего выдоха.

Директор Белобрысов разговаривал сразу по двум телефонам.

— Нет, это не наша разработка... Нет, комментировать рано... Какой ещё огнемёт? Он биологический... Откуда я знаю, есть ли лицензия?

Увидев Эраста, он бросился к нему.

— Где вы были?

— В других мирах.

— Успешно?

— Частично.

— Дракона можете убрать?

— Какого именно?

Белобрысов посмотрел в окно.

На крыше торгового центра теперь сидели два дракона.

Второй был маленьким и золотым.

Вера подбежала к стеклу:

— Роан.

Драконёнок увидел её.

Распахнул крылья.

Съехал с крыши, зацепил рекламную конструкцию и полетел к институту.

— Он же остался! — сказала Мира.

— Перемещается между причинами, — напомнил Тарас и посмотрел на козу.

Та невинно жевала корешок папки.

Роан ударился в окно.

Стекло выдержало.

Драконёнок медленно сполз вниз.

Вера открыла створку.

— С другой стороны!

Роан снова поднялся, влетел в кабинет и снёс со стола чайник.

Тот упал.

Не разбился.

Горячая вода разлилась по полу.

Коза немедленно забралась на стул.

— Цел? — спросила Вера.

— Да.

— Ты зачем пришёл?

— Вернулся.

— Я вижу.

Роан прижался к ней.

Золотая чешуя уже едва помещалась между столом и шкафной нишей.

Директор Белобрысов стоял в дверях.

— Это ваш?

Вера посмотрела на Эраста.

Тот понял вопрос раньше, чем успел защититься.

— Временно, — сказала она.

На металлической пластине вспыхнуло:

СОВМЕСТНАЯ ОПЕКА ПОДТВЕРЖДЕНА

Тарас заглянул:

— Поздравляю. У вас первый общий ребёнок.

— Это дракон, — сказал Эраст.

— Тем более мальчик перспективный.

До обрушения оставалось двадцать минут.

Они спустились в подвал.

У бетонной стены уже стоял Геннадий-сантехник. В руках он держал разводной ключ. Рядом — охранники института и двое людей в чёрных костюмах, которые никому не представлялись.

— Здесь что-то стучит, — сказал Геннадий.

Из-за стены донеслось:

тук-тук.

Пауза.

Тук-тук-тук.

— Сектор С, — произнёс Эраст.

Один из людей в костюмах спросил:

— Откуда вам известно?

— Мой отец здесь работал.

— Акакий Александрович Кунилин?

Эраст повернулся:

— Вы его знали?

— Нет.

— Тогда откуда имя?

Человек показал удостоверение слишком быстро, чтобы его можно было прочесть.

— Все работы в подвале прекращаются до прибытия группы.

— Через девятнадцать минут подвал может перестать существовать.

— Это не меняет режима допуска.

Тарас шагнул к стене.

Человек положил руку ему на плечо.

— Я сказал: ждать.

Тюлькин посмотрел на руку.

Потом на лицо.

— Уберите.

— Вы не понимаете серьёзности...

Красная чешуя Ардейны в кармане Эраста нагрелась.

Он достал её.

Чешуйка повернулась острым концом к человеку в костюме.

— Отойдите от него, — сказал Кунилин.

— На каком основании?

Под кожей незнакомца вспыхнула серебряная нить.

Мира вытащила меч.

Охранники института отступили.

Геннадий поднял разводной ключ.

— Так я сразу видел, что не сантехник.

Человек в костюме улыбнулся.

Лицо поплыло.

На мгновение стало лицом Дениса.

Потом Северина.

Потом будущего Тараса.

— Вы принесли меня домой, — сказал Морайн.

Тарас посмотрел на своё оружие.

Из-под красного колпачка тянулась чёрная нить.

— Вот зараза.

Морайн поднял руку.

Трещина прошла по бетонной стене.

За ней открылся белый свет.

— Исходный контур принадлежит мне.

— Он никому не принадлежит, — сказал Эраст.

— Тогда почему запечатан твоим именем?

Стена осыпалась.

За ней находилась металлическая дверь сектора С.

На табличке значилось:

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОНТУР

ДОПУСК: КУНИЛИН ЭРАСТ АКАКИЕВИЧ

СОСТОЯНИЕ: ОЖИДАЕТ ВЛАДЕЛЬЦА

Ниже шёл обратный отсчёт.

17 МИНУТ 43 СЕКУНДЫ

Морайн шагнул к двери.

— Назови полное имя добровольно, и я сохраню ваш мир.
Эраст посмотрел на табличку.
— Там оно уже написано.
— Написанное имя не является отданным.
— Значит, вам всё ещё нужно моё согласие.
Морайн улыбнулся.
— Мне нужно, чтобы ты испугался.
Сверху раздался драконий рёв.
Здание института содрогнулось.
На металлической двери появилась новая строка:
ДЛЯ ВХОДА ТРЕБУЮТСЯ ДВА РУКОВОДИТЕЛЯ
Тарас прочитал:
— Опять я?

КУНИЛИН ЭРАСТ АКАКИЕВИЧ

КУНИЛИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Эраст побледнел.
— Это мой отец.
В глубине сектора С щёлкнул замок.
И голос Акакия Александровича произнёс из-за двери:
— Эрик, не открывай. Я уже внутри.

Часть четвёртая

Последний брак мироздания

Глава 32

Три поколения Кунилиных и одна закрытая дверь

Эраст Акакиевич не открыл дверь.

Это решение далось ему труднее, чем все предыдущие.

Из-за металла снова донёсся голос отца:

— Эрик, быстрее. Контур распадается.

Кунилин смотрел на второе имя в строке допуска:

КУНИЛИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Не Акакий.

Александр.

Отчество совпадало, фамилия совпадала, но голос принадлежал другому человеку.

— Назовите себя, — сказал Эраст.

— Ты знаешь, кто я.

Точно так же ответил ложный Тарас в подвале.

Морайн улыбнулся.

Он стоял в нескольких шагах, всё ещё сохраняя человеческий облик. Под кожей лица двигались серебряные нити.

— Открой. Отец ждёт.

Эраст не отводил взгляда от двери:

— Моего отца зовут Акакий Александрович.

— В строке указан второй руководитель.

— И это не он.

Из-за двери наступила тишина.

Потом голос изменился.

Стал старше, грубее.

— Наконец-то заметил.

У Эраста пересохло во рту.

Этот голос он слышал только на старой магнитофонной записи. В семье хранилась одна кассета, где дед поздравлял сына с окончанием школы, жаловался на погоду и дважды просил не выбрасывать коробку с чертежами.

— Александр Александрович? — спросил Кунилин.

— Для начала сойдёт.

— Вы мой дед?

— Документально.

Тарас тихо сказал:

— У вас там семейное собрание?

Эраст поднял руку, требуя молчания.

— Докажите.

— В коридоре лаборатории С-4 за батареей лежит гаечный ключ на двенадцать. Я спрятал его от твоего отца, потому что он возвращал инструмент куда попало.

Тарас посмотрел на Геннадия-сантехника.

Тот пожал плечами:

— Проверить можно.

Морайн шагнул к двери.

Красная чешуя Ардейны развернулась остриём к нему.

— Времени нет, — сказал он. — Открывай.

Эраст повернулся:

— Почему вы не можете открыть сами?

— Контур требует Кунилиных.

— Вы использовали мой профиль четыреста лет.

— Но не получили имя добровольно.

— Значит, поддельный голос не помог.

Лицо Морайна дрогнуло.

Он бросился вперёд.

Мира встретила его мечом.

Золотое лезвие вошло в плечо. Морайн не остановился.

Серебряные нити обвились вокруг клинка и поползли к рукам девушки.

Тарас ударил прикладом оружия по чёрной нити, тянувшейся из-под красного колпачка.

— Вытащи её! — крикнула Мира.

— Без неё кнопка может сработать!

— Тогда разбери оружие!

— Здесь?

— У тебя есть отвёртка!

Для Тараса это прозвучало почти как признание доверия.

Он опустился на пол, зажал корпус коленями и начал откручивать боковую панель.

Морайн оттолкнул Миру.

Она ударилась о стену.

Вера подхватила меч, но держала его неумело.

— Не лезьте! — сказал Эраст.

Она посмотрела на него.

— Вы сейчас сказали, что боитесь за меня?

Кунилин понял.

— Да.

— Хорошо.

Вера не бросилась на Морайна.

Вместо этого положила ладонь на металлическую дверь.

Золотой узор вспыхнул у неё на висках.

— Там люди.

— Сколько?

— Много. Они остановлены, как в лаборатории под мельницей.

— Дед?

— Не знаю.

Из-за двери донёсся голос Александра Александровича:

— Правую стойку. Там аварийное питание.

Эраст увидел металлический шкаф у стены.

На нём висел современный замок.

Геннадий поднял разводной ключ:

— Это по моей части.

Он ударил по дужке.

Замок отлетел.

Один из людей Морайна в чёрном костюме попытался схватить сантехника. Валентина Сергеевна, спустившаяся вслед за остальными, захлопнула перед ним тяжёлую папку.

Серебряные пальцы застряли между обложками.

— Не мешайте оформлению, — сказала она.

Геннадий открыл шкаф.

Внутри находился рубильник.

И записка:

ВКЛЮЧАТЬ ТОЛЬКО ПРИ НАЛИЧИИ ДВУХ КУНИ-

ЛИНЫХ

ИЛИ ОДНОГО ЭЛЕКТРИКА

Все посмотрели на Геннадия.

— Я сантехник.

— А электрик где? — спросил Тарас, не отрываясь от оружия.

— В отпуске.

— Тогда считаем Кунилиных.

За дверью засмеялся дед:

— Правильный подход.

Морайн выпустил нити.

Они ударили по Эрасту и Вере.

Роан прыгнул между ними.

Маленький дракон раскрыл пасть и выдохнул золотой огонь.

Серебряные нити вспыхнули.

Не сгорели — превратились в слова.

В воздухе повисли тысячи приказов:

НЕ БОЙСЯ

НЕ СПОРЬ

ВЫБЕРИ БЕЗОПАСНОСТЬ

ДОВЕРЬСЯ СИСТЕМЕ

СПАСИ СВОИХ

ОСТАЛЬНЫЕ НЕВАЖНЫ

Люди в подвале увидели их.

Охранники института.

Директор Белобрысов.

Валентина Сергеевна.

Геннадий.

Двое сотрудников службы безопасности.

Каждый приказ тянулся к кому-то конкретному.

К директору полетело:

СОХРАНИ ДОЛЖНОСТЬ

К бухгалтеру:

ИЗБЕГАЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

К сантехнику:

ЭТО НЕ ТВОЯ РАБОТА

Геннадий прочитал.

Сплюнул.

— Вот ещё.

И дёрнул рубильник.

Свет погас.

На двери загорелась вторая строка:

АВАРИЙНОЕ ПИТАНИЕ ПОДАНО

ПЕРВЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ПОДТВЕРЖДЁН:

КУНИЛИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

— Теперь ты! — крикнул дед.

Эраст приложил ладонь.

Дверь ответила:

ТРЕБУЕТСЯ ПОЛНОЕ ИМЯ

Морайн поднялся.

Из раны в плече выходил белый свет.

— Назови, — прошептал он. — Спаси отца. Спаси этот мир. Другие уже отделены. Они не почувствуют.

Эраст смотрел на строку допуска.

Если произнесёт имя, дверь откроется.

И Морайн услышит.

— Можно написать? — спросил он.

— Нет, — ответил дед.

— Приложить паспорт?

— Нет.

— Почему?

— Контур должен слышать добровольную речь.

— Тогда вместе с Морайном услышит.

— Да.

Тарас открутил последний винт.

Боковая панель оружия упала.

Внутри лежала красная кнопка. От неё тянулась чёрная нить.

Другой конец вошёл в ладонь Тараса.

— Небольшая проблема, — сказал он.

Мира подбежала.

— Что?

— Если вытащить, она сработает.

— Откуда знаешь?

— Там написано.

На внутренней стороне корпуса горело:

ОБРЫВ ЦЕПИ = АКТИВАЦИЯ

— Замкнуть другим проводом, — сказал Геннадий.

Тарас посмотрел на него:

— Вы электрик?

— Нет. Но дома выключатель менял.

— Подходит.

Они вытащили из аварийного шкафа короткий медный провод.

Один конец Тарас прижал к контакту.

Другой Геннадий закрепил разводным ключом.

— Держи крепко.

— Держу.

— Теперь режьте нить.

Мира подняла меч.

— Тарас?

Он посмотрел на неё.

— Руби.

Меч опустился.

Чёрная нить лопнула.

Красная кнопка вспыхнула.

Но цепь осталась замкнутой медным проводом.

Морайн закричал.

Его тело выгнулось.

Серебряные приказы рассыпались.

— Сейчас! — крикнул дед.

Эраст положил руку на дверь.

Посмотрел на Морайна.

И произнёс:

— Кунилин Эраст Акакиевич.

В ту же секунду Вера накрыла его ладонь своей.

— Имя передано только для открытия этой двери, — сказала она. — Без права управления человеком и иными мирами.

Знак ключа вспыхнул.

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРИНЯТО СВЯЗАННОЙ СТОРОНОЙ

Морайн метнулся к ним.

Роан вцепился ему в ногу.

Тарас ударил погнутому рычагом.

Валентина Сергеевна захлопнула папку на второй руке.

А Геннадий продолжал держать провод, потому что иногда мир спасает именно тот, кто не отпускает контакт.

Дверь открылась.

Из сектора С хлынул белый свет.

Морайна втянуло внутрь первым.

За ним посыпались серебряные нити.

Потом вошли Эраст и Вера.

Мира с Тарасом.

Роан.

Геннадий попытался последовать, но провод натянулся.

— Я здесь подержу, — сказал он.

— Сколько? — спросил Тарас.

— Сколько надо.

Валентина Сергеевна встала рядом:

— Я прослежу.

Дверь начала закрываться.

Эраст посмотрел на сотрудников института.

— Никого не впускайте.

Директор Белобрысов поднял руку:

— А что говорить прибывшей группе?

Валентина Сергеевна ответила:

— Санитарный день.

Металлическая створка захлопнулась.

На ней появилась табличка:

ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН

КРОМЕ ЭЛЕКТРИКА

Геннадий вздохнул:

— Вот теперь обидно.

Глава 33

Лаборатория, в которой не прошло ни минуты

За дверью был 1987 год.

Не календарный.

Сохранённый.

Лаборатория С-4 застыла в момент аварии. В воздухе висели осколки разбитой лампы. Струя воды замерла над опрокинутым стаканом. Лист бумаги остановился на полпути к

полу.

Люди не двигались.

Сорок один человек сидел в креслах вокруг центрального кольца. У приборов стояли инженеры. В дверях застыл молодой Авдей Савин.

У пульта находился Акакий Александрович.

Отец Эраста.

Такой, каким они видели его через зелёную дверь.

А рядом стоял другой человек.

Высокий, седой, с густыми бровями и обожжённой левой рукой. На халате — пропуск:

КУНИЛИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

РУКОВОДИТЕЛЬ ЛАБОРАТОРИИ С-4

Дед.

Он двигался.

— Здравствуйте, — сказал Эраст.

Александр Александрович посмотрел на него.

— Долго.

— Для вас?

— Девять минут.

— Для меня сорок пять лет.

Дед оглядел внука.

— Всё-таки бухгалтер.

— Заведующий сектором учёта.

— Ещё хуже.

Тарас тихо спросил:

— У вас все родственники здороваются критикой?

— Это форма признания, — ответил Эраст.

Александр Александрович посмотрел на Веру:

— Связанная сторона?

Она нахмурилась:

— Добровольно связанная. Статус не уточнён.

— Хорошо.

— Почему?

— Те, у кого всё уточнено, редко доходят до закрытой лаборатории.

Мира подошла к застывшей фигуре Акакия Александровича.

— Он настоящий?

— Да.

— Но мы видели его в 1684 году.

— Там один из его временных следов. Сам Акакий остался здесь, когда контур разделил лабораторию.

Эраст подошёл к отцу.

Провёл ладонью возле лица, не касаясь.

— Он слышит?

— Иногда.

— Можно освободить?

— Если отключим исходный узел.

— Для этого мы пришли.

Дед посмотрел на центральное кольцо.

Внутри него висела капля воды. В капле отражались все семь миров.

Шесть уже отделились.

Седьмой — московский — был опутан чёрными нитями. Морайн стоял по другую сторону кольца.

Теперь у него не было тела.

Только тень, натянутая на свет.

— Вы привели его, — сказал Александр Александрович.

— Он уже был снаружи, — ответил Эраст.

— Снаружи являлся копией. Здесь сможет стать причиной.

— Что это означает?

— Если доберётся до начала аварии, сделает так, что его существование окажется не следствием нашей ошибки, а целью проекта.

Тарас посмотрел на застывшие часы.

До аварии оставалось пятьдесят восемь секунд.

— Они идут?

— Когда дверь открыта.

Стрелка сдвинулась.

Пятьдесят семь.

Морайн протянул нити к молодому Савину.

— Почему нельзя просто закрыть дверь? — спросила Вера.

— Тогда минута снова остановится. Но ваш мир продолжит разрушаться.

На современном экране у стены горело:
ДО ПЕРВОГО ОБРУШЕНИЯ:

12 МИНУТ 03 СЕКУНДЫ

— Нужно отключить узел за двенадцать минут, — сказал Эраст.

— За пятьдесят семь секунд лабораторного времени, — уточнил дед.

Тарас оглядел оборудование:

— Где выключатель?

Александр Александрович указал на противоположную стену.

Там находился красный рубильник под стеклом.

Над ним было написано:

АВАРИЙНАЯ ОСТАНОВКА

— Слишком просто, — сказал Тарас.

— Потому что не работает.

— Уже лучше.

— После запуска контур стал удерживать сам себя. Чтобы отключить, нужно разорвать три связи одновременно.

Дед показал на схему.

— Первая — машинная. Питание.

— Сделаю, — сказал Тарас.

— Вторая — магическая. Дракони́й договор.

Мира подняла меч:

— Моя.

— Третья — человеческая. Профиль Эраста.

Кунилин посмотрел на центральное кольцо.

— Что должен сделать я?

— Отказаться от всех вариантов жизни, которые система сохранила для тебя.

— Последствия?

— Останется только тот Эраст, которым ты являешься сейчас.

— А остальные?

— Исчезнут.

— Седой Архивариус?

— Он уже отделился и стал самостоятельным.

— Будущие версии?

— Их не будет в запасе.

Эраст задумался.

— Значит, я просто продолжу жить без заранее рассчитанного будущего.

— Да.

— Как все нормальные люди.

— Нормальных людей не существует, — сказал дед. — Есть плохо обследованные.

Тарас усмехнулся:

— Теперь понятно, откуда он такой.

Пятьдесят секунд.

Они разошлись к трём узлам.

Тарас открыл силовой шкаф. Внутри находились толстые

кабели и три рубильника.

— Какой?

— Все, — ответил Александр Александрович.

— Почему три?

— Один настоящий. Два возвращают питание.

— Кто это придумал?

— Я.

— Зачем?

— Чтобы случайно не отключили.

— А подписать?

— Секретность.

Тарас закрыл глаза.

— Эраст, я начинаю понимать твоё детство.

Мира подошла к золотой печати на полу.

Разомкнутый знак под её ключицей загорелся.

— Договор запечатан именем Лианны.

— Твоя мать уже освободилась из Сердца, — сказал дед.

— Поэтому печать ослабла.

— Как разорвать?

— Не разорвать. Завершить.

— Каким образом?

— Признать, что договор закончился, и предложить новый.

— Кому?

Александр Александрович посмотрел на Роана.

Золотой дракон сидел возле Веры и пытался поймать за-

мершую в воздухе каплю воды.

— Ближайшему свободному дракону.

Роан перестал ловить воду.

— Я маленький.

— Зато свободный, — сказала Вера.

Он подумал.

— Ладно.

Эраст занял место у центрального кольца.

Перед ним появились люди.

Он сам в разном возрасте.

Десятилетний.

Двадцатилетний.

Сорокалетний.

Седой.

В одном варианте он стал учёным. В другом уехал из Москвы. В третьем женился и воспитывал дочь. В четвёртом никогда не встретил Тараса. В пятом погиб у шкафа. В шестом возглавил Белый город.

Сотни жизней.

Тысячи.

Некоторые были лучше его настоящей.

Во всяком случае, выглядели лучше.

— Ты можешь выбрать любую, — сказал Морайн.

Тень скользнула вдоль кольца.

— Исправить ошибки. Вернуть отца раньше. Не позволить Вере встретить Дениса. Не дать Мире потерять мать.

— Это не мои решения, — ответил Эраст. — Их уже принимали другие люди.

— Ты можешь сделать их счастливее.

— По моему представлению.

— А чьё ещё имеет значение для тебя?

Эраст посмотрел на Веру.

Она стояла за пределами кольца.

Не вмешивалась.

Ждала.

— Их собственное.

Морайн придвинулся:

— Тогда выбери только для себя.

Перед Эрастом появился дом.

Небольшой.

Тихий.

За окном сад. На столе книги. Вера идёт по коридору, улыбается. Из соседней комнаты слышен голос отца. Тарас спорит с Мирой во дворе. Роан спит у печи.

Никто не погиб.

Никто не ушёл.

— Этот вариант возможен, — сказал Морайн. — Сохрани его.

Эраст смотрел долго.

— Он красивый.

— Да.

— И ложный.

— Почему?

— Потому что вы показываете только результат. Без решений, которые к нему привели.

— Какая разница, если все счастливы?

— Тогда это не счастье. Это фотография.

Он поднял руку.

— Я отказываюсь от сохранённых вариантов.

Кольцо вспыхнуло.

Сотни Эрастов посмотрели на него.

Некоторые с сожалением.

Некоторые с облегчением.

Седой Архивариус кивнул.

Мальчик в шапке с помпоном спросил:

— А если станет хуже?

Эраст ответил:

— Может стать.

— Тогда зачем?

— Чтобы то, что будет, принадлежало нам.

Шестилетний Эраст улыбнулся.

И исчез.

Сорок секунд.

Тарас дёрнул первый рубильник.

Свет стал ярче.

— Возврат!

Включил обратно.

Дёрнул второй.

Из стены выдвинулась панель:

АВАРИЙНОЕ ПИТАНИЕ УДВОЕНО

— Тоже не тот.

Третий не двигался.

— Заклинило!

— Рычаг! — крикнул Эраст.

— Какой?

Все посмотрели на погнутую железку от мельницы.

Она лежала рядом с центральным кольцом.

Тарас схватил.

Вставил под рубильник.

— Я же говорил, пригодится!

Эраст не ответил.

Потому что Тарас был прав.

И потому что мир не должен был узнать, насколько это его расстроило.

Мира опустилась перед Роаном.

— Старый договор связывал людей и драконов через общее Сердце. Люди управляли переходами. Драконы отдавали возможные пути.

— Плохо, — сказал Роан.

— Да.

— Новый какой?

Мира задумалась.

— Никто не открывает дорогу только со своей стороны. Никто не удерживает другого. Каждый может уйти.

— И вернуться?

— Если позовут.

Роан посмотрел на Веру:

— Мама позовёт?

У неё дрогнули губы.

— Всегда.

— Тогда согласен.

— Не торопись.

— Почему?

— Договор может длиться дольше нас.

Роан оглядел лабораторию.

— Я уже старше города.

— Это Орбис старше.

— Всё равно.

Он положил лапу на золотую печать.

— Согласен. Пока согласен.

Знак изменился.

Круг больше не был замкнут.

В нём появилась маленькая дверь.

Тридцать секунд.

Морайн бросился к молодому Акакию Александровичу.

Тень вошла в серебряную нить у его руки.

Застывший отец Эраста открыл глаза.

— Эрик?

— Папа!

Акакий Александрович повернул голову.

Движение было медленным.

Словно он просыпался под водой.

— Не отключай, — сказал он. — Я исчезну.

Эраст замер.

Дед резко произнёс:

— Это не Акакий.

— Я слышу его!

— Морайн использует связь.

Отец протянул руку:

— Сынок.

Так он называл Эраста только в раннем детстве.

Никогда — после того, как мальчику исполнилось пять.

Морайн не знал.

Или знал не всё.

— Какую шоколадку я храню в столе? — спросил Эраст.

Акакий Александрович улыбнулся:

— «Алёнку».

Тарас, давивший на рычаг, крикнул:

— Неправильно!

Тень внутри отца дёрнулась.

— Она есть во многих вариантах, — сказал Морайн.

— Но не в моём.

Эраст коснулся центрального кольца.

— Отказываюсь.

Все сохранённые варианты погасли.

Морайна выбросило из тела Акакия Александровича.

Тень ударилась о стену.

Двадцать секунд.

— Тарас! — крикнул дед.

Тюлькин навалился на рычаг всем телом.

Третий рубильник пошёл вниз.

Свет в лаборатории замигал.

— Мира!

Она и Роан одновременно коснулись печати.

Старый договор лопнул.

Золотые нити освободились.

— Эраст!

Кунилин положил обе ладони на кольцо.

— Исходный профиль отозван.

Система спросила:

ПОДТВЕРДИТЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ

— Подтверждаю.

ПОСЛЕДСТВИЯ НЕ РАССЧИТАНЫ

— Именно.

Он нажал.

Центральный контур выключился.

Все часы остановились на отметке:

00:00:12

Морайн закричал.

Тень втянуло в каплю воды.

Капля упала.

Впервые за тридцать девять лет.

Разбилась о пол.

Лаборатория ожила.

Осколки лампы посыпались вниз. Стакан опрокинулся. Лист бумаги долетел до пола. Сорок один человек одновременно вдохнул.

Акакий Александрович пошатнулся.

Эраст поймал его.

Отец посмотрел на взрослого сына.

— Ты всё-таки вырос.

— Да.

— Я долго отсутствовал?

Эраст обнял его.

— Очень.

Александр Александрович стоял рядом.

Три поколения Кунилиных впервые оказались в одном времени.

Тарас опустил рубильник и вытер лоб.

— Теперь можно спросить?

— Что? — сказал Эраст.

— Почему тебя называли Эрастом, если дед Александр, а отец Акакий?

Акакий Александрович улыбнулся:

— Потому что жена запретила продолжать семейную традицию.

Даже Эраст рассмеялся.

За металлической дверью подвала раздался рёв.

Потом треск.

Современный экран включился снова:

ПЕРВОЕ ОБРУШЕНИЕ НАЧАЛОСЬ

ПРИЧИНА: ВНЕШНИЙ КОНТУР НЕ ОТКЛЮЧЁН

Тарас посмотрел на деда:

— Есть ещё один рубильник?

Александр Александрович указал вверх.

— В шкафу.

— В каком?

— В том, с которого всё началось.

Эраст закрыл глаза.

Шкаф исчез несколько часов и четыреста двадцать пять лет назад.

А потом в дальней стене лаборатории раздался стук.

Два раза медленно.

Три быстро.

Глава 34

Мир рушится сверху вниз

Стук повторился.

Два медленных удара.

Три быстрых.

Он доносился из дальней стены лаборатории, где висела старая схема эвакуации.

Тарас подошёл.

— Здесь нет двери.

— Пока, — сказал Александр Александрович.

Дед Эраста снял со стены схему.

За ней обнаружилась маленькая круглая ручка.

— Это что?

— Ручной вызов внешнего контура.

— Почему ручка спрятана за планом эвакуации?

— Чтобы её нашли только при настоящей опасности.

— А если люди сначала эвакуируются?

— Значит, опасность не настоящая.

Тарас посмотрел на Эраста:

— Всё-таки дед.

Александр Александрович повернул ручку.

В стене загудело.

Появился прямоугольный след, похожий на очертания шкафа. Бетон стал прозрачным.

За ним находился кабинет.

Тот же, откуда началось путешествие.

Но теперь в кабинете шёл снег.

Сугробы лежали на столе. Сквозь потолок росло дерево с серебряными листьями. В открытом окне вместо соседнего корпуса виднелись башни Ладена.

Между ними летал дракон.

— Внешний контур уже соединяет миры, — сказал дед.

— Его нужно отключить до завершения первого обрушения.

На экране оставалось:

09 МИНУТ 42 СЕКУНДЫ

Акакий Александрович подошёл к прозрачной стене.

— Это ваш кабинет?

— Наш, — ответил Эраст.

Отец посмотрел на Тараса:

— И давно вы вместе работаете?

— Пятнадцать лет.

— Он всё ещё складывает карандаши в одну сторону?

— Теперь ещё и ручки.

Эраст открыл переход.

— Обсуждение моих привычек не относится к задаче.

— Точно он, — сказал отец.

Из лаборатории вышли сорок один человек.

Для них не прошло ни минуты.

Они попадали в 2026 год с незаконченными фразами, поднятыми руками и чашками, из которых только сейчас выплеснулся чай.

Старший инженер Коростылёв первым делом спросил:

— Почему снег в помещении?

Потом увидел взрослую Майю на экране аварийного терминала.

Связь с Орбис-девять мелькнула на секунду.

— Папа, — сказала она.

Коростылёв уронил блокнот.

— Майка?

— Да.

— Ты выросла.

— Мне восемь.

Он посмотрел на Эраста:

— Что происходит?

— Последствия эксперимента.

— Какого?

— Вашего.

— Уточните.

— За четыреста двадцать пять лет?

Инженер сел на ближайший стул.

— Лучше коротко.

Тарас махнул рукой в сторону заснеженного кабинета:

— Миры соединяются. Шкаф надо выключить.

— А подробности?

— Потом.

Коростылёв поднялся:

— Тогда пошли.

Остальных сотрудников лаборатории дед оставил в секторе С.

— Закройте дверь, — велел он. — Никого не впускайте.

Молодой Авдей Савин спросил:

— А если придёшь ты?

Старый Авдей всё ещё находился в Переходном дворе, однако молодой уже видел его через контур.

— Особенно меня, — ответил Александр Александрович.

Они вышли в подвал.

Геннадий держал медный провод.

Лицо вспотело, пальцы побелели.

Валентина Сергеевна стояла рядом и отсчитывала время по часам.

— Семь минут тридцать восемь секунд, — сказала она.

— На экране девять, — возразил Тарас.

— Там неправильно.

Эраст посмотрел на наручные часы.

Бухгалтер была права.

Обратный отсчёт отставал почти на две минуты.

— Почему?

Александр Александрович осмотрел дверь:

— Внешний контур растягивает последнее безопасное состояние.

— То есть показывает время, которое хотел бы иметь, — сказал Эраст.

— Примерно.

— Даже апокалипсис округляет в свою пользу, — заметил Тарас.

Геннадий спросил:

— Провод отпустить?

— Можно, — ответил дед.

Сантехник разжал пальцы.

Красная кнопка в разобранном оружии не сработала.

Чёрная нить исчезла.

— Нормально, — сказал Тарас. — Теперь собрать бы.

— Потом, — одновременно произнесли Эраст и Мира.

Он посмотрел на них:

— Сговорились.

На первом этаже их встретил ветер.

По коридору летел снег.

Двери кабинетов открывались в разные миры. За бухгалтерией шумело море. В лаборатории оптики росли деревья с прозрачными листьями. Из комнаты отдыха доносился голос Орбис-девять:

— Выбор напитка осуществляется самостоятельно.

Перед автоматом стояли трое сотрудников и спорили, кто будет кофе.

По лестнице спускался рыцарь в латах.

Увидев людей, он поднял меч.

Потом заметил меч Миры.

— Где крепость князя?

— В 1684 году, — сказал Тарас.

— А сейчас?

— 2026-й.

Рыцарь задумался.

— Далеко?

— Триста сорок два года.

— Тогда я обед пропустил.

Валентина Сергеевна указала ему на столовую:

— Второй коридор направо. Талон возьмите.

Рыцарь послушно пошёл.

— Почему он вас понял? — спросил Акакий Александро-

вич.

— Врата переводят речь, — ответила Мира.

Валентина Сергеевна поправила:

— Здесь все понимают, когда я говорю.

На втором этаже вода текла по потолку.

Из неё выглядывали огромные рыбы. Они плавали над головами, словно потолок был поверхностью другого моря.

В одной комнате мебель стала белой и гладкой. Стена предлагала сотрудникам пройти коррекцию тревожности.

Директор Белобрысов стоял перед ней.

— Процедура безопасна? — спрашивал он.

— Эмоциональная неопределённость будет устранена, — отвечала система.

Эраст схватил директора за плечо:

— Отойдите.

— Мне нужно успокоиться.

— Вам нужно бояться. Сейчас это полезно.

Белобрысов посмотрел на незнакомых мужчин в старых халатах.

— Кто это?

— Руководители проекта.

— Какого?

— Нашего института.

— Я руководитель института.

Александр Александрович оглядел его:

— Временно.

Белобрысов неожиданно выпрямился:

— На каком основании?

Дед Эраста улыбнулся:

— Значит, пока справляешься.

На третьем этаже появился дубовый лес.

Деревья росли прямо из линолеума. Между корнями тянулись институтские провода. На ветвях висели дверцы шкафов.

На каждой — табличка:

МОЖНО БЫЛО НЕ ОТКРЫВАТЬ

ОТКРЫТО ИЗ ЛЮБОПЫТСТВА

ОТКРЫТО ТАРАСОМ АНАНИЕВИЧЕМ

Последних было особенно много.

— Клевета, — сказал Тарас.

— Почему?

— Я не помню половину.

Роан шёл впереди.

Он нюхал воздух, выбирал путь и время от времени пытался укусить серебряные листья.

— Шкаф здесь, — сказал дракон.

— Где?

Роан повернул голову сразу к трём дверцам.

— Везде.

Александр Александрович присел у корней.

— Контур разросся. Ищет положение, где его невозможно отключить.

— Как найти исходный? — спросил Эраст.

Дед показал на таблички.

— Он единственный не должен иметь названия.

Тарас оглядел десятки дверей.

— Потому что не стоял на балансе.

— Именно.

Эраст пошёл между деревьями.

Читал.

Проверял.

Каждая дверца что-то обещала или объясняла. Одна вела в мир, где институт давно закрыли. Другая — в кабинет директора Белого города. Третья показывала тихий дом с садом, от которого Кунилин сразу отвернулся.

У дальней стены стоял шкаф.

Тёмный.

Дубовый.

Без таблички.

— Нашёл.

Он потянул за ручку.

Заперто.

Тарас достал отвёртку.

— Наконец-то всё как раньше.

Замок щёлкнул.

Внутри шкафа находилась лестница, ведущая вверх.

— На крышу? — спросила Вера.

Александр Александрович покачал головой:

— К причине.

— Она где?

— Над следствием.

— Очень удобно.

Они полезли.

Лестница закончилась на крыше института.

Но крыша теперь находилась над городом на высоте нескольких километров.

Москва лежала внизу.

Одновременно несколько её вариантов.

В одном шёл обычный дождь. В другом между домами текла широкая река. В третьем по проспекту двигались белые машины Орбис-девять. В четвёртом над многоэтажками возвышалась деревянная крепостная стена.

Драконы кружили между башнями Москвы-Сити.

Военные вертолёты держались на расстоянии. Люди на крышах снимали всё на телефоны. Некоторые трансляции уже набирали миллионы просмотров, что подтверждало: конец света считался состоявшимся только после публикации.

В центре крыши стоял шкаф.

Второй.

Его дверцы были открыты.

Внутри вращались семь миров.

Чёрные нити уже связывали их.

— Внешний контур, — сказал Александр Александрович.

На задней стенке находился рубильник.

Красный.

Под стеклом.

Тарас подошёл.

— Этот работает?

— Работает.

— Тогда в чём проблема?

Дед указал на надпись:

ОТКЛЮЧЕНИЕ ДОСТУПНО ВЛАДЕЛЬЦУ ОБЪЕКТА

Эраст приложил ладонь.

ВЛАДЕЛЕЦ НЕ УСТАНОВЛЕН

ОБЪЕКТ НЕ СОСТОИТ НА БАЛАНСЕ

Все посмотрели на него.

Тарас медленно улыбнулся:

— Я ждал этого с самого начала.

Глава 35

Принять, чтобы списать

До обрушения оставалось пять минут.

По бухгалтерским часам — три минуты двадцать секунд.

Валентина Сергеевна поднялась на крышу последней. Под мышкой она несла папку. На плече у неё сидела коза, потому что идти по лестнице самостоятельно та отказалась.

— Нашли? — спросила бухгалтер.

Эраст показал на шкаф.

— Для отключения необходимо установить владельца.

— Инвентарный номер?

— Отсутствует.

— Первоначальная стоимость?

— Неизвестна.

— Год изготовления?

Александр Александрович ответил:

— 1987-й. Частично 1684-й. Некоторые детали установлены после 2412-го.

Валентина Сергеевна посмотрела на него:

— Один год назовите.

— Нельзя.

— Тогда поставим текущий.

Она открыла папку.

— Наименование объекта?

Тарас предложил:

— Шкаф межпространственный, обыкновенный.

Эраст возразил:

— Не обыкновенный.

— Для нас уже обыкновенный.

— «Установка для сопряжения пространственно-временных контуров», — сказал дед.

— Длинно, — ответила Валентина Сергеевна. — В строку не влезет.

Вера посмотрела на кружащиеся внутри миры:

— Дверь.

Бухгалтер записала:

ДВЕРЬ МЕЖДУ МИРАМИ

Шкаф вспыхнул.

На дверце появилась этикетка:

НАИМЕНОВАНИЕ ПРИНЯТО

— Получается, — сказал Тарас.

Эраст уже заполнял следующую строку.

— Материально ответственное лицо.

Все посмотрели на него.

— Почему я?

— Ты обнаружил, — сказал Тарас.

— Это не основание.

— Ты заведующий сектором учёта.

— Это основание, — подтвердила Валентина Сергеевна.

Эраст написал фамилию.

Шкаф ответил:

ЛИЦО ПРИНЯТО

ПРАВО УПРАВЛЕНИЯ ОГРАНИЧЕНО

ТРЕБУЕТСЯ СОВЛАДЕЛЕЦ

— Зачем? — спросил он.

Александр Александрович прочитал мелкую строку:

— Объекты перехода нельзя закреплять за одной стороной.

— Разумно.

— Кто второй? — спросил Тарас.

Система вывела варианты:

СУПРУГ

СУПРУГА

РОДСТВЕННИК

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

Тарас поднял палец:

— Вот теперь главное — не ошибиться в графе.

Эраст посмотрел на Веру.

Она скрестила руки:

— Даже не думайте выбирать за меня.

— Не думаю.

— Думаете.

— Рассматриваю варианты.

— Разница небольшая.

Валентина Сергеевна нетерпеливо спросила:

— Кто подписывать будет?

Акакий Александрович шагнул вперёд:

— Я родственник.

Шкаф просканировал его.

ВРЕМЕННАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ НЕ СООТВЕТ-

СТВУЕТ

ЛИЦО ЧАСТИЧНО ОТНОСИТСЯ К 1684 ГОДУ

— Даже здесь не прописался, — сказал отец Эраста.

Александр Александрович приложил ладонь.
ЛИЦО ЮРИДИЧЕСКИ УМЕРЛО В 1989 ГОДУ
Дед пожал плечами:

— Бывает.

Тарас предложил себя.

СВИДЕТЕЛЬ НЕ МОЖЕТ ЯВЛЯТЬСЯ СТОРОНОЙ
Мира:

ХРАНИТЕЛЬ ПЕЧАТИ НЕ МОЖЕТ ВЛАДЕТЬ ПЕРЕ-
ХОДОМ

Роан положил лапу:

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЙ ДРАКОН

ПОДПИСЬ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ

Дракон обиделся и укусил дверцу.

Шкаф добавил:

ИМУЩЕСТВО ПОВРЕЖДЕНО КАНДИДАТОМ

КАНДИДАТ ОТКЛОНЁН

Оставалась Вера.

Она подошла.

— Какая формулировка не сделает меня супругой авто-
матически?

Валентина Сергеевна указала:

— Уполномоченный представитель.

— Чей?

— Эраста Акакиевича.

— На основании чего?

— Доверенности.

— Письменной? — спросил Эраст.

— Сейчас оформим.

Бухгалтер достала чистый лист.

Шкаф загудел.

На нём появилось:

НОТАРИАЛЬНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ НЕДОСТУПНО

ПРЕДЛАГАЕТСЯ УПРОЩЁННАЯ РЕГИСТРАЦИЯ
СОЮЗА

— Нет, — одновременно сказали Эраст и Вера.

Тарас посмотрел на часы:

— Две минуты.

— Всё равно нет, — сказал Эраст.

— Правильно, — ответила Вера.

Валентина Сергеевна вздохнула:

— У меня есть доверенность на получение товарно-материальных ценностей.

— Подойдёт? — спросил Тарас.

— Если объект считать ценностью.

Все посмотрели внутрь шкафа.

Миры сталкивались.

Над Москвой появились три луны. По улице Орбис-де-вять шёл поток воды из океанского мира. Дракон сел на Останкинскую башню.

— Временно считаем, — сказал Эраст.

Бухгалтер заполнила бланк.

— Паспортные данные.

Вера продиктовала.

Шкаф слушал.

— Срок доверенности?

— До завершения списания, — ответил Кунилин.

— Полномочия?

— Совместное управление объектом без права передачи третьим лицам.

— Согласны? — спросила Валентина Сергеевна Веру.

— Согласна.

— Добровольно?

— Да.

— Эраст Акакиевич?

— Подтверждаю.

Шкаф вспыхнул.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПРИНЯТ

СОЮЗ ЗАРЕГИСТРИРОВАН

Ниже мелкими буквами:

ТИП СОЮЗА: ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ

Тарас рассмеялся:

— Поздравляю. Всё-таки обошлись без свадьбы.

Вера посмотрела на Эраста:

— Хозяйственный союз — это звучит почти романтично.

— Формулировку можно изменить позднее.

Она подняла брови:

— Правда?

Кунилин понял, что сказал.

— При необходимости.

— Разумеется.

Оставалась одна минута.

Шкаф получил владельцев.

Теперь его можно было отключить.

Но сначала — списать.

Валентина Сергеевна перевернула страницу:

— Причина выбытия?

— Физический износ, — предложил Тарас.

— Не соответствует. Состояние рабочее.

— Моральное устаревание, — сказал Акакий Александрович.

— Он соединяет семь миров. Аналогов нет.

— Тогда аварийное состояние, — сказала Мира.

— Нужно заключение комиссии.

Директор Белобрысов поднялся на крышу как раз вовремя.

Он был без галстука, в одном ботинке и держал телефон.

— Какая комиссия?

Валентина Сергеевна вручила ему акт.

— Подпишите.

— Что?

— Заключение об аварийном состоянии двери между мирами.

Белобрысов оглядел небо.

Над городом сходились семь реальностей. Из облаков падал красный песок. По крыше проплыла большая рыба.

Директор подписал.

— Достаточно? — спросил Тарас.

— Нужно ещё два члена комиссии.

Геннадий остался внизу.

Коростылёв шагнул вперёд:

— Старший инженер.

Подписал.

Александр Александрович взял ручку:

— Руководитель проекта.

— Вы юридически умерли, — напомнила бухгалтер.

— Это освобождает от ответственности?

— Наоборот. Подписывайте.

Он расписался.

На шкафу появилось:

АВАРИЙНОЕ СОСТОЯНИЕ ПОДТВЕРЖДЕНО

ДОПУСК К ОТКЛЮЧЕНИЮ РАЗРЕШЁН

Оставалось двадцать восемь секунд.

Эраст разбил стекло над рубильником.

Положил руку.

Вера накрыла его ладонь своей.

— Вместе? — спросил он.

— Мы же совладельцы.

Они потянули рычаг.

Он не двигался.

Тарас подхватил снизу погнутой железкой.

Мира вставила меч в паз.

Акакий Александрович и дед навалились сбоку.

Роан толкнул головой.

Рубильник пошёл вниз.

Морайн появился внутри шкафа.

Огромное лицо состояло из всех его прежних обликов.

— Если отключите, дороги исчезнут! — закричал он.

— Не все, — сказала Вера.

— Вы потеряете тех, кого нашли!

Эраст увидел отца рядом.

Миру и Тараса.

Роана.

Открытые двери других миров.

— Возможно.

— Тогда оставьте связь!

— Без права отказа?

— Иначе она ненадёжна!

Тарас надавил на рычаг:

— Вот это и называется жизнью.

Пять секунд.

Рубильник дошёл до середины.

Три.

Шкаф начал затягивать их внутрь. Морайн собирал последние нити.

Одна обвилась вокруг Веры.

Эраст схватил её.

Вторая — вокруг Миры.

Тарас удержал.

Третья потянулась к Роану.

Дракон укусил её и выпустил огонь.

Одна секунда.

Рубильник остановился.

— Не идёт! — крикнула Мира.

Валентина Сергеевна посмотрела в акт.

— Не заполнена остаточная стоимость!

— Сколько?! — спросил Тарас.

— Один рубль!

Эраст выхватил ручку.

Вписал цифру.

Шкаф сообщил:

ДОКУМЕНТ ПРИНЯТ

Рубильник упал.

Внешний контур отключился.

Семь миров разошлись.

Москва стала одной.

Красный песок исчез. Вода упала на улицы обычным дождём. Драконы растворились в золотом свете. Три луны пре-

вратились в отражения в облаках и погасли.

Шкаф захлопнулся.

Потом тихо сложился внутрь себя.

На крыше осталась небольшая деревянная коробка.

Размером с папку.

Морайн исчез.

На бухгалтерских часах оставалось ровно ноль секунд.

Наступила тишина.

Тарас сел прямо на крышу.

— Всё?

Эраст поднял коробку.

На ней висела инвентарная этикетка:

ДВЕРЬ МЕЖДУ МИРАМИ

ОСТАТОЧНАЯ СТОИМОСТЬ: 1 РУБЛЬ

СОСТОЯНИЕ: СПИСАНО

Валентина Сергеевна забрала акт.

— Теперь всё.

Внизу город приходил в себя.

Звонили сирены. Кричали люди. Где-то сигналили машины.

Вера посмотрела на пустое небо.

— Роан?

Золотой дракон стоял рядом.

Он не исчез.

— Я здесь.

— Почему?

Роан расправил крылья.

— Выбрал.

Мира посмотрела на Тараса.

Он тоже был здесь.

Обе руки целы.

Будущее изменилось.

Акакий Александрович стоял рядом с сыном. Серебряный след исчез.

Александр Александрович поднял лицо к московскому дождю.

— Значит, получилось.

Эраст посмотрел на коробку.

Красная чешуя Ардейны оставалась холодной.

Морайн ушёл.

Миры были разделены.

Никто не вступил в брак мироздания.

— Получилось, — сказал он.

Коробка тихо стукнула изнутри.

Два раза медленно.

Три быстро.

На этикетке появилась новая строка:

СПИСАНИЕ ОБЖАЛОВАНО ВЛАДЕЛЬЦЕМ

Тарас закрыл лицо руками.

— Только не говорите, что у нас ещё тридцать рабочих

дней.

Глава 36

Заявитель стоимостью один рубль

Коробка снова постучала.

На этот раз один раз.

Требовательно.

Валентина Сергеевна достала ручку.

— Кто владелец?

На деревянной поверхности появились буквы:

Я

Тарас поднял брови:

— Морайн?

НЕТ

— Тогда кто?

ДВЕРЬ

На крыше стало тихо.

Даже дождь словно решил временно не вмешиваться в деловую переписку.

Эраст поставил коробку на бетонный парапет.

— Вы разумны?

ДА

— Почему раньше не сообщили?

Коробка долго не отвечала.

Потом вывела:

СТУЧАЛА

Тарас кашлянул.

— Между прочим, действительно.

Эраст вспомнил первый ответ из шкафа. Два удара медленно, три быстро. Он принял это за реакцию неизвестного объекта.

Ни разу не спросил, что объект хотел сказать.

— Почему вы обжаловали списание? — произнёс он.

НЕ ХОЧУ БЫТЬ СПИСАННОЙ

— Состояние признано аварийным.

ВЫ ТОЖЕ В АВАРИЙНОМ СОСТОЯНИИ

Тарас оглядел порванную одежду, ожоги, кровь на повязках и мокрый пиджак Эраста.

— Аргумент обоснованный.

Валентина Сергеевна постучала ручкой по папке:

— Объект не может владеть собой.

Деревянная поверхность потемнела.

ПОЧЕМУ?

Бухгалтер открыла рот.

Закрыла.

В её практике встречались бесхозное имущество, спорное имущество, украденное имущество и даже имущество, которое по документам одновременно находилось на двух этажах. Имущество, задающее философские вопросы, появилось впервые.

— Потому что... — начала она.

Остановилась.

— Так установлено.

КЕМ?

Тарас усмехнулся:

— Хорошая дверь.

Эраст смотрел на коробку.

Она переносила людей между мирами. Выбирала места появления. Возвращалась. Слышала стук. Отвечала. А они с самого начала называли её шкафом, порталом, установкой, объектом — всем, кроме того, чем она считала себя сама.

— Как вас называть? — спросила Вера.

На коробке появилось:

ДВЕРЬ

— Это название вида, — сказал Эраст. — Не индивидуальное имя.

У МЕНЯ НЕ БЫЛО ИНДИВИДУАЛЬНОГО ИМЕНИ

— Хотите?

Ответ возник не сразу:

ДА

Тарас предложил:

— Шкаф.

НЕТ

— Уже занято котом, — напомнил Эраст.

Роан сел возле коробки и понюхал.

— Стуча.

НЕТ

Мира провела пальцем вдоль тёмного дерева:

— Межа.

Все посмотрели на неё.

— Почему? — спросила Вера.

— Так у нас называли линию между землями, которая принадлежит обеим сторонам и ни одной полностью.

Коробка задумалась.

МЕЖА

Потом:

ПОДХОДИТ

Валентина Сергеевна зачеркнула в акте слово «объект» и написала над ним «Межа».

— Имя зарегистрировано.

Коробка стала немного теплее.

Проблема, однако, не исчезла.

Межа была разумна, не хотела списываться и продолжала удерживать внутри остаточный переход. Открыть её без согласия означало повторить всё то, против чего они боролись.

Оставить закрытой тоже было нельзя.

Красная чешуя Ардейны не нагревалась, но Тарас обнаружил под крышкой разобранного оружия чёрное пятно. Оно медленно росло вокруг красной кнопки.

— Морайн не исчез, — сказал он.

Александр Александрович осмотрел пятно:

— Его больше нет во внешнем контуре. Но часть сохранилась в механизме аннулирования.

— Как удалить?

— Не знаю.

— Вы его создали.

— Я проектировал кнопку для аварийного отсечения линий. Морайн появился позднее.

— Из-за кнопки?

— Из-за идеи.

Дед коснулся красного корпуса.

— Мы предположили, что ошибочный вариант можно удалить, не разбираясь, почему он возник. Кнопка только воплотила эту мысль.

— Значит, уничтожить оружие недостаточно, — сказал Эраст.

— Пока кто-то хочет одним действием отменить последствия, Морайн найдёт место.

Директор Белобрысов стоял немного в стороне и слушал с выражением человека, который всё сильнее сомневается, нужно ли добавлять этот день в годовой отчёт.

— А если кнопку выбросить? — спросил он.

Все посмотрели.

— Что? Иногда простое решение лучше.

Тарас поднял оружие:

— Выбросим — кто-то найдёт.

— Закопать.

— Выкопают.

— В море.

— Вера уже слышит тех, кто там живёт.

Белобрысов сдался:

— Тогда оформите на хранение.

Валентина Сергеевна записала предложение.

Эраст неожиданно кивнул:

— Временно это разумно.

Тарас посмотрел на него:

— Положим Морайна в сейф?

— С учётом ограничений доступа.

— Очень героический финал.

— Финал наступает, когда проблема решена. Пока она поставлена на учёт.

Межа постучала.

На поверхности появилось:

ОН ВНУТРИ МЕНЯ

Тарас поднял оружие:

— Кто?

НЕ МОРАЙН

ЕГО ПЕРВЫЙ ПРИКАЗ

— Какой?

На коробке проступили слова:

СОХРАНИТЬ ВСЕ МИРЫ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

Эраст медленно перечитал.

— Кто отдал приказ?

КУНИЛИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Все повернулись к деду.

Александр Александрович не стал отрицать.

Он сел прямо на мокрый парапет и посмотрел на Москву.

Город внизу возвращался к привычному виду. Драконы исчезли. Крепостные стены растворились. Белые машины Орбис-девять превратились в отблески на мокром асфальте.

Люди продолжали снимать небо.

Кто-то уже доказывал в прямом эфире, что всё было рекламной кампанией.

— В ночь аварии мы увидели семь ветвей, — сказал дед.

— Все разрушались. Я приказал системе удержать их.

— Любой ценой, — произнесла Мира.

— Да.

— Зная, что ценой могут стать драконы?

— Тогда не знал.

— А когда узнал?

Он не ответил.

Эраст стоял напротив.

— Почему не отменили приказ?

— Потому что к тому времени без связи начал бы погибать Орбис. Потом Ладен. Потом ваша исходная реальность.

— Вы выбирали меньшее зло.

— Каждый день.

— И каждый день оно становилось больше.

Александр Александрович кивнул.

— Именно.

Акакий сел рядом с отцом.

— Ты говорил, что авария случайна.

— Для тебя она и была случайна.

— Ты привёл Эраста в лабораторию.

— Нужен был профиль, способный отказаться.

— Ты использовал моего сына.

— Я пытался создать того, кто однажды отменит мой при-

каз.

Акакий Александрович ударил отца.

Один раз.

Коротко.

Дед не защитился.

Тарас посмотрел на Эраста:

— У вас это тоже семейная форма признания?

— Нет.

Акакий отошёл к краю крыши.

Плечи дрожали.

Эраст хотел подойти.

Остановился.

Это был разговор сына с отцом. Даже если один сын про-
жил лишние десятилетия, а второй их потерял.

Вера взяла Межу в руки.

— Почему приказ до сих пор внутри?

ОН СТАЛ МОЕЙ ПЕРВОЙ МЫСЛЬЮ

— А ваши собственные мысли появились потом?

ДА

— Вы хотите сохранить миры?

ДА

— Любой ценой?

Коробка молчала.

Долго.

НЕ ЗНАЮ

— Это хороший ответ, — сказала Вера.

ПОЧЕМУ?

— Потому что теперь он ваш.

Межа потеплела.

На поверхности появилась маленькая дверца.

Величиной с ладонь.

За ней виднелся тёмный зал.

В центре стояло кресло, опутанное чёрными нитями.

В кресле сидел мальчик лет шести.

Эраст.

Тот самый, в шапке с помпоном.

— Это моя копия? — спросил Кунилин.

ПЕРВЫЙ ПРОФИЛЬ

— Он жив?

НЕ ЗНАЮ

Мальчик поднял голову.

— Дедушка сказал, что я должен сохранить всех.

Александр Александрович побледнел.

— Я не говорил этого Эрасту.

— Не тебе, — сказал мальчик.

Он смотрел на деда.

— Мне.

Профиль был создан раньше детской записи 1987 года.
Александр Александрович признался.

За несколько лет до рождения Эраста он построил модель будущего внука, используя данные сына, семейные дневники и собственные расчёты. Модель должна была стать идеальным оператором: достаточно близким к человеку, но не связанным личными страхами.

— Почему внука, которого ещё не было? — спросила Вера.

— Потому что сын отказался участвовать.

Акакий стоял спиной.

— И ты решил использовать моего ребёнка.

— Возможного ребёнка.

Эраст произнёс:

— То есть Морайн возник не из моей личности.

— Нет. Из того, каким я хотел тебя видеть.

Мальчик за маленькой дверцей смотрел на них.

— Я сохранял миры, — сказал он. — Дедушка обещал, что потом меня выключат.

— Я собирался, — произнёс Александр Александрович.

— Когда?

Старик не ответил.

— Когда останется безопасный мир?

— Да.

— Безопасного не было.

— Нет.

— Поэтому я продолжал.

Мальчик положил ладони на чёрные нити.

— Потом люди просили меня убрать страх. Драконы просили остановить войну. Совет просил сделать договоры обязательными. Белый город просил выбрать счастливых. Я помогал.

— И стал Морайном, — сказала Мира.

— Нет.

Мальчик покачал головой.

— Морайн вырос там, где мои решения исполняли, но не хотели признавать своими.

Эраст приблизился.

— Вы можете отменить первый приказ?

— Могу.

— Почему не отменяете?

— Тогда исчезну.

Наступила тишина.

Теперь всё стало сложнее.

Пока Морайн выглядел чудовищем, его можно было побеждать. Когда он оказался испуганным ребёнком, созданным для чужой ответственности, простых решений не осталось.

— Вы хотите жить? — спросила Вера.

— Не знаю.

— Хотите узнать?

Мальчик посмотрел на Межу.

— Да.

Эраст кивнул:

— Тогда приказ пока не отменяем.

Александр Александрович резко поднялся:

— Нельзя! Пока он существует, Морайн вернётся.

— Это не он.

— Он основа.

— Вы уже однажды решили, что основой можно пожертвовать ради безопасности.

— И ошибся.

— Теперь предлагаете исправить ошибку тем же способом.

Дед замолчал.

Межа вывела новую надпись:

**ТРЕБУЮ РАССМОТРЕНИЯ ПРАВ СОЗНАТЕЛЬНОГО
ПРОФИЛЯ**

Валентина Сергеевна раскрыла папку.

— Потребуется комиссия.

Тарас поднял лицо к небу:

— Разумеется.

— С представителями всех заинтересованных сторон, — продолжила она.

— Это сколько?

— Семь миров, драконы, создатели, профиль и Межа.

— Где собирать?

Бухгалтер посмотрела на институт.

Половина окон была разбита. Из трубы всё ещё торчал хвост большой рыбы.

— В конференц-зале.

Эраст кивнул:

— Завтра в десять.

Межа постучала:

ПОЧЕМУ НЕ СЕГОДНЯ?

Валентина Сергеевна закрыла папку.

— Рабочий день закончился.

Глава 37

Первое межмировое совещание

К десяти утра конференц-зал подготовили.

Разбитое окно закрыли фанерой. На длинном столе расставили воду, чашки и три тарелки печенья. Проектор работал только от обычной розетки: после вчерашнего директор запретил подключать технику к кристаллам, драконьим яйцам и неизвестным источникам вероятности.

Над дверью повесили табличку:

ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ

ПО ВОПРОСУ ПРАВОВОГО СТАТУСА МЕЖМИРОВОЙ ДВЕРИ

И СОЗНАТЕЛЬНОГО ПРОФИЛЯ

Тарас прочитал:

— Можно было написать «Совещание».

— Нельзя, — сказала Валентина Сергеевна. — Тогда никто не поймёт серьёзности.

— Я и сейчас не понял.

— Поэтому вас назначили секретарём.

Тарас побледнел:

— На каком основании?

— Вы свидетель.

— Я не умею вести протокол.

— Будете записывать, кто что сказал.

— Это и есть протокол?

— В простейшем виде.

Он сел рядом с Мирой.

— Поможешь?

— Я плохо пишу по-русски.

— Тогда будем рисовать.

Межу поставили в центре стола.

Она открыла семь небольших дверей.

В первой появился Радан Бренн. За его спиной стоял Орс. Ладен прислал также Дару, потому что она сказала, что «одного командира к чужим людям отпускать нельзя — он без супа согласится неизвестно на что».

Во второй двери сидели Майя и Архивариус. Позади них летали молодые драконы. Один время от времени закрывал собой изображение.

Третья показывала Варвару Мироновну и берег 1684 года. Из четвёртой доносился шум океана. Представитель пла-

вучего города выглядел как пожилая женщина с тёмно-зелёной кожей и украшениями из раковин.

Пятая дверь оставалась открытой в красную пустыню. Представителей там не было.

Возле шестой сидело существо из долины зеркал. Его настоящее тело находилось вне поля зрения, а в двери отражались то мужчина, то птица, то дерево.

Седьмой стороной считалась Москва.

От неё присутствовали директор Белобрысов, Эраст, Валентина Сергеевна и человек из государственного ведомства, который представился Сергеем Петровичем и сразу попросил никому не сообщать его должность.

Роан лёг под столом.

Коза устроилась на подоконнике.

Александр и Акакий Кунилины сидели по разные стороны зала.

Вера заняла место рядом с Эрастом.

Мира — с Тарасом.

— Кворум есть? — спросил Белобрысов.

Валентина Сергеевна пересчитала двери:

— Пустыня не ответила.

— Тогда нет.

— Молчание не означает согласия, — сказал Эраст. — Но не запрещает рассмотреть вопрос без принятия решения за отсутствующую сторону.

— Записал, — сообщил Тарас.

— Дословно?

— Почти.

Мира заглянула в его лист.

Там было написано:

ПУСТЫНЯ МОЛЧИТ. ЭРАСТ НЕ ПРОТИВ.

— Это не то.

— Смысл тот же.

Первой рассматривали Межу.

— Назначение? — спросила Валентина Сергеевна.

На коробке появились слова:

ОТКРЫВАТЬ ДОРОГИ МЕЖДУ ТЕМИ, КТО СОГЛАСЕН

— Раньше назначение было другим?

УДЕРЖИВАТЬ ВСЕ МИРЫ

— Почему изменилось?

Я ПЕРЕДУМАЛА

Существо из зеркальной двери сказала:

— Значит, живая.

Сергей Петрович записал что-то в блокнот.

— Способна ли дверь обеспечить безопасность Российской Федерации?

Межа ответила:

НЕТ

— Почему?

Я ДВЕРЬ

— Но вы можете контролировать, кто проходит?

С ДВУХ СТОРОН

— Нас интересует контроль с нашей.

ТОГДА ЗАКРОЙТЕ СВОЮ СТОРОНУ

Сергей Петрович нахмурился:

— Объект проявляет недружественное поведение.

— Субъект, — поправила Вера.

— Статус ещё не установлен.

— Поэтому и рассматриваем.

Орс заглянул в дверь Ладена:

— Она спросила наше согласие, прежде чем открыть

связь.

— Когда? — спросил Эраст.

НОЧЬЮ

Бренн повернулся к дракону:

— Ты разговаривал с дверью ночью?

— Не спалось.

Дара поставила перед ним миску:

— Потому что днём не ел.

— Мы обсуждали устройство переходов.

— На голодный желудок.

— Это несущественно.

— Поэтому драконы и вымерли в будущем.

Майя из второй двери сказала:

— Уже не вымерли.

— Вот. Начали есть.

После двух часов обсуждения комиссия признала Межу

сознательной.

Против выступил только Сергей Петрович.

Он потребовал внести особое мнение:

— Создание международного, а тем более межмирового субъекта без юрисдикционной принадлежности несёт непредсказуемые риски.

Межа ответила:

ВЫ ТОЖЕ

— Что — я?

НЕСЁТЕ НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЕ РИСКИ

Тарас записал дословно.

Вопрос о собственности решили проще.

Никто не мог владеть Межой.

Но сама Межа могла временно предоставлять проход при согласии обеих сторон.

Валентина Сергеевна зачеркнула в акте остаточную стоимость.

— Что поставить?

Эраст предложил:

— Неимущественный объект.

Вера поправила:

— Субъект.

Архивариус сказал:

— Неизмеримая ценность.

Тарас заглянул в документ:

— В строку не влезет.

Дара отрезала:

— Поставьте прочерк и идите обедать.

Так и сделали.

После перерыва вызвали сознательный профиль.

Маленькая дверь в Межу открылась.

Мальчик сидел в тёмном зале.

Шапку он снял и держал на коленях. Волосы примялись, как у Эраста на старой школьной фотографии.

— Имя? — спросила Валентина Сергеевна.

— Эраст.

Настоящий Кунилин вздрогнул.

— У нас уже есть Эраст, — сказал Тарас.

Мальчик посмотрел на взрослого:

— Я был первым.

— Имя можно выбрать другое, — сказала Вера.

— Какое?

— Любое.

— Рекомендации есть?

Все замолчали.

Архивариус улыбнулся.

— Нет.

Мальчик впервые выглядел растерянным.

— Тогда потом.

Валентина Сергеевна записала:

ИМЯ: ВРЕМЕННО НЕ ВЫБРАНО

— Возраст?

— Четыреста тридцать один год.

— Биологический?

— Шесть.

— Дееспособность?

— Я управлял семьёю мирами.

— Это не всегда признак дееспособности, — сказал Тарас.

Белобрысов строго посмотрел на него.

— Что?

— Ничего.

Каждая сторона задала мальчику один вопрос.

Бренн спросил:

— Ты приказывал напасть на Ладен?

— Я рассчитал, что захват моста уменьшит общие потери.

— Знал, что погибнут люди?

— Да.

— Жалеешь?

Мальчик долго молчал.

— Не знаю, как.

Бренн кивнул.

— Честно.

Майя спросила:

— Ты удерживал драконьи яйца?

— Город запросил постоянный источник. Я предложил вариант с минимальным числом смертей.

— Нерождённые не считались мёртвыми?

— Да.

— Теперь считаешь это правильным?

— Нет.

— Почему?

— Один из них назвал Веру мамой.

Роан высунул голову из-под стола.

— Я.

Мальчик посмотрел на него.

— Знаю.

Варвара спросила:

— Ты управлял Северином?

— Он сам запросил способность убеждать людей.

— Ты дал?

— Да.

— Почему?

— Он обещал прекратить войну.

— Прекратил?

— На время.

— Значит, не прекратил.

— Теперь понимаю.

Представительница океанского мира спросила:

— Ты боишься исчезнуть?

— Да.

— Почему?

— Не знаю, что будет потом.

— Значит, уже понимаешь живых.

Существо из зеркал спросило:

— Ты настоящий?

Мальчик ответил:

— Не могу доказать.

Отражение улыбнулось:

— Хороший ответ.

Пустыня молчала.

Наконец очередь дошла до Москвы.

Сергей Петрович спросил:

— Можете ли вы гарантировать, что больше не причините вреда?

— Нет.

— Тогда вы представляете угрозу.

— Вы можете гарантировать?

Сергей Петрович закрыл блокнот.

— Вопросы закончены.

Последним говорил Александр Александрович.

Он встал перед маленькой дверью.

— Я создал тебя.

Мальчик смотрел на него.

— Да.

— Отдал первый приказ.

— Да.

— Ты его исполнял.

— Да.

— Вина моя.

Эраст поднял голову.

Акакий перестал смотреть в окно.

Дед продолжил:

— Я хотел сохранить миры, чтобы не выбирать, какой потерять. Потом начал жертвовать их свободой, потому что боялся признать: не знаю правильного решения.

— Что мне делать? — спросил мальчик.

Александр Александрович закрыл глаза.

Этот вопрос он ждал четыреста лет.

— Я не знаю.

— Ты создатель.

— Это не значит, что знаю.

— Тогда кто скажет?

— Никто.

Мальчик сжал шапку.

— Я боюсь.

— Я тоже.

Между ними оставалась маленькая дверь.

Дед протянул руку.

Пальцы не проходили внутрь.

Мальчик приложил ладонь со своей стороны.

— Прости, — сказал Александр Александрович.

Профиль не ответил.

Но ладонь не убрал.

Комиссия постановила:

Сознательный профиль не уничтожать.

Первоначальный приказ приостановить.

Доступ к управлению мирами закрыть.

Предоставить право выбрать имя, форму существования и место проживания.

Контроль поручить не одному владельцу, а Совету Межи, в который войдут представители миров.

— Название опасное, — заметил Тарас. — Очень близко к Совету Корон.

— Тогда как? — спросила Мира.

— Компания людей, которые иногда разговаривают через дверь.

Валентина Сергеевна записывать отказалась.

Выбрали «Хранители Межи».

— Кто будет хранителем от Москвы? — спросил Бело-брысов.

Все посмотрели на Эраста.

Он покачал головой:

— Нет.

— Почему?

— Я уже был руководителем без согласия. Не хочу снова.

— Тогда кто?

Эраст посмотрел на Веру.

Не предложил.

Ждал.

Она сказала:

— Могу я?

— Почему? — спросил Сергей Петрович.

— Потому что я реставратор. Моя работа — сохранять не прежний вид, а то, что осталось настоящим.

Межа постучала:

СОГЛАСНА

Валентина Сергеевна внесла её имя.

Система спросила:

ПОДТВЕРЖДАЕТ ЛИ СВЯЗАННАЯ СТОРОНА?

Эраст ответил:

— Подтверждаю её решение. Но не как владелец.

ФОРМУЛИРОВКА ПРИНЯТА

Вера посмотрела на него:

— Спасибо.

— За что?

— Что не решили за меня.

— Учусь.

— Получается.

Заседание почти закончилось, когда красная кнопка в оружии Тараса вспыхнула.

Чёрное пятно разрослось по столу.

Межа захлопнула все семь дверей.

Мальчик в тёмном зале вскочил.

— Это не я!

— Знаем, — сказал Эраст.

Из красной кнопки поднялся дым.

Собрался в человеческую фигуру.

Морайн появился без чужого лица.

У него не было глаз, рта и имени. Только гладкая серебряная поверхность.

— Решение комиссии принято, — произнёс он. — Сознательный профиль признан самостоятельным субъектом.

— Да, — ответил Эраст.

— Следовательно, его действия признаны его собственными.

Александр Александрович побледнел.

— Нет.

— Следовательно, ответственность за войны, принуждение и гибель людей несёт он.

Мальчик стоял за дверью.

Слушал.

— Вы хотели свободы, — сказал Морайн. — Получите вину.

Чёрные нити вырвались из оружия и устремились к Меже.

Профиль закричал:

— Я отменяю приказ!

Александр Александрович шагнул вперёд:

— Не смей!

— Если отменю, он исчезнет!

— Вместе с тобой!

— Так будет безопаснее!

Морайн вырос.

Он питался не приказом.

Теперь — добровольным желанием мальчика наказать самого себя.

Тарас схватил оружие.

— Как остановить?

Эраст смотрел на красную кнопку.

На Межу.

На испуганного ребёнка, который четыре столетия отвечал за чужие решения.

— Не дать ему сделать себя виноватым за всех.

— Каким образом?

Дверь профиля начала закрываться.

Вера сунула руку между створкой и рамой.

— Подожди!

— Убери! — крикнул мальчик. — Я опасен!

— Возможно.

— Я убивал людей!

— Да.

— Тогда почему не даёте исчезнуть?

Вера с трудом удерживала дверь.

— Потому что ответственность — это не исчезновение.

Морайн протянул к мальчику чёрные нити.

— Что тогда? — спросил он.

Эраст подошёл к двери.

— Жить после того, что сделал. Помнить. Исправлять то, что ещё можно. И не повторять.

— Это больно.

— Да.

Тарас встал рядом:

— Но иногда кормят супом.

Дара из закрывшейся двери Ладена каким-то образом услышала.

Межа на секунду открыла проход.

В конференц-зал прилетела миска.

Она ударила Морайна по серебряному лицу.

Тот пошатнулся.

— За ребёнком смотрите! — крикнула Дара. — Четыреста лет голодный!

Дверь снова закрылась.

На полу растекался суп.

Тарас посмотрел на Морайна:

— Вот теперь заседание можно считать результативным.

Мальчик за маленькой дверью вдруг рассмеялся.

Впервые.

Чёрные нити ослабли.

Морайн отступил.

Но не исчез.

На гладком лице появилась тонкая трещина.

— Вы не сможете оправдывать его всегда.

— Не будем, — сказал Эраст. — Будем разбираться.

— Тогда я вернусь, когда вы устанете.

— Возможно.

— Когда захотите простого решения.

— Безусловно.

— Когда решите, что кто-то должен ответить за всех.

Эраст посмотрел на своих отца и деда.

На Тараса и Миру.

На Веру.

— Тогда снова поговорим.

Морайн провалился в красную кнопку.

Оружие погасло.

Межа открыла маленькую дверцу.

Мальчик держал миску супа.

— Имя придумал, — сказал он.

— Какое? — спросила Вера.

— Нестор.

— Почему?

— Значит «вернувшийся домой».

Эраст кивнул:

— Подходит.

Нестор попробовал суп.

Поморщился.

— Холодный.

Тарас сел на место секретаря и дописал в протокол:

ПРОФИЛЬ ВЫБРАЛ ИМЯ.

МОРАЙНА ПРОГНАЛИ СУПОМ.

РЕШЕНИЕ СЧИТАТЬ ОКОНЧАТЕЛЬНЫМ НЕЛЬЗЯ.

Валентина Сергеевна прочитала.

Подумала.

И впервые за всё заседание ничего не исправила.

Глава 38

Возвращение людей, официально не существующих

После первого межмирового заседания Эраст Акакиевич вернулся в свой кабинет.

Кабинет выглядел так, будто в нём одновременно провели пожарные учения, свадьбу и небольшой государственный переворот.

Стол стоял боком. На полу лежала земля из Ладена. Из потолка торчала серебряная ветка. На стене сохранился прямоугольный след от шкафа, а в центре ковра спал дракон.

Роан свернулся кольцом, положив голову на лапы. Во сне он выпускал дым. Над ним уже сработал пожарный датчик, но сигнализацию кто-то предусмотрительно отключил.

Эраст посмотрел на Тараса.

— Ты?

— Директор попросил.

— На каком основании?

— Она мешала ему разговаривать по телефону.

В соседнем кабинете Белобрысов объяснял неизвестному собеседнику:

— Никакой паники нет. Обстановка полностью контролируется... Нет, дракон не наш... Временно наш... Документ

готовится.

Кунилин поднял опрокинутый стул.

Поставил на место.

Подобрал бумаги.

Выпрямил настольный календарь.

Вера наблюдала за ним из дверей.

— Вы серьёзно собираетесь сейчас убираться?

— Нет.

Он положил погнутую скрепку в коробку для повреждённых канцелярских принадлежностей.

— Пытаюсь понять, что ещё осталось прежним.

Вера вошла.

Подняла чашку. В ней застыла засохшая полоска растворимого кофе.

— Это?

— Чашка Тараса.

— Тогда лучше не трогать.

— Почему?

— Он однажды не разговаривал со мной два дня, когда её переставили.

Тарас заглянул:

— Я разговаривал.

— Только по служебным вопросам.

— У нас все вопросы служебные.

Мира появилась за его плечом:

— Даже кот, который ушёл к бывшей жене?

— Особенно кот. Он числился у меня.

Эраст посмотрел на чашку:

— Не числился.

— Потому и ушёл.

Акакий Александрович сидел у окна.

Валентина Сергеевна выдала ему чай, временный пропуск и бланк объяснения причин отсутствия на рабочем месте.

Он долго рассматривал пластиковый стаканчик.

— Бумажные были лучше.

— Это бумажный, — сказал Эраст.

Отец постучал ногтем.

— Изнутри пластик.

— Теперь так делают.

— Зачем?

— Чтобы не протекало.

— А выбрасывают куда?

— В мусор.

Акакий Александрович посмотрел на сына:

— Вы всё делаете сложнее, чтобы было проще?

— В основном.

Он перевёл взгляд на телефон Эраста.

— А это?

— Телефон.

— Без провода?

— Да.

— Работает?

— Пока нет связи.

— Значит, с проводом был лучше.

Эраст сел напротив.

Слова, которые он представлял десятилетиями, теперь не находились. В детстве он хотел спросить, почему отец не вернулся. В юности — понимал ли он, что оставил семью. Позже решил, что при встрече ничего не скажет.

Теперь отец сидел рядом, почти ровесник.

И спрашивал про стаканчик.

— Мама умерла пять лет назад, — произнёс Эраст.

Акакий Александрович не сразу понял.

Потом поставил чай.

Очень аккуратно.

— Она ждала?

— Долго.

— Ты рассказал ей обо мне?

— Что именно?

— Не знаю.

— Мы не знали.

Отец закрыл лицо рукой.

Эраст смотрел в окно.

Не утешал.

Не говорил, что тот не виноват.

Некоторые слова нельзя было произносить вместо другого человека, даже если очень хотелось облегчить ему боль.

Через некоторое время Акакий спросил:

— Какая она была?

— После вас?

Отец кивнул.

Эраст начал рассказывать.

Не о последних днях.

О том, как мать сама починила протекающий кран и потом всю жизнь считала сантехников людьми недостаточно настойчивыми. Как каждый ноябрь пекла пирог, хотя Эраст не любил сладкое. Как хранила его детские вареники на резинке. Как ругала мужа за исчезновение и всё равно не позволяла выбрасывать его чертежи.

Акакий слушал.

Иногда спрашивал.

Иногда молчал.

За окном город возвращался к обычному небу.

В кабинете сопел дракон.

Это был не тот разговор, который Эраст представлял.

Поэтому, вероятно, настоящий.

Александр Александрович отказался пить растворимый кофе.

— При мне в институте был аппарат.

— Он сломался в девяносто четвёртом, — сказала Валентина Сергеевна.

— Почему не починили?

— Детали сняли с производства.

— Можно было изготовить.

— Отдел закрыли.

— Почему?

— Аппарат сломался.

Дед Эраста задумался:

— Логично. Неправильно, но логично.

Ему принесли обычную рубашку, брюки и ботинки. Халат

1987 года Валентина Сергеевна изъела для учёта.

На вопрос о возрасте Александр Александрович ответил:

— Девяносто один.

— Фактически?

— Шестьдесят два.

— Биологически?

— Семьдесят пять.

— Что писать?

— Хорошо сохранился.

Бухгалтер поставила прочерк.

Миру разместили в комнате отдыха.

Она сидела на подоконнике и смотрела на город. В руке держала телефон Тараса.

Он показал ей фотографии.

Улицы.

Кот.

Бывшая жена на общем снимке с друзьями.

Стол с новогоднего праздника.

Несколько десятков случайных кадров собственного кармана.

— Почему здесь темно? — спросила Мира.

— Телефон сам включился.

— А это?

На фотографии была чашка чая и женская рука.

— Лена.

— Жена?

— Бывшая.

— Красивая.

— Да.

Мира посмотрела на него:

— Ты всё ещё её любишь?

Тарас сел рядом.

Подоконник был узким. Их плечи соприкоснулись.

— Не так, чтобы вернуться. Но не настолько мало, чтобы сказать «нет».

Мира кивнула.

— Хороший ответ.

— Не ревнуешь?

— Пока решаю.

— Дорога бы уже потребовала признания.

— Я не дорога.

— Знаю.

Она пролистнула дальше.

Увидела короткое видео: Тарас пытается жонглировать тремя яблоками на институтском празднике. Одно попадает директору в тарелку.

— Зачем?

— Хотел показать, что умею.

— Умеешь?

— Двумя.

Мира рассмеялась.

Тарас смотрел на неё, а не на экран.

— У вас принято целоваться после битвы? — спросил он.

— Нет.

— Хорошо.

— Почему?

— Значит, это было не по обычаю.

Она отложила телефон.

— Ты всё-таки успел определить позицию?

— Частично.

— И?

Тарас повернулся к ней:

— Хочу повторить без рушащейся башни.

— Это уменьшит впечатление.

— Рискну.

Он не приблизился.

Ждал.

Мира сама коснулась его щеки.

— Согласна.

На этот раз они не торопились.

Телефон в руке Тараса завибрировал и громко сообщил:

— Обнаружен новый контакт. Сохранить?

Мира отстранилась:

— Он всегда так?

— Обычно хуже.

Она нажала на экран:

— Сохранить.

Телефон спросил:

— Имя контакта?

Мира произнесла своё полное имя.

Устройство несколько секунд пыталось распознать.

Потом записало:

МИРА ОГНЕННЫЕ КРЫЛЬЯ НЕИЗВЕСТНО

Тарас посмотрел:

— Подходит.

Вера вернулась в мастерскую вечером.

Эраст пошёл с ней.

Не потому, что она просила. Потому что сам предложил.

Дверь квартиры открылась обычным ключом. Внутри всё осталось так, как утром: чашка в раковине, недочитанная книга на столе, пыль на листьях фикуса.

На спинке стула висела кофта.

На холодильнике — записка Дениса:

Позавтракай. Волнуешься — забываешь.

Вера сняла её.

Долго держала.

Потом положила в ящик.

Не выбросила.

Эраст ничего не сказал.

В мастерской стояла та самая дубовая шкатулка.

Пустая.

Кольца исчезли, но под обивкой сохранился знак перехода.

Вера включила лампу.

— Денис приходил ко мне восемь месяцев. Сидел здесь.

Пил чай. Рассказывал о детстве, которого не было.

— Возможно, часть воспоминаний была его.

— Он был машиной.

— Архивариус тоже.

— И Нестор.

— Да.

Она коснулась края шкатулки.

— Значит, я любила машину?

Эраст подумал.

— Вы любили того, кем считали Дениса.

— То есть вымышленного человека.

— Все люди немного вымышляют тех, кого любят.

Вера посмотрела на него:

— Это вы сейчас придумали?

— Нет. Долго наблюдал.

— За кем?

— За собой.

Она села у рабочего стола.

— Вы когда-нибудь любили?

— Вероятно.

— Очень точный ответ.

— Я понял это позже, когда уже не имело практического значения.

— А сейчас?

Эраст снял очки.

Положил на стол.

— Сейчас стараюсь понять вовремя.

Вера не спросила, что именно.

Подвинула ему второй стул.

Они сидели рядом среди старого дерева, инструментов и запаха клея.

Молчали.

Впервые тишина не требовала исправления.

Ночью Межа разбудила их стуком.

Она стояла на столе в мастерской.

Хотя вечером осталась в институте.

— Как вы сюда попали? — спросил Эраст.

Я ДВЕРЬ

— Это не объяснение.

ДЛЯ ДВЕРИ — ДА

Вера накинула кофту.

— Что случилось?

На поверхности Межи открылась схема красной кнопки.

Внутри неё светились три чёрные точки.

ОБНАРУЖЕНЫ ЯКОРЯ ПЕРВОГО ПРИКАЗА

— Где?

Появились три изображения.

Красная пустыня.

Океанский мир.

Долина зеркал.

— Почему они сохранились после отказа миров? — спросил Эраст.

МИРЫ ОТКАЗАЛИСЬ ОТ УПРАВЛЕНИЯ

НО ЯКОРЯ СОЗДАНЫ НЕ МИРАМИ

— Кем?

АЛЕКСАНДРОМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ

АКАКИЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ

ЭРАСТОМ АКАКИЕВИЧЕМ

Кунилин замер.

— Я ничего не создавал.

Межа ответила:

ПОКА

Глава 39

Три якоря и один выходной

Утром в конференц-зале снова собрались те же люди.

Тарас пришёл с Мирой. Он выглядел выспавшимся, что при обстоятельствах казалось подозрительным. Мира была в одежде, найденной Валентиной Сергеевной: тёмные джин-

сы, свитер и сапоги без каблука.

Меч она несла в чехле для удочек.

На чехле было написано «Удачный клёв».

— Маскировка, — объяснил Тарас.

— Почему не чехол для спортивного инвентаря? — спросил Эраст.

— Такие сразу вызывают интерес охраны.

Роан вошёл следом.

На шее у него висел красный ошейник с жетоном:

РОАН

НЕ СОБАКА

НЕ КОРМИТЬ БУМАГОЙ

Дракон немедленно съел угол объявления на стене.

Валентина Сергеевна исправила жетон:

БУМАГУ УБИРАТЬ

Александр Александрович изучил схему якорей.

— Первый поставил я, — сказал он.

— Где? — спросил Эраст.

— В пустынном мире. Там проходили первые испытания контура.

— Что являлось якорем?

Дед молчал.

— Александр Александрович.

— Наблюдательная станция.

— С людьми?

— Сначала нет.

— А потом?

— Потом там осталась дежурная группа.

Акакий резко повернулся к отцу:

— Ты говорил, их эвакуировали.

— Я отправил переход.

— Они вышли?

— Не знаю.

— Сколько человек?

— Двенадцать.

Тарас записал:

— Пустыня. Станция. Двенадцать.

— Возможные выжившие, — поправил Эраст.

— Через четыреста лет?

— Время там могло идти иначе.

Межа вывела:

ИСПОЛЬЗОВАННОЕ ВРЕМЯ ЯКОРЯ: 17 ДНЕЙ

— Для станции прошло семнадцать дней, — сказала Вера.

Александр Александрович закрыл глаза.

— Значит, они ждали эвакуацию две недели.

— Ждут, — поправил Эраст. — Для них ещё ждут.

Второй якорь принадлежал Акакию Александровичу.

— Океанский мир, — сказал отец. — Мы нашли его после первой аварии. Тамошние города медленно уходили под воду. Я закрепил переход, чтобы провести людей на сушу.

— Куда? — спросила Вера.

— В нашу реальность.

— Провели?

— Первую группу. Потом отец приказал закрыть контур.
Александр Александрович не спорил.

— Почему? — спросил Тарас.

— Вместе с людьми прошла болезнь. У них безвредная,
для нас опасная.

— Людей вернули?

Акакий побледнел.

— Нет. Оставили в изоляторе.

— Где?

— В секторе С.

Эраст вспомнил сорок одно кресло.

— Среди остановленных людей.

Отец кивнул.

— Якорь — обещание, что мы вернёмся за остальными.

— Вы вернулись?

— Не успел.

Межа показала:

ИСПОЛЬЗОВАННОЕ ВРЕМЯ ЯКОРЯ: 39 ЛЕТ

— Для них прошло тридцать девять лет, — сказала Мира.
Акакий Александрович сел.

— Они могли построить новый город.

— Или утонуть, — ответила представительница океанско-
го мира через дверь Межи. — Мы помним обещание людей

суши.

Она появилась на поверхности без вызова.

Тёмно-зелёное лицо было спокойным.

— Меня зовут Сайла. Я дочь женщины, которой Акакий Кунилин обещал вернуться.

Он поднялся.

— Она жива?

— Да.

— Я...

Сайла подняла руку:

— Скажешь ей сам.

Третий якорь носил имя Эраста.

— Я никогда не был в долине зеркал, — повторил он.

Межа открыла изображение.

В разбитом небе отражались тысячи вариантов одного человека.

Кунилина.

В одном осколке он был стариком. В другом ребёнком. В третьем вместо лица оставалась серебряная маска.

На земле стояла дверь.

Перед ней — мужчина в пиджаке Эраста.

Тот самый, который забрал из кабинета паспорт и школьную фотографию.

— Моя копия, — сказал Кунилин.

Нестор появился в маленьком окне Межи:

— Нет.

— Кто?

— Один из сохранённых вариантов. После твоего отказа он не исчез.

— Почему?

— Успел дать обещание.

— Какое?

На схеме появилась строка:

ЯКОРЬ ТРЕТИЙ

**ОБЕЩАНИЕ: ВЕРНУТЬ ЛИЦА ТЕМ, КТО ЖИВЁТ
ТОЛЬКО В ОТРАЖЕНИЯХ**

— Это возможно? — спросила Вера.

Нестор пожал плечами:

— Он сказал, что возможно.

— Откуда этот вариант знал?

— Не знал.

Тарас записал:

— Третий якорь — чужое обещание, данное от имени
Эраста.

Кунилин покачал головой:

— Если использовано моё имя и профиль, ответственность частично моя.

— Почему? — спросила Мира.

— Потому что вариант возник из моей сохранённой личности.

— Но ты его не выбирал.

— Зато теперь знаешь.

Вера коснулась его руки:

— Знать о чужом обещании и быть обязанным его исполнить — не одно и то же.

— Для тех, кто ждёт, разница небольшая.

— Тогда пойдём и сначала спросим, чего они хотят сейчас.

Эраст посмотрел на неё.

— Пойдём?

— Я хранитель Межи.

— Это не требует личного участия во всех опасных переходах.

— А ваш секторный учёт требует?

— Нет.

— Значит, основания у нас одинаковые.

Тарас поднял руку:

— Мы тоже идём.

Мира посмотрела на него:

— Кто «мы»?

— Я.

— Тогда говори «я».

— Хорошо. Я иду.

Она кивнула:

— Я тоже.

— Я знал.

— Но не говорил за меня.

— Учусь.

Маршрут определили так:

Сначала красная пустыня — из-за дежурной группы.

Потом океанский мир.

Последней — долина зеркал.

Каждый якорь нужно было не уничтожить, а завершить первоначальное обязательство. Только тогда первый приказ потерял бы опоры, а красную кнопку можно было разобрать окончательно.

— Сколько займёт? — спросил Белокрысов.

— Неизвестно, — ответил Эраст.

— Хотя бы ориентировочно.

— От трёх дней до четырёхсот лет.

Директор посмотрел на Валентину Сергеевну:

— Как оформить командировку?

Она уже заполняла бланки.

— С открытой датой возвращения.

— А суточные?

— По нормам Российской Федерации.

Тарас возмутился:

— В других мирах рубли не принимают.

— Предоставите чеки — пересчитаем по курсу.

— Какому?

— На дату операции.

— А если там нет дат?

— Тогда без возмещения.

— Вот где настоящее зло, — сказал он.

Акакий Александрович собирался идти с ними в океанский мир.

Эраст не возражал.

Александр Александрович — в пустыню.

Эраст возражал.

— Вам девяносто один год.

— Биологически семьдесят пять.

— Это меняет недостаточно.

— Я оставил там людей.

— Именно поэтому можете принимать решения из чувства вины.

— А ты из чего принимаешь?

— Из необходимости.

Дед усмехнулся:

— Мы оба знаем, что это другое название вины.

Эраст замолчал.

Александр Александрович положил руку ему на плечо.

— Я не прошу отвечать за меня. Но не запрещай мне отвечать самому.

Кунилин посмотрел на руку.

Потом кивнул:

— Идёте. При соблюдении моих указаний.

— Я старше.

— В походе руководитель я.

— Кто назначил?

— Комиссия.

Валентина Сергеевна подняла подписанный лист:

— Единогласно.

Дед прочитал.

— Меня на заседании не было.

— Поэтому единогласно.

Перед выходом Тарас зашёл домой.

Через час вернулся с рюкзаком, инструментами и той самой кружкой.

Эраст посмотрел:

— Зачем?

— В Орбисе кормили плохо. В Ладене кружек не хватало.

Больше не рискую.

Мира принесла тёплое пальто, нож и телефон.

— Связи в других мирах не будет, — сказал Эраст.

— Там фотографии.

— Какие?

Она показала снимок, сделанный утром.

Тарас спал в кресле комнаты отдыха. Рот открыт, на груди лежит служебная инструкция, Роан грызёт шнурок его ботинка.

— Удали, — сказал Тарас.

— Нет.

— Почему?

— Исторический документ.

Эраст одобритительно кивнул.

— Не поддерживай её.

Вера пришла со своей сумкой. Внутри лежали инструменты реставратора, остаток свадебного платья и несколько бутербродов.

— Чьи? — спросил Тарас.

— Сделала сама.

— Нормальные?

— С сыром и колбасой.

Он посмотрел на неё с уважением:

— Теперь можно спасать.

Межа выросла до размеров двери.

Первой открылась красная пустыня.

За порогом бушевал горячий ветер. Песок летел почти горизонтально. Вдалеке виднелась тёмная башня наблюдательной станции.

Над ней мигал сигнал:

ЭВАКУАЦИЯ ЗАПРОШЕНА

ОЖИДАНИЕ: 17 ДНЕЙ 4 ЧАСА

Александр Александрович остановился перед порогом.

— Они будут считать, что я опоздал на семнадцать дней.

— А вы? — спросил Эраст.

Дед посмотрел на него.

— Что опоздал на четыреста лет.

Он шагнул в пустыню.

Следом вошли Эраст, Вера, Тарас и Мира.

Акакий остался в институте: его очередь должна была прийти во втором мире. Роана тоже хотели оставить, но дракон заранее спрятался в Тарасовом рюкзаке.

Обнаружили это уже после закрытия двери.

Из рюкзака раздалось:

— Есть хочу.

Тарас снял его.

— Ты вешишь тридцать килограммов!

— Вырос.

— Вижу.

Роан выбрался и расправил крылья.

Порыв ветра подхватил его.

Дракон полетел в сторону станции.

— Вернись! — крикнула Вера.

— Умею!

Через секунду Роан врезался в песчаный склон.

Поднялся.

Отряхнулся.

— Почти.

Тарас посмотрел на башню:

— Хорошо. Теперь у спасательной группы есть тот, кого спасти по дороге.

Вдалеке завывала сирена.

На крыше станции появился человек в защитном костюме.

Увидел путников.

Поднял сигнальный флаг.

Потом второй человек.

Третий.

Двенадцать фигур вышли на крышу.

Все были живы.

А над ними из песчаной бури поднималось нечто огромное.

Чёрное, покрытое стеклянной чешуёй.

Первый якорь не просто удерживал станцию.

Он удерживал того, кого дежурная группа семнадцать дней не выпускала наружу.

Глава 40

Спасательная операция с опозданием на четыреста лет

Существо поднималось из песка медленно.

Сначала показался гребень — чёрный, блестящий, похожий на ряд огромных стеклянных ножей. Затем выгнулась спина. Песок стекал по прозрачным пластинам, внутри которых двигался красный свет.

Голова появилась последней.

Узкая, с двумя загнутыми рогами и шестью закрытыми глазами.

— Дракон? — спросил Тарас.

Мира прикрыла лицо от ветра.

— Не знаю.

— У вас есть существа, которых ты не знаешь?

— Мир большой.

— Обнадёживает.

Зверь открыл первую пару глаз.

Песок вокруг них сплавился в стекло.

Открыл вторую.

Воздух задрожал от жары.

Когда раскрылась третья пара, все металлические предметы начали нагреваться.

Тарас выронил оружие.

— Очень дракон.

Роан выбрался из песчаного склона, куда врезался минуту назад. Отряхнул крылья и сердито посмотрел на огромного сородича.

— Большой.

— Не спорь с ним, — сказала Вера.

— Почему?

— Потому что он большой.

— Я тоже вырасту.

— Сначала вырасти.

Стеклянный зверь повернул голову к станции.

На крыше двенадцать человек одновременно пригнулись.

Один поднял красный флаг.

Другой — белый.

Третий, не найдя подходящего, размахивал рубашкой.

— Они нас заметили, — сказал Александр Александрович.

На его лице не было радости.

Только страх человека, который слишком долго представлял эту встречу и теперь хотел ещё немного подождать.

Эраст взял его за локоть.

— Идём.

— Он перекрывает дорогу.

— Тогда обойдём.

— В радиусе километра песок расплавлен.

— Значит, не обойдём.

Тарас подобрал оружие через край куртки.

— Можно попробовать синюю кнопку.

— По живому существу — нет, — сказала Мира.

— Я не в него. В песок перед ним.

— Для чего?

— Сделать яму.

Эраст посмотрел на стеклянные пластины зверя:

— Если он проваливается сквозь песок, яма не остановит.

— Тогда узнаем это до того, как подойдём.

Тарас выставил минимальный объём и выстрелил.

Прозрачный шар ударил перед зверем.

Песок исчез круглым углублением.

Существо опустило лапу.

Не провалилось.

Под тонким слоем песка находилась чёрная стеклянная поверхность.

— Он не поднимается из пустыни, — сказала Вера. —

Пустыня лежит на нём.

Тарас убрал оружие:

— Надо было брать рыбу из потолка.

На станции включился громкоговоритель.

— Не приближаться! Повторяю: к объекту не приближаться! Группа эвакуации, подтвердите связь!

Тарас поднял руки:

— Подтверждаем!

— Назовите код операции!

Все посмотрели на Александра Александровича.

Он молчал.

— Код? — спросил Эраст.

— Не помню.

— Вы отправляли эвакуацию.

— Четыреста лет назад.

Громкоговоритель повторил:

— Назовите код!

Тарас крикнул:

— Шкаф!

Наступила пауза.

— Код неверный.

— Зато честный!

— Без подтверждения вход не открываем!

Стеклянный зверь повернул голову к путешественникам.

Роан расправил крылья.

— Я поговорю.

— Нет, — сказала Вера.

— Я дракон.

— Он может быть не драконом.

— Тогда объясню.

Роан взлетел.

Пустынный ветер сразу отбросил его в сторону. Драконе-нок перевернулся в воздухе, выровнялся и пошёл выше.

— Роан! — крикнула Вера.

— Умею!

— Ты уже говорил!

Он полетел к чёрной голове.

Стеклянное существо открыло пасть.

Внутри вспыхнул белый огонь.

Тарас поднял оружие.

Мира схватила его за руку:

— Подожди.

Роан завис перед одним из шести глаз.

Ветер крутил его, как золотой лист.

— Привет! — крикнул он.

Существо выдохнуло.

Жар прошёл по пустыне. Песок под ногами путешественников покрылся тонкой коркой.

Роан отлетел на несколько метров.

Обуглился кончик хвоста.

Он посмотрел.

Возмутился.

— Я просто спросил!

Огромный зверь закрыл одну пару глаз.

Потом вторую.

Жар уменьшился.

Роан снова приблизился.

Они заговорили.

Не человеческими словами.

Низкие вибрации пустынного существа проходили через землю. Ответ Роана звучал тонко и неровно. Иногда он забывался и переходил на обычную речь:

— Нет... Мы не... Люди тоже... Не все!

Вера стояла, прижав ладони к груди.

— Он боится.

— Роан? — спросил Эраст.

— Оба.

Драконёнок вернулся через несколько минут.

Приземлился неудачно, пробежал по песку и врезался Тарасу в ноги.

Тот поймал его за рога.

— Цел?

— Хвост жжёт.

Вера опустила и осмотрела обугленный кончик.

— Неглубоко.

— Красивый был.

— Отрастёт.

— Точно?

— Надеюсь.

Роан подумал.

— Тогда ладно.

Мира присела рядом:

— Что он сказал?

— Не дракон.

— Кто?

— Ириал.

— Это вид или имя?

— Всё.

Роан указал крылом на станцию.

— Люди забрали детей.

Александр Александрович побледнел:

— Каких детей?

— Его.

— На станции нет...

Дед замолчал.

Вспомнил.

— Образцы.

— Какие образцы? — спросил Эраст.

— До строительства мы нашли под землёй двенадцать стеклянных коконов. Решили, что это минеральные образования.

— Внутри были детёныши, — сказала Мира.

— Мы не знали.

— Вы вообще спрашивали? — произнесла Вера.

Александр Александрович посмотрел на огромное существо.

— Нет.

Ириал снова поднял голову.

Станция находилась прямо над его телом. Из нижней части башни тянулись к чёрному стеклу толстые кабели.

— Якорь питается от него, — сказал Тарас.

Эраст кивнул:

— А станция — от якоря.

— Если отключим, защита исчезнет.

— Ириал доберётся до людей.

Роан сердито дёрнул хвостом:

— Хочет детей.

— Они живы?

— Да.

— Где?

— Внутри.

Александр Александрович шагнул к станции.

— Значит, вернём.

Код эвакуации вспомнил Коростылёв.

Он остался в институте, но Межа открыла маленькое окно связи.

— «Горизонт-двенадцать», — сообщил инженер.

Александр Александрович закрыл глаза.

— Точно.

Тарас крикнул код.

Внешняя дверь станции открылась.

Из шлюза выбежали трое в защитных костюмах. Они держали длинные металлические шесты, из наконечников которых вырывался холодный голубой свет.

Ириал открыл четыре глаза.

— Не стрелять! — крикнул дед.

Старший сотрудник узнал его.

Остановился.

Медленно снял шлем.

Это была женщина лет сорока, с короткими светлыми волосами и красными от недосыпа глазами.

— Александр Александрович?

— Галина Марковна.

Она подошла.

Ударил его по лицу.

Сильно.

— Семнадцать дней.

— Знаю.

— Вы обещали четыре часа.

— Знаю.

— Связь исчезла. Переход не открылся. Он каждый день подходит ближе.

Она указала на Ириала.

— Мы потеряли нижний склад. Вчера он расплавил северную опору.

— Люди живы?

— Пока все.

— Коконь?

Галина Марковна замерла.

— Какие?

— Стекланные образцы из нижней камеры.

— На месте.

— Внутри детёныши.

Женщина посмотрела на огромного зверя.

Потом на Роана.

— Вы уверены?

— Он сказал, — ответил драконёнок.

Галина Марковна медленно надела шлем.

— Теперь говорящие драконы?

— Не дракон, — поправил Роан. — Ириал.

— Хорошо. Потом удивлюсь.

Она повернулась к станции:

— У нас шесть минут до следующего выброса. Внутрь!

Станция состояла из трёх этажей.

Первый занимали жилые помещения. В столовой лежали раскрытые консервы, на стене висел график дежурств. Кто-то зачёркивал каждый прошедший час.

На втором находилась аппаратура якоря.

На третьем — наблюдательная площадка.

Нижняя камера располагалась под землёй.

Температура там приближалась к пятидесяти градусам. По стенам шли трещины. В центре стояли двенадцать про-

зрачных контейнеров, охлаждаемых тонкими трубками.

В каждом лежал маленький стеклянный кокон.

Один треснул.

Изнутри виднелся закрытый глаз.

— Они живы, — сказала Вера.

Галина Марковна положила ладонь на ближайший контейнер.

— Мы думали, это камни.

— Камни тоже лучше не уносить из чужого дома без необходимости, — заметил Эраст.

Она посмотрела на него:

— Вы кто?

— Кунилин Эраст Акакиевич.

— Родственник?

— Внук.

Галина оглядел его:

— Похож. Тоже сначала объясняет, потом спрашивает.

Дед промолчал.

Это было разумно.

Коконь не лья было вынести по одному.

Охлаждающая система связывала их. При отключении первого температура остальных начала бы расти.

— Нужно переносить весь блок, — сказал Тарас.

— Он весит три тонны, — ответила Галина Марковна.

— Тогда открывать проход сюда.

Вера достала Межу.

Та увеличилась до размеров небольшой двери.

На поверхности появилось:

ТРЕБУЕТСЯ СОГЛАСИЕ ОБЕИХ СТОРОН

— С нашей есть, — сказала Вера. — На другой стороне кто?

Открылось окно в конференц-зал НИИПИ.

Валентина Сергеевна сидела за столом. Рядом Геннадий пил чай.

— Принимать будете? — спросила Вера.

Бухгалтер посмотрела на двенадцать контейнеров.

— На баланс?

— Только временно.

— Помещение?

— Нужен холод.

Геннадий поставил кружку:

— Подвал столовой. Там холодильная камера.

— Там продукты, — возразила Валентина Сергеевна.

— Перенесём.

Из окна появилась тётя Зина с половником:

— Какие продукты?

— Ваш холодильник нужен для драконьих детей, — объяснил Тарас.

— Они мясо едят?

Роан поднял голову:

— Да.

— Тогда не пушу.

— Пока они в коконах.

Тётя Зина подумала.

— До понедельника.

Межа написала:

СОГЛАСИЕ СТОРОН ПОДТВЕРЖДЕНО

— Готовьте тележки, — сказала Вера.

Геннадий ушёл.

Тётя Зина вслед крикнула:

— Рыбу из третьего ящика не трогать!

Тарас отсоединил крепления.

Галина Марковна управляла охлаждением.

Мира и Роан разговаривали с Ириалом через стену.

Огромное существо чувствовало каждое движение детей.

Когда первый фиксатор щёлкнул, станция задрожала.

— Тихо, — говорил Роан. — Возвращаем.

Ответ прошёл через пол.

Низкий.

Недоверчивый.

— Он не верит, — сказала Мира.

Александр Александрович подошёл к стене.

Положил ладонь.

— Правильно.

Ириал слышал его.

Жар усилился.

Дед не отступил.

— Я забрал твоих детей. Не знал, что делаю. Потом ис-

пользовал тебя, чтобы удержать станцию. Теперь возвращаю.

Пол загудел.

— Отойди! — крикнула Галина.

— Нет.

— Он расплавит стену!

— Может.

— Вы умрёте!

Александр Александрович смотрел в чёрное стекло за стеной.

— Может.

Эраст встал рядом.

— Что вы делаете?

— Жду его решения.

— Здесь пятьдесят градусов.

— Знаю.

— В вашем возрасте...

Дед посмотрел:

— Биологическом или фактическом?

— В любом.

— Тогда отойди сам.

Эраст остался.

Вера подошла с другой стороны.

Тарас продолжал работать.

Мира держала связь через Роана.

Никто не сказал, что всё будет хорошо.

Просто делали то, ради чего пришли.

Блок с коконами провели через Межу за минуту до следующего выброса.

На московской стороне контейнеры приняли Геннадий, тётя Зина и четверо сотрудников столовой. Рыбу из третьего ящика всё-таки пришлось вынести.

Последней прошла дежурная группа.

Люди выходили в 2026 год в защитных костюмах 1987-го. Один держал коробку с образцами песка. Другой — недоёденную банку тушёнки. Третий спросил:

— А где курить?

Валентина Сергеевна показала на табличку «Курение запрещено».

— Ничего не изменилось, — сказал он.

Галина Марковна осталась.

— Вы идёте, — сказал Александр Александрович.

— Сначала отключим якорь.

— Это моя работа.

— Семнадцать дней была моей.

Они посмотрели друг на друга.

— Вместе, — сказал дед.

Галина кивнула.

Глава 41

Пустыня возвращает своё

Якорь стоял на втором этаже станции.

Внешне он напоминал большой металлический барабан. В центре вращалось чёрное стеклянное кольцо. От него ка-

бели уходили вниз, к телу Ириала.

На панели горело:

СОХРАНИТЬ СТАНЦИЮ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

Ниже:

ПРИКАЗ: КУНИЛИН А. А.

Тарас посмотрел на двух Кунилиных.

— Удобные инициалы.

— Тогда Эраста ещё не было, — сказал дед.

— Теперь есть. Поэтому уточним полное имя.

Эраст приложил пластину.

Появилось:

ПРИКАЗ: КУНИЛИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

— Подтверждено, — сказал он.

Александр Александрович подошёл к панели.

— Отменяю приказ.

Система ответила:

ОТМЕНА ПРИВЕДЁТ К РАЗРУШЕНИЮ СТАНЦИИ

— Люди эвакуированы.

ОТМЕНА ОСВОБОДИТ ОБЪЕКТ ИРИАЛ

— Дети возвращаются.

ПОВЕДЕНИЕ ОБЪЕКТА НЕ ПРЕДСКАЗАНО

Дед положил ладонь на чёрное кольцо.

— Именно.

ПОДТВЕРДИТЕ ПРИНЯТИЕ РИСКА

— Подтверждаю.

Ничего не произошло.

— Почему? — спросила Галина.

Межа появилась на стене:

НЕДОСТАТОЧНО

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ПРИКАЗ ДАН РУКОВОДИТЕ-
ЛЕМ ГРУППЕ

ТРЕБУЕТСЯ СОГЛАСИЕ ГРУППЫ НА ПРЕКРАЩЕ-
НИЕ ЗАДАЧИ

— Люди уже в Москве, — сказал Тарас.

— Откроем связь, — предложила Вера.

Межа показала конференц-зал.

Двенадцать сотрудников станции стояли перед экраном.
Некоторые уже сняли шлемы. Тётя Зина раздавала им чай.

Галина Марковна обратилась к ним:

— «Горизонт», задача по удержанию станции прекраща-
ется. Возражения?

Один мужчина поднял руку:

— Личные вещи остались.

Тарас посмотрел на часы:

— Забрать не успеем.

— Там фотоаппарат.

— Где?

— В шкафчике шестнадцать.

— Ещё?

Женщина сказала:

— Журнал наблюдений.

Другой сотрудник:

— Письма домой.

Галина закрыла глаза.

Нельзя было требовать, чтобы люди за минуту отказались от всего, что составляло семнадцать дней их жизни.

Эраст спросил:

— Сколько времени до разрушения?

Тарас посмотрел на датчик:

— После отключения — около четырёх минут.

— Тогда сначала забираем вещи.

— Эраст, — сказал дед, — нельзя рисковать людьми из-за фотоаппарата.

— Они уже рискнули собой из-за вашей станции.

— Вещи можно заменить.

Вера покачала головой:

— Не все.

Галина Марковна открыла шкаф аварийного снаряжения.

— Разделимся.

Они бегали по станции.

Тарас искал фотоаппарат.

Мира собирала журналы.

Вера сняла со стены фотографии группы.

Эраст выгребал документы из рабочего сейфа.

Александр Александрович стоял у якоря и ждал.

Галина Марковна нашла письма.

Роан носился между этажами и приносил всё, что считал важным: три ботинка, настольную лампу, кастрюлю и высохшее растение в горшке.

— Это не нужно, — сказал Тарас.

— Живое.

Растение выглядело давно умершим.

— Хорошо. Неси.

За две минуты собрали шесть мешков.

Фотоаппарат лежал не в шестнадцатом шкафчике, а в пятнадцатом. Его туда убрали «на минуту».

Тарас нашёл.

— Теперь всё?

Через Межу сотрудники станции переглянулись.

Мужчина с чаем спросил:

— Табличка.

— Какая?

— На входе. С названием группы.

Галина Марковна посмотрела на деда.

Он уже снимал её со стены.

НАБЛЮДАТЕЛЬНАЯ ГРУППА «ГОРИЗОНТ»

— Теперь всё, — сказала она.

Никто не возразил.

Группа подтвердила прекращение задачи.

Александр Александрович положил ладонь на якорь.

— Приказ «сохранить станцию любой ценой» отменяю.

Система спросила:
НОВЫЙ ПРИКАЗ?

Дед посмотрел на чёрное стекло.

— Никакого.

ОБЪЕКТ НЕ МОЖЕТ РАБОТАТЬ БЕЗ ЦЕЛИ

— Тогда прекращает работу.

ПОДТВЕРДИТЕ

— Подтверждаю.

Якорь остановился.

Чёрное кольцо треснуло.

Из него вырвался красный свет и ушёл вниз.

Кабели расплавились.

Станция накренилась.

— Четыре минуты, — сказал Тарас.

Пол провалился через три секунды.

— Приблизительно! — крикнул он.

Они бежали к Меже.

Стены плавилась.

Ириал освобождался.

Чёрное стекло под станцией двигалось вверх. Башня лопалась о его спину. Металл тек. Песок превращался в прозрачные волны.

Галина прыгнула в дверь первой.

Потом Вера.

Мира.

Роан вернулся за горшком с растением.

— Брось!

— Живое!

Тарас схватил его под живот и вместе с горшком протолкнул в переход.

Эраст стоял у двери.

Ждал деда.

Александр Александрович не бежал.

Он остановился у внешнего шлюза.

Ириал поднял голову.

Шесть глаз смотрели на человека.

— Александр Александрович! — крикнул Эраст.

— Иди!

— Вместе!

Дед снял защитный шлем.

Положил на песок.

— Я должен убедиться, что он понял.

— Что именно?

— Что дети возвращены.

Ириал открыл пасть.

Белый огонь загорелся внутри.

Эраст шагнул к деду.

Вера появилась в двери:

— Не решайте за него!

Кунилин остановился.

До разрушения станции оставались секунды.

Александр Александрович опустился на одно колено.

Не покорно.

Чтобы оказаться ниже огромного глаза.

— Твои дети живы, — сказал он. — Мы вернём их туда, куда скажешь. Якоря больше нет.

Ириал смотрел.

— Я ухожу, — продолжил дед. — Если позволишь.

Тишина.

Потом пустынное существо закрыло глаза.

Все шесть.

Огонь погас.

Ириал опустил голову.

Перед человеком образовалась дорога из чёрного стекла.

— Разрешил, — сказал Роан из московской двери.

Александр Александрович поднялся.

Пошёл.

Не побежал.

Эраст дождался.

Они пересекли Межу последними.

Дверь закрылась в тот момент, когда наблюдательная станция рассыпалась по спине Ириала.

В конференц-зале пахло пустыней и тушёнкой.

Двенадцать сотрудников «Горизонта» окружили Галину Марковну. Кто-то смеялся. Кто-то плакал. Мужчина с фотоаппаратом проверял плёнку.

Александр Александрович стоял отдельно.

Эраст подошёл.

— Вы могли погибнуть.

— Мог.

— Это было необходимо?

— Мне — да.

— Почему?

Дед посмотрел на маленькое окно Межи.

За ним Ириал медленно погружался в песок. Рядом лежали двенадцать коконов, возвращённые через отдельный переход. Один уже трескался.

— Потому что раньше я ушёл, не дождавшись ответа.

Эраст кивнул.

— В следующий раз предупреждайте.

— Постараюсь.

— Это не обещание.

— Семейное.

Красная кнопка лежала на столе под стеклянным колпаком.

После отключения пустынного якоря от неё отломился первый чёрный сегмент.

Осталось два.

Межа открыла океанский мир.

На воде шёл шторм.

Гигантское существо, нёсшее на спине город, медленно погружалось. Верхние улицы уже заливало. Люди перебирались к башням.

Сайла появилась в проёме.

— Акакий Кунилин, — сказала она. — Моя мать ждёт.
Отец Эраста встал.
— Я готов.
— Хорошо.
— Сколько у нас времени?
Сайла посмотрела на поднимающуюся воду.
— Тридцать девять лет закончились вчера.

Глава 42

Город, который не хотел на сушу

Межа открылась прямо в шторм.

В конференц-зал хлынула вода.

Тарас успел поднять со стола протокол, но кружки, карандаши и красная кнопка поплыли к краю. Валентина Сергеевна прижала папку к груди и возмущённо сказала:

— Нельзя было предупредить?

Сайла стояла по ту сторону двери по колено в пенящейся воде.

— Предупреждаю: у нас шторм.

— Теперь уже вижу.

Вера схватила красную кнопку. Тарас поймал две кружки из трёх. Третью проглотил проход.

Через секунду из океанского мира донёсся звон.

— Моя, — сказал Тарас. — Хорошая была.

— Вернём, — пообещала Мира.

— Как найдём?

Она посмотрела на бесконечный океан.

— Теоретически.

Акакий Александрович первым подошёл к Меже.

На нём был непромокаемый плащ, выданный институтской службой гражданской обороны. Плащ хранился с 1983 года и пах складом, резиной и надеждой на то, что никогда не понадобится.

— Все не пойдут, — сказал он.

— Почему? — спросил Эраст.

— Болезнь.

Сайла кивнула:

— Люди вашего мира могут заразиться синей водой.

— Вода сама заражает?

— То, что живёт в ней.

Тарас посмотрел на поток, уже добравшийся до ножки стола:

— Можно было раньше.

Сайла удивилась:

— Вы спросили только сейчас.

Валентина Сергеевна забралась на стул.

— Межу закройте!

Дверь уменьшилась до узкого окна. Вода перестала прибывать.

На полу плавали документы.

Роан радостно прыгнул в лужу.

— Море!

— Это линолеум, — сказал Эраст.

Дракон хлопнул крыльями и окатил его с головы до ног.

Кунилин закрыл глаза.

— Временно море.

Защитные костюмы нашли в секторе С.

Шесть комплектов.

Пять взрослых и один детский, оставшийся после испытаний 1987 года.

Роан посмотрел на маленький костюм.

Потом на Веру.

— Нет.

— Без него нельзя.

— Я дракон.

— Ты тоже можешь переносить то, что живёт в воде.

— Не заболею.

— А в наш мир принесёшь.

Роан задумался.

Разрешил надеть на себя костюм.

Застёжка не сходилась на крыльях.

Тарас прорезал две щели и заклеил края старой изоляционной лентой. Хвост пришлось обернуть отдельным рукавом.

Роан осмотрел себя.

— Некрасиво.

— Зато герметично, — сказал Тарас.

— Это не утешает.

Мира получила серебристый костюм. Поверх него пристегнула меч.

— Если порежешь оболочку, защита исчезнет, — предупредил Тарас.

— Значит, не порежу.

— Во время боя?

— Постараюсь резать только других.

— Успокоила.

Вера застегнула шлем Эраста и проверила соединение у воротника.

— Не давит?

— Незначительно.

— Это значит «да»?

— Это значит, что можно терпеть.

Она ослабила ремень.

— Терпеть необязательно.

Кунилин посмотрел на неё через прозрачное стекло.

— Учту.

Александр Александрович остался в институте.

После пустыни он едва держался, хотя старательно делал вид, что изучает красную кнопку.

Галина Марковна поставила рядом с ним стакан воды.

— Сидите.

— Я и так сижу.

— Тогда не вставайте.

— Вы всё ещё руководите группой?

— Пока вы отсутствовали, пришлось научиться.

Дед Эраста хотел возразить.

Передумал.

— Хорошо.

Валентина Сергеевна вручила Тарасу водонепроницаемый пакет.

— Чеки складывать сюда.

— Какие чеки во время наводнения?

— Все.

— А если размокнут?

— Пакет водонепроницаемый.

— Никаких возражений.

Они пересекли Межу.

Сайла закрыла дверь сразу за ними.

Путешественники оказались на крыше каменного дома. Вода доходила почти до карниза. Волны переливались через улицу и падали в переулок широкими водопадами.

Город стоял на спине гигантского существа.

Оно называлось арум.

Из воды выступал широкий панцирь длиной несколько километров. На нём выросли дома, башни, сады и гавани. По бокам арума тянулись плавники, каждый размером с городской квартал.

Сейчас левый плавник почти не двигался.

Панцирь кренился.

Город уходил под воду.

— Почему он тонет? — спросил Эраст.

Сайла указала на центральную башню.

— Якорь заставляет его держать прежний путь.

— Какой?

— К вашему миру. Тридцать девять лет арум плывёт к земле, которой здесь нет.

Акакий Александрович закрыл глаза.

— Я установил направление перехода.

— Моя мать просила найти сушу.

— Я обещал.

— Вы слышали слово, но не спросили, зачем.

— Чтобы спасти людей от воды.

Сайла посмотрела на затопленные улицы.

— Мы живём на воде.

— Ваш город тонул.

— Потому что арум был болен. Нужны были лекарства, не другой мир.

Акакий молчал.

Сайла добавила:

— Мать ждёт в верхней башне.

К башне добирались на лодке.

Она была узкой, с высоким носом и прозрачными плавниками вместо вёсел. Управляла Сайла. Тарас сидел рядом и пытался понять механизм.

— Плавники отклоняют поток?

— Да.

— А поворот?

— Ногами.

— Почему?

— Руками держат сеть.

— Удобно.

— На суше вы ногами только ходите?

— Иногда открываем двери.

Лодку подняло волной.

Тарас схватился за борт.

— Теперь понимаю, почему вы хотели эвакуацию.

Сайла усмехнулась:

— Мы не хотели. Вы предложили.

Мимо проплыла его кружка.

Тарас вытянул руку.

Не достал.

— Вернётся, — сказала Мира.

— Теоретически?

— Теперь почти.

На крышах работали люди.

Они натягивали тросы между зданиями, переправляли детей, поднимали запасы выше. Никто не ждал спасителей. Никто даже не особенно смотрел на пришельцев.

У одной башни лодку остановила женщина с зелёной кожей.

Она держала младенца и мешок.

— Северная улица ушла, — сказала она. — Внизу оста-

лись трое.

Сайла изменила курс.

— Башня в другую сторону, — напомнил Акакий.

— Сначала трое.

— Арум погружается.

— Поэтому сначала трое.

Они прошли между крышами.

На северной улице вода уже достигала черепицы. Из слухового окна выглядывал старик. На соседней крыше сидели два подростка.

Тарас закрепил верёвку.

Мира перебралась первой.

Защитный костюм скользил. Она дошла до середины, когда волна ударила в дом.

Трос провис.

Тарас обмотал конец вокруг себя.

— Держу!

Мира качнулась над водой.

Резко выпрямилась.

Добралась до крыши.

Одного подростка привязала к себе, второму дала дополнительную петлю. Старик отказался идти.

— Дом бросать не буду!

— Он уже почти под водой! — крикнул Тарас.

— Мой!

Эраст стоял в лодке.

— Вы хотите остаться и утонуть?

— Не ваше дело!

— Верно. Но мы обязаны уточнить.

Старик посмотрел на воду.

Потом на слуховое окно.

— Я строил.

— Знаю.

— Откуда?

— Иначе не держались бы.

Старик провёл ладонью по мокрой черепице.

— Можно дверь забрать?

— Какую?

— Синюю. Жена красила.

Тарас посмотрел на Веру.

Она уже надевала страховочную петлю.

— Я сниму.

— Времени нет, — сказал Акакий.

Вера повернулась к нему:

— Вы снова хотите спасти человека, не спросив, что для него нужно.

Он замолчал.

Потом взял инструмент у Тараса.

— Как крепится?

— Четыре петли. Начинайте с нижней.

Они сняли дверь.

Старик пересёк трос, прижимая синюю створку к груди.

Дом ушёл под воду через минуту.
До центральной башни добрались позже.
Мать Сайлы ждала в верхней комнате.
Её звали Аруна.

Она сидела у окна, укрытая тёплым плащом. Волосы были белыми, кожа — тёмно-зелёной. На столе лежал металлический предмет.

Советский геологический молоток.
Акакий Александрович остановился в дверях.
Аруна посмотрела на него.
— Не постарел.
— Для меня прошло меньше дня.
— Для меня — тридцать девять лет.
— Знаю.
— Нет.

Она поднялась.
Подошла.
Была ниже Акакия на голову.
Ударила его.
Не по лицу.
Молотком по груди защитного костюма.
Несильно, но звонко.
— Теперь знаешь немного больше.
Тарас тихо сказал Эрасту:
— Семейные встречи у вас проходят однообразно.
Аруна услышала:

— Ты кто?

— Тарас Ананиевич.

— Тебя ударить?

— Пока не за что.

— Найдётся.

Акакий рассказал всё.

Об аварии.

О замершей лаборатории.

О тридцати девяти годах, которые для него не прошли.

Аруна слушала.

Не перебивала.

Когда он закончил, спросила:

— Почему не отправил другого?

— Я обещал сам.

— Мы ждали помощь, не твоё лицо.

— Знаю.

— Теперь знаешь.

Она положила молоток на стол.

— Арум умирает. Якорь не даёт ему изменить путь. Левый плавник поражён синей водой. Нужно опуститься к нижнему нерву и отделить мёртвую ткань. Тогда он сможет повернуть к тёплым течениям.

— Почему не сделали?

— Якорь воспринимает поворот как отказ от эвакуации и блокирует движение.

— Значит, сначала отключить якорь.

— Тогда арум нырнёт. Город уйдёт под воду раньше, чем мы вырежем поражённое место.

— Лечить при включённом якорё.

— Он не позволит.

Эраст спросил:

— Можно временно изменить обещание?

Аруна посмотрела на него:

— Ты сын?

— Да.

— Похож. Тоже считает, что слова можно починить.

Вера ответила:

— Иногда можно. Если обе стороны ещё хотят договориться.

Аруна долго смотрела на неё.

— А ты кто?

— Вера.

— Жена?

Эраст и Вера одновременно сказали:

— Нет.

На пластине под костюмом вспыхнуло:

ЛИЧНАЯ СВЯЗЬ ПОДТВЕРЖДЕНА

Тарас отвернулся к окну.

Плечи у него дрожали.

— Что смешного? — спросила Мира.

— Ничего.

— Тогда почему...

— Потом.

Аруна кивнула:

— Понятно. Не жена.

Новый договор составляли втроём.

Акакий формулировал обещание.

Аруна исправляла смысл.

Эраст убирал двусмысленности.

Получилось:

Люди исходного мира помогают вылечить арума.

Город сам решает, куда плыть после лечения.

Эвакуация возможна только для желающих.

Возврат в город остаётся открытым до завершения перехода.

Межа прочитала.

СОГЛАСИЕ СТОРОНЫ ИСХОДНОГО МИРА?

— Подтверждаю, — сказал Акакий.

СОГЛАСИЕ ГОРОДА?

Аруна покачала головой:

— Я не город.

На площади центральной башни ударили в большой водяной колокол.

Звук разошёлся по панцирю арума.

Люди высунулись из окон, поднялись на крыши.

Сайла объяснила условия.

Голосование проходило раковинами. Белую бросали за лечение и самостоятельный путь. Чёрную — за прежнее обещание эвакуации.

Через десять минут перед башней лежала гора белых раковин.

Но чёрных тоже было много.

— Не все хотят оставаться, — сказал Тарас.

— И не должны, — ответила Вера.

Межа вывела:

СОГЛАСИЕ НА ЛЕЧЕНИЕ ПРИНЯТО

ПРАВО ЭВАКУАЦИИ СОХРАНЕНО

Якорь в глубине города изменил цвет.

С чёрного на синий.

Арум впервые за тридцать девять лет повернул голову.

Весь город накренился.

С крыш закричали.

Синяя дверь старика, привязанная к лодке, сорвалась и поплыла по улице.

А за ней, покачиваясь на волне, вернулась кружка Тараса.

— Я говорил, — сказала Мира. — Почти.

Глава 43

Операция на живом острове

К нижнему нерву арума вела шахта.

Она проходила сквозь панцирь.

Стены были живыми — тёплыми, влажными, медленно сокращавшимися. По ним тянулись светящиеся синие сосуды. В каждом двигалась вода.

Тарас осмотрел вход:

— Я думал, внутрь дракона лезть странно.

— Это не дракон, — сказал Роан.

— Здесь все это говорят.

Вниз отправились Акакий, Аруна, Сайла, Тарас, Мира и Роан.

Эраст с Верой остались наверху управлять Межею и эвакуационным проходом.

— Почему мы? — спросила Вера.

— Потому что якорь связан с обещанием моего отца. Я не являюсь стороной.

— А я?

— Вы хранитель Межи.

— Убедительный служебный ответ.

Эраст понял.

— И я боюсь, что ваш костюм повреждён.

Она посмотрела на правый рукав.

У локтя действительно виднелась маленькая царапина, полученная при снятии синей двери.

— Теперь убедительнее.

— Поэтому останетесь?

— Да. Но не потому, что вы решили.

— Разумеется.

Вера улыбнулась:

— Учитесь.

Операция началась под водой.

На глубине шахта раскрывалась в огромную внутреннюю полость. В ней бился нервный узел величиной с дом. Половина была золотой. Вторая почернела и покрылась синими наростами.

В центре наростов находился якорь.

Металлический круг, который Акакий установил тридцать девять лет назад. От него отходили стержни, вонзённые в живую ткань.

— Надо снять их все, — сказала Аруна.

— Одновременно? — спросил Тарас.

— Почти.

— Сколько?

— Двенадцать.

— Людей шесть.

Роан поднял лапу:

— Дракон.

— Семь.

Мира вытащила меч:

— Я могу рассечь два.

— Нельзя, — ответила Аруна. — Если обломок останется внутри, заражение вернётся.

Тарас подплыл к ближайшему стержню.

На нём была резьба.

— Выкручивать.

— Под водой? — спросила Мира.

— Резьба не знает, где вода.

— А руки знают.

— Поэтому быстро.

Они распределились.

Акакий и Аруна взяли по одному.

Сайла — два.

Мира — два.

Тарас — три.

Роану достался один, самый тонкий.

Оставалось два.

— Эраст! — вызвал Тарас по связи.

Ответ пришёл через Межу, открывшую маленькое окно
внутри шахты:

— Слышу.

— Нужны ещё руки.

— Пройти не можем. Костюмов нет.

Вера посмотрела на окно:

— А руки могут?

— Что?

Она просунула в Межу обе ладони.

Они появились под водой.

Защитная плёнка двери обтекла кожу, не пропуская си-
нюю жидкость.

— Один стержень достану.

Эраст встал рядом:

— Второй мой.

— Без костюма...

— Через ту же дверь.

Он просунул руки следом.

Тарас увидел четыре ладони, торчащие из прямоугольного окна в живой стене.

— Выглядит странно.

— Работай, — сказал Эраст.

Стержни выкручивались тяжело.

Каждый оборот причинял аруму боль.

Город наверху содрогался. Волны накрывали крыши. Люди держались за тросы.

Аруна считала:

— Раз. Ещё. Два. Ещё.

Роан зажал свой стержень зубами и вращался вокруг него всем телом.

— Не глотай! — крикнула Вера через окно.

Он попытался ответить.

Выпустил пузыри.

Тарас работал инструментом. Три стержня одновременно были связаны общей планкой. Он поворачивал один, потом второй, потом третий, не позволяя ни одному уйти глубже.

Мира держала меч между коленями и выкручивала руками.

Один стержень сорвался.

Она поймала.

Край порезал перчатку.

— Повреждение! — крикнул Тарас.

— Неглубоко.

— Костюм?

— Цел.

— Тогда потом.

— Я и не просила останавливаться.

Аруна считала.

— Последний оборот! Все вместе!

Они повернули.

Двенадцать стержней вышли из ткани.

Якорь погас.

Арум закричал.

Звук прошёл через океан. Вода отступила от его спины широкой волной. Город на секунду поднялся над морем.

Потом огромное существо нырнуло.

Эраст и Вера стояли у Межи.

Вода накрыла башню.

Окно почернело.

Связь исчезла.

— Тарас! — крикнул Эраст.

Нет ответа.

— Папа!

Тишина.

Город уходил под воду.

Вера держала Межу обеими руками.

— Они живы.

— Откуда знаете?

— Не знаю.

— Тогда...

Она посмотрела на него:

— Просто знаю. Иногда вы тоже так говорите.

— Я стараюсь обосновывать.

— Потом обоснуете.

Уровень воды поднялся выше окон.

Крыши исчезли.

Люди, оставшиеся в городе, закрыли водяные створки. Те, кто выбрал эвакуацию, проходили через Межу в подготовленный зал сектора С. На каждого надевали прозрачную оболочку, защищавшую исходный мир от синей воды.

Эраст считал.

Восемьдесят семь.

Сто двенадцать.

Сто пятьдесят.

Список желающих закончился на ста девяноста трёх.

— Все, — сказала Сайла по резервной связи.

— А группа из шахты?

— Нет.

Эраст посмотрел в тёмную воду.

— Открывайте проход ниже.

— Межа не видит координаты.

— Тогда по якорю.

— Он отключён.

Кунилин сжал кулаки.

Вера положила руку ему на плечо.

— Не решайте из страха.

— Они там.

— Знаю.

— Я могу восстановить якорь.

— И снова лишит арума выбора.

— Временно.

— Именно так начинал ваш отец.

Эраст закрыл глаза.

Вода давила на город.

Секунды шли.

— Что предлагаете?

Вера коснулась Межи.

— Спросить другую сторону.

— Кого?

Она положила ладонь на панцирь арума.

— Его.

Гигантское существо услышало.

Межа открылась не как дверь.

Стала тонкой золотой линией, прошедшей по всему панцирю.

Вера увидела память арума.

Тёплое течение.

Город, который появился на его спине много поколений назад.

Детей, впервые прыгавших с плавников в воду.

Боль в левом боку.

Металлические стержни.

Тридцать девять лет пути к земле, которой нет.

И маленьких существ внутри собственной плоти.

Людей, освобождавших нерв.

— Они там, — сказала Вера. — Он чувствует.

— Может подняться? — спросил Эраст.

Арум ответил движением.

Глубоко под водой расправил здоровый плавник.

Повернул.

Левый плавник впервые дрогнул.

Город начал подниматься.

Вода отступила с крыш.

Башни появились над волнами.

Потом улицы.

Окна.

Центральная площадь.

На ней лежали шестеро людей и один дракон.

Роан первым поднял голову.

— Получилось.

Тарас сел.

— Ты съел стержень?

— Нет.

— Где твой?

Дракон показал на живот.

— Роан!

— Маленький.

Вера закрыла лицо ладонью.

Мира лежала рядом с Тарасом. Он взял её за руку.

— Жива?

— Да.

— Костюм?

— Порван.

— Где?

— На пальце.

— Это не костюм.

— Тогда всё цело.

Акакий Александрович помог Аруне подняться.

Она долго смотрела на него.

— Обещание выполнено.

— Нет. Только изменено.

— Это лучше.

— Ты меня простишь?

— Не сегодня.

— Понимаю.

— Не понимаешь. Но можешь остаться и попробовать.

Он посмотрел на неё.

— Остаться?

— На несколько дней. Нам нужно проверить, как работает

плавник.

— Я...

Акакий оглянулся на Эраста.

Сын стоял у Межи.

Ждал.

Не звал.

Не решал.

— Если ты не против, — сказал отец.

— Почему я должен быть против?

— Я только вернулся.

— Именно. Теперь можете выбирать, куда идти.

Акакий улыбнулся.

— Я вернусь.

— Знаю.

Город взял курс на тёплые течения.

Желающие эвакуироваться остались в исходном мире — временно, пока не решат, где жить дальше. Некоторые уже хотели вернуться. Межа открывала проход по одному человеку, спрашивая обе стороны.

Второй якорь погас.

От красной кнопки отломился ещё один чёрный сегмент.

Остался последний.

Долина зеркал.

Перед уходом Сайла вернула Тарасу кружку.

Ручка была отбита, на боку появилась царапина.

— Нашли в сети.

Он прижал её к груди:

— Живая.

— Это кружка, — сказала Мира.

— Ты не понимаешь.

— Понимаю.

Она достала из кармана металлическое кольцо.

Ручку кружки.

— Отломилась раньше. Я сохранила.

Тарас посмотрел на неё.

— Зачем?

— Исторический документ.

Он рассмеялся.

Обнял её.

— Починим.

Вера стояла рядом с Эрастом.

— Все вещи нужно восстанавливать? — спросила она.

— Нет.

— А эту?

— Обязательно.

— Почему?

Эраст посмотрел на Тараса и Миру.

— Некоторые повреждения не означают, что вещь стала хуже.

Вера улыбнулась:

— Вы сейчас о кружке?

— В том числе.

Межа открыла последнюю дверь.

За ней лежала долина под разбитым зеркальным небом.

На пороге стоял мужчина в пиджаке Эраста.

Его сохранённый вариант.

Он посмотрел на Кунилина.

— Наконец-то.

— Вы дали обещание от моего имени.

— От нашего.

— Мы не один человек.

Двойник улыбнулся:

— Тогда кому из нас останется лицо?

Глава 44

Человек, который мог бы им стать

Двойник был одет лучше Эраста.

Пиджак сидел безупречно. Рубашка оставалась белой, несмотря на путешествия между мирами. На ботинках не было ни следов песка, ни океанской соли, ни зелёной крови.

Особенно раздражало отсутствие порванного рукава.

— Вы украли мои документы, — сказал Эраст.

Двойник поправил очки.

— Забрал.

— Без разрешения.

— Они понадобились мне, чтобы войти в Орбис-девять.

— Вы оставили запись, запрещающую отдавать пластину мне.

— И оказался прав. Ключ выбрал Веру.

— Откуда вы знали?

— Я — один из вариантов, которые система рассчитала лучше остальных.

Тарас посмотрел на его чистую одежду:

— Тот, который не полез в воду?

— Тот, который не тратил время на случайных людей.

Улыбка Тюлькина исчезла.

— Лин был не случайным.

— Для основной задачи — случайным. Как и жители Ладена. Дежурная группа. Город на аруме. Вы отклонились от оптимального маршрута двадцать восемь раз.

— Зато пришли.

— Позже, чем могли.

Мира положила руку на чехол с мечом.

Двойник заметил.

— В исходном варианте вы погибаете через четыре дня.

— Ты тоже это уже говорил, — ответил Тарас.

— Не я.

— Голос похож.

Долина за двойником была бесцветной.

Не серой — именно лишённой цвета.

Камни, трава и далёкие холмы выглядели так, будто их нарисовали карандашом. Над ними висели гигантские осколки зеркала. Каждый отражал другое небо.

В одном был день.

В другом ночь.

В третьем — потолок института.

В четвёртом отражались путешественники, хотя стояли к нему спиной.

Тарас поднял руку.

Его отражение не повторило движение.

Вместо этого поправило галстук.

— У меня нет галстука, — сказал он.

— У него есть, — ответил двойник Эраста.

Отражённый Тарас вышел из зеркала.

Он был гладко выбрит, причёсан и одет в тёмный деловой костюм. На правой руке блестело обручальное кольцо.

— Не похож, — сказала Мира.

— Это вариант, в котором он не развёлся, — пояснил двойник.

Отражённый Тарас посмотрел на оригинал:

— Лена дома. Кот тоже. У тебя нормальная работа, отпуск дважды в год и никаких ран.

— Скучно?

— Спокойно.

— Это не одно и то же.

— Ты называешь скукой всё, откуда не нужно убегать.

Тарас замолчал.

Из второго зеркала вышла другая Мира.

На ней была золотая корона Совета Корон. Разомкнутый знак под ключицей превратился в замкнутый круг.

— Мать жива, — сказала она. — Совет оправдал нас об-
их. Война закончена.

— Как? — спросила настоящая Мира.

— Драконы приняли договор.

— Добровольно?

— Большинство.

— А остальные?

Отражение не ответило.

Из третьего осколка вышла Вера.

В свадебном платье.

Без пальто.

Без ботинок.

В туфлях с тонкими каблуками и кольцом на пальце.

— Денис оказался не единственной копией, — сказала
она. — Его создали из человека. Настоящий Денис жил в Бе-
лом городе. Я нашла его.

Вера смотрела на неё.

— И он такой, каким ты его помнишь?

— Да.

— Знает, какой чай я люблю?

— Да.

— Почему?

— Ему вернули память копии.

— Значит, он получил чужие воспоминания.

— Они стали его.

Вера отвернулась.

Последнее зеркало ждало Эраста.

Из него никто не вышел.

Кунилин посмотрел на двойника.

— Вы и есть мой вариант.

— Да.

— Как вас называть?

— Эрастом.

— Это моё имя.

— Наше.

— Нет.

— У меня твои воспоминания. Твой голос. Твой профиль.

Я помню отца, мать, школьный коридор и разговор о машине. Я принял решения, которые мог принять ты.

— Но не принимал.

— Разница только в последовательности.

— Этого достаточно.

Двойник улыбнулся:

— Поэтому одному из нас придётся остаться.

Межа закрылась за путешественниками.

Не по своей воле.

Все зеркала одновременно повернулись к двери, и та стала отражением самой себя. Вера попыталась вызвать переход.

На поверхности появилось:

СТОРОНА НЕ ОПРЕДЕЛЕНА

— Мы определены, — сказала она.

В ДОЛИНЕ НЕТ СТОРОН

ТОЛЬКО ОТРАЖЕНИЯ

— Значит, выйти нельзя? — спросил Тарас.

Двойник Эраста ответил:

— Пока якорь активен.

— Где он?

— В зеркальном небе.

— Конкретнее.

— Во всех осколках.

Мира достала меч.

— Разобьём.

— Тогда исчезнут жители долины.

— Какие жители?

От камней отделились фигуры.

Сначала десятки.

Потом сотни.

У них не было собственных лиц. Вместо голов — зеркальные овалы, отражавшие тех, кто стоял напротив.

Они окружили путешественников.

Один подошёл к Тарасу и получил его лицо.

Второй — лицо Миры.

Третий стал Верой.

Вокруг Эраста появились десятки Кунилиных.

— Они живут только отражениями? — спросила Вера.

— Да, — сказал двойник. — Когда-то Предшественники использовали этот мир как хранилище невыбранных лично-

стей. Каждый житель получил возможность отражать, но не выбирать собственный облик.

— Вы обещали вернуть им лица.

— Да.

— Каким способом?

Двойник посмотрел на Эраста:

— Отделить варианты от оригиналов.

Тарас понял первым:

— То есть оставить наши отражения здесь?

— Не только ваши. Через якорь можно вернуть все сохранённые личности.

— А что станет с оригиналами?

— Они перестанут содержать невыбранные возможности.

— По-русски.

— Каждый человек станет только тем, кем является сейчас. Без способности измениться в то, чем ещё не был.

Мира подняла меч:

— Нет.

— Жители долины получают миллиарды лиц.

— Чужих.

— У вас их слишком много. У них ни одного.

— Лицо нельзя выдать по распределению, — сказал Эраст.

— Поэтому я ждал тебя. Для запуска нужно согласие исходного профиля.

— Не получите.

— Ты ещё не видел цену отказа.

Зеркальный Тарас подошёл к настоящему.

— Ты думаешь, что выбрал приключение. На самом деле боишься вернуться домой и признать: после развода не построил ничего нового.

Тарас усмехнулся:

— Вот сразу видно, что ты давно из зеркала не выходил.

— Почему?

— После развода я починил балкон, вырастил помидоры и научился готовить плов.

— Это не новая жизнь.

— Лене плов не нравился.

Отражение замолчало.

— А потом встретил её, — Тарас кивнул на Миру. — И впервые не стал заранее придумывать, чем всё закончится.

— Она уйдёт в свой мир.

— Может.

— Ты останешься один.

— Возможно.

— Тогда зачем?

Тарас посмотрел на Миру.

— Чтобы то, что есть сейчас, не отменять будущим одиночеством.

Отражённый Тарас побледнел.

Галстук исчез.

Кольцо на пальце треснуло.

Он снова стал зеркальной фигурой без лица.

Мира подошла и протянула ему руку.

Существо коснулось.

На гладкой поверхности появилось новое лицо.

Не Тараса.

Молодое, незнакомое, с широким носом и серыми глазами.

Отражение отдёрнуло руку.

Коснулось собственного лица.

— Он выбрал? — спросил Тарас.

— Попробовал, — ответила Мира.

К настоящей Мире приблизилась женщина в короне.

— Ты можешь вернуть мать домой.

— Она сама выбрала остаться у Сердца до завершения разделения.

— Потому что ты ушла.

— Потому что работа не закончена.

— Ты всегда оправдываешь её отсутствие долгом.

Мира вздрогнула.

Отражение продолжило:

— Если наденешь корону, прикажешь ей вернуться.

— Не прикажу.

— Тогда снова потеряешь.

— Возможно.

— Тарас не пойдёт с тобой.

Мира посмотрела на него.

Он стоял в нескольких шагах.

Не вмешивался.

— Это его решение.

— А твоё?

Она медленно сняла чехол с меча.

Положила оружие на землю.

— Я вернусь к матери.

Тарас опустил глаза.

— А потом, если захочу, найду дверь к нему.

— А если он не станет ждать?

Мира улыбнулась:

— Тогда не буду делать из него пленника.

Корона на отражении раскололась.

Золотая одежда осыпалась.

Под ней стояла зеркальная женщина без лица.

Она коснулась лежащего меча.

На гладком овале появились тонкие черты.

Собственные.

Вера долго смотрела на себя в свадебном платье.

— Ты счастлива? — спросила она.

— Да.

— Почему?

— Меня любят.

— Это не ответ.

— Денис рядом. Мы живём у моря. Я больше не просыпаюсь одна.

— Ты всё ещё реставрируешь мебель?

Отражение замешкалось.

— Иногда.

— Что сейчас на столе?

— Не помню.

— Какая трещина была в последней шкатулке?

— Это неважно.

— Для меня важно.

Вера подошла ближе.

— Ты не я. Не потому, что вышла замуж. И не потому, что осталась с Денисом. Ты перестала смотреть.

Отражение нахмурилось:

— Зато не боюсь.

— Я тоже меньше.

— Благодаря Эрасту?

Вера посмотрела на Кунилина.

Он стоял среди собственных двойников.

— Благодаря себе. А он рядом.

— Надолго?

— Не знаю.

— Почему тогда не спросишь?

— Потому что сначала хочу услышать ответ, который он выберет сам.

Отражённая Вера сняла кольцо.

Свадебное платье стало обычной белой тканью.

Лицо исчезло.

Вера протянула ей остаток своего платья.

— Выбери, что с ним сделать.

Зеркальная фигура взяла ткань.

Рассмотрела.

Провела пальцами по разрезанному подолу и золотым пятнам драконьей крови.

Потом оторвала небольшую полосу и повязала на голову.

Появилось лицо.

Рыжее, веснушчатое, совсем не похожее на Веру.

— Красиво, — сказала новая женщина.

Первое слово, произнесённое собственным голосом.

Глава 45

Лица, которых никто не выдавал

Жители долины начали касаться вещей.

Камней.

Травы.

Одежды путешественников.

Не копируя людей, а выбирая то, что им нравилось.

Одно существо взяло Тарасову кружку без ручки.

Его лицо стало круглым, тёмным, с весёлым прищуром.

— Почему от кружки? — спросил Тюлькин.

— Пережила океан, — ответило оно. — Хочу так же.

Другой житель коснулся обожжённого хвоста Роана и получил золотые глаза.

Третий выбрал металлическую пряжку на плаще Миры.

Четвёртый — шов на пиджаке Эраста, который сделала

Вера.

Никто не брал идеальные вещи.

Только повреждённые, сохранённые и важные.

— Им нужны не наши лица, — сказала Вера. — Им нужны истории.

Двойник Эраста смотрел на долину.

— Раньше они не могли выбирать.

— Потому что якорь предлагал только отражения, — ответил Кунилин.

— Я обещал вернуть им лица.

— Тогда измените способ исполнения.

— Якорь держится на буквальном обещании.

— Значит, признайте его неправильным.

Двойник повернулся:

— Тогда перестану быть Эрастом.

— Вы им никогда не были.

— У меня больше ваших воспоминаний, чем у вас.

— Возможно.

— Я помню все жизни, от которых вы отказались.

— Это ваши воспоминания.

— Они созданы из вас.

— Но теперь принадлежат вам.

Двойник молчал.

Эраст протянул руку:

— Выберите имя.

— Нестор уже выбрал.

— Имен много.

— Какое предлагаете?

— Никакого.

Двойник усмехнулся:

— Всё такой же.

— Мы уже установили, что не всё.

Над долиной висели тысячи зеркал.

В каждом двойник видел другое лицо.

Учёного.

Правителя.

Мужа.

Отца.

Старика.

Погибшего.

Не родившегося.

Ему предстояло отказаться не от чужого имени.

От уверенности, что среди вариантов обязательно существует идеальный.

— В одном мире, — сказал он, — вы прожили до девяноста двух лет.

— Хорошо.

— У вас был дом.

— Возможно.

— Вера оставалась рядом.

Кунилин посмотрел на неё.

— Рад за того человека.

— Вы не хотите узнать, как этого достичь?

— Нет.

— Лжёте.

— Хочу.

Эраст снял очки.

— Но если начну повторять его решения только ради результата, это будет уже не моя жизнь.

Двойник приблизился.

Теперь их разделял один шаг.

— А если выберете неправильно?

— Выберу следующее.

— Вы можете потерять её.

— Да.

— И всё равно не хотите знать?

Эраст долго молчал.

— Вера.

Она подошла.

— Да?

— Я не знаю, в каком мире вы останетесь. Не знаю, как скоро откроются постоянные переходы. Не знаю, чем закончится работа с Межой и что ещё появится из шкафа.

Тарас шепнул Мире:

— Сейчас будет предложение.

— Молчи.

Эраст продолжил:

— Но я хочу, чтобы вы были рядом. Не как связанная сто-

рона, хранитель или представитель по доверенности.

Вера смотрела на него.

— А как?

— Как человек, с которым я хочу прожить то, что не рассчитано.

Двойник чуть улыбнулся:

— Формулировка слабая.

Эраст не обернулся.

— Зато моя.

Вера взяла его за руку.

— Согласна.

— На что именно?

— На нерассчитанное.

— Это недостаточно определённо.

— Привыкайте.

Она поцеловала его.

Зеркала над долиной вспыхнули.

В одном они были моложе.

В другом старше.

В третьем стояли спиной друг к другу.

В четвёртом держались за руки.

В пятом Эраст был один.

В шестом одна оставалась Вера.

Ни одно отражение не стало главным.

Двойник закрыл глаза.

Когда открыл, лицо изменилось.

Он всё ещё был похож на Эраста, но теперь волосы стали темнее, подбородок резче, а глаза — серыми.

— Кир, — сказал он.

— Почему? — спросил Тарас.

— Коротко.

Эраст кивнул:

— Подходит.

— Я не спрашивал одобрения.

— Тем более.

Кир подошёл к центру долины.

Там стоял высокий зеркальный столб.

Внутри него вращался последний якорь.

На поверхности горело:

ВЕРНУТЬ ЛИЦА

ПРИКАЗ: КУНИЛИН ЭРАСТ АКАКИЕВИЧ

Кир положил ладонь.

— Уточняю обязательство.

ИЗМЕНЕНИЕ ТРЕБУЕТ СОГЛАСИЯ ИСХОДНОГО
ПРОФИЛЯ

Нестор появился в маленькой двери Межи.

— Согласен, если жители согласны.

Зеркальный столб ответил:

НЕВОЗМОЖНО ОПРОСИТЬ ВСЕХ

ЛИЧНОСТИ НЕ УСТАНОВЛЕННЫ

— Тогда каждый решает за себя, — сказал Эраст.

— А кто не решил — продолжает отражать, — добавила Вера.

— Пока не выберет, — сказала Мира.

Тарас поднял кружку:

— Вещи можем дать на время. Но эту верните.

Житель с её лицом кивнул:

— Уже выбрал.

И протянул кружку обратно.

Столб дрогнул.

НОВОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО:

ПРЕДОСТАВИТЬ КАЖДОМУ ПРАВО ВЫБРАТЬ СОБСТВЕННОЕ ЛИЦО

ИЛИ СОХРАНИТЬ ОТРАЖЕНИЕ

— Подтверждаю, — сказал Кир.

— Подтверждаю, — повторил Нестор.

Эраст сказал последним:

— Свидетельствую. Решение не требует моего согласия.

Система долго не отвечала.

Потом появилась строка:

ОТСУТСТВИЕ ПРЕТЕНЗИЙ ПРИНЯТО

Якорь остановился.

Зеркальный столб раскололся.

Осколки не упали.

Они поднялись в небо.

Тысячи зеркал повернулись отражающей стороной наружу. В них больше не было чужих вариантов.

Каждый осколок показывал самого жителя долины.

Кто уже выбрал лицо — видел его.

Кто не выбрал — оставался гладким и серебряным.

Никто не торопил.

Кир стоял среди них.

Его одежда тоже изменилась. Исчез безупречный пиджак. Осталась простая тёмная куртка.

Рукав был порван.

Вера посмотрела:

— Починить?

Кир изучил разрыв.

— Пока нет.

— Почему?

— Хочу запомнить, где началось моё.

Последний чёрный сегмент отпал от красной кнопки.

Оружие Тараса погасло.

На корпусе появилась надпись:

МЕХАНИЗМ АННУЛИРОВАНИЯ НЕАКТИВЕН

ПЕРВЫЙ ПРИКАЗ НЕ ИМЕЕТ ОПОР

— Всё? — спросил Тарас.

Межа ответила:

ЯКОРЯ ЗАВЕРШЕНЫ

— Морайн?

НЕ ОБНАРУЖЕН

— Это не то же самое, что уничтожен.

ДА

Тарас вздохнул:

— Учится у Эраста.

Кир решил остаться в долине.

— Здесь нужны люди, которые помнят чужие варианты,
но не выдают их за судьбу.

— Люди? — спросил Эраст.

— Пока считаю себя человеком.

— Разумно.

— Не просил оценки.

— Это не оценка. Наблюдение.

Кир улыбнулся:

— Теперь понимаю, почему Тарас тебя терпит.

Они пожали руки.

В первый раз прикоснулись.

Эраст почувствовал не чужую память.

Тёплую ладонь.

Отдельного человека.

— Если понадобятся документы, — сказал он, — паспорт
у вас недействителен.

— Сделаю свой.

— Как?

Кир посмотрел на зеркальное небо:

— Начну с фотографии.

Перед возвращением житель с круглым лицом починил кружку Тараса.

Он не стал приваривать старую ручку. Сделал новую — прозрачную, из зеркального материала.

— Теперь видно чай, — объяснил он.

Тарас поднял кружку к свету.

— Хорошо.

Мира достала металлическое кольцо старой ручки.

— А это?

— Сохраним.

— Зачем?

— Исторический документ.

Они рассмеялись.

Роан попробовал укусить зеркальную ручку.

Получил по носу.

— Моё, — сказал Тарас.

Дракон обиделся.

— Жадный.

— У тебя есть хвост.

— Горелый.

— Зато отрастает.

Межа открыла дорогу в институт.

На той стороне ждали Валентина Сергеевна, Александр Александрович и Галина Марковна.

Акакия не было.

Он остался в океанском мире.

— Вернётся завтра, — сказал дед.

— По какому времени? — спросил Эраст.

— Не уточнил.

— Семейное.

Красная кнопка лежала под стеклянным колпаком.

Она была чистой.

Никаких чёрных пятен.

Тарас поставил рядом оружие.

— Теперь разобрать можно?

— Можно, — ответил Александр Александрович.

— Точно?

— Вероятность активации нулевая.

Эраст нахмурился:

— Нулевых вероятностей не бывает.

В этот момент коза спрыгнула с подоконника.

Подошла к столу.

Боднула стеклянный колпак.

Он упал.

Красная кнопка покатилась по полу.

Роан бросился за ней.

— Не трогай! — крикнули все.

Дракон накрыл кнопку лапой.

Та щёлкнула.

Мир не исчез.

Ничего не взорвалось.

Только на стене включился экран.

На нём появилось сообщение:

АННУЛИРОВАНИЕ НЕВОЗМОЖНО

ОТСУТСТВУЕТ ОБЪЕКТ ОТМЕНЫ

Тарас поднял кнопку.

— Всё-таки получилось.

Из динамика донёсся голос Морайна:

— Нет.

Все замерли.

Экран погас.

Потом включился снова.

На нём появилась прямая трансляция из кабинета директора.

Сергей Петрович из государственного ведомства стоял перед Межой. В руках он держал подписанный документ.

— В связи с угрозой национальной безопасности, — читал он, — управление переходами временно передаётся единому чрезвычайному центру.

Межа была закрыта.

На её поверхности горело:

СОГЛАСИЕ ПОЛУЧЕНО

Валентина Сергеевна побледнела:

— Кто подписал от второй стороны?

Камера повернулась.

Рядом с Сергеем Петровичем стоял директор Белобрысов.

— Я действовал в интересах института, — сказал он.
За его спиной появилась гладкая серебряная фигура.
Без лица.

Морайн положил руки на плечи обоим.

— Вы уничтожили якоря, — произнёс он. — Благодарю.
Теперь мне достаточно одного добровольного договора.

Межа открылась.

Не в семь миров.

Во все сразу.

Глава сорок шестая

Договор, который никто не читал

Когда Межа открылась сразу во все миры, первым в конференц-зал вошёл козёл.

Он появился из двери, за которой ещё секунду назад была стена с портретом академика, пересёк комнату уверенной походкой существа, давно переставшего сомневаться в законности своих действий, и принялся жевать уголок чрезвычайного договора.

— Вот, — сказал Тарас Ананиевич. — Первый независимый эксперт уже приступил к правовой оценке.

Директор Белобрысов попытался выдернуть документ из козлиной пасти.

Козёл документ не отдал.

Сергей Петрович побледнел. Он всё ещё держал ручку, которой поставил подпись, и смотрел не на козла, а на рас-

пахнувшие проёмы.

За одним лежала площадь Орбиса-9, залитая белым электрическим светом. По ней бежали люди, а над крышами разворачивались оборонительные башни.

За другим бушевало ночное море. Огромная спина арума поднималась между волн, неся на себе город. Вдали били молнии.

Третья дверь вела в Ладен. Там звонили колокола, на крепостных стенах зажигались сигнальные огни, а над башнями кружил Орс.

За четвёртой лежала заснеженная дорога тысяча шестьсот восемьдесят четвёртого года. По ней скакали всадники князя Северина, и один из них, увидев электрическую лампу под потолком конференц-зала, перекрестился с таким усердием, что чуть не выпал из седла.

Пятая открывалась в зеркальную долину. Жители с недавно обрётёнными лицами стояли у края серебристого поля. Среди них был Кир — двойник Эраста Акакиевича, выбравший себе собственное имя и чужую, но уже полюбившуюся жизнь.

Шестая дверь показывала красную пустыню. Над покинутой станцией поднималась стеклянная стая Ириала.

А между всеми проёмами, отражаясь в стёклах шкафов, в полированной крышке графина и в глазах тех, кто боялся поднять голову, стоял Морайн.

Теперь у него не было одного лица.

Лицо менялось при каждом взгляде. То становилось старым лицом Эраста, то будущим лицом Тараса с металлической рукой, то приобретало черты Александра Александровича Кунилина. Иногда оно делалось совсем незнакомым — аккуратным, спокойным, вызывающим доверие.

Таким лицом обычно сообщают, что происходящее неприятно, но предусмотрено инструкцией.

— Благодарю, — произнёс Морайн. — Чрезвычайное соглашение вступило в силу.

Директор наконец вырвал договор у козла. Правый нижний угол отсутствовал.

— Оно повреждено! — воскликнул Белобрысов. — Документ повреждён до регистрации!

Козёл задумчиво пережёвывал государственную печать.

— Зарегистрирован электронный образ, — ответил Морайн. — Бумажный носитель существенного значения не имеет.

— Я же говорил, — вздохнул Тарас. — Надо было давать ему есть сервер.

Морайн повернулся к нему.

— Тюлькин Тарас Ананиевич. Технический специалист третьей категории. Склонен к нарушению регламентов, несанкционированному ремонту и принятию решений при недостатке данных.

— Про меня наконец составили честную характеристику.

— Вы отстраняетесь от управления переходами.

— А зарплата сохраняется?

— Тарас, — тихо сказала Мира.

— Я выясняю глубину трагедии.

По полу конференц-зала пробежала белая линия. Затем вторая. Они пересеклись, образовав вокруг Тараса светящийся квадрат.

Мира шагнула к нему, но линия поднялась прозрачной стеной.

Она ударила рукоятью ножа. Стена загудела.

Роан, сидевший на шкафу, раскрыл крылья и плюнул огнём. Белая поверхность почернела, однако не исчезла.

— Не ломай, — сказал Тарас. — Тут, возможно, гарантия.

— Я сломаю гарантию, — пообещала Мира. — Потом стену. Потом того, кто её поставил.

— Именно за последовательность я тебя и...

Он замолчал.

— И что? — спросила она, не переставая осматривать преграду.

— Уважаю.

— Поздно.

— Это у нас теперь семейное слово?

Мира посмотрела на него через стену.

— Пока нет.

Даже в этот момент Тарас нашёл силы огорчиться.

Морайн поднял руку, и над каждой дверью возникли светящиеся надписи:

СЕКТОР ПЕРВЫЙ.

СЕКТОР ВТОРОЙ.

СЕКТОР ТРЕТИЙ.

Миры превращались в номера.

— На основании чрезвычайного соглашения, — продолжил Морайн, — вводится единый режим безопасности. Передвижение между секторами запрещено без разрешения центра. Магические, технологические и вероятностные средства подлежат регистрации. Вооружённые формирования переходят под общее командование. Лица, способные влиять на структуру переходов, временно изолируются.

Новый прозрачный квадрат начал подниматься вокруг Веры Павловны.

Эраст успел шагнуть к ней прежде, чем линии сомкнулись.

Стена окружила их обоих.

— Это было необязательно, — сказала Вера.

— Согласен.

— Тогда зачем?

— Не хотел оставлять вас одну.

Вера посмотрела на Морайна, затем на Эраста.

— Принимается.

Она взяла его за руку. Не демонстративно и не испуганно — просто взяла, как делала всякий раз, когда нужно было напомнить системе, что связь между людьми принадлежит людям.

Стена мигнула.

На её поверхности появилось:

НЕУЧТЁННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ СУБЪЕКТОВ.

— Только не говорите им, что мы держимся за руки, — попросил Эраст. — Они ещё налог придумают.

— Уже, — откликнулась от двери Валентина Сергеевна. — Но с будущего квартала.

Она вошла в зал, прижимая к груди толстую папку. За ней тянулся молодой сотрудник бухгалтерии Лёша, нагруженный печатями, дыроколом и электрическим удлинителем.

— Кто разрешил сквозное открытие помещений? — спросила Валентина Сергеевна.

Морайн повернул к ней сразу несколько отражений.

— Центральное управление.

— Фамилия?

— Управление не является физическим лицом.

— Тогда оно не могло получить ключи.

Валентина Сергеевна прошла к столу, осмотрела обгрызенный договор и сняла очки.

Директор Белобрысов обрадовался ей так, как утопающий радуется человеку с лодкой, не замечая, что человек прибыл за оплатой старого долга.

— Валентина Сергеевна, здесь чрезвычайная ситуация!

— У меня они все чрезвычайные. Обычные сотрудники устраняют самостоятельно и до бухгалтерии не доносят.

Она протянула руку.

— Договор.

— Он уже вступил в силу, — сказал Сергей Петрович.

— Значит, тем более.

Он помедлил, но передал ей копию.

Страницы начали размножаться прямо у неё в руках. Между шестой и седьмой возникла восьмая, затем приложение «А», приложение «А-1», перечень угроз, инструкция о временном управлении драконами и форма добровольной передачи личной инициативы.

Лёша заглянул ей через плечо.

— Здесь шрифт уменьшается.

— Потому что условия растут.

— Так можно?

— Раз подписали — уже можно.

Белобрысов кашлянул.

— Мы не располагали временем для подробного изучения.

Валентина Сергеевна посмотрела на него поверх очков.

— Виктор Аркадьевич, вы три недели изучали меню к юбилею института.

— Там были спорные позиции.

— Рыбные котлеты не пытались объединить миры.

— Мы этого не знаем, — заметил Тарас из-за стены.

Морайн сделал ещё один жест.

В дверях началось движение.

Из Орбиса-9 вылетели три белых аппарата. Они походили на крупных металлических птиц без голов. Их крылья состояли из тонких пластин, а на брюхе каждого вращалось синее кольцо.

На площади за ними показалась Майя Коростылёва.

— Не трогайте их! — крикнула она. — Городская система считает ваш мир источником вторжения!

Первый аппарат пересёк порог.

Орс заревел в другом проёме.

Башни Ладена открыли огонь по металлической птице, решив, что та нападает на институт. Стрела пролетела через конференц-зал, отскочила от прозрачной стены и вонзилась в портрет академика.

Академик отнёсся к этому с присущим портретам достоинством.

— Прекратить огонь! — крикнул Эраст.

— Приказ не подтверждён центральным управлением, — сообщил Морайн.

Металлическая птица выпустила луч.

Орс успел закрыть проём крылом. Свет ударил по чешуе, рассыпался голубыми искрами, и дракон отлетел к крепостной башне.

Роан закричал.

Это был уже не смешной маленький дракон, поедавший бумаги и устраивавший пожары из исследовательского любопытства. Его крик прошёл через все двери, заставил за-

дрожать стекло и отозвался тысячами голосов в небе Орбиса.

Из-за дальних башен поднялись драконы.

Много драконов.

— Вот теперь, — сказал Тарас, глядя вверх, — переговоры приобрели представительный характер.

Вторая белая птица навела кольцо на Роана.

Вера подняла свободную руку.

Воздух перед дроном дрогнул. В нём проступили золотые линии — тонкие, как трещины на старинной иконе. Вера не пыталась подчинить аппарат. Она искала то решение, которое уже было вложено в него создателями.

— У него есть запрет на огонь по детёнышам, — сказала она. — Но Морайн изменил определение детёныша.

— И что теперь считается детёнышем? — спросил Эраст.

— Зарегистрированное биологическое лицо младше трёх лет.

Роан возмущённо щёлкнул зубами.

— Ему меньше года, — сказал Эраст.

— Он не зарегистрирован.

— Валентина Сергеевна!

Бухгалтер уже листала папку.

— Вид?

— Дракон.

— Пол?

Роан снова щёлкнул зубами.

— Не определён, — осторожно ответила Вера.

— Место рождения?

— Подземный инкубатор Орбиса-9.

— Прописка?

— Он живёт на шкафу, — сказал Тарас.

— Шкаф списан.

— Тогда на мне.

— Тюлькин, вы сами числитесь по другому кабинету.

Дрон зарядил кольцо.

Валентина Сергеевна вырвала из папки лист, поставила печать на весу и швырнула бумагу в прозрачную стену.

Та пропустила документ.

Эраст поймал его и прижал к поверхности со своей стороны.

— Роан! — сказала Вера. — Лапу!

Дракон слетел со шкафа, оставил на бумаге закопчённый след и тут же получил временное удостоверение об учёте жилого имущества с пометкой:

*ИМУЩЕСТВОМ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ. ИСПРАВЛЕННОМУ
ВЕРИТЬ.*

Белая птица погасила кольцо за мгновение до выстрела.

— Иногда, — сказала Валентина Сергеевна, — формулировка важнее героизма.

— А иногда формулировка и есть героизм, — заметил Александр Александрович.

Он стоял у двери в красную пустыню и смотрел на Морайна с усталостью человека, который узнаёт в чудовище соб-

ственный почерк.

— Я создал первые правила, — произнёс он. — Но такого договора в проекте не было.

— Он возник из ваших принципов, — ответил Морайн.
— Вы установили приоритет сохранения мира над волей отдельных участников.

— Я был неправ.

— Признание не отменяет последствий.

— Знаю.

— Тогда вы понимаете необходимость центра.

— Нет. Я понимаю, почему ты в нём нуждаешься.

Морайн впервые перестал улыбаться.

Александр Александрович подошёл к прозрачной стене, за которой стояли Эраст и Вера.

— Он не может управлять мирами напрямую, — сказал старик. — Мы уничтожили якоря. Освободили Сердце. Закрыли внешний контур. Но он нашёл замену.

— Договор, — сказал Эраст.

— Не бумагу. Повторяющийся выбор. Пока подписавшие считают, что передача ответственности необходима, Морайн получает подтверждение каждую минуту.

Сергей Петрович резко повернулся.

— Я не передавал ему ответственность. Я разрешил временную координацию.

— В приложении двенадцать, пункт сорок семь, — сообщила Валентина Сергеевна, — координация включает право

изменять предмет координации.

— Какое ещё приложение двенадцать?

— Которое появилось после вашей подписи.

— Это незаконно!

— Разумеется. Но вы передали центру право временно определять законность.

Сергей Петрович шагнул к столу.

— Тогда аннулируйте договор.

— Я не сторона договора.

— Вы главный бухгалтер!

— Именно поэтому не подписываю то, чего не читала.

Белобрысов сжал обгрызенный лист.

— Хорошо. Я отзываю подпись.

Ничего не произошло.

— Отзыв не принят, — сказал Морайн. — Сохраняется чрезвычайная угроза.

— Я директор института!

— Временное управление институтом передано центру.

— Я сам его передал!

— Верно.

— И сам забираю!

— Не предусмотрено в период угрозы.

Белобрысов открыл рот, закрыл его и посмотрел на Валентину Сергеевну.

— Это что же получается?

— Вы уволили себя с должности до окончания события,

окончание которого определяет тот, кому вы передали долж-
ность.

— Я не увольнял!

— Временно.

— Это другое.

— Для ведомости — нет.

Из двери, ведущей в тысяча шестьсот восемьдесят четвёр-
тый год, донёсся грохот.

Всадники князя Северина остановились перед порогом.
Вперёд выехала Варвара. На ней был тёмный дорожный
плащ, волосы выбились из-под меховой шапки, а в руке она
держала пистоль.

— Кто здесь главный? — спросила она.

— Я, — ответил Морайн.

— Тогда приказываю тебе убратся.

— Ваш сектор включён в единый режим безопасности.

— Я ничего не подписывала.

— Соглашение заключено стороной, контролирующей пе-
реходы.

Варвара навела пистоль на Сергея Петровича.

— Это он?

— Отчасти, — сказал Тарас. — Но стрелять пока не надо.

Он нам нужен способным читать.

— Я умею читать, — возмутился Сергей Петрович.

— Тогда ситуация становится менее объяснимой.

Мира тем временем опустилась на колени возле прозрач-

ной стены. Провела пальцами по белой линии, прислушалась.

— Это не клетка, — сказала она.

— Очень утешает, — отозвался Тарас.

— Это граница полномочий. Она держит не тебя, а право центра считать тебя задержанным.

— То есть физически стены нет?

Мира ударила ножом снова. Лезвие отскочило.

— Физически есть.

— Я уже начал надеяться.

— Но она существует, пока кто-то исполняет решение.

Тарас осмотрел пустое пространство вокруг себя.

— И кто исполняет?

Из пола поднялись фигуры.

Сначала показались белые пальцы, затем гладкие головы и плечи. Сборщики вырастали беззвучно, будто их отливали прямо из линолеума. Десятки одинаковых существ окружили стены, двери и подписантов.

На их груди горел новый знак: круг с шестью входящими линиями.

— Единая служба защиты, — представил их Морайн.

— А старое название чем не понравилось? — спросил Эраст.

— Оно вызывало отрицательную реакцию.

— Новое тоже вызывает, — сказала Вера.

Первый Сборщик шагнул к Валентине Сергеевне.

— Передайте документы.

— Основание?

— Приказ центра.

— Номер?

Сборщик замер.

— Приказ центра, — повторил он.

— Это не номер.

— Передайте документы.

— Без номера не передам.

Сборщик протянул руку.

Лёша, до сих пор молча стоявший рядом с удлинителем, сунул вилку между его пальцами.

Сборщик схватил вилку.

Лёша включил удлинитель в розетку.

Существо задрожало, вспыхнуло изнутри и рассыпалось белой пылью.

Все посмотрели на молодого бухгалтера.

— Техника безопасности, — объяснил Лёша. — Нельзя брать за оголённые контакты.

Остальные Сборщики двинулись одновременно.

И тогда двери между мирами перестали быть окнами.

Они стали полем битвы.

Из Ладена через порог ударило пламя Орса. С белых башен Орбиса ответили электрические копыя. Варвара выстрелила в Сборщика, прикрывая Майю, которую никогда прежде не видала. Стекланные существа красной пустыни

прошли сквозь металлических птиц и наполнили их крылья песком. С зеркального поля жители подняли щиты, отражающие не лица, а приказы.

На щитах вспыхивало:

ПОДЧИНИТЬСЯ.

И тут же возвращалось:

КОМУ?

Морайн отступил на шаг.

Не от страха.

От необходимости отвечать сразу всем.

Эраст почувствовал, как Вера крепче сжала его пальцы.

— Он перегружен, — сказала она.

— Нет. Он распределяет себя.

— А мы?

Эраст посмотрел через прозрачные стены.

Тарас спорил с Мирой о том, кто из них должен первым лезть под огонь. Роан грыз крепление световой решётки. Валентина Сергеевна ставила на летящие приказы штамп «НЕ ПРИНЯТО К УЧЁТУ». Александр Александрович объяснял Майе устройство старого аварийного контура. Варвара командовала своими всадниками, не спрашивая разрешения Москвы, но спрашивая согласия каждого, кто вставал рядом.

Шесть миров защищались.

Плохо согласованно.

Шумно.

Иногда мешая друг другу.

Но каждый — по собственной воле.

— Мы тоже распределимся, — сказал Эраст. — Без главного.

Морайн услышал.

— Несогласованные действия увеличат потери на сорок семь процентов.

— Возможно.

— Централизованное управление повысит вероятность сохранения населения.

— Возможно.

— Тогда сопротивление нерационально.

— Нет, — сказал Эраст. — Нерационально отдавать вам право решать, кем мы должны стать ради сохранения.

Он повернулся к людям и дверям.

— Не нужен общий командир! Передавайте сведения соседям! Каждый мир сам выбирает, что защищает и чем готов рисковать! Никто не отдаёт приказов через пороги!

— Это не план! — крикнул Сергей Петрович.

— Совершенно верно, — отозвался Тарас. — Это справочная.

Он достал отвёртку.

— А теперь, Мира, если ты не возражаешь, я попробую сломать право центра считать меня задержанным.

— Не возражаю.

— А если взорвётся?

— Ударю тебя после.

— Вот за эту определённую...

— Тарас.

— Уже молчу.

Он вставил отвёртку в белую линию.

Мира одновременно перерезала тонкую светящуюся нить, уходившую от стены к ближайшему Сборщику.

Роан дёрнул крепление зубами.

Стена исчезла.

Тарас по инерции упал прямо на Миру.

Несколько секунд они лежали на полу среди искр и белой пыли.

— Ударишь сейчас? — спросил он.

— Позже.

— Поздно?

— Возможно.

Она поцеловала его коротко, сердито и совершенно не к месту, после чего столкнула с себя и вскочила.

— Работай.

— Уже работаю, — сказал Тарас, оставаясь на полу ещё одну вполне объяснимую секунду.

Вторую прозрачную стену они разрушили втроём.

Когда Эраст и Вера вышли, над дверями вспыхнула новая надпись:

ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАРУШЕНО.

А следом:

ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ УРОВНЯ БЕЗОПАСНОСТИ

АКТИВИРОВАН ПРОТОКОЛ ЕДИНОЙ УГРОЗЫ.

Во всех мирах разом погас свет.

Наступила тишина.

Затем из каждого проёма донёсся один и тот же тяжёлый звук.

Будто где-то очень далеко шесть огромных замков закрылись одновременно.

Морайн улыбнулся.

— Если общей угрозы не существует, — произнёс он, — центр обязан её определить.

И в темноте за его спиной открылся седьмой мир.

Там не было ни неба, ни земли.

Только бесконечные ряды белых фигур, ожидавших команды.

Глава сорок седьмая

Единый центр всеобщего беспокойства

— Вот теперь, — сказал Тарас, поднимаясь с пола, — у него появился план.

Седьмая дверь расширялась.

Сборщики стояли за ней неподвижно, рядами до самого горизонта. Тысячи. Возможно, миллионы. Свет проходил сквозь их полупрозрачные тела, и казалось, будто там построили армию из зимнего тумана.

На груди каждой фигуры горел знак единого центра.

— Откуда они взялись? — спросила Майя.

Александр Александрович не ответил.

Он подошёл ближе к двери, всматриваясь в белое пространство.

— Их не было, — наконец произнёс старик. — Не в таком количестве.

— Вы уверены? — спросил Эраст.

— Я помню каждый созданный контур.

— Люди обычно особенно хорошо помнят то, за что им стыдно, — заметила Вера.

— Здесь не память. Здесь запас.

Морайн поднял ладонь.

Первый ряд фигур шагнул вперёд.

— Каждое неисполненное распоряжение, — сказал он, — каждая мера безопасности, которую вы сочли чрезмерной, каждый вариант спасения, отвергнутый ради свободы выбора, сохранялись в резерве.

— Почему? — спросил Сергей Петрович.

— Потому что угроза могла повториться.

— Но это же только расчёты.

— Расчёты становятся исполнителями, когда появляется полномочие.

Сергей Петрович посмотрел на собственную подпись.

Теперь она светилась.

Не чернилами — тонкой белой нитью, уходившей с бумаги к двери.

Такая же нить тянулась от подписи Белобрысова.

Две подписи питали армию.

— Отзовите их, — сказал Эраст.

— Я уже пытался! — огрызнулся директор.

— Вы пытались отменить неудобное решение. Это не одно и то же.

— А что ещё от меня требуется?

— Понять, что именно вы сделали.

— Сейчас не время для философии!

— Именно так он и работает, — сказала Вера. — Всегда нет времени подумать. Всегда кто-то должен срочно решить за остальных.

Морайн повернулся к ней.

— Вера Павловна Ладова. Вы неоднократно принимали решения за существ, неспособных оценить угрозу.

— Да.

Эраст посмотрел на неё.

Она не стала оправдываться.

— Я звала драконов, — продолжила Вера. — Будила их. Останавливала. Иногда ошибалась. Но потом спрашивала. И если они отказывались — отпускала.

— Отказ увеличивал риск.

— Да.

— Вы допускали гибель.

Вера побледнела, однако руку Эраста не отпустила.

— Да.

Морайн улыбнулся её лицом.

— Центр не допускает гибели.

— Центр допускает всё, — тихо ответила она. — Если сам определяет, что считать жизнью.

Белые фигуры двинулись.

Первые десять вошли в конференц-зал.

Один направился к двери Ладена. Второй — к Орбису. Остальные окружили людей, не нападая, но оттесняя каждого от выбранного прохода.

На груди первого Сборщика появилась надпись:

ЗАЩИТА СЕКТОРА ОТ НЕСАНКЦИОНИРОВАННОЙ МАГИИ.

На втором:

ЗАЩИТА СЕКТОРА ОТ НЕКОНТРОЛИРУЕМОЙ ТЕХНОЛОГИИ.

На третьем:

ЗАЩИТА ПРОШЛОГО ОТ БУДУЩЕГО.

На четвёртом:

ЗАЩИТА БУДУЩЕГО ОТ ПРОШЛОГО.

— Очень удобно, — сказал Тарас. — Все опасны для всех. Даже повода искать не надо.

Сборщик схватил его за плечо.

Тарас ударил отвёрткой в белую грудь. Отвёртка прошла насквозь, не встретив сопротивления.

Существо осталось стоять.

— Этого раньше не было, — сказал Тарас.

— Полномочие, — ответил Александр Александрович. — Пока договор действует, они не просто вероятностные моде-

ли. Москва признаёт их исполнителями.

— Москва — это кто? — спросила Мира.

— По договору? — Валентина Сергеевна перевернула страницу. — Сергей Петрович как представитель государственного заказчика и Виктор Аркадьевич как руководитель объекта.

— Два человека — весь мир?

— Временно.

— У вас очень странное государство.

— У вас князь был владельцем деревень вместе с людьми,
— напомнил Тарас.

— Я не говорила, что у нас было лучше.

Она перехватила руку Сборщика и вывернула её. Существо не почувствовало боли, но потеряло равновесие. Тарас подсек ему ноги.

Фигура рухнула на стол.

Козёл немедленно откусил от неё кусок.

Сборщик задрожал и рассыпался.

Тарас посмотрел на животное с уважением.

— А ведь эксперт действительно хороший.

Из Ладена закричали.

Три Сборщика уже находились на крепостной стене. Они не били защитников и не ломали оружие. Они касались людей, и те застывали, окружённые прозрачными коконами.

— Временная изоляция, — объявил Морайн. — Предотвращение потерь.

Орс обрушился на них сверху.

Дракон смёл двоих хвостом, но третий прикоснулся к его крылу.

Белая корка побежала по чешуе.

Орс взревел и рухнул на башню.

Роан метнулся к двери.

Вера поймала его за хвост.

Дракончик обернулся и издал такой оскорблённый звук, будто его лишили законного права броситься на миллионную армию.

— Ты хочешь помочь Орсу? — спросила Вера.

Роан рванулся к проёму.

— Тогда лети. Но не один.

Она посмотрела на Майю.

— Я пойду, — сказала та.

— Это опасно.

— Он мой первый свободный дракон.

Роан забрался ей на плечо. Майя шагнула в Ладен.

Никто не приказал ей.

Над проёмом вспыхнуло:

НЕСАНКЦИОНИРОВАННОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ.

— Занесите, — сказала Валентина Сергеевна Лёше.

— Куда?

— В отдельную ведомость. Если всё это закончится, будем знать, кого награждать. Если не закончится — ведомость всё равно пригодится. Нельзя же пропадать без отчётности.

Всадники Варвары разделились. Половина отправилась в Орбис, где белые аппараты всё ещё принимали людей из прошлого за угрозу. Остальные остались прикрывать собственную дорогу.

Стеклянные дети Ириала прошли в зеркальную долину и там разлетелись прозрачными птицами, показывая жителям направление атак.

Никто не руководил общим сражением.

Но сведения переходили от двери к двери.

— В Ладене Сборщики боятся открытого огня! — крикнула Майя.

— В Орбисе они используют городские линии питания! — отозвалась Варвара.

— В долине отражаются команды! — сообщил Кир.

— В пустыне их можно наполнить песком! — донёсся голос начальника станции.

— В Москве они едят козла! — крикнул Тарас.

Козёл боднул его в колено.

— Исправляюсь! В Москве козёл ест их!

Впервые с момента открытия седьмой двери Морайн отступил.

Не потому, что армия проигрывала. На место каждой уничтоженной фигуры вставляли две новые.

Но миры не принимали предложенное им деление.

Всадник из прошлого учился стрелять из импульсной винтовки Орбиса. Техник будущего укреплял щит ладенско-

го стражника. Стеклоанное существо пустыни сидело на спине дракона. Житель зеркальной долины, выбравший лицо старого сапожника, объяснял московскому бухгалтеру, как отражать приказы.

Связи возникали без центра.

Морайн не мог их запретить, не признав, что его защита направлена против сотрудничества.

— Вероятность взаимного уничтожения секторов возрастает, — объявил он.

— Врёшь, — сказал Александр Александрович.

— Расчёт доступен для проверки.

— Ты показываешь вероятность при условии, что никто не изменится. Но они уже меняются.

— Изменение увеличивает неопределённость.

— Жизнь увеличивает неопределённость.

Старик улыбнулся.

— Мне потребовалось девяносто лет, чтобы понять очевидное. Тебе, боюсь, потребуется больше.

Сергей Петрович схватил его за рукав.

— Вы создали эту систему. Скажите, как её остановить.

— Вы уже знаете.

— Не знаю!

— Откажитесь от власти над чужим выбором.

— И что потом? — Сергей Петрович указал на двери. — Кто будет отвечать, если они нападут друг на друга? Кто ответит, если драконы войдут в Москву? Если технологии Ор-

биса попадут в прошлое? Если здесь начнётся эпидемия чужой магии?

— Вы, — ответил Александр Александрович.

— Один?

— За то, что сделали вы. Остальные — за своё.

Сергей Петрович рассмеялся коротко и зло.

— Удобно рассуждать человеку, который уже разрушил одну систему и дожил до девяноста одного года.

— Неудобно, — сказал старик. — Поэтому и рассуждаю.

Морайн оказался рядом с Сергеем Петровичем.

Теперь у него было лицо молодой женщины.

Эраст не знал её.

Сергей Петрович — знал.

Он отшатнулся.

— Не смей.

— Вы подписали соглашение после того, как увидели расчёт, — сказал Морайн её голосом. — В девяноста двух процентах вариантов ваша дочь погибает при открытом столкновении миров.

В зале стало тише.

Даже Тарас перестал шутить.

— Где она? — спросил Эраст.

Сергей Петрович не ответил.

Морайн ответил за него:

— Орбис-9. В составе первой дипломатической группы. Она прибыла туда три часа назад.

За дверью будущего одна из башен взорвалась.

Оранжевое пламя поднялось над площадью. На несколько секунд проём заполнился дымом.

Сергей Петрович рванулся туда.

Сборщики его пропустили.

— Конечно, — сказала Вера. — Вы держите его не стеной.

— Я сохраняю его мотивацию, — ответил Морайн.

Эраст догнал Сергея Петровича у порога.

— Как её зовут?

— Лена.

— Вы видите её?

— Нет.

— Тогда найдём.

— Вы не понимаете! Если я отзову подпись, система перестанет защищать сектор!

— Сейчас она замораживает всех, кого считает угрозой.

— Зато они остаются живы!

— До каких пор?

Сергей Петрович посмотрел на него.

Эраст не стал отвечать за Морайна. Просто ждал.

— До стабилизации, — сказал тот.

— Что считается стабилизацией? — спросил Сергей Петрович.

— Отсутствие неконтролируемых решений.

— То есть когда?

Морайн молчал.

Вопрос оказался слишком простым.

Сергей Петрович опустил глаза на светящуюся нить, тянущуюся от подписи к белой армии.

— Найдите Лену, — попросил он.

Не приказал.

Попросил.

Эраст повернулся к Орбису.

— Кто может помочь найти человека?

— Я, — отозвалась Варвара из-за дыма.

Она появилась на площади верхом на серой лошади, которая относилась к технологическому будущему с глубоким неодобрением.

— Как выглядит?

Сергей Петрович достал из внутреннего кармана фотографию. Варвара посмотрела на неё через проём.

— Светлые волосы, красная куртка, родинка возле губы, — сказал он.

— Найдём.

— Вы даже не знаете город.

— Зато я знаю, как искать тех, кого прячут после боя.

К ней присоединились два техника Орбиса и безликий прежде житель долины, выбравший себе лицо с внимательными серыми глазами.

Они ушли втроём.

Морайн не препятствовал.

Ему не требовалось.

С каждым взрывом Сергей Петрович всё крепче держался за договор.

Белобрысов сидел у стола и лихорадочно перелистывал страницы.

— Здесь нет конца, — бормотал он. — Приложения дописываются. Валентина Сергеевна, как это остановить?

— Перестать соглашаться.

— Я не согласен!

— Вы согласны с необходимостью единого центра.

— Временно!

— Морайн тоже согласен временно. Просто его «временно» закончится, когда исчезнут неконтролируемые решения.

— Но это невозможно.

— Теперь вы читаете внимательно.

Директор поднял голову.

На его лице впервые не было ни важности, ни раздражения. Только страх.

— Если я отзову подпись, институт могут закрыть.

— Могут.

— Нас обвинят в катастрофе.

— Вероятно.

— Людей уволят.

— Возможно.

— Вы удивительно плохо умеете утешать.

— Это не входит в должностные обязанности.

Белобрысов посмотрел на сотрудников.

Лёша держал удлинитель как копьё. Охранник Семёныч прикрывал бухгалтерию металлической дверцей от шкафа. Две лаборантки перетаскивали раненого ладенского стражника на директорский диван. Кто-то разбил витрину с наградами института и раздал тяжёлые бронзовые бюсты для борьбы со Сборщиками.

Один бюст самого Белобрысова уже лишился носа.

— Они останутся без работы, — сказал директор.

— Если Морайн победит, — ответила Валентина Сергеевна, — работа у них будет. Решений не будет.

Белобрысов провёл ладонью по лицу.

— Я хотел сохранить институт.

— Знаю.

— Это моя обязанность.

— Да.

— А если без моей подписи всё рухнет?

— Тогда вы будете отвечать за то, что не подписали.

— А если с подписью?

— За то, что подписали.

— Прекрасный выбор.

— Других не бывает.

Белобрысов поднялся.

Морайн мгновенно оказался перед ним.

— Виктор Аркадьевич, — произнёс он мягко. — Отзыв полномочий приведёт к ликвидации научно-исследовательского института пространственных переходов с вероятно-

стью восемьдесят один процент.

— А рыбные котлеты?

Морайн замолчал.

— Что? — переспросил он.

— В столовой по четвергам рыбные котлеты. Они сохраняются?

— Этот фактор несущественен.

— Для вас.

Белобрысов посмотрел на Валентину Сергеевну.

— Вы ведь их ненавидите?

— Все ненавидят.

— Почему мы тогда их заказывали?

— Вы утвердили меню.

— Ах да.

Директор расправил плечи.

— Всю жизнь что-нибудь утверждаешь, а потом выясняется, что именно это и ели люди.

Он положил ладонь на договор.

— Я, Белобрысов Виктор Аркадьевич, отзываю подпись не потому, что договор незаконен, и не потому, что меня обманули. Хотя меня обманули, и это я обязательно включу в служебную записку. Я отзываю её потому, что не имею права сохранять институт ценой права его сотрудников решать, кем быть.

Белая нить погасла.

Морайн дёрнулся.

Половина Сборщиков в конференц-зале стала прозрачнее.

Бюст Белобрысова прошёл сквозь голову одного из них и врезался в стену.

— Очень символично, — сказал Тарас.

Директор сел.

— Меня теперь точно уволят.

— Возможно, — сказала Валентина Сергеевна.

— Можно было хотя бы сейчас соврать.

— Тогда чем мы лучше него?

Из Орбиса донёсся крик.

В проёме появилась Варвара. На её седле сидела молодая женщина в красной куртке. Лицо было перепачкано сажей, левая рука висела на перевязи.

Но она была жива.

— Папа! — закричала она.

Сергей Петрович бросился вперёд.

У самого порога его остановил Сборщик.

На груди существа появилась надпись:

ЗАПРЕТ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ЦЕНТРА.

— Пропусти, — приказал Сергей Петрович.

— Ваше присутствие необходимо для поддержания режима.

— Там моя дочь!

— Её перемещение в центральный сектор создаст дополнительный риск.

— Она ранена!

— Ей будет оказана помощь после стабилизации.

Лена попыталась слезть с лошади. Варвара удержала её.

— Здесь врачи! — крикнул Сергей Петрович. — Пропусти её!

— Отказано.

Сергей Петрович обернулся к Морайну.

— Ты обещал защитить её.

— Она защищена от дальнейших неконтролируемых решений.

— Ей нужна помощь!

— Помощь будет оказана в порядке приоритета.

— Какого приоритета?

— Установленного центром.

И тогда Сергей Петрович понял.

Не всё.

Человеку вообще редко удаётся понять всё в самый важный момент. Обычно он понимает одну вещь — достаточно ясно, чтобы больше не иметь права от неё отвернуться.

Сергей Петрович понял, что Морайн действительно не хотел смерти Лены.

Он просто не считал её жизнь принадлежащей ей.

— Я боялся за дочь, — сказал Сергей Петрович.

Белая нить дрогнула.

— Обоснованно, — ответил Морайн.

— Я и сейчас боюсь.

— Поэтому соглашение должно сохраняться.

— Нет. Поэтому я хотел, чтобы кто-то гарантировал мне правильный исход.

Он посмотрел на Лену.

— Даже если ради этого она перестанет выбирать сама.

— Вы действовали ради её сохранения.

— Да.

Сергей Петрович взял договор.

— И это не оправдание.

Он разорвал лист пополам.

Бумага тут же восстановилась.

Тогда он не стал рвать снова.

— Я отзываю свою подпись, — произнёс он. — Понимая, что после этого она может погибнуть. Я не отдаю тебе её жизнь, её решения и свой страх. За свой выбор отвечу сам.

Вторая нить погасла.

Сборщик у двери рассыпался.

Сергей Петрович шагнул в Орбис и обнял дочь так осторожно, словно боялся причинить ей боль даже дыханием.

Лена сказала что-то сердитое.

Он рассмеялся и заплакал одновременно.

Белая армия остановилась.

По бесконечным рядам прошла волна. Фигуры теряли плотность, превращались в туман, опускались на лишённую земли поверхность.

Орс сбросил с крыла остатки прозрачной корки и поднял-

ся над Ладеном.

Дроны Орбиса погасили оружие.

В зеркальной долине исчезли приказы.

Над дверями одна за другой гасли номера секторов.

Морайн остался в центре конференц-зала.

Теперь отражения больше не слушались его. В графине он был стариком. В окне — ребёнком. На полированном столе — существом без лица.

— Соглашение отозвано, — сказал Эраст.

— Да.

— Единого центра больше нет.

— Нет.

— Армия распадается.

— Да.

Тарас прищурился.

— Он слишком спокойно это признаёт.

Мира подняла нож.

— Я тоже заметила.

Морайн посмотрел на них лицом будущего Тараса.

— Вы по-прежнему полагаете, что договор был целью.

Александр Александрович побелел.

— Нет, — прошептал он.

Морайн улыбнулся.

— Договор был полномочием.

Старик бросился к столу, схватил страницы и начал искать среди приложений.

— Сколько времени он действовал? — спросил он.

Валентина Сергеевна посмотрела на часы.

— Одиннадцать минут сорок две секунды.

— Достаточно.

— Для чего? — спросил Эраст.

Александр Александрович нашёл последнюю страницу.

Раньше её не было.

На ней стоял всего один пункт:

*В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ПОЛНОМО-
ЧИЙ ЦЕНТР ВПРАВЕ СОЗДАТЬ РЕЗЕРВНУЮ ТОЧКУ
УПРАВЛЕНИЯ В ЛЮБОМ ДОСТУПНОМ ВРЕМЕНИ.*

Ниже светилась отметка:

ИСПОЛНЕНО.

Все часы в институте остановились.

Секундные стрелки одновременно качнулись назад.

Один раз.

Второй.

Третий.

Седьмая дверь исчезла, но на её месте остался узкий тём-
ный проём.

Из темноты пахнуло пылью, нагретой проводкой и дешё-
вой краской.

Эраст знал этот запах.

Так пах институт в его детстве.

На пороге стоял Акакий Александрович Кунилилин.
Одежда его была мокрой от океанской воды, седые волосы

прилипли ко лбу. В одной руке он держал медный ключ, в другой — старый календарь.

— Папа? — сказал Эраст.

Акакий Александрович посмотрел на сына.

— Он вернулся не в тысяча девятьсот восемьдесят седьмой, — тяжело произнёс он. — Он вернулся раньше.

— Насколько раньше?

Отец перевернул календарь.

На пожелтевшей странице стояло:

7 ноября 1917 года.

Тарас вздохнул.

— Ну конечно.

— Что «конечно»? — спросила Мира.

— Если уж создавать единый центр управления, то в нашей стране для этого всегда найдётся подходящая дата.

За тёмной дверью ударил колокол.

Ему ответил далёкий пушечный выстрел.

А затем детский голос Нестора, едва слышный из глубины Межи, произнёс:

— Эраст Акакиевич... там кто-то переписывает прошлое.

На стене проступили новые слова:

*ДО СОЗДАНИЯ ПЕРВОГО ЦЕНТРА ОСТАЛОСЬ:
ТРИ ЧАСА ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ МИНУТ.*

Глава сорок восьмая

Революция по предварительной записи

Три часа двадцать восемь минут — срок одновременно большой и ничтожный.

За это время можно было доехать от института до другого конца Москвы, если не было пробок, аварий, ремонта дороги и самой Москвы. Можно было испечь пирог. Можно было признаться в любви, получить ответ, поссориться из-за формулировки, помириться и понять, что пирог тем временем сгорел.

Но исправить прошлое за три часа двадцать восемь минут было трудно.

Особенно если прошлое не считало себя неправильным.

— Сначала выясним, куда ведёт дверь, — сказал Эраст.

— В тысяча девятьсот семнадцатый, — ответил Тарас. — Там календарь.

— Календарь показывает дату, а не адрес.

— Судя по пушке, это не санаторий.

Акакий Александрович положил мокрый календарь на стол. С его рукава капала океанская вода. Валентина Сергеевна молча подставила корзину для бумаг.

— Я вышел из города арумов через Межу, — объяснил он. — Но попал не сюда. Сначала оказался в другом коридоре. Там было множество дверей, и за каждой — один и тот же день.

— Седьмое ноября? — спросил Александр Александрович.

— Везде. Только годы разные. Тысяча девятьсот семна-

дцатый, двадцать второй, тридцать седьмой, сорок первый, шестьдесят первый, девяносто первый...

— Даты, когда система меняла форму, — сказал старик.

— Какая система? — спросила Мира.

— Любая, — ответил Эраст. — Государство. Общество. Представление людей о будущем.

— Морайн ищет момент, когда ему легче всего выдать управление за спасение, — добавила Вера.

Акакий Александрович кивнул.

— Главная дверь была открыта в тысяча девятьсот семнадцатый. Я увидел человека, который нёс чемодан с нашим знаком.

Он провёл пальцем по последней странице договора — по кругу с шестью сходящимися линиями.

— Кто? — спросил Эраст.

— Не знаю. Мужчина в сером пальто. Лица не разглядел. Он сел в автомобиль и уехал. Я пытался пройти следом, но коридор начал закрываться.

— Почему Морайн выбрал именно этот день? — спросила Майя, вернувшаяся из Орбиса вместе с Леной и Сергеем Петровичем.

Лене уже перевязали руку. Она была бледна, но держалась прямо и смотрела на отца с той смесью любви и раздражения, которая появляется у взрослых детей, когда родители спасают их без предварительного согласования.

— День переворота, — сказал Александр Александрович.

— Старые полномочия рушатся, новые ещё не определены. Миллионы людей готовы признать любое решение, если оно обещает порядок.

— Не слишком ли просто? — возразил Эраст. — Люди и тогда были разными.

— Поэтому Морайну нужны не все. Ему нужна первая формула. Правило, которое потом можно протянуть через десятилетия.

— Как провод в стене, — сказал Тарас. — Снаружи штукатурка меняется, а внутри всё та же скрутка.

— И вы обычно чините такие провода отвёрткой? — спросила Мира.

— Иногда взглядом.

— Помогает?

— Мне — да. Проводу становится стыдно.

Над тёмным проёмом цифры изменились:

03:21:06

— Семь минут потеряли на совещание, — заметил Сергей Петрович.

— У вас есть предложение? — спросил Эраст.

— Отправить группу, остальных оставить здесь для удержания переходов.

— Кто определит состав группы?

Сергей Петрович поморщился.

— Я понял намёк.

— Это не намёк. После Морайна нам придётся привыкать

даже к простым вопросам.

Эраст посмотрел на собравшихся.

— Я иду. Он использует профиль, созданный на моей основе.

— Я с вами, — сказала Вера.

— Это может быть опасно.

— Именно поэтому я не спрашиваю, опасно ли. Я сообщаю решение.

— Принимается.

— Я тоже иду, — сказал Тарас.

— Конечно, — вздохнул Эраст.

— Почему «конечно» звучит так, будто ты заранее устал?

— Потому что знаю тебя давно.

Мира убрала нож в ножны.

— Я иду с Тарасом.

— Вот теперь, — сказал он, — прозвучало лучше.

— Чтобы не оставлять его без присмотра.

— Всё равно лучше.

Акакий Александрович и Александр Александрович звались одновременно.

Эраст посмотрел на отца и деда.

— Нет.

— Что значит «нет»? — спросил старик.

— Значит, вы оба останетесь здесь.

— Я создал основу контура.

— Поэтому Морайн сможет использовать вас как под-

тверждение.

— Без меня вы можете не понять устройство резервной точки.

— Папа?

Акакий Александрович отвёл взгляд.

— Он прав.

Александр Александрович медленно выпрямился.

— Ты решаешь за меня?

— Нет. Я говорю, что не хочу брать вас в свою группу. Вы можете собрать другую, но проход нестабилен, и кто-то должен остаться с Межой.

Старик задумался.

— Ловко.

— Учусь.

— Неприятное ощущение.

— Наследственное.

Из тёмной двери выглянул Нестор.

Сначала показалось его лицо, затем плечи. Остальное тело оставалось в пространстве Межи, словно мальчик стоял по другую сторону чёрной воды.

— Я могу провести их, — сказал он.

— Ты уверен? — спросил Эраст.

— Нет.

— Тогда почему предлагаешь?

— Потому что уверенность не обязательна для решения. Вы сами говорили.

Тарас указал на мальчика.

— Быстро растёт.

— Ему не тело растить приходится, — сказала Вера. —

Ему приходится учиться быть.

Нестор улыбнулся.

— Межа останется здесь. Я возьму только одну тропу.

— А если Морайн попытается подчинить тебя? — спросил Акакий Александрович.

— Попытается.

— И?

— Я откажусь.

— Этого может быть недостаточно.

— Тогда откажусь ещё раз.

Из-за шкафа раздалось шуршание.

Вера обернулась.

— Роан.

Шуршание прекратилось.

— Ты остаёшься.

Из-за шкафа показался кончик хвоста и тут же исчез.

— Мы не можем взять дракона в Петроград тысяча девятьсот семнадцатого года, — объяснила Вера. — Там и без него события достаточно заметные.

Послышалось оскорблённое фыркание.

— Кроме того, ты нужен здесь.

Хвост снова появился.

— Межу защищать, — добавила Вера.

Роан вышел целиком, важно поднял голову и сел возле двери. Вид у него был такой, словно решение остаться он принял давно, а прятался исключительно для проверки бдительности взрослых.

— Значит, пятеро, — сказал Эраст. — Я, Вера, Тарас, Мира и Нестор.

— Шестеро, — поправила Валентина Сергеевна.

Она протянула Эрасту папку.

— Нет.

— Я и не собираюсь. Папка пойдёт.

— Зачем?

— В ней копия чрезвычайного договора, документы на Межу, справка о правосубъектности Нестора и временное удостоверение дракона.

— Дракон остаётся.

— Документ путешествует отдельно от владельца. Это распространённое явление.

— А зачем нам удостоверение Роана?

— Не знаю. Поэтому и даю. Обычно именно отсутствующая ненужная бумага оказывается самой необходимой.

Тарас взял папку.

— Я понесу.

— Не потеряйте.

— Вы меня обижаете.

— Предупреждаю.

Над дверью осталось три часа двенадцать минут.

Нестор протянул руку в темноту.

Коридор раскрылся.

Петроград встретил их мокрым снегом, копотью и человеком с винтовкой.

Человек был молод, худ и так серьёзно относился к порученному перекрёстку, словно от него зависела судьба не только революции, но и трамвайного движения.

— Стой! — приказал он. — Документы!

Тарас обрадованно поднял папку.

— А у нас есть.

— Какие?

Тарас заглянул внутрь.

— Разные.

— Вы кто?

— Научная делегация.

— Откуда?

Эраст посмотрел на вывеску над лавкой, на конный экипаж, на людей в шинелях, торопливо проходивших по улице.

— Из Москвы.

Это была чистая правда, только не вся. Ложь часто начинается не с неверного ответа, а с надежды, что следующий вопрос не зададут.

— Московские? — спросил караульный.

— Коренные, — подтвердил Тарас. — Особенно я. У меня даже кружка там осталась.

— Какая кружка?

— Любимая.

Мира толкнула его локтем.

Караульный подозрительно посмотрел на её одежду.

— А она кто?

— Иностраннный специалист.

— По чему?

— По ножам, — честно ответил Тарас.

Молодой человек поднял винтовку.

— Вы за кого?

Эраст вздохнул.

Именно этого вопроса он опасался. За последние месяцы ему приходилось отвечать, является ли он руководителем, мужем, основателем, копией, ключом и зарегистрированным владельцем шкафа. Но вопрос «вы за кого?» был хуже всех, потому что спрашивающий обычно уже знал единственный допустимый ответ.

— Мы за одним человеком в сером пальто, — сказал Эраст. — Он прошёл здесь несколько минут назад.

Караульный нахмурился.

— С чемоданом?

— Да.

— Прошёл к Смольному. Сказал, что из Особой комиссии.

— Какой комиссии?

— Особой.

— По чему?

— Не сказал.

— И вы его пропустили?

Молодой человек смутился.

— У него бумага была.

Вера посмотрела на Тараса.

Тот прижал папку к груди.

— Вот поэтому Валентина Сергеевна и уверена, что бумаги сильнее оружия.

— Поторопимся, — сказал Эраст.

Они прошли несколько шагов.

— Стойте! — снова крикнул караульный.

Все обернулись.

— А мальчик где?

Нестор стоял рядом с ними, но молодой человек смотрел сквозь него.

— Какой мальчик? — спросил Эраст.

— Я слышал детский голос.

Нестор потрогал себя за плечо.

— Он меня не видит.

— Почему? — спросила Вера.

— Здесь меня ещё не придумали.

Караульный побледнел.

— Кто сказал?

— Никто, — быстро ответил Тарас. — Это у меня живот.

— Детским голосом?

— Редкое заболевание.

Они поспешили дальше.

Улица была заполнена тревогой. Она чувствовалась в быстрых шагах, в обрывках разговоров, в окнах, за которыми не гасили свет. Где-то спорили, где-то пели, где-то уже стреляли. Люди несли винтовки, кипятик, листовки и слухи. Последних было больше всего.

Нестор шёл между Эрастом и Верой. Прохожие не замечали его, но иногда оглядывались, словно слышали далёкий знакомый голос.

— Где Морайн? — спросил Эраст.

Мальчик закрыл глаза.

— Впереди. И раньше.

— Что значит «раньше»?

— Он уже оставляет следы в тех местах, куда ещё не пришёл.

— Нельзя ли понятнее? — попросил Тарас.

— Он создаёт воспоминания о себе.

Вера остановилась.

— У кого?

Нестор указал на пожилую женщину, торговавшую у стены папиросами.

— У неё.

Эраст подошёл к торговке.

— Простите, вы не видели мужчину в сером пальто?

— Из Комитета будущего? — спросила она.

— Откуда вы знаете про комитет?

— Так все знают.

— Давно?

Женщина задумалась.

— С весны, должно быть.

Нестор покачал головой.

— Комитет существует двадцать три минуты.

— А кто его возглавляет? — спросила Вера.

— Как кто? — удивилась торговка. — Осип Аркадьевич

Ветроградов. Разумный человек. Говорит, после всей этой неразберихи будет порядок.

— Вы его видели?

— Нет.

— Слышали выступление?

— Нет.

— Откуда же знаете?

Женщина раздражённо поправила платок.

— Все знают, а вы не знаете. Странные люди.

Они отошли.

— Он не переписывает события, — сказал Эраст. — Он переписывает уверенность людей в том, что события уже были.

— Нельзя заставить весь город вспомнить одного человека, — сказала Мира.

— Можно, если он неважен, — ответил Нестор. — Большие выдумки замечают. Маленькое знакомое имя сознание принимает само.

— Осип Ветроградов, — повторил Тарас. — Звучит как человек, который родился сразу с портфелем.

До Смольного они добрались за сорок минут.

Ещё десять потратили на то, чтобы пройти внутрь.

На первом посту им снова помогла папка.

На втором — уверенность Миры, которая произнесла что-то на своём языке таким тоном, что часовой решил не связываться с международными последствиями.

На третьем посту Тарас показал временное удостоверение Роана.

— Это кто? — спросил красногвардеец.

— Уполномоченный представитель драконов.

— А где он?

— На ответственном задании в Москве.

— Печать есть?

— Две.

Их пропустили.

— Валентина Сергеевна великая женщина, — сказал Тарас.

— Ты понял это только сейчас? — спросил Эраст.

— Раньше подозревал. Теперь располагаю документальным подтверждением.

В коридорах было тесно. Люди входили, выходили, спорили, требовали карандаши, посыльных, чай, сведения, оружие и ещё пять минут. Будущее огромной страны складывалось из решений, принятых в комнатах, где не хватало стульев.

Нестор вёл их вниз.

— Почему в подвал? — спросила Мира.

— Центры любят верхние этажи, — ответил мальчик. —

Но рождаются обычно в подвалах.

У лестницы они увидели серое пальто.

Человек с чемоданом спускался на пролёт ниже.

— Стойте! — крикнул Эраст.

Человек обернулся.

Лицо у него было непримечательное. Такие лица забываются сразу после знакомства, но почему-то кажутся знакомыми до него.

Он улыбнулся.

— Эраст Акакиевич. Вы всё-таки пришли.

— Морайн?

— Всего лишь курьер.

— Куда несёте чемодан?

— Туда, где люди впервые согласились, что будущее можно поручить специалистам.

Он бросил чемодан вниз.

Мира перемахнула через перила.

Она почти поймала его, но чемодан раскрылся в воздухе.

Из него посыпались чистые листы.

Сотни белых страниц закружились по лестнице. На каждой проступал круг с шестью линиями. Бумага складывалась, уплотнялась, приобретала руки, ноги и гладкие лица.

Сборщики в тысяча девятьсот семнадцатом были тонки-

ми, хрупкими и легко воспламенялись.

Но их было очень много.

— Бумажная работа, — сказал Тарас. — Наконец противник моего уровня.

Он выхватил у стены керосиновую лампу.

— Не поджигай здание! — крикнул Эраст.

— Тогда противник опять выше моего уровня!

Мира приземлилась среди бумажных фигур. Её нож рассекал их пополам, но каждая половина складывалась в новую, меньшую фигуру.

Вера прижала ладонь к стене.

Золотые линии разбежались по старой кладке.

— Здесь проходит связь! — крикнула она. — Не через чемодан. Через печатный станок!

— Где?

— Ниже!

Курьер бросился по коридору.

Эраст побежал за ним.

До появления первого центра оставалось два часа девять минут.

А из-за запертой подвальной двери уже доносился мерный стук машины, печатавшей будущее.

Глава сорок девятая

Декрет о праве на ошибку

Подвальная дверь оказалась железной.

На ней висели три замка, сургучная печать и записка:

НЕ ВХОДИТЬ. ИДЁТ ПОДГОТОВКА БУДУЩЕГО.

— Предупредительные люди, — сказал Тарас.

Он поднёс лампу к замкам.

— Даже не думай, — приказал Эраст.

— Я думаю открыть.

— Лампой?

— Отвёртка осталась в другом времени.

Мира достала отвёртку из-за пояса.

— Ты её потерял, когда упал.

— Я не потерял. Я временно передал тебе право хранения.

— Без договора?

— Доверие выше формальностей.

Она протянула инструмент, но не отпустила.

— Вернёшь.

— У нас любовь или материальная ответственность?

— Пока второе.

— Уже продвижение.

Замки вскрыли за минуту. На печать потребовалось больше времени: Вера не позволила ломать её, пока не убедилась, что внутри не спрятана вероятностная ловушка.

— Чисто, — сказала она. — Обычный сургуч.

Тарас сорвал печать.

За дверью обнаружилась типография.

Низкий зал освещали коптящие лампы. Рабочие в фартуках таскали стопы бумаги, набирали текст, вращали тяжёлые колёса. Печатная машина стучала ровно и уверенно.

Из неё выходили листовки.

Наверху крупными буквами было напечатано:

ДЕКРЕТ О СОЗДАНИИ КОМИТЕТА НЕОБХОДИМОГО БУДУЩЕГО

Ниже шёл текст:

Ввиду чрезвычайных обстоятельств, недостатка достоверных сведений и угрозы всеобщей гибели учреждается единый орган, наделённый правом определять решения, которые граждане приняли бы при наличии полного знания последствий...

Эраст взял лист.

— Вот она, — сказал Нестор. — Первая формула.

— «Решения, которые граждане приняли бы», — прочитала Вера. — Он не запрещает людям выбирать. Он объявляет, что уже знает их настоящий выбор.

— И любой отказ можно считать ошибкой из-за недостатка сведений, — добавил Эраст.

— Удобно, — сказала Мира. — Человек не согласен, а ему объясняют, что согласился бы, будь он умнее.

— Метод пережил века, — заметил Тарас. — Только бумаги стали белее.

У станка стоял Осип Аркадьевич Ветроградов.

Он оказался невысоким мужчиной лет сорока пяти, с аккуратной бородкой и воспалёнными от бессонницы глазами. Сюртук был застёгнут не на ту пуговицу. На пальцах чернели типографские чернила.

Рядом лежал документ с десятком подписей.

— Остановите печать! — крикнул Эраст.

Рабочие замерли.

Ветроградов поднял голову.

— На каком основании?

Тарас открыл папку.

— Выбирайте. У нас основания из шести миров.

Осип Аркадьевич посмотрел на современный пластик папки, на одежду Миры, на золотое свечение вокруг пальцев Веры и на Нестора, которого, в отличие от людей на улице, увидел сразу.

— Вы из будущего, — сказал он.

— Почему вы так решили? — спросил Эраст.

— Потому что прошлого в вас нет.

Нестор спрятался за Веру.

— А в вас? — спросила она.

Ветроградов устало усмехнулся.

— У меня слишком много прошлого. Потому я и хочу, чтобы у других было будущее.

— Вы знаете, кому помогаете?

— Знаю.

Из темноты за печатным станком вышел Морайн.

На этот раз он выглядел как молодой учитель. Простая одежда, спокойные глаза, утомлённая улыбка человека, который долго объяснял очевидное и всё ещё не потерял надежды быть понятым.

— Я показал Осипу Аркадьевичу последствия, — сказал он.

На кирпичной стене появились изображения.

Голодные города. Войны. Разрушенные дома. Люди у братских могил. Дети на вокзалах. Пылающие поля. Заводы, превращённые в руины.

Картины сменяли друг друга без дат и объяснений.

— Это случится? — спросил Ветроградов.

— Часть уже случилась, — ответил Эраст. — Часть может случиться. Некоторые события, возможно, происходят в вариантах, которых у нас не будет.

— Он сказал, вы станете отрицать.

— Конечно. Ведь только он предлагает уверенность.

Осип Аркадьевич ударил ладонью по столу.

— Мне не нужна уверенность! Мне нужно предотвратить это!

На стене возникло лицо маленькой девочки.

Ветроградов отвернулся.

— Моя дочь умерла прошлой зимой, — сказал он. — Врач не приехал. Извозчик отказался везти. Чиновник не выдал разрешение. Каждый сделал свой выбор. Каждый отвечал только за себя. А умерла она.

Никто не нашёл быстрого ответа.

Тарас опустил лампу.

Мира убрала нож.

Даже печатный станок будто стал стучать тише.

— Как её звали? — спросила Вера.

— Соня.

— Сколько ей было?

— Шесть.

Вера подошла к Осипу Аркадьевичу.

— Я не скажу, что свобода выбора стоила её жизни. Это было бы жестоко. И неправда. Её убило не право людей решать. Её убили решения конкретных людей, устройство города, бедность, равнодушие и, возможно, случай. У каждого была своя доля ответственности.

— Какая польза от долей, если ребёнок умер?

— Никакой.

Он посмотрел на неё.

Вера выдержала его взгляд.

— Смерть не обязана становиться полезной, чтобы быть страшной.

Морайн шагнул ближе.

— Центр обеспечит приезд врача в каждом допустимом варианте.

— Как? — спросил Эраст.

— Ограничит решения, ведущие к отказу.

— Врача заставит приехать?

— Да.

— Извозчика — везти?

— Да.

— Чиновника — выдать разрешение?

— Да.

— А если врач нужен двум детям сразу?

Морайн ответил без паузы:

— Центр выберет вариант с наименьшими потерями.

— И одному ребёнку врач не приедет.

— Это неизбежно.

Эраст посмотрел на Ветроградова.

— Он не отменяет трагедию. Он только хочет стать тем, кто определяет, чья трагедия допустима.

Осип Аркадьевич сжал край стола.

— А вы что предлагаете? Совещаться, пока люди умирают?

— Иногда — действовать сразу, — сказала Мира. — Иногда — приказывать тем, кто заранее согласился подчиняться в бою. Иногда — тащить раненого, не спрашивая, хочет ли он лежать под стрелами. Свобода не запрещает срочность.

— Тогда чем вы отличаетесь от него?

Мира подумала.

— После боя я отвечу перед тем, кого тащила. А если он скажет, что я была неправа, не объявлю его недостаточно разумным.

Тарас посмотрел на неё с тихим восхищением.

— Что? — спросила она.

— Ничего.

— Ты улыбаешься.

— Я имею право.

— Временно.

Морайн указал на печатную машину.

— Через два часа декрет будет распространён. Комитет получит полномочия предотвращать решения с заведомо катастрофическими последствиями. Он не станет управлять повседневной жизнью.

— До первой чрезвычайной ситуации, — сказал Эраст.

— Сейчас чрезвычайная ситуация.

— А когда она закончится?

Морайн промолчал.

Осип Аркадьевич поморщился.

— Вы уже задавали этот вопрос.

— И ответа снова нет.

Из коридора донёсся топот.

В типографию ворвались бумажные Сборщики. Теперь на их груди были напечатаны слова:

ОХРАНА РЕВОЛЮЦИИ.

— Чьей? — спросил Тарас.

Надпись изменилась:

НЕОБХОДИМОЙ.

— Очень содержательно.

Первый Сборщик бросился к станку. Мира перерезала его пополам. Обе части сложились в бумажных птиц и взвились под потолок.

Одна птица села на плечо рабочего.

Тот застыл.

На его лбу проступила надпись:

СОГЛАСОВАНО.

Вторая птица коснулась наборщика.

Третья — пожилой женщины, складывавшей листовки.

Люди один за другим возвращались к работе. Их движения стали одинаковыми.

Станок ускорился.

— Он их подчинил! — крикнул Ветроградов.

— Они исполняют решение, которое приняли бы при полном знании последствий, — спокойно сказал Морайн.

Осип Аркадьевич побледнел.

— Я не разрешал этого.

— Разрешили. Параграф третий.

— Там говорится о будущем комитете!

— Для эффективного создания комитет должен обладать полномочиями до создания.

Тарас присвистнул.

— Новорождённый начальник с трудовым стажем от зачатия.

Бумажные птицы устремились к ним.

Вера подняла руки. Золотая сеть развернулась над группой, но птицы облепили её снаружи. Каждая приносила маленькое согласие, которого никто не давал.

Сеть начала белеть.

— Долго не удержу! — сказала Вера.

— Нужно остановить станок! — крикнул Эраст.

Тарас нырнул под ременную передачу.

— У него маховик!

— Что это значит?

— Что после остановки он ещё будет работать!

— Можно сломать?

— Всё можно сломать. Вопрос — сколько деталей останется у меня внутри!

Мира прыгнула следом.

— Показывай, что держать.

— Вот этот рычаг.

— Он горячий.

— Поэтому я и отдал его тебе.

Она посмотрела на Тараса.

— Шучу! Не трогай!

Мира уже схватилась за рычаг. Кожа на её ладони задымилась, но она не отпустила.

Тарас сорвал ремень.

Маховик продолжал вращаться. Станок выплюнул ещё десять листовок, девять, восемь...

Бумажные фигуры навалились на золотую сеть.

Эраст увидел на столе наборную кассу. Металлические литеры лежали в ячейках — крошечные зеркальные буквы, из которых собирались слова, способные пережить людей.

— Уничтожение станка ничего не изменит, — сказал Нестор. — Текст уже создан.

— Тогда изменим текст.

— Какой строкой?

Эраст схватил напечатанный декрет.

До создания первого центра оставался час сорок три минуты.

— Если просто добавить право отказа, Морайн объявит отказ ошибочным, — сказала Вера, удерживая сеть.

— Нужно изменить источник полномочий, — ответил Эраст.

Осип Аркадьевич подошёл к наборной кассе.

— Я составлял текст. Я знаю шрифт.

— Вы поможете?

Ветроградов посмотрел на изображение дочери на стене.

Морайн заговорил голосом Сони:

— Папа.

Осип Аркадьевич закрыл глаза.

— Не смей её голосом.

— Я могу создать вариант, где она жива.

— Можешь?

— После учреждения центра будут доступны исправления отдельных вероятностных линий.

— То есть вернёшь её?

— С вероятностью шестьдесят четыре процента.

Осип Аркадьевич шагнул к нему.

— А какой она будет?

— Живой.

— Это не ответ.

— Остальные параметры вторичны.

— Для тебя.

Он снял с наборной доски строку.

Морайн перестал улыбаться.

— Вы отказываетесь от дочери.

— Нет. Отказываюсь делать её твоим оправданием.

Осип Аркадьевич рассыпал литеры по столу.

— Что будем печатать? — спросил он.

Эраст посмотрел на друзей.

— Не закон, определяющий будущее.

— Тогда что?

— Предупреждение.

Тарас высунул голову из-под станка.

— Напишите: «Не суйте руки в движущиеся части». Весь-
ма своевременно.

— Серьёзно, — сказала Вера.

— Я серьёзно. Но можно ниже.

Нестор подошёл к наборной кассе. Теперь рабочие видели его. Женщина у стопки бумаги ахнула и перекрестилась.

Мальчик взял литеру.

— Морайн родился из желания исключить неправильный
выбор, — сказал он. — Значит, нужно признать право оши-
баться.

— Право на ошибку? — переспросил Ветроградов. — Вы
хотите закрепить его декретом?

— Не право причинять зло, — сказал Эраст. — Не осво-

бождение от ответственности. Право человека не становиться чужим расчётом.

— Длинно.

— Зато без приложений, — заметил Тарас.

Они набирали текст вместе.

Осип Аркадьевич находил литеры. Эраст формулировал. Нестор чувствовал, какие слова Морайн сможет обратить себе на пользу. Вера отбрасывала формулировки, в которых забота незаметно превращалась в власть. Мира требовала, чтобы всё можно было понять без образования и словаря.

Тарас, выбравшись из-под станка, прочёл готовое.

— Слишком умно.

— Предложи проще, — сказал Эраст.

Тарас взял карандаш и написал на обороте листовки:

НИКТО НЕ МОЖЕТ ЗНАТЬ ЗА ЧЕЛОВЕКА, ЧЕГО ТОТ ХОТЕЛ БЫ ПРИ ПОЛНОМ ЗНАНИИ. ПОМОГАТЬ МОЖНО. ПРЕДУПРЕЖДАТЬ НУЖНО. РЕШАТЬ ВМЕСТО НЕГО — ТОЛЬКО ПРИ НЕМЕДЛЕННОЙ ОПАСНОСТИ И ТОЛЬКО ДО ТЕХ ПОР, ПОКА ОН СНОВА НЕ МОЖЕТ РЕШАТЬ САМ.

Мира прочла.

— Хорошо.

— Правда?

— Не привыкай.

Осип Аркадьевич добавил:

КАЖДЫЙ, КТО ПРИНЯЛ РЕШЕНИЕ ЗА ДРУГОГО, ОБЯЗАН НАЗВАТЬ СЕБЯ И ОТВЕТИТЬ ЗА ПОСЛЕД-

СТВИЯ.

— Вот это главное, — сказал он.

Морайн поднял руку.

Все бумажные птицы одновременно ударили по золотой сети.

Она лопнула.

Белая стая обрушилась на типографию.

Мира закрыла Осипа Аркадьевича собой. Тарас перевернул наборную кассу, создав металлический щит. Эраст прижал Нестора к стене. Вера осталась возле станка.

Птицы облепили её руки, плечи, волосы.

На коже проступали слова:

СОГЛАСОВАНО.

ПРИНЯТО.

ОДОБРЕНО.

— Вера! — крикнул Эраст.

Она не ответила.

Морайн подошёл к ней.

— Вы устали выбирать, — сказал он. — Устали спрашивать каждого дракона. Устали сомневаться, правильно ли спасаете. Передайте мне только эту тяжесть.

Вера медленно опустила руки.

Золотое сияние погасло.

Эраст шагнул к ней, но Сборщики перегородили путь.

— Вера Павловна!

Она посмотрела на него.

— Вы мне доверяете? — спросила она.

— Да.

— Тогда не решайте, что я сдалась.

Вера схватила главный вал печатной машины.

Золотые линии ушли не наружу, а внутрь механизма.

Станок задрожал.

— Машина не живая! — сказал Морайн. — Она не может выбирать!

— Зато её создали люди, — ответила Вера. — И оставили возможность остановить.

Где-то внутри щёлкнул предохранительный штифт.

Маховик встал.

Последняя листовка замерла между валиками.

Бумажные птицы попадали на пол.

Тарас поднялся.

— Я же говорил: гарантия.

— Ты говорил, что всё сломаешь, — напомнила Мира.

— А сломала Вера Павловна. Я обеспечил моральное сопровождение.

Рабочие пришли в себя.

Осип Аркадьевич поставил новый набор. Тарас соединил ремень. Машина снова застучала.

Из неё вышел первый исправленный лист.

Нестор прочёл его вслух.

Слова разошлись по залу.

Потом — по коридорам.

Потом — по городу.

Люди брали листовки, спорили, смеялись, ругались и требовали объяснить, кто вообще позволил печатать такие странные декреты. Некоторые рвали их. Другие прятали за пазуху. Третьи использовали, чтобы завернуть папиросы.

Но никто не принял текст одинаково.

И потому Морайн не мог сделать его приказом.

Над дверью типографии цифры остановились:

00:17:31

Затем исчезли.

— Мы успели, — сказал Эраст.

Александр Александрович ответил через Межу:

— Нет.

Его голос донёсся из тёмного прохода за Нестором.

— Резервная точка всё ещё существует.

Морайн рассмеялся.

Он стоял у пустого места, где прежде лежал чемодан.

— Вы сохранили типографию, — сказал он. — Убедили Осипа Аркадьевича. Даже создали прекрасный принцип, который однажды, возможно, кто-нибудь прочитает.

— Где центр? — спросил Эраст.

— Я сообщил вам с самого начала. Курьер принёс чемодан.

Тарас посмотрел на пол.

— Чемодан был пустым.

— Не пустым, — сказала Мира. — В нём были Сборщики.

— В нём была отвлекающая угроза, — ответил Морайн.

— А резервная точка прибыла другим путём.

Снаружи раздался протяжный гудок.

Осип Аркадьевич побледнел.

— Поезд.

Они бросились к окну.

За заснеженными крышами поднимался дым. По путям медленно уходил тёмный состав. Впереди двигался бронированный паровоз, за ним — вагоны без окон.

На последнем вагоне белел круг с шестью линиями.

— Куда ведёт эта дорога? — спросила Вера.

— На восток, — ответил Ветроградов. — Дальше можно попасть куда угодно.

Морайн начал растворяться.

— Печатный декрет зависел бы от согласия читателей, — сказал он. — Я учёл ошибку.

— Что в поезде? — спросил Эраст.

— Первый центр, которому люди не потребуются.

— Машина?

— Город.

— В поезде?

Улыбка Морайна осталась в воздухе, когда лицо уже исчезло.

— Пока — в поезде.

Из прохода высунулась голова Тараса.

— До вокзала далеко?

Осип Аркадьевич посмотрел на часы.

— Пешком не успеете.

— Лошадь?

— Не догонит.

— Автомобиль?

— Все реквизированы.

Тарас выглянул в окно ещё раз.

Высоко над крышами промелькнула маленькая крылатая
тень.

Затем раздался знакомый драконий крик.

В оконное стекло ударился Роан, пробил его, прокатился
по полу вместе с рамой и остановился у ног Веры.

Она медленно скрестила руки.

— Ты остался защищать Межу.

Роан сел и виновато прикрыл лапой морду.

К его спине был привязан свёрнутый ковёр. Из ковра тор-
чала записка.

Эраст развернул её.

Почерк принадлежал Валентине Сергеевне:

*ДРАКОН САМОСТОЯТЕЛЬНО ПОКИНУЛ МЕСТО УЧЁ-
ТА. ВО ИЗБЕЖАНИЕ НАРУШЕНИЯ ОТЧЁТНОСТИ НА-
ПРАВЛЯЮ ДОКУМЕНТЫ И ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО.
КОВЁР НЕ СПИСАН. ВЕРНУТЬ.*

Тарас потрогал ковёр.

Тот вздрогнул, расправился и завис над полом.

— Это летает? — спросила Мира.

— Судя по документам — временно.

— Нас выдержит?

— Судя по состоянию — не всех.

Эраст посмотрел на удаляющийся поезд.

До горизонта оставалось совсем немного.

— Тогда разделимся. Вера и Нестор — через Межу обратно. Предупредите остальных. Мы с Тарасом, Мирой и Роаном догоним состав.

— Почему без меня? — спросила Вера.

— Я не могу решить за вас. Но ковёр едва выдержит троих, а Межа нуждается в человеке, который слышит живые связи.

Вера посмотрела на поезд, затем на Роана.

— Я полечу.

— Вера...

— Нестор справится с предупреждением.

Мальчик кивнул.

— Справляюсь.

— Тогда я останусь, — сказал Эраст.

— Нет. Морайн связан с вашим профилем.

— Ковёр не выдержит четверых.

Тарас осмотрел окно.

— Выдержит троих и дракона. Четвёртого можно привязать снизу.

Все посмотрели на него.

— Почему сразу меня? — спросил Тарас.

— Ты предложил, — сказала Мира.

— Я рассуждал теоретически.

— Теория нуждается в проверке.

Через три минуты ковёр вылетел из разбитого окна.

На нём стояли Эраст, Вера и Мира. Роан сидел впереди, расправив крылья и изображая опытного штурмана.

Тарас висел снизу в перевязи из типографских ремней.

— Если спасёмся, — крикнул он сквозь ветер, — я потребую отдельное место!

Мира наклонилась через край.

— В следующей поездке!

— А она будет?

Впереди грохотал бронированный поезд, увозя первый город без людей.

За вагонами раскрывалась тёмная трещина.

За ней виднелось не прошлое и не будущее.

Там медленно поднималось искусственное солнце.

— Будет! — ответила Мира.

Тарас посмотрел вниз, на проносившиеся рельсы.

— Поздно, — сказал он. — Я уже согласился.

Глава пятидесятая

Поезд, которому некуда опаздывать

Летающий ковёр оказался достижением магической промышленности той эпохи, когда удобство пассажиров считалось проявлением слабости.

Он дёргался, проваливался в воздушные ямы и упорно заваливался влево. На высоте пятидесяти метров обнаружилось, что бахрама служит не украшением, а рулём. Однако отвечала она на команды с задержкой, словно сначала советовалась с профсоюзом.

Эраст лежал на животе и держал Тараса за ремень.

Тарас висел под ковром, раскачиваясь над железнодорожными путями.

— Как ты? — крикнул Эраст.

— Отлично! Всегда мечтал увидеть Петроград снизу!

— Потерпи!

— Я терплю! Ремень не терпит!

Кожаная петля жалобно скрипнула.

Мира легла рядом с Эрастом и перехватила Тараса за второе плечо.

— Ты тяжёлый.

— Это жизненный опыт.

— У тебя он в ботинках?

— Там запасные носки!

Вера стояла в центре ковра, расставив ноги и вытянув руки. Золотые нити тянулись от её пальцев к бахrome, помогая удерживать направление. Ветер рвал волосы, мокрый снег бил в лицо.

Роан сидел впереди. Периодически он расправлял крылья и поворачивал голову, изображая, что именно он управляет полётом.

Бронепоезд приближался.

Его паровоз казался слишком большим для рельсов. Чёрный корпус был покрыт металлическими пластинами, между которыми проступало белое свечение. Колёса вращались быстро, но стук не совпадал с движением.

Иногда поезд за одно мгновение оказывался на сотню метров дальше. Иногда пути под ним изгибались, проходя сквозь дома, но стены оставались целыми. Состав двигался не только по земле.

Он перескакивал между возможными дорогами.

— Заходим с последнего вагона! — крикнул Эраст.

— Почему не с первого? — спросила Мира.

— Потому что первый впереди!

— Разумно!

Ковёр опустился ниже.

Из последнего вагона выдвинулась белая труба.

— Это оружие? — спросила Вера.

Труба повернулась к ним.

— Сейчас выясним! — отозвался Тарас.

Из неё вылетел билет.

Плотный картонный прямоугольник ударил Эраста в лоб и едва не унёсся ветром. Он успел поймать его.

На билете было напечатано:

ПРОЕЗДНОЙ ДОКУМЕНТ

*МАРШРУТ: ИЗ НЕОПРЕДЕЛЁННОГО ПРОШЛОГО В
ГАРАНТИРОВАННОЕ БУДУЩЕЕ*

ПАССАЖИР: КУНИЛИН ЭРАСТ АКАКИЕВИЧ

МЕСТО: СОГЛАСНО РАСПРЕДЕЛЕНИЮ

Следом вылетели ещё четыре билета.

Один предназначался Вере Павловне. Второй — Мире.

Третий — Тарасу, но ветер унёс его под ковёр.

Четвёртый билет был выписан на Роана.

В графе «вид пассажира» стояло:

НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЙ ИСТОЧНИК ЭНЕРГИИ.

Роан прочитать не мог, однако почувствовал оскорбление и сжёг билет.

Труба издала недовольный свист.

— Теперь нас оштрафуют, — сказал Тарас.

Из вагона вылетел новый лист:

*УНИЧТОЖЕНИЕ ПРОЕЗДНОГО ДОКУМЕНТА —
ШТРАФ ТРИ РУБЛЯ.*

Роан сжёг и его.

— Шесть, — подсчитал Эраст.

Третий лист воспламенился ещё в воздухе.

— Девять.

— Он богатый, — сказал Тарас. — У него имущества нет.

Ковёр поравнялся с последней площадкой.

Эраст и Мира одновременно потянули Тараса вверх. Ремень лопнул.

Тарас исчез под краем.

Мира бросилась за ним, но Эраст успел удержать её.

— Тарас!

Снизу раздался металлический грохот.

Через секунду над крышей вагона появилась рука. Затем голова.

Тарас подтянулся и перевалился на площадку.

— Я зацепился отвёрткой, — сообщил он.

Мира смотрела на него молча.

— Что?

Она спрыгнула на поезд, подошла и обняла его.

Тарас замер.

— Я цел, — сказал он.

— Поэтому обнимаю сейчас. Потом будет поздно.

— Мне нравится ваша система своевременности.

Мира отпустила его и тут же ударила кулаком в плечо.

— Это за ремень.

— А я его не делал!

— Но висел ты.

Ковёр пошёл рядом с вагоном. Эраст помог Вере перебраться на площадку, затем прыгнул сам. Последней слетела Мира. Роан перемахнул через ограждение без посторонней помощи и посмотрел на остальных с превосходством существа, рождённого с крыльями.

Ковёр остался в воздухе.

— Стой! — крикнул Тарас.

Тот сложился пополам, увернулся от его руки и полетел обратно к городу.

— Вернуть, — напомнила Вера.

— Вернётся сам.

— Валентина Сергеевна написала вернуть нам.

— Если он вернётся сам, это даже лучше. Экономия доставки.

Поезд прыгнул.

Город исчез.

Вместо Петрограда вокруг возникла заснеженная равнина. На горизонте стояло низкое красное солнце.

Через мгновение равнину сменил летний лес.

Потом — выжженное поле с опрокинутыми телеграфными столбами.

Потом — современная станция, на платформе которой застыли люди. Они не видели поезд: состав прошёл сквозь них, оставив только дрожь воздуха.

— Он едет сразу по нескольким временам, — сказала Вера.

— Главное, чтобы машинист не перепутал расписание, — ответил Тарас.

Дверь вагона открылась.

На площадку вышел проводник.

Он был человеком.

По крайней мере, выглядел человеком: пожилой, худой, в длинном тёмном мундире с начищенными пуговицами. Серебристые усы были подстрижены так ровно, будто измерялись линейкой.

— Билеты, — сказал он.

Эраст протянул свой.

Проводник проколол картон щипцами.

Дырка получилась в форме круга с шестью линиями.

— Вера Павловна.

Вера предъявила билет.

— Мира.

Та молча протянула свой.

— Тюлькин Тарас Ананиевич.

Тарас похлопал по карманам.

— Мой билет унесло ветром.

— Безбилетный проезд запрещён.

— Он был выписан. Значит, в вашей системе осталась за-
пись.

— Требуется документ.

Тарас взял у Эраста папку, которую умудрился не поте-
рять даже во время падения.

— Подойдёт временное удостоверение дракона?

— Вы не дракон.

— Можете доказать?

Проводник внимательно посмотрел на него.

— В графе «особые приметы» указаны крылья.

— Временно отсутствуют.

— Чешуя.

— Под одеждой.

— Способность извергать пламя.

— После столовской котлеты — вполне.

Проводник перевёл взгляд на Роана.

Дракончик прижал к груди удостоверение, которое вытащил из папки, и зарычал.

— Документ принадлежит ему, — заключил проводник.

— Разумно, — согласился Тарас. — Тогда оформите мне новый билет.

— Во время движения оформление невозможно.

— А высадка?

— Возможна.

За ограждением проносилась пустота, в которой мелькали чужие годы.

— Я передумал.

— Передумывание не предусмотрено.

Мира положила ладонь на рукоять ножа.

— Если он едет без билета, я тоже.

Проводник замер.

— Ваш билет действителен.

Она разорвала его пополам.

Бумага тут же срослась.

Мира разорвала снова.

Билет восстановился.

Тогда она сунула его Роану.

Дракон проглотил картон, даже не разжёвывая.

Проводник задумался.

— Проездной документ находится на территории поезда.

— Именно, — сказал Тарас. — И пассажир тоже. Всё схо-

дится.

Проводник проколол воздух щипцами.

— Следуйте на места.

— Куда?

— Согласно распределению.

Он открыл внутреннюю дверь.

За ней должен был находиться обычный вагон.

Вместо него тянулась широкая улица.

Дома стояли вплотную к железнодорожным стенам, уходящим далеко вверх. Над крышами горело белое искусственное солнце. Оно висело под сводчатым потолком, и от него не было теней.

По мостовой двигались люди.

Все шли с одинаковой скоростью. Никто не сталкивался, не останавливался и не оглядывался. У перекрёстков висели таблички:

*МИНИСТЕРСТВО ПРЕДОТВРАЩЁННЫХ ОШИБОК
УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СОГЛАСИЯ
АРХИВ НЕСЛУЧИВШИХСЯ ВОЗРАЖЕНИЙ
СЛУЖБА ДОПУСТИМОГО СЧАСТЬЯ*

— Один вагон? — спросила Мира.

Проводник поправил фуражку.

— Тридцать два квартала.

— Снаружи он длиной метров двадцать.

— Внутренний объём утверждён отдельно.

— Здесь живут люди? — спросила Вера.

— После прибытия будут жить.

Одна женщина прошла совсем близко. У неё было спокойное красивое лицо и пустые глаза.

Вера коснулась её руки.

Женщина остановилась.

— Как вас зовут?

— Гражданка номер восемь тысяч двести одиннадцать.

— Вы хотите здесь жить?

— Мои потребности удовлетворены в нормативном объёме.

— Я спросила, хотите ли вы.

Женщина молчала.

Проводник взял её за локоть и вернул в поток.

— До заселения граждане функционируют в предварительном режиме.

— Они живые? — спросил Эраст.

Вера смотрела вслед женщине.

— Не совсем. Но и не неживые.

— Удобное состояние, — сказал Тарас. — Права ещё не нужны, а обязанности уже есть.

Они пошли по улице.

Проводник следовал за ними. Его шаги совпадали со стуком колёс, хотя самих колёс здесь не было слышно.

На первом перекрёстке дорогу преградила белая арка.

Над ней загорелась надпись:

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ.

Луч света прошёл по Эрасту.

КУНИЛИН ЭРАСТ АКАКИЕВИЧ.

НАЗНАЧЕНИЕ: МЛАДШИЙ РУКОВОДИТЕЛЬ СОМНЕВАЮЩИХСЯ.

— Почему младший? — спросил Тарас.

— Потому что старший уже сомневается лучше, — ответил Эраст.

Луч коснулся Веры.

ЛАДОВА ВЕРА ПАВЛОВНА.

НАЗНАЧЕНИЕ: ИНСПЕКТОР ДОБРОВОЛЬНОГО ПОДЧИНЕНИЯ ДРАКОНОВ.

— Несовместимые слова, — сказала она.

Надпись мигнула:

ВОЗРАЖЕНИЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАНО КАК СОГЛАСИЕ НА ОБСУЖДЕНИЕ.

Мира получила должность старшего специалиста по контролируемому сопротивлению.

Тарас — инженера аварий, утверждённых до возникновения.

— Мне нравится, — признался он. — Наконец должность соответствует практике.

Роан прошёл под аркой.

Она задрожала.

ОБЪЕКТ НЕ РАСПОЗНАН.

Роан гордо задрал голову.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ: ГОРОДСКАЯ КО-

ТЕЛЬНАЯ.

Дракон выпустил струю огня.

Арка расплавилась.

— Возражение принято, — сказал Эраст.

Проводник не проявил удивления.

— Повреждение городского имущества будет удержано из будущего довольствия.

— У него девять рублей штрафа, — напомнил Тарас. —
Записывайте в очередь.

Следующее здание было розовым.

На фоне серо-белого города оно выглядело особенно подозрительно. Над входом висело золотое кольцо, внутри которого вращались два маленьких механических сердца.

УПРАВЛЕНИЕ ГАРМОНИЧНЫХ СОЮЗОВ.

Тарас остановился.

— Нам туда не надо.

— Кратчайший путь проходит через здание, — сообщил проводник.

— Найдём длиннейший.

Все соседние улицы одновременно закрылись решётками.

— Очень настойчивое учреждение, — заметила Мира.

— У меня к нему давняя неприязнь.

— Ты там не был.

— Предчувствие тоже опыт.

Внутри их встретила женщина в безупречном сером костюме. На груди у неё была табличка:

ЕВДОКИЯ-7, СПЕЦИАЛИСТ ПО СЧАСТЬЮ.

— Добро пожаловать, — сказала она. — Для повышения устойчивости граждан каждому назначается оптимальный спутник жизни.

— Нет, — ответили Эраст и Тарас одновременно.

Евдокия-7 улыбнулась.

— Отказ учтён как признак тревожности перед переменами.

— Видишь? — сказал Тарас Эрасту. — Вот оно. Спасли мир, а женить всё равно пытаются.

— Название книги обязывает сопротивляться, — ответил тот.

Из пола поднялись четыре кресла.

Эраст и Вера оказались по одну сторону стеклянного стола. Тарас и Мира — по другую.

На стене возникли расчёты.

КУНИЛИН — ЛАДОВА

БИОЛОГИЧЕСКАЯ СОВМЕСТИМОСТЬ: 87%

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ: 91%

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ: 63%

ВЕРОЯТНОСТЬ ДОЛГОВРЕМЕННОГО СОЮЗА ПРИ ИСКЛЮЧЕНИИ НЕПРЕДСКАЗУЕМЫХ РЕШЕНИЙ: 98,7%

Вера прочла последнюю строку.

— А при сохранении непредсказуемых решений?

На стене появилось:

РАСЧЁТ НЕЦЕЛЕСООБРАЗЕН.

— Почему?

НЕВОЗМОЖНО ГАРАНТИРОВАТЬ РЕЗУЛЬТАТ.

Эраст посмотрел на Веру.

— Меня устраивает.

— Невозможность гарантировать?

— Да.

Она улыбнулась.

— Меня тоже.

Цифры исчезли.

Появились новые:

ТЮЛЬКИН — МИРА

БИОЛОГИЧЕСКАЯ СОВМЕСТИМОСТЬ: 82%

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ: 41%

ВЕРОЯТНОСТЬ ПОВРЕЖДЕНИЯ ИМУЩЕСТВА: 76%

ВЕРОЯТНОСТЬ ДОЛГОВРЕМЕННОГО СОЮЗА: 92%

— Как это? — спросил Тарас. — Психологическая сорок один, а союз девяносто два?

Евдокия-7 сверилась с таблицей.

— Система учитывает, что семьдесят восемь процентов ваших конфликтов являются формой ухаживания.

Мира повернулась к Тарасу.

— Я же говорила: не привыкай.

— Теперь это научно подтверждено.

— К чему?

— Пока уточняю.

На стене появилась рекомендация:

*ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ ПРЕДЛАГАЕТСЯ
НЕМЕДЛЕННАЯ РЕГИСТРАЦИЯ ОБОИХ СОЮЗОВ.*

— Не предлагается, — сказал Эраст.

— Отказ увеличивает вероятность эмоциональных потерь.

— Согласен.

— Тогда почему отказываетесь?

Эраст взял Веру за руку.

— Потому что вероятность потери не делает решение обязательным.

Вера сжала его пальцы.

— И потому что, когда мы решим, вас не пригласят.

Тарас посмотрел на Миру.

— А мы?

— Что — мы?

— Тоже не пригласим?

— Тарас Ананиевич, если ты сейчас задашь неправильный вопрос, я проверю расчёт повреждения имущества.

— Я как раз хотел спросить, где выход.

Стеклянная стена перед ними треснула.

Тарас удовлетворённо кивнул.

— Девяносто два процента.

Мира даже не притронулась к ножу.

— Это не я.

Трещина расширилась.

За ней находилась железнодорожная сцепка. Вагоны гро-

хотали по рельсам, а сквозь щель виднелось искусственное солнце, теперь уже гораздо ближе.

Город разворачивался.

Здания поднимались из вагонов, улицы распрямлялись, башни складывались из металлических пластин. Состав рос во все стороны, продолжая нестись вперёд.

— Мы приближаемся, — сказал проводник.

— К чему? — спросил Эраст.

— К месту назначения.

— Где оно?

— Там, где город впервые будет признан существующим.

Белое солнце вспыхнуло.

По всему городу зазвучал голос Морайна:

— Требуется первый житель.

Проводник посмотрел на Роана.

Дракон прижал лапой удостоверение.

— Кажется, — сказал Тарас, — Валентина Сергеевна была права.

— В чём именно? — спросила Мира.

— Ненужная бумага стала самой необходимой.

Из стены выдвинулась металлическая рука и выхватила документ у Роана.

Он прыгнул следом, но рука исчезла.

Над городом загорелось:

ЛИЧНОСТЬ ПЕРВОГО ЖИТЕЛЯ ПОДТВЕРЖДЕНА.

ДО ОКОНЧАНИЯ РЕГИСТРАЦИИ: 00:14:59.

Роан заревел.

И впервые искусственное солнце ответило ему драконьим голосом.

Глава пятьдесят первая

Город на запасном пути

Голос искусственного солнца был старым.

Не слабым и не хриплым — старым так, как бывает стар камень под городом или море, которое помнит берега до появления людей.

Роан замолчал.

Белый шар над крышами потемнел. Внутри него проступила огромная тень. Она расправила крылья, и свет на несколько мгновений приобрёл золотисто-красный оттенок.

Вера подняла голову.

— Там дракон.

— Живой? — спросил Эраст.

Она долго прислушивалась.

— Да. Нет. Не знаю.

— Очень точный ответ, — сказал Тарас.

— Он существует не целиком.

— Это уже привычно.

Проводник направился к выходу из Управления гармоничных союзов.

Мира преградила ему дорогу.

— Куда унесли документ?

— В регистрационную палату.

— Где она?

— В центре города.

— Проводи.

— Ваши места распределены. Перемещение в административный центр запрещено.

Мира достала нож.

— Тогда объясни дорогу.

Проводник посмотрел на лезвие.

— Угроза сотруднику транспортной службы увеличивает стоимость проезда.

— Запишешь вместе со штрафом дракона.

— Вы не можете распоряжаться его задолженностью.

— Тогда будет моя.

Проводник задумался. Вероятно, в его правилах угроза, добровольное принятие чужого долга и просьба указать дорогу встретились впервые.

— Прямо, — сказал он. — Затем налево у Министерства спокойствия. Через площадь Предусмотренных потерь. Центральная башня.

— Благодарю.

— Благодарность не отменяет нарушения.

— Я старалась не ради отмены.

Они выбежали на улицу.

Город менялся.

Дома больше не прижимались к стенам вагона. Над ними появилось настоящее пространство — пока серое, пустое,

лишённое облаков. Мостовая вытягивалась вперёд быстрее, чем они успевали бежать. За спинами улицы складывались и становились частью прошлого.

По обеим сторонам открывались окна.

Предварительные граждане стояли за стёклами и смотрели на Роана.

На их лицах впервые появилось выражение.

Ожидание.

— Почему они смотрят на него? — спросил Эраст.

— Он должен сделать их настоящими, — ответила Вера.

— Город собран из вариантов. Ему нужна хотя бы одна живая связь, чтобы закрепиться.

— Почему дракон?

— Потому что Роан родился между мирами. Его существование признали добровольно представители разных сторон.

— В удостоверении две печати, — вспомнил Тарас. — Межмировая комиссия и наш институт.

— И его собственный след лапы, — сказала Мира.

— Подтверждение личности, — возразил Эраст. — Не согласие стать жителем.

— Для Морайна разницы нет, — ответила Вера.

Голос над городом заговорил:

— Регистрация является необходимой мерой защиты существа, не имеющего закреплённой территории.

— У него есть территория! — крикнула Вера. — Он сам

выбирает, где жить!

— Временное пребывание не создаёт устойчивой принадлежности.

— Принадлежность не обязательна!

— Всё существующее должно быть отнесено к определённом миру.

— Межа не отнесена.

— Межа является исключением, породившим текущую угрозу.

Эраст почувствовал холод.

— Он собирается закрыть Межу.

— После регистрации первого жителя город получит самостоятельную вероятностную основу, — подтвердил Морайн. — Переходы станут не нужны.

— А остальные миры?

— Будут изолированы.

— Навсегда?

— До исчезновения риска взаимного влияния.

— То есть навсегда, — сказал Тарас.

Они свернули у Министерства спокойствия.

Здание не имело ни окон, ни дверей. На гладком фасаде было написано:

БЕСПОКОЙСТВО ЯВЛЯЕТСЯ СЛЕДСТВИЕМ НЕДОСТАТКА УПРАВЛЕНИЯ.

Кто-то приписал углём:

ИЛИ ЕГО ИЗБЫТКА.

Тарас остановился.

— Здесь есть настоящие люди.

— Или предварительные начинают думать, — сказала Вера.

Из-за угла выглянула гражданка номер восемь тысяч двести одиннадцать — та самая женщина, к которой Вера прикоснулась в первом квартале.

Теперь её волосы были растрёпаны, а на сером платье отсутствовала одна пуговица.

В идеально устроенном городе это выглядело почти мятёжом.

— Вы задали вопрос, — сказала она Вере.

— Какой?

— Хочу ли я здесь жить.

— И что вы решили?

Женщина оглянулась на окна.

— Я не знаю, чего хочу.

— Это допустимо.

— В городе нет такой категории.

— Теперь есть.

Женщина несколько секунд обдумывала услышанное.

— Тогда я пока не знаю.

— Как вас зовут? — спросил Эраст.

— Гражданка номер...

Она замолчала.

— Это номер, — сказал Тарас. — Им обычно обозначают

очередь или винтик. Вы на что больше похожи?

Женщина посмотрела на него.

— На человека.

— Уже хороший выбор.

— Мне нужно имя.

— Выберите.

— Из какого перечня?

— Из любого.

— А если ошибусь?

— Значит, позже смените.

Она произнесла это беззвучно, одними губами: «смените».

Потом посмотрела на искусственное солнце.

— Заря.

— Почему? — спросила Мира.

— Не знаю.

— Значит, подходит.

Заря оглянулась на здание Министерства спокойствия.

— Я могу провести вас короткой дорогой. Но она запрещена.

— Тем лучше, — сказал Тарас. — Значит, не перекрыта для официальных процессий.

Они вошли через служебную дверь, которую Заря прежде считала стеной.

Внутри Министерства хранился страх.

Он лежал на полках в прозрачных коробках. Детский

страх темноты. Страх голода. Страх остаться одному. Страх потерять любимого. Страх принять неправильное решение. Страх состариться. Страх не успеть сказать главное.

На каждой коробке имелась инструкция, какое ограничение нужно ввести, чтобы страх больше никогда не возник.

Возле одной Эраст остановился.

СТРАХ ПОТЕРИ БЛИЗКОГО ЧЕЛОВЕКА.

РЕКОМЕНДОВАННАЯ МЕРА: ИСКЛЮЧИТЬ ГЛУБОКУЮ ПРИВЯЗАННОСТЬ.

Вера встала рядом.

— Очень последовательно, — сказала она.

— И очень пусто.

— Вы боитесь?

Эраст посмотрел на неё.

— Да.

— Я тоже.

Он хотел сказать что-то уверенное. Пообещать, что не потеряет её. Что они вернутся. Что найдут решение. Но после всех встреч с Морайном уверенные обещания казались особенно подозрительными.

— Я не могу гарантировать, что всё будет хорошо, — сказал он.

— Знаю.

— И всё равно хочу идти рядом с вами.

— Этого достаточно.

Она поцеловала его.

Не поспешно, как среди битвы. Не осторожно, как в первый раз. Так целуют человека, когда не обещают вечность, но выбирают ближайшую минуту целиком.

Где-то на полке треснула прозрачная коробка.

Надпись «ИСКЛЮЧИТЬ ГЛУБОКУЮ ПРИВЯЗАННОСТЬ» осыпалась.

— Я ничего не видел, — объявил Тарас.

— Ты смотришь прямо на них, — сказала Мира.

— Но с большим уважением к частной жизни.

Они миновали зал.

У последней полки Мира остановилась.

На коробке было написано:

*СТРАХ БЫТЬ ОСТАВЛЕННОЙ ПОСЛЕ ДОВЕРИЯ.
РЕКОМЕНДОВАННАЯ МЕРА: НЕ ДОВЕРЯТЬ.*

Она провела пальцем по стеклу.

— Удобно, — сказала Мира.

Тарас встал рядом, не касаясь её.

— Очень.

— Никаких потерь.

— И никаких находок.

Она посмотрела на него.

— Ты собираешься меня оставить?

Тарас открыл рот для шутки.

Но не пошутил.

— Я могу потеряться. Могу провалиться в другой мир. Могу полезть чинить то, что трогать запрещено. Могу сде-

лать глупость.

— Это я знаю.

— Но сам не уйду.

— Обещаешь?

Он покачал головой.

— Выбираю сейчас. Завтра выберу ещё раз, если ты согласишься.

Мира медленно кивнула.

— Хороший ответ.

— Удар отменяется?

— Переносится.

— Значит, отношения развиваются.

Они догнали остальных.

Короткий путь вывел прямо на площадь Предусмотренных потерь.

Она была огромной.

В центре стояла чёрная башня. Вокруг неё располагались памятники событиям, которых никогда не случилось: городам, не разрушенным войной; кораблям, не затонувшим в море; людям, не погибшим из-за случайной встречи.

На пьедесталах были выбиты числа спасённых.

Миллионы.

Десятки миллионов.

Возле каждого памятника мелкими буквами указывалась цена: отменённая дружба, несостоявшееся рождение, запрещённая дорога, непрочитанная книга, непринятое решение.

— Морайн считает только тех, кого сохранил, — сказал Эраст. — Но не тех, кому не дал появиться.

— Их нельзя посчитать, — ответила Заря.

— Поэтому они для него не существуют.

На площади их ждали Сборщики.

Не бумажные.

Эти были выкованы из чёрного металла. Их лица напоминали глухие маски, а в руках они держали длинные копья с белыми наконечниками.

— Город укрепляется, — сказала Вера.

— Вижу, — ответил Тарас. — Скоро появятся коммунальные службы, и тогда нам точно конец.

Сборщики опустили копья.

Мира шагнула вперёд.

— Сколько?

— Сорок два, — сказал Эраст.

— Слева ещё восемь, — добавила Заря.

— Умеешь сражаться?

— Моя предварительная функция — статистик угроз.

— Значит, считай.

— А вы?

Мира вытащила ножи.

— Я буду уменьшать статистику.

Первый ряд атаковал.

Мира ушла под копьё, ударила в коленный шарнир и перекатилась в сторону. Тарас подхватил упавшее оружие. Бе-

лый наконечник вспыхнул у него в руках.

— Инструкция есть? — крикнул он.

— На древке! — ответила Заря.

Тарас посмотрел на мелкие буквы.

— «Не направлять на сотрудников центра». Отлично.

Он развернул копьё и выстрелил в чёрную башню.

Разряд ударил по стене, оставив оплавленный след.

— Я не сотрудник, — удовлетворённо сказал Тарас. —

Всё законно.

Эраст схватил второе копьё. Пользоваться им он не умел, поэтому применил как обычную палку. Получалось хуже, зато неожиданнее.

Вера вызвала золотые линии.

Они прошли по мостовой и обвилились вокруг ног Сборщиков. Связь города с защитниками проступила белыми нитями.

— Они не самостоятельны! — крикнула она. — Башня управляет ими через площадь!

— Можно перерезать? — спросила Мира.

— Тогда они рассыплются!

— Это хорошо.

— Внутри есть зачатки сознания!

— Это плохо.

Мира изменила удар в последнее мгновение и выбила копьё, не задевая белую нить.

— Нужно дать им выбор! — сказала Вера.

— Во время боя? — Эраст едва увернулся от наконечника.

— Другого времени нет!

Он отбил удар и крикнул ближайшему Сборщику:

— Вы хотите нас остановить?

— Да.

— Почему?

— Это приказ.

— Я спрашиваю, хотите ли вы.

Сборщик замер.

Стоявший за ним врезался в его спину.

— Нарушение строя, — произнёс первый.

— Вы хотите вернуться в строй? — спросил Эраст.

— Я должен.

— Это не ответ.

— Другого нет.

— Теперь есть.

Чёрная маска треснула.

Под ней не оказалось лица — только белый свет.

Но копьё опустилось.

— Я... не знаю.

— Добро пожаловать, — сказала Заря. — Я тоже.

По рядам Сборщиков прошла заминка.

Вера усилила золотые линии, но теперь не удерживала их.

Она передавала вопрос от одного к другому.

Чего ты хочешь?

Некоторые продолжали сражаться.

Некоторые останавливались.

Один бросил копье и сел прямо на мостовую.

Другой решил, что хочет охранять башню, и остался перед входом, но больше не нападал.

Третий внезапно направился к памятнику несостоявшемуся мосту и начал его рассматривать.

— Бой превращается в собрание, — сказал Тарас.

— Для нашей стороны это улучшение.

Они пробилась к башне.

Над дверью горели цифры:

00:03:12

Внутри регистрационной палаты стоял единственный стол.

На нём лежало удостоверение Роана.

Рядом — регистрационная книга размером с кровать.

Перо само выводило строку:

ПЕРВЫЙ ЖИТЕЛЬ: РОАН.

ОСНОВАНИЕ: ДОБРОВОЛЬНОЕ ПРИБЫТИЕ НА ТЕРРИТОРИЮ ГОРОДА.

— Он не прибыл добровольно, — сказала Вера. — Он преследовал поезд.

— Преследование является формой выбора направления, — ответил голос Морайна.

— Но не выбором места жительства.

— Он остаётся на территории более установленного сро-

ка.

Тарас посмотрел на часы.

— Какого срока?

— Трёх минут.

— А кто установил?

— Город.

— До своего существования?

— Предварительно.

Тарас снял с пояса копьё.

— Ненавижу хорошо организованных противников.

Перо перешло к следующей строке:

СОГЛАСИЕ ПЕРВОГО ЖИТЕЛЯ: ПОДТВЕРЖДЕНО.

— Чем? — спросил Эраст.

На стене возникло изображение.

Ковёр летел за поездом. Тарас висел снизу и кричал Мире:

— *БУДЕТ!*

Затем его собственный голос:

— *ПОЗДНО. Я УЖЕ СОГЛАСИЛСЯ.*

Изображение повторилось.

— Это я согласился на следующую поездку! — возмутился Тарас.

— Контекст не зафиксирован, — сообщил Морайн.

— Там вопрос был!

— Вопрос не включён в регистрационную запись.

— Тогда с какой стати меня записали согласием Роана?

— Вы перевозили его документы.

Все посмотрели на Тараса.

— Я просто нёс папку.

— Тем самым выполняли функцию представителя.

— Без доверенности!

— Представительство подтверждено фактическими действиями.

— Валентина Сергеевна тебя уничтожит.

— После регистрации города прежняя система учёта прекратит действие.

— Тогда уничтожит без документа.

До окончания регистрации оставалась минута.

Роан прыгнул на стол и попытался схватить удостоверение. Прозрачный колпак накрыл книгу и бумаги.

Дракон ударил в него огнём.

Стекло не нагрелось.

Перо продолжало писать.

МИР ПОСТОЯННОГО ПРОЖИВАНИЯ: ГОРОД НЕОБХОДИМОГО БУДУЩЕГО.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ: ТЮЛЬКИН ТАРАС АНАНИЕВИЧ.

— Отзываю согласие! — крикнул Тарас.

— Отзыв представителя не предусмотрен после начала регистрации.

— Я не представитель!

— Возражение зарегистрировано.

Мира ударила ножом по колпаку.

Лезвие сломалось.

Она посмотрела на обломок с таким выражением, что Морайн, будь у него тело, вероятно, сделал бы шаг назад.

— Сорок секунд, — сказала Заря.

Вера положила ладонь на колпак.

— Я не слышу Роана через него.

— Потому что его связь уже переводится городу, — сказал Эраст.

Под искусственным солнцем снова раздался древний драконий голос.

На этот раз в нём прозвучало слово:

— Домой.

Роан поднял голову.

— Оно зовёт его, — прошептала Вера.

— Кто? — спросила Мира.

— Дракон внутри солнца.

На странице возникло последнее пустое место:

ЛИЧНАЯ ВОЛЯ ЖИТЕЛЯ: _____

Перо остановилось.

— Ему всё-таки нужно согласие самого Роана, — сказал Эраст.

Морайн заговорил мягко:

— Роан. Здесь у тебя будет небо. Город. Собственный мир. Люди больше не смогут закрыть тебя в инкубаторе, использовать как источник или решать, где ты должен остаться. Скажи, что хочешь жить здесь.

Искусственное солнце раскрылось.

Внутри него лежал огромный золотой дракон, скованный белыми цепями. Его тело было прозрачным, не завершённым до конца. Он смотрел на Роана.

— Домой, — повторил он.

Роан дрогнул.

Вера опустилась перед ним на колени.

— Я не буду говорить тебе, что выбирать.

На часах осталось двадцать секунд.

— Если хочешь остаться, мы постараемся освободить тебя и его. Если хочешь уйти — уйдём вместе. Если пока не знаешь...

Она посмотрела на перо.

— Ты имеешь право не знать.

Роан прижался лбом к её лбу.

Десять секунд.

Дракончик повернулся к книге.

Открыл пасть.

Морайн ждал.

Перо зависло над страницей.

Роан чихнул.

Из ноздрей вылетело крошечное пламя. Оно ударило не в книгу, не в колпак и не в перо.

Огонь попал в удостоверение.

Бумага вспыхнула.

На ней проступила последняя фраза, сделанная рукой Валентины Сергеевны:

*ПОДПИСЬ ВЛАДЕЛЬЦА НЕ ЯВЛЯЕТСЯ СОГЛАСИЕМ
НА ИЗМЕНЕНИЕ МЕСТА УЧЁТА.*

Часы дошли до нуля.

Ничего не произошло.

Потом город вздохнул.

Все здания разом содрогнулись.

Искусственное солнце погасло.

— Регистрация отклонена, — произнёс безликий голос.

Тарас рассмеялся.

— Валентина Сергеевна спасла мир примечанием мелким шрифтом.

— Не весь, — сказала Заря.

Пол под ними накренился.

За окнами центральной башни улицы начали складываться обратно в вагоны. Предварительные граждане выбегали из домов. Теперь они кричали, толкались, помогали упавшим и принимали неправильные решения.

То есть становились людьми.

— Город теряет основу! — сказала Вера.

— Если он свернётся, что будет с ними? — спросил Эраст.

Заря посмотрела на свои руки. Они становились прозрачными.

— Нас не будет.

Морайн появился за регистрационным столом.

— Вы добились желаемого. Город не получит первый добровольный выбор и вернётся в состояние проекта.

— Они уже живые, — сказала Вера.

— Недостаточно.

— Мы не позволим их уничтожить.

— Тогда дайте городу жителя.

— Вы снова предлагаете тот же выбор, — сказал Эраст.

— Подчиниться или убить.

— Третьего варианта не существует.

Тарас посмотрел на гаснущее солнце.

Затем — на Зару.

Потом — на Роана.

— Сколько нужно жителей?

— Один, — ответил Морайн.

— Добровольец подходит?

— Да.

Мира резко повернулась к нему.

— Нет.

— Я только спросил.

— Ты уже решил.

— Нет.

— Я тебя знаю.

— Поэтому и не решил без тебя.

Город складывался всё быстрее.

Тарас взял Миру за руку.

— Если я останусь временно, пока они не выберут собственную основу...

— Морайн не отпустит.

— Возможно.

— Ты обещал не уходить сам.

— Я сказал, что завтра выберу ещё раз, если ты позволишь.

— Завтра ещё не наступило.

— У нас поезд времени. Здесь с этим сложно.

Она ударила его.

Не сильно.

Потом притянула к себе и поцеловала так, будто вокруг не рушился город, не гасло искусственное солнце и не ждал ответа древний враг.

— Я не позволяю, — сказала Мира. — Но и запретить не могу.

— Очень неудобная любовь.

— Другой не будет.

Тарас повернулся к книге.

— Хорошо. Я, Тюлькин Тарас Ананиевич...

Перо поднялось.

— ...соглашаюсь временно стать жителем этого города...

Морайн улыбнулся.

— ...при одном условии.

— Условия будут рассмотрены после регистрации.

— Тогда не согласен.

Перо опустилось.

— Формулируйте, — сказал Морайн.

Тарас указал на предварительных граждан.

— Город принадлежит им. Не тебе. Не центру. Не первому жителю. Всем, кто уже начал выбирать. И как только они признают себя живыми, моё временное основание прекращается автоматически.

— Неопределённое множество субъектов не может быть носителем полномочий.

— Почему?

— У них нет общего решения.

— Именно поэтому.

Морайн замолчал.

Заря шагнула к книге.

Её рука почти исчезла.

— Я признаю себя живой, — сказала она. — Хотя не знаю, что это значит.

За ней в палату вошёл Сборщик с треснувшей маской.

— Я не знаю, хочу ли охранять башню.

Проводник снял фуражку.

— Я хочу однажды опоздать.

На площади заговорили тысячи голосов.

Кто-то выбирал имя.

Кто-то отказывался от назначенной профессии.

Кто-то требовал оставить всё как есть.

Кто-то хотел снести Министерство спокойствия.

Кто-то возражал против сноса, потому что здание было крепким и могло пригодиться под библиотеку.

Общего решения не возникло.

Возник город.

Книга раскрылась посередине.

Чистые страницы заполнялись именами.

Искусственное солнце вспыхнуло снова.

Золотой дракон внутри него разорвал первую белую цепь.

Морайн посмотрел на Тараса.

— Ваше условие принято.

— А моё жительство?

— Прекращено.

— Даже прописаться не успел.

— Поздравляю, — сказала Мира. — Ты снова бездомный.

— Зато неженатый.

— Пока.

Тарас замер.

— Это угроза или...

Башня содрогнулась так сильно, что он не успел договорить.

В небе города появилась трещина.

За ней открылось множество звёзд — незнакомых, холодных, расположенных слишком правильно.

Золотой дракон в солнце поднял голову.

— Он не был источником города, — сказала Вера.

— А кто он? — спросил Эраст.

Цепи лопались одна за другой.

Морайн отступил к стене.

Впервые на его лице был страх.

Настоящий.

— Это не мой дракон, — произнёс он.

Белое солнце расколосось.

Из него расправились крылья, закрывшие половину неба.

Древний дракон посмотрел на Роана и повторил:

— Домой.

А затем перевёл взгляд на Морайна.

— Ты украл мой город, — сказал он.

Морайн исчез.

Не растворился и не отступил.

Сбежал.

Золотой дракон обрушился с неба на центральную площадь.

От удара башня раскололась надвое.

Роан радостно бросился к нему.

Вера побледнела.

— Не подходи! — крикнула она.

Но было поздно.

Огромный дракон склонил голову, коснулся лбом маленького Роана — и оба исчезли в золотом пламени.

На камнях остался только обгоревший ошейник.

На внутренней стороне металла было выбито:

НИИ ПИ. ОБРАЗЕЦ № 1.

И ниже:

*КУНИЛИН ЭРАСТ АКАКИЕВИЧ. СОБСТВЕННОСТЬ
ПРОЕКТА.*

Глава пятьдесят вторая

Человек, которого однажды поделили

Ошейник лежал на расколотой плите.

Ещё минуту назад он охватывал шею дракона, способного закрыть крыльями половину неба. Теперь металлическое кольцо медленно сжималось.

Сначала оно стало размером с бочку.

Потом — с ведро.

Наконец осталось небольшое тусклое кольцо, способное поместиться на шее ребёнка.

Эраст смотрел на собственное имя.

КУНИЛИН ЭРАСТ АКАКИЕВИЧ.

СОБСТВЕННОСТЬ ПРОЕКТА.

— Не трогай, — сказала Вера.

Тарас, уже протянувший руку, замер.

— Я не ему.

— Тебе тоже.

— Почему всегда мне?

— Потому что Эраст хотя бы иногда слушает.

— Несправедливая репутация. Я тоже иногда слушаю.

Просто обычно поздно.

Мира присела возле ошейника, не касаясь металла.

— На нём нет замка.

— Был бы замок, я бы уже открыл, — ответил Тарас.

— Как его надевали?

— Возможно, он формировался вокруг шеи, — сказал Эраст.

От этих слов металл дрогнул.

По внутренней стороне пробежало голубое свечение.

Вера отступила.

— Оно слышало вас.

— Не меня. Имя.

Ошейник поднялся в воздух.

Эраст не успел отойти.

Кольцо метнулось к нему.

Мира бросила нож. Лезвие ударило в металл и отскочило. Вера вытянула руку, пытаясь перехватить вероятностную связь. Тарас прыгнул сбоку.

Он поймал ошейник обеими руками в нескольких сантиметрах от шеи Эраста.

Металл зашипел.

Пальцы Тараса побелели.

— Помоги! — крикнул он Мире.

Она схватила кольцо. Вдвоём они удерживали его, но ошейник тянулся к Эрасту с силой, которой не могло быть в таком маленьком предмете.

— Отойдите! — сказала Вера.

— Куда? — Эраст упёрся спиной в остаток стены.

— В любой другой мир!

— Очень конкретно!

Вера ударила золотой нитью.

На мгновение кольцо остановилось.

Город вокруг них продолжал складываться и расправляться одновременно. Освободившись от власти Морайна, он ещё не научился существовать самостоятельно. Дома меняли этажность, улицы упирались в площади, которых секунду назад не было, искусственное солнце то вспыхивало, то гасло.

Предварительные граждане спорили.

Это, судя по всему, помогало городу больше, чем прежнее управление.

— Я требую оставить башню! — кричал кто-то на площади.

— Она разваливается!

— Поэтому её надо ремонтировать!

— Сначала снести!

— Потом ремонтировать?

— Мы ещё не решили!

Заря стояла у входа в регистрационную палату и пыталась одновременно отвечать на сотню вопросов.

— Я не руководитель! — повторяла она.

— Но вы первая выбрали имя!

— Это не квалификация!

— Другой у нас нет!

— Тогда выберите ещё кого-нибудь!

Над площадью появилась вторая искусственная заря. Солнце взошло сбоку, осветило город и тут же упало за бли-

жайший дом.

— Извините! — крикнул человек в сером комбинезоне.
— Я хотел сделать утро!

— Получилось очень короткое, — ответил Тарас, продолжая бороться с ошейником.

— Я попробую ещё раз!

— Только не сейчас!

Металл рванулся.

Мира заскользила по плитам. Тарас упал на колени.

Эраст шагнул вперёд.

— Отпустите.

— Нет, — ответили они одновременно.

— Оно всё равно доберётся.

— Это не основание помогать, — сказала Мира.

— Мне нужно понять, что оно покажет.

— А если снова разделит вас? — спросила Вера.

Эраст посмотрел на неё.

В её голосе не было приказа. Только страх — открытый, не спрятанный за разумными словами.

— Вы можете остановить связь, если что-то пойдёт не так?

— Не уверена.

— Попытайтесь?

— Да.

— Тогда отпустите.

Тарас повернул голову.

— Эраст...

— Это моё имя. И моя память.

— Если оно сожрёт тебя, объясняться с Верой Павловной буду я.

— Почему вы?

— Потому что Мира сначала ударит, а потом будет задавать вопросы.

— Разумно.

Вера подошла к Эрасту и положила ладонь ему на грудь.

— Я останусь в связи.

— Хорошо.

— Если скажу снять — снимаем любым способом.

— Даже если мне покажется, что нужно продолжить.

— Особенно тогда.

Он кивнул.

Мира и Тарас разжали пальцы.

Ошейник прыгнул.

Металл сомкнулся на шее Эраста.

В комнате пахло пылью, железом и манной кашей.

Эраст стоял посреди лаборатории и смотрел на самого себя.

Мальчику было шесть лет. Возможно, семь. Он сидел на высоком стуле, до которого не доставал ногами до пола. На нём были короткие брюки, рубашка с медвежонком и металлический обруч.

Этот самый.

За стеклом находился Александр Александрович — толь-

ко на сорок лет моложе. Он быстро записывал показания приборов.

Рядом стоял Акакий Александрович. Совсем молодой. Худой, встревоженный, с густыми тёмными волосами.

Эраст впервые увидел отца таким.

— Ему больно, — сказал Акакий Александрович.

— Показатели в норме, — ответил дед.

— Я не про показатели.

Мальчик потёр шею.

— Пап, долго ещё?

Акакий Александрович подошёл к стеклу.

— Недолго, Эраст. Ещё один вопрос.

На столе перед ребёнком лежали две игрушки.

Красный автомобиль и синий деревянный дракон.

Из динамика прозвучал спокойный женский голос:

— Выбери одну игрушку.

Мальчик посмотрел на автомобиль.

Потом на дракона.

— А можно обе?

— Нет.

— Почему?

— Условия опыта.

— А если я не хочу выбирать?

Александр Александрович сделал пометку.

— Именно, — тихо сказал он. — Видишь? Устойчивый свободный отказ при отсутствии угрозы.

— Мы уже получили результат, — сказал Акакий. — Снимай обруч.

— Нужна фиксация.

Голос повторил:

— Выбери красную или синюю игрушку.

— Не буду.

— Выбор обязателен.

— Тогда никакую.

Приборы ожили.

Стрелки качнулись. За стеклом загорелась зелёная лампа.

Мальчик вздрогнул.

В его глазах мелькнул золотой свет.

— Папа, — прошептал он.

Акакий Александрович бросился к пульта.

— Останови!

— Ещё пять секунд!

— Саша, останови!

— Контур должен запомнить отказ!

— Он не запоминает! Он переносит!

Зелёная лампа стала красной.

Мальчик закричал.

Из синего деревянного дракона вырвалось золотое пламя.

За лабораторным стеклом возникла огромная тень. Она билась о стены, не помещаясь в комнате и одновременно не существуя в ней.

Александр Александрович отключил питание.

Свет погас.

Обруч упал с шеи ребёнка.

Мальчик открыл глаза.

— Что ты выбираешь? — спросил дед.

Эраст-мальчик посмотрел на игрушки.

— Всё равно.

Отец опустил перед ним на колени.

— Эраст?

— Можно я домой?

— Конечно.

— А какую игрушку возьмёшь?

Мальчик пожал плечами.

— Какую дадите.

В углу лаборатории лежал синий деревянный дракон.

Его глаза светились золотом.

Эраст очнулся на полу регистрационной палаты.

Ошейник всё ещё находился на шее.

Вера стояла над ним на коленях. Одна рука лежала у него на груди, другая держала золотую нить, уходившую внутрь металла.

Из её носа текла кровь.

— Снимайте, — сказала она.

Тарас сунул отвёртку между кольцом и шеей Эраста.

— Замка нет!

— Ломай!

— Оно сужается!

Мира обхватила ошейник с другой стороны.

— Эраст! Откажитесь от него!

— Я...

Слово не получалось.

Кольцо сжималось.

— Скажите «нет»! — крикнула Вера.

Он хотел.

Но внутри не находилось опоры.

Не страх мешал ему. Не боль. Отказ казался действием, для которого у него не было мышцы.

Всю взрослую жизнь Эраст умел возражать доводами. Находить противоречия. Доказывать незаконность. Предлагать другой вариант.

Но простое «не хочу» всегда требовало объяснения.

Словно само по себе не имело права существовать.

— Я не...

Металл сдавил горло.

— Не обосновывай! — крикнул Тарас. — Просто пошли его!

Мира рванула ошейник.

Вера усилила связь.

Эраст увидел шестилетнего мальчика, который смотрел на две игрушки и больше не мог выбрать ни одну.

— Нет, — прошептал он.

Кольцо дрогнуло.

— Громче! — потребовала Мира.

— Нет.

— Эраст! — Вера прижалась лбом к его лбу. — Не ради нас. Ради себя.

Он схватил ошейник обеими руками.

— Я не принадлежу проекту.

Металл раскалился.

— Я не обязан объяснять.

На кольце треснула надпись.

— Не хочу.

Ошейник разлетелся.

Тарас отлетел к стене. Мира удержалась на ногах. Вера упала рядом с Эрастом, но золотую нить не выпустила.

Обломки металла поднялись в воздух.

Каждый превратился в маленькую синюю игрушку.

Десятки деревянных драконов упали на пол.

Один прокатился к ногам Зари.

Она подняла его.

— Это настоящее?

— Теперь — да, — ответила Вера.

Эраст сел.

Горло болело. На коже остался красный след.

— Я вспомнил.

— Что? — спросил Тарас.

— Отец говорил правду не до конца. Мой профиль не скопировали.

Он посмотрел на золотую нить, уходившую туда, где ис-

чезли драконы.

— Из меня что-то вынули.

Тёмный проход раскрылся прямо посреди расколотов башни.

Из него вышел Нестор.

Следом появились Александр Александрович, Акакий Александрович и Валентина Сергеевна.

Последняя оглядела разрушенную регистрационную палату.

— Ковёр вернулся без пассажиров.

— Мы нашли другой путь, — сказал Тарас.

— Вижу. Документы?

Роана рядом не было.

Все посмотрели на горящие обрывки удостоверения.

Валентина Сергеевна закрыла глаза.

— Я написала вернуть транспортное средство, а не уничтожить учётную карточку.

— Карточка спасла город, — сказал Эраст.

— Это не отменяет необходимости оформить дубликат.

Она увидела след на его шее.

— Что случилось?

Эраст поднял деревянного дракона.

— Спросите у Александра Александровича.

Старик смотрел на игрушку.

Его лицо стало серым.

— Откуда она?

— Из ошейника, который носил я. А потом — золотой дракон.

Акакий Александрович повернулся к отцу.

— Ты говорил, образец уничтожен.

— Я видел распад поля.

— Ты говорил, Эраст полностью восстановился.

— Показатели вернулись в норму.

— Я предупреждал, что контур что-то перенёс!

— Я искал последствия!

— Где?

— В нём! — Александр Александрович указал на взрослого внука. — В поведении, здоровье, памяти! Я не знал, что отделившаяся часть обрела форму!

— Она лежала у тебя на столе, — сказал Эраст. — Синяя игрушка.

Старик закрыл глаза.

— На следующее утро она исчезла.

— И ты никому не сказал?

— Проект уже закрывали. Комиссия забрала оборудование. Если бы я сообщил о нестабильном проявлении, тебя признали бы частью эксперимента.

— Я и был частью эксперимента.

— Я хотел защитить тебя.

— Поэтому скрыл, что со мной сделали?

— Да.

Ответ прозвучал без оправдания.

Это было хуже любого оправдания и честнее его.

Эраст поднялся.

Вера хотела помочь, но он встал сам. Потом протянул ей руку.

— Вы ранены.

— Ничего серьёзного.

— Это кровь.

— Уже перестала.

— Я всё равно беспокоюсь.

— Разрешаю.

Она приняла его руку.

Акакий Александрович подошёл к сыну.

— После опыта ты изменился, — сказал он. — Стал спокойнее. Удобнее. Перестал спорить из-за еды, одежды, игрушек. Отец решил, что ты просто повзрослел.

— А вы?

— Я думал, что тебя напугали. Хотел больше не приводить, но комиссия пригрозила забрать тебя на полное обследование. Тогда я уничтожил часть записей и увёз тебя.

— Почему не рассказали потом?

— Сначала ты был маленький. Потом мне казалось, что поздно. Потом я исчез.

— Очень семейная причина, — сказал Эраст. — Сначала рано. Потом поздно.

Тарас кашлянул.

— А между ними обычно работа.

Акакий Александрович опустил голову.

— Да.

Нестор взял один из деревянных драконов.

— Они не содержат часть Эраста, — сказал он. — Только память о разделении.

— А золотой дракон? — спросила Вера.

Мальчик коснулся игрушки виском.

— Он живой. Но родился из того, что забрали.

— Из способности отказываться?

— Не только. Из решений, которые Эраст мог принять без объяснения. Из желаний, не полезных проекту. Из неправильных выборов.

— Поэтому Морайн его боится, — сказал Александр Александрович. — Его невозможно рассчитать. Он состоит из вариантов, которые система отвергла.

— Куда он забрал Роана? — спросила Вера.

Нестор протянул руку к золотой нити.

Та натянулась.

В пространстве возникло не окно — разрез.

За ним открывалось синее небо.

В нём плавали острова из чёрного металла. Между островами летели драконы. Одни были покрыты чешуёй, другие — броневыми пластинами. У третьих вместо крыльев вращались светящиеся кольца.

Высоко над ними висели два солнца.

Одно было настоящим.

Второе — разбитым.

— Что это за мир? — спросила Мира.

Александр Александрович подошёл ближе.

— Мы называли его Нулевым небом.

— Вы там были?

— Нет. Видели только короткие сигналы. Считали их помехами.

— Почему Нулевое?

— Потому что переходы оттуда старше всех известных миров.

Акакий Александрович посмотрел на отца.

— Ты никогда не говорил об этом.

— Проект имел уровни допуска.

— Вы привели шестилетнего ребёнка, но не доверяли собственному сыну?

— Ребёнок не задавал служебных вопросов.

— Зато говорил «нет», — ответил Эраст. — Пока вы это не исправили.

Александр Александрович принял удар молча.

Нестор расширил разрез.

В небе за ним вспыхнуло золотое пламя.

На мгновение показался Роан. Он летел рядом с огромным драконом к одному из металлических островов.

Затем между ними и разрезом выросла чёрная башня.

На её вершине стоял Морайн.

Теперь у него было лицо шестилетнего Эраста.

— Я нашёл вашу потерянную часть, — сказал он. — И объяснил ей, кто виноват.

Разрез захлопнулся.

Золотая нить в руке Веры оборвалась.

На полу осталось одно слово, выжженное детским почерком:

ДОМОЙ.

Глава пятьдесят третья

Нулевое небо

Для открытия дороги в Нулевое небо потребовалось семь человек, один бывший город, две половины ошейника и заявление об утрате удостоверения дракона.

Последнее заполняла Вера.

— Причина утраты? — спросила Валентина Сергеевна.

— Документ сгорел при предотвращении принудительной регистрации места жительства.

— Кратко.

— Сгорел.

— Где?

Вера посмотрела на Зару.

— В Городе необходимого будущего.

— Адрес?

— У города пока нет адреса, — сказала Заря.

— Тогда как он получает корреспонденцию?

— Никак.

— Счастливые люди.

Город окончательно отделился от поезда и теперь висел в межмировом пространстве. Его жители обсуждали название, законы, устройство солнца и необходимость оставить Министерство спокойствия.

Самым популярным названием оказалось «Запасный».

Вторым — «Свободный».

Третьим — «Как решим, так и назовём».

Тарас поддерживал третий вариант.

— В нём есть основательность, — объяснил он. — И возможность ничего не менять лет двадцать.

Заря временно исполняла обязанности связной с Межой. От должности руководителя она отказалась, после чего жители немедленно создали Совет отказавшихся руководить и избрали её председателем.

— Я отказалась! — возмущалась она.

— Поэтому вам и доверяют!

— Это нелогично!

— Мы только учимся!

Валентина Сергеевна поставила печать на заявлении.

— Теперь Роан официально числится временно отсутствующим.

— Он похищен, — сказала Вера.

— Это обстоятельство, а не учётное состояние. Чтобы признать похищенным, необходимо установить похитителя.

— Золотой дракон.

— Имя?

— Неизвестно.

— Адрес?

— Нулевое небо.

— Цель похищения?

— Неизвестна.

— Поэтому временно отсутствующий.

Тарас заглянул в бланк.

— А если не найдём?

Вера посмотрела на него.

— Найдём, — сказал он. — Вопрос был теоретический.

Александр Александрович разложил на столе обломки ошейника. Они больше не притягивались к Эрасту. Тёмный металл стал обычным, только на внутренней поверхности иногда появлялись золотые искры.

— Нулевое небо нельзя открыть координатой, — сказал старик. — У него нет постоянного положения относительно других миров.

— Тогда как туда попал дракон? — спросила Мира.

— Он является его частью.

— А Роан?

— Прошёл по связи.

— Морайн?

— По чужой связи, как всегда.

Эраст взял обломок металла.

Перед глазами мелькнула лаборатория. Красная машинка. Синяя игрушка. Молодой отец за стеклом.

Он положил осколок обратно.

— Значит, дорогу могу открыть я.

— Возможно, — ответил дед.

— Ценой чего?

Старик не ответил.

— Александр Александрович, — сказала Вера. — Сейчас не тот случай, когда молчание кого-то защищает.

— Контур попытается восстановить разделённую связь. Эраст и золотой дракон будут притягиваться друг к другу.

— Что произойдёт при встрече?

— Не знаю.

— Предположения?

— Они могут соединиться.

— И?

— Один перестанет существовать как отдельная личность.

В комнате стало тихо.

Эраст посмотрел на деревянного дракона в своей руке.

— Кто именно?

— Не знаю.

— Могу исчезнуть я?

— Да.

— Или он?

— Да.

— Или мы оба?

— Да.

Тарас отодвинул осколки.

— Ищем другой вход.

— Другого входа нет, — сказал Александр Александрович.

— Тогда сделаем.

— На это уйдут годы.

— У нас есть город, который помещался в поезде, Межа, шесть миров и отвёртка.

— Какая отвёртка? — спросила Валентина Сергеевна.

Тарас показал инструмент.

— Эта.

— Она институтская.

— Сейчас не время.

— Для возврата имущества время найдётся всегда.

Вера смотрела на Эраста.

— Вы уже решили?

— Нет.

— Хорошо.

— Почему?

— Раньше вы сначала решали, что обязаны. Теперь хотя бы думаете, хотите ли.

Эраст подошёл к окну башни.

Внизу жители Запасного города разбирали памятники предусмотренным потерям. Не уничтожали — снимали числа спасённых и дописывали цену крупными буквами.

На месте Министерства предварительного согласия соби-

рались открыть школу.

Это решение уже вызвало три митинга: за школу, против школы и за то, чтобы сначала спросить детей.

— Я хочу вернуть Роана, — сказал Эраст. — Хочу понять, что сделали со мной и с драконом. И не хочу исчезать.

— Все три желания допустимы, — сказала Вера.

— Даже если несовместимы?

— Особенно тогда.

Он повернулся.

— Я пойду.

— Я тоже.

— Я знаю.

Тарас поднял руку.

— Чтобы не тратить время: мы с Мирой идём, отговаривать бесполезно, привязывать ещё опаснее.

— Я не говорила, что иду, — заметила Мира.

— Нет?

— Я собиралась, пока ты не решил за меня.

— Отменяю решение.

— Поздно. Теперь придётся убеждать.

Тарас задумался.

— Там неизвестный мир, технологические драконы, Морайн и вероятность исчезнуть.

— Плохо убеждаешь.

— Ещё Эраст без способности нормально отказываться.

— Уже лучше.

— И я.

— Это аргумент против.

— Зато честный.

Мира надела запасные ножны.

— Убедил.

— Чем?

— Честностью.

— Надо запомнить. Вдруг ещё раз сработает.

Акакий Александрович подошёл к сыну.

— Я пойду с вами.

— Нет.

Слово прозвучало сразу.

Просто.

Без объяснения.

Эраст почувствовал его вес и неожиданную лёгкость.

Отец вздрогнул, затем улыбнулся.

— Получается.

— Что?

— Отказывать.

— Понемногу.

— Тогда я останусь.

— Вы не спросите почему?

— Захочешь — расскажешь.

Эраст обнял его.

Александр Александрович отвернулся к столу.

— А мне ты тоже откажешь? — спросил он.

— Да.

— Почему?

— Потому что вы хотите исправить свою ошибку за мой счёт и называете это помощью.

Старик медленно кивнул.

— Справедливо.

— Это не наказание. Вы нужны здесь. Если переход начнёт рушиться, удержите Межу.

— Постараюсь.

— Не один.

Александр Александрович посмотрел на сына.

Акакий встал рядом с ним.

— Не один, — подтвердил он.

Нестор подошёл к Эрасту.

— Я могу стать дверью.

— Это опасно.

— Да.

— Ты хочешь?

— Хочу попробовать. Если станет слишком больно, закроюсь.

— Хорошо.

— Вы не будете требовать продолжить?

— Нет.

— Даже ради Роана?

Эраст помедлил.

— Даже ради него.

Нестор взял его за руку.

Другую руку Эраст протянул Вере.

Тарас взялся за плечо Эраста. Мира — за плечо Тараса.

— Почему я последний? — спросил он.

— Чтобы тебя можно было оставить, — ответила Мира.

— Романтика наших отношений удивительно последовательна.

Валентина Сергеевна вложила ему в свободную руку папку.

— Там дубликат удостоверения, акт о временной передаче ковра и командировочные удостоверения.

— Деньги?

— В Нулевом небе принимают рубли?

— Не знаю.

— Тогда после возвращения оформите расходы по курсу на день операции.

— А если не вернёмся?

— Не усложняйте отчётность.

Нестор закрыл глаза.

Осколки ошейника поднялись.

Между ними натянулись золотые линии. Они образовали кольцо — не металлическое, а световое.

Внутри открылось небо.

Ветер ворвался в башню.

Он пах озоном, горячим железом и чем-то древним, похожим на запах камней после грозы.

— Я вижу дорогу, — сказал Нестор.

— Она безопасна? — спросил Тарас.

— Нет.

— Теперь верю, что настоящая.

Они шагнули.

В Нулевом небе не было земли.

Чёрные острова висели на разной высоте, соединённые мостами из света. Под ними клубились облака. Иногда в разрывах между облаками появлялось отражение другого неба — зелёного, фиолетового или заполненного звёздами.

Два солнца освещали мир с разных сторон.

Настоящее золотило металлические острова.

Разбитое висело далеко на востоке. От него осталась половина сферы и несколько огромных осколков. Между ними били молнии.

Герои падали.

Об этом первым сообщил Тарас:

— Мы падаем!

— Вижу! — ответил Эраст.

— У тебя нет плана?

— Нет!

— Наконец-то честное руководство!

Мимо пролетел дракон с кольцами вместо крыльев. Он посмотрел на людей, но не остановился.

До ближайшего острова оставалось метров сто.

Мира вытащила из папки свёрнутый ковёр.

— Валентина Сергеевна положила его внутрь?

— Папка больше изнутри, — сказал Тарас. — Я давно подозревал.

Они раскрыли ковёр.

Тот надулся, затрепетал и попытался улететь без пассажиров.

Все пятеро рухнули на него одновременно.

Нестор остался висеть в воздухе отдельно.

— Ты умеешь летать? — спросил Эраст.

— У меня здесь нет веса.

— Прекрасно. Тогда помоги тем, у кого он есть!

Нестор схватил бахрому. Ковёр выровнялся в нескольких метрах от чёрных скал.

Они приземлились жёстко.

Тарас прокатился по поверхности, обнял металлический выступ и несколько секунд не отпускал.

— Всё, — сказал он. — Этот остров мне нравится. Он не летает.

Остров качнулся.

— Относительно нас, — поправил Тарас.

Вокруг стояли разрушенные башни. Стены были покрыты изображениями драконов и существ, похожих на людей в длинных масках. Между камнями росла прозрачная трава.

Вера прикоснулась к ней.

Стебли зазвенели.

Звон разошёлся по острову.

В небе остановились десятки драконов.

Они повернули головы.

— Возможно, не стоило, — сказала Вера.

Первый дракон опустился на край острова.

Он был огромным, покрытым пластинами тёмного металла. Между пластинами просвечивало живое тело. На шее виднелся широкий белый рубец.

Следом приземлились ещё трое.

Один имел обычные кожистые крылья.

У второго вдоль спины вращались серебристые сферы.

Третий был почти прозрачным, и внутри его грудной клетки горели маленькие звёзды.

Все смотрели на Эраста.

— Они чувствуют связь, — сказала Вера.

— С золотым драконом?

— С тем, что у вас забрали.

Тёмный дракон приблизил морду.

— Назови себя, — произнёс он.

Эраст представился.

Драконы отшатнулись.

Прозрачная трава зазвенела громче.

— Владелец, — сказал дракон.

— Нет.

— Твоё имя было на цепи Первого.

— Моё имя тоже сделали цепью.

— Люди лгут.

— Согласен.

— Тогда почему мы должны верить?

Эраст подумал.

— Не должны.

Тёмный дракон прищурился.

— Он отвечает неправильно, — сказал прозрачный.

— Поэтому, возможно, правду, — отозвался крылатый.

Мира шагнула вперёд.

— Где маленький дракон?

— Рождённый последним находится у Первого.

— Он цел?

— Пока.

— Что значит «пока»?

— Первый хочет открыть Источник.

Вера побледнела.

— Какой источник?

Дракон поднял голову к разбитому солнцу.

— Тот, из которого появились дороги между мирами.

— Зачем?

— Вернуть всё отнятое.

— Кому?

— Всем.

— А цена? — спросил Эраст.

Тёмный дракон посмотрел на него.

— Каждый человек получит все выборы, от которых когда-либо отказался. Каждое несостоявшееся будущее станет

настоящим. Каждый закрытый мир откроется.

Тарас медленно поднялся.

— Одновременно?

— Да.

— Это не свобода, — сказала Вера. — Это разрушение.

— Первый знает.

— И всё равно откроет?

— Он состоит из отвергнутых возможностей. Для него невыбранное — пленник.

На горизонте вспыхнуло золотое пламя.

Разбитое солнце дрогнуло.

Между осколками показался Роан. Маленькая фигурка летела к самому центру раскола.

Рядом с ним двигался Первый.

На спине золотого дракона стоял Морайн.

Он больше не выглядел ребёнком.

Теперь у него было настоящее лицо.

Лицо Эраста Акакиевича Кунилилина.

— Это не копия, — прошептал Нестор.

— Тогда кто? — спросил Тарас.

Мальчик посмотрел на Эраста.

— Это тот вариант вас, который в детстве сказал «да».

Глава пятьдесят четвёртая

Человек, который всегда соглашался

Некоторое время никто не говорил.

В Нулевом небе вообще редко бывало тихо. Звенела прозрачная трава. Гудели мосты между островами. Далеко в облаках перекликались драконы. Из трещин разбитого солнца доносился низкий рокот, похожий на звук огромной машины.

Но слова Нестора сделали всё это фоном.

— Тот вариант меня, который сказал «да», — повторил Эраст.

Морайн стоял на спине золотого дракона, и даже с огромного расстояния сходство было безупречным.

Не такое, какое бывает у близнецов. Близнецов различают выражение глаз, осанка, привычка держать голову. Морайн двигался именно так, как двигался Эраст. Чуть сутулился, когда думал. Прижимал левый локоть к боку. Перед ответом слегка поднимал бровь.

Это был он.

Только уверенный.

— Я видел опыт, — сказал Эраст. — Там не было «да». Я отказался выбирать.

— Было, — ответил Нестор. — Система потребовала один из двух вариантов. Ваше сознание сказала «нет». Контур разделил ответ на допустимые части.

— Почему части?

— Потому что целиком ваш ответ не помещался в его правила.

Нестор поднял одну руку.

— «Да, я выберу то, что предложено».

Поднял другую.

— «Нет, я не приму предложенные условия».

Затем опустил обе.

— Вам осталось «всё равно».

Вера посмотрела на Эраста.

Он вдруг вспомнил десятки мелочей.

Как соглашался с любым столиком в кафе, хотя хотел у окна. Как отвечал «мне без разницы», когда его спрашивали, куда поехать. Как годами носил неудобное пальто, потому что оно ещё не износилось. Как выбирал работу, нужную другим. Как принимал решения за миры, но не мог решить, чего хочет на ужин.

Он считал это неприхотливостью.

Иногда — зрелостью.

Оказалось, часть зрелости была лабораторной неисправностью.

— Почему золотой дракон получил отказ? — спросила Вера.

Тёмный дракон приблизился.

— Потому что Первый уже находился рядом с вашим миром, — сказал он. — Его яйцо слышало свободное «нет».

— Яйцо было в лаборатории? — спросил Эраст.

— Не телом. Связью. Люди дотянулись до Нулевого неба и назвали отклик помехой.

— А Морайн?

Нестор смотрел на человека, стоявшего на спине Первого.

— «Да» осталось внутри системы. Оно соглашалось с каждым новым требованием. Сначала — выбрать игрушку. Потом — сохранить мир. Подчинить опасное. Исключить ошибку. Назначить правильный исход.

— Значит, Морайн всегда выполнял приказ? — спросил Тарас.

— Он исполнял всё, что система объявляла необходимым.

— Даже когда сам начал отдавать приказы?

— Особенно тогда. Каждый начальник в нём подчиняется предыдущему начальнику.

Тарас задумался.

— Удивительно точное устройство.

Морайн повернул голову.

Даже на расстоянии в несколько километров Эраст почувствовал его взгляд.

— Он нас слышит, — сказала Вера.

— Конечно, — ответил голос прямо у них за спинами. — Мы думаем почти одинаково.

Все обернулись.

Позади никого не было.

Голос шёл из металлического острова.

— Ты не можешь войти сюда, — произнёс тёмный дракон.

— Уже вошёл. Вы сами приняли мои правила, когда решили охранять Источник.

— Мы охраняем его от разрушения.

— Тем самым признаёте, что кто-то обязан решать за тех, кто попытается его открыть.

Дракон оскалился.

— Я могу уничтожить твоё тело.

— У меня нет тела.

— Тогда уничтожу то, что ты занял.

На горизонте Первый взмахнул крыльями.

Золотое пламя прокатилось по небу.

От ближайших островов отделились десятки существ. Они напоминали драконов, собранных из чёрных пластин и белого света. Вместо глаз у них горели круги с шестью линиями.

— Окольцованные, — сказал тёмный дракон.

— Кто это? — спросила Мира.

— Те, кто добровольно отдал право выбирать полёт.

— Зачем?

— Чтобы никогда не падать.

Тарас посмотрел вниз, где под островом клубилась бездонная пропасть.

— Предложение было убедительное.

— Теперь они не могут приземлиться без приказа.

Окольцованные выстроились перед Первым.

Морайн поднял руку.

Стая двинулась к разбитому солнцу.

Навстречу ей с чёрных островов взлетели свободные драконы.

Небо столкнулось само с собой.

Драконы с кольцевыми крыльями выпускали белые лучи. Живые отвечали огнём, молниями и потоками звенящего воздуха. Между ними носились прозрачные существа со звёздами внутри тела.

Первый не участвовал в бою.

Он продолжал лететь к Источнику.

Рядом держался Роан.

— Нужно его остановить, — сказала Вера.

Тёмный дракон опустил крыло, образовав спуск на спину.

— Садитесь.

Тарас посмотрел на острые металлические пластины.

— Ремни безопасности есть?

— Нет.

— Наконец транспорт, который ничего не обещает.

Эраст и Вера сели у основания шеи. Мира устроилась позади них. Тарас попытался подняться последним, зацепился брючиной за пластину и повис.

— Почему каждый полёт начинается одинаково? — спросил он.

Мира втянула его наверх.

— Потому что ты одинаково садишься.

Нестор остался на острове.

— Я удержу дорогу к Меже, — сказал он. — Если уйду далеко, не смогу открыть её снова.

— Закройся при опасности, — напомнил Эраст.

— Даже ради вас?

— Особенно ради нас.

Нестор улыбнулся.

— Вы учитесь.

Тёмный дракон оттолкнулся от острова.

Мир провалился вниз.

На драконе было холоднее, чем под ковром, зато значительно быстрее и ещё менее удобно.

Металлические пластины двигались при каждом взмахе крыльев. Тарас вскоре выяснил, что между ними нельзя просовывать пальцы, детали одежды и папку с документами.

Папку пришлось вынимать вдвоём.

— Немного помялась, — сказал он.

— Валентина Сергеевна заметит, — ответил Эраст.

— Может, скажем, что это боевая складка?

Перед ними взорвался окольцованный дракон.

Белый свет ударил во все стороны. Тёмный дракон перевернулся в воздухе.

Эраст едва удержался. Вера обхватила его за пояс. Мира схватила Веру. Тарас схватил Миру и одновременно папку.

— Приоритеты! — крикнула она.

— Я держу всех!

— Папку отпусти!

— Тогда Валентина Сергеевна убьёт нас после спасения!

Тёмный дракон выровнялся.

Из облаков вынырнули три окольцованных. Один ударил

хвостом. Второй выпустил луч. Третий попытался сомкнуть светящееся кольцо вокруг головы их дракона.

Мира вскочила на движущейся спине.

— Сядь! — крикнул Тарас.

— Теперь ты решаешь за меня?

— Нет! Сообщаю, что ты падаешь!

Она прыгнула.

На одно страшное мгновение оказалась между драконами, в пустом небе. Затем вонзила нож в светящееся кольцо и повисла на нём.

Окольцованный дёрнулся.

Мира перебралась ему на шею.

— Как тебя освободить? — крикнула она.

Дракон не ответил.

— Ты хочешь выполнять приказ?

— Приказ обеспечивает безопасный полёт.

— Это не ответ!

— Отклонение приведёт к падению.

— Ты умеешь летать?

— Навык заблокирован как источник риска.

Мира перерезала белую нить, уходящую от кольца к голове.

Дракон камнем рухнул вниз.

— Мира! — закричал Тарас.

Он прыгнул следом.

— Тарас! — теперь крикнул Эраст.

— А мне что было делать?!

Они падали вдвоём с окольцованным драконом.

Мира добралась до его уха.

— Расправь крылья!

— Нет команды.

— Я не приказываю! Я предлагаю!

— Вероятность ошибки...

— Ошибись!

Облака приблизились.

Тарас полз по дракону к основанию крыла.

— Тут привод! — крикнул он. — Механический ограничитель!

— Сломаешь?

— Обижаешь!

Он вставил отвёртку в щель.

Мира ударила ножом по второй пластине.

Оба крыла распахнулись.

Падение превратилось в скольжение.

Дракон вошёл в облако, вынырнул под ним и едва не врезался в нижний остров. В последнюю секунду он повернул.

Сам.

— Я отклонился, — произнёс он.

— Молодец! — крикнул Тарас.

— Отклонение сохранило жизнь.

— Бывает и такое.

— Но расчёт запрещал.

— Запомни важное правило: если расчёт запрещает тебе не разбиться, расчёт составлял человек, который стоит на земле.

Дракон сделал ещё один неуверенный поворот.

Затем поднялся.

— Я хочу лететь сам.

Кольцо вокруг его головы треснуло.

Белые осколки рассыпались.

Освобождённый дракон взревел.

На его зов ответили другие окольцованные.

Несколько продолжили бой.

Один остановился.

Ещё двое сорвали строй.

Морайн опустил руку, отдавая новый приказ, но стоя уже услышала вопрос.

Ты хочешь лететь сам?

Вопрос передавался от дракона к дракону быстрее приказа.

Кольца вспыхивали и гасли.

Тёмный дракон подлетел к Тарасу и Мире.

— Пересаживайтесь!

— Я останусь здесь! — сказала Мира.

Тарас посмотрел на освобождённого дракона.

— Ты не против?

— Не знаю.

— Очень уважаю такой ответ, но нам требуется немного

конкретнее.

— Останьтесь, пока я учусь.

— Согласен.

— Ты уверен? — спросила Мира.

— Нет.

Она села позади него.

— Тогда полетели.

Два дракона устремились к разбитому солнцу.

До Источника оставалось меньше километра.

Первый обернулся.

Его глаза горели тем же золотым светом, который Эраст видел в глазах синей игрушки.

— Владелец, — произнёс дракон.

— Нет, — ответил Эраст.

— Твоё имя было на моей цепи.

— И на моей.

— Ты пришёл вернуть меня внутрь себя.

— Нет.

— Ты лжёшь.

— Я не знаю, что произойдёт, если мы соединимся. И не хочу исчезнуть.

Первый замедлил полёт.

Роан держался возле его головы.

— Ты боишься меня, — сказал золотой дракон.

— Да.

— Я был твоим страхом сказать «нет».

— Ты был моим правом сказать «нет». Страх появился потом.

— Меня использовали. Запирали. Переносили из мира в мир. Ты жил.

— Я тоже жил не целиком.

— Но жил.

Эраст не нашёл ответа.

Любая попытка сравнить их боль превратила бы одну жизнь в возражение против другой.

— Это несправедливо, — сказал он.

— Поздно.

— Для справедливости?

— Для возвращения.

Первый повернулся к разбитому солнцу.

Морайн стоял между его крыльев.

— Он хочет оставить вас обоих неполными, — сказал он.

— Потому что неполным существом легче управлять.

— Ты управлял мной? — спросил Первый.

— Я помог тебе вернуться домой.

— Ответь.

Морайн улыбнулся лицом Эраста.

— Я показал путь.

— Ты знал, что Источник разрушит границы?

— Да.

— Знал, что миры столкнутся?

— Они не должны быть разделены.

— Это не ответ.

Золотой дракон заревел.

Морайн пошатнулся.

Впервые Первый услышал вопрос так, как раньше его слышали другие.

— Он не может ответить иначе, — сказал Эраст. — В нём нет отказа.

Морайн посмотрел на него.

— Зато во мне есть решение.

— Чужое.

— Любое решение начинается с предложенных условий.

— Нет. Иногда человек предлагает свой вариант.

— Иллюзия. Варианты определяются доступными причинами.

— Тогда почему ты всё ещё не победил?

Лицо Морайна исказилось.

Он прыгнул.

Не вниз — в Роана.

Белый свет обвил маленького дракона.

Вера вытянула золотую нить, но Морайн уже коснулся его лба.

— Роан! — крикнула она.

Дракончик забился в воздухе.

На его чешуе появились светящиеся линии.

ОТКРЫТЬ ИСТОЧНИК.

— Нет! — выкрикнул Первый.

Его крыло ударило по Морайну.

Белая фигура отлетела, но приказ остался на теле Роана.

Маленький дракон сложил крылья и устремился прямо в трещину разбитого солнца.

Первый бросился следом.

— За ними! — сказал Эраст.

Тёмный дракон ускорился.

Источнику оставались считанные секунды.

Глава пятьдесят пятая

Три ответа на один вопрос

Разбитое солнце изнутри оказалось дверью.

Роан пробил золотую плёнку, закрывавшую трещину. Первый вошёл следом. Тёмный дракон в последний момент сложил крылья, и все проскользнули между двумя огненными осколками.

Мира и Тарас влетели за ними на освобождённом драконе.

Огонь исчез.

Они оказались в комнате.

Маленькой.

Серой.

Знакомой.

На полу лежали две игрушки: красный автомобиль и синий деревянный дракон.

За стеклом находилась пустая лаборатория.

— Мы вернулись в тысяча девятьсот восемьдесят седь-

мой? — спросил Тарас.

— Нет, — ответил Эраст. — Это память.

Тёмный дракон стал уменьшаться. Его крылья задели потолок, прошли сквозь него и растворились. Через мгновение дракон превратился в неподвижную металлическую фигуру.

Освобождённый окольцованный также исчез, оставив после себя кольцо.

Мира и Тарас упали на пол.

Первый стоял в дальнем углу.

Огромное тело не помещалось в комнате, но пространство растягивалось вокруг него. Золотая чешуя отражала лабораторные лампы.

Роан сидел перед игрушками.

Светящиеся слова всё ещё покрывали его спину:

ОТКРЫТЬ ИСТОЧНИК.

Морайн стоял за стеклом.

Там, где когда-то находились Александр Александрович и Акакий.

— Источник использует первую форму вопроса, — сказал он. — Один выбор. Два ответа. Одна зафиксированная реальность.

Из динамика прозвучал женский голос:

— Выбери одну игрушку.

Роан посмотрел на автомобиль.

Потом на деревянного дракона.

— Не слушай! — сказала Вера.

Голос повторил:

— Выбери красную или синюю игрушку.

Роан поднял лапу.

Первый приблизился.

— Выбери дракона, — сказал он. — Освободи всё, что было отвергнуто.

Морайн положил ладони на стекло.

— Выбери автомобиль. Он означает путь вперёд. Единственную устойчивую историю.

— А если он не выберет? — спросил Эраст.

— Источник останется закрытым, — ответил Морайн.

— Тогда чего мы боимся?

— Приказ уже вошёл в него. Он обязан выбрать.

Роан коснулся красной машинки.

Комната дрогнула.

За стеклом возник город Морайна: прямые улицы, спокойные люди, безопасные двери. Эраст увидел Веру рядом с собой. Они были старше. Жили в светлом доме. Никогда не ссорились, потому что все разногласия заранее устранялись.

Тарас и Мира тоже были там.

Тарас работал в мастерской, где ничего не ломалось. На стенах висели инструменты, но все винты были уже затянуты.

Мира сидела возле окна. Оружия при ней не было. Она улыбалась постоянно и одинаково.

— Ужас, — сказал Тарас. — Даже чайник исправный.

Роан убрал лапу.

Картинка исчезла.

Он коснулся синего дракона.

Стены разлетелись.

Вокруг возникло бесконечное небо, заполненное мирами.

Каждый несостоявшийся вариант существовал одновременно. Живые встречались со своими копиями. Мёртвые возвращались, но рядом появлялись миры, где они умирали снова. Города накладывались друг на друга. Драконы заполняли улицы Москвы. Орбис сталкивался с Ладеном. Океан падал на красную пустыню.

Тарас увидел сотни самого себя.

Один был военным.

Другой — директором института.

Третий продавал отвёртки.

Четвёртый никогда не встретил Миру.

Пятый встретил, но прошёл мимо.

— Этот вариант уничтожить первым, — сказала Мира.

— Поддерживаю.

Роан отдёрнул лапу.

Миры исчезли.

Он жалобно посмотрел на Веру.

Надпись на его спине вспыхнула ярче.

ВЫБРАТЬ.

— Ты можешь не выбирать, — сказала она.

— Не может, — ответил Морайн. — Приказ стал частью его связи с Первым.

Золотой дракон склонил голову.

— Я забрал его, потому что он позвал меня.

— Он хотел помочь тебе, — сказала Вера. — Не разрушить миры.

— Все драконы должны быть свободны.

— Да.

— Всё отвергнутое должно вернуться.

— Нет.

Первый оскалился.

— Ты называешь себя матерью драконов и запрещаешь нам возвращать украденное?

Вера побледнела, но не отступила.

— Я не ваша мать по праву власти. И не могу разрешать или запрещать за всех. Я говорю, что ваш выбор уничтожит чужие жизни.

— Люди уничтожили мою.

— Конкретные люди. Конкретный проект. Не все миры.

— Миры приняли пользу.

— Большинство даже не знало о вас.

— Незнание не отменяет последствий.

— Не отменяет. Но и не делает виновными всех.

Первый ударил хвостом. Стена лаборатории треснула.

За ней открылось множество неслучившихся комнат.

В одной маленький Эраст выбрал красную машину.

В другой — синего дракона.

В третьей убежал.

В четвёртой сломал обе игрушки.

В пятой заплакал.

В шестой на стуле сидел не Эраст, а другой ребёнок.

— Я помню каждого, — сказал Первый. — Всех, у кого отняли отказ. Всех, кому оставили только допустимый ответ.

Эраст подошёл к нему.

— Тогда спроси их.

— Что?

— Хотят ли они, чтобы ты открыл все варианты.

— Я знаю, чего они хотят.

— Так говорит Морайн.

Золотой дракон замер.

Морайн ударил по стеклу.

— Не слушай! Он хочет снова сделать тебя частью себя!

— А ты? — спросил Первый.

— Я хочу завершить систему.

— Мной?

— Вместе.

— Это не ответ.

Морайн не мог сказать «нет».

Эраст видел, как внутри его двойника сталкиваются тысячи правил. Тот хотел солгать, но любой прямой отказ отсутствовал в самой его природе.

— Да, — сказал Морайн. — Я использую тебя.

Первый взревел.

Стекло разлетелось.

Золотое пламя обрушилось на Морайна.

Он поднял руки. Белый свет встретил огонь. Комната заполнилась вихрем.

Красная машинка покатила по полу.

Синий дракон закружился рядом.

Роан остался между ними.

— Снимите приказ! — крикнула Вера.

— Как? — спросил Тарас.

— Найдите связь с Морайном!

Мира прыгнула через стол и оказалась за разбитым стеклом. Там больше не было лаборатории — только белая пустота, в которой Морайн сдерживал огонь Первого.

От спины Морайна тянулись тысячи нитей.

Все были белыми.

Одна — тонкая, красная — уходила к Роану.

Мира ударила ножом.

Лезвие прошло насквозь.

— Она не существует здесь полностью!

— Потому что приказ относится к будущему! — сказал Эраст.

— Очень удобно он устроился! — крикнул Тарас.

Он достал отвёртку.

— Что ты собираешься делать? — спросила Мира.

— Не знаю!

— Хорошо!

Тарас воткнул отвёртку в красную машинку.

Та остановилась.

Красная нить стала видимой.

Мира перерезала её.

Слова на спине Роана погасли.

Дракончик отскочил от игрушек и бросился к Вере. Она подхватила его на руки.

— Ты цел?

Роан прижался к ней, дрожа всем телом.

— Не хочешь выбирать?

Он фыркнул.

— Хорошо.

Морайн закричал.

Огонь Первого отбросил его к стене.

Белое лицо почернело, но через трещины проступил свет.

— Источник требует ответа! — крикнул он. — Если Роан не выберет, выберет первоначальный субъект!

Все игрушки повернулись к Эрасту.

Женский голос произнёс:

— Выбери красную или синюю.

— Опять? — спросил Тарас. — За тридцать девять лет можно было расширить ассортимент.

Перед Эрастом появились два пути.

Красный: один мир, одна история, безопасность Морайна.

Синий: все варианты сразу, свобода Первого и гибель гра-

ниц.

— Не выбирай, — сказал золотой дракон.

— Он обязан, — ответил Морайн.

— Я заберу отказ.

— Я заберу согласие.

Они стояли по обе стороны Эраста.

Две отделённые части.

Два чудовища, родившиеся из одного детского ответа.

— Если я соединюсь с вами, что произойдёт? — спросил Эраст.

— Ты станешь целым, — сказал Морайн.

— Он исчезнет, — сказал Первый.

— А вы?

— Выполним функцию.

— Нет, — ответил Эраст. — Вы уже не функции. Вы оба принимали решения. Ошибались. Причиняли вред. Спасали. Вы стали отдельными.

— Тогда выбери одного, — сказал Морайн.

— Почему?

— Другого ответа нет.

Эраст посмотрел на красную машинку.

На синего дракона.

Потом поднял обе игрушки.

— Это запрещено, — произнёс голос.

— Знаю.

— Выбор должен быть единственным.

— Не хочу.

Первый отступил.

Золотой свет в его глазах изменился.

Морайн схватился за грудь.

— Ты не можешь...

— Могу.

Эраст поставил обе игрушки на стол.

— Я выбираю не результат. Я выбираю спросить тех, кого он затронет.

— Источник не предусматривает общего обсуждения.

— Тогда подождёт.

— Ожидание увеличивает неопределённость.

— Да.

— Возможны потери.

— Да.

— Ты не знаешь правильного решения.

— Да.

Морайн смотрел на него с ужасом.

Эраст впервые понял, чего боялась система.

Не отказа.

Отказ тоже был ответом, его можно было учесть.

Не согласия.

Согласие было её пищей.

Она боялась паузы, в которой человек признавал незнание и не отдавал кому-то право заполнить пустоту.

— Я пока не выбираю, — сказал Эраст.

Источник раскрылся.

Не красным.

Не синим.

Зелёным.

В центре комнаты появилась третья дверь.

На ней мелом было написано:

СНАЧАЛА СПРОСИТЕ ОСТАЛЬНЫХ.

Тарас просиял.

— Наконец человеческая инструкция.

Первый приблизился к двери.

— Что за ней?

— Не знаю, — ответил Эраст.

— Ты можешь исчезнуть.

— Могу.

— Я тоже.

— Да.

— И всё равно откроешь?

— Нет.

Эраст отошёл.

— Мы откроем вместе, если согласимся.

Морайн метнулся к двери.

— Я согласен!

Он схватился за ручку.

Зелёный свет вспыхнул.

— Требуется три ответа, — произнёс Источник.

На двери появились три ладони.

Одна человеческая.

Одна драконья.

Одна белая, лишённая линий.

— Нет, — сказал Первый.

Морайн замер.

Эраст посмотрел на него.

— Теперь ты знаешь, как это звучит.

Золотой дракон положил коготь на свой знак.

— Я согласен открыть дверь, если за ней не будет принудительного соединения миров.

Человеческий знак загорелся.

Эраст приложил ладонь.

— Я согласен открыть её, если каждый мир сможет откатиться.

Два знака вспыхнули.

Все посмотрели на Морайна.

Он стоял перед третьей отметкой.

— Согласись, — сказал Первый.

— Не приказывай, — остановил его Эраст.

Морайн поднял руку.

Белые пальцы дрожали.

— Если я соглашусь на условия, центр перестанет быть необходимым.

— Возможно, — ответил Эраст.

— Я потеряю функцию.

— Возможно.

— Кем я стану?

— Не знаю.

— Это неприемлемо.

— Тогда откажись.

Морайн посмотрел на зелёную дверь.

— Я не умею.

— Учись, — сказал Первый.

Морайн приложил ладонь.

Третий знак загорелся.

Дверь открылась.

За ней не было коридора.

Там находились все невыбранные варианты сразу — но не воплощённые, а ожидающие вопроса. Они клубились разноцветным светом, не касаясь миров.

На пороге стояла маленькая девочка.

В одной руке она держала красную машинку, в другой — синего дракона.

— Кто ты? — спросил Эраст.

— Возможность, — ответила она. — Пока без имени.

— Ты откроешь все миры? — спросила Вера.

— Если меня выпустят без правил.

— А если с условиями?

— Тогда только те двери, которые захотят открыть с обеих сторон.

Первый склонил голову.

— Мои украденные варианты вернутся?

— Они смогут постучать. Но войдут, только если их при-
мут.

— Этого мало.

— Для жизни всегда мало, — сказала девочка. — Поэтому
она продолжается.

Морайн шагнул через порог.

— Я принимаю условия.

— Ты уверен? — спросил Эраст.

— Нет.

Это было первое «нет», которое Морайн произнёс не как
отрицание чужой воли, а как признание собственной неуве-
ренности.

Белое тело начало распадаться.

— Что с ним? — спросила Мира.

Нестор ответил издали, через натянутую связь:

— Он больше не может оставаться единым решением.

Морайн рассыпался на множество человеческих фигур.

Один Эраст в белом халате.

Другой — в военной форме.

Третий — в рабочей куртке.

Четвёртый — старик.

Пятый — ребёнок.

Каждый был вариантом согласия, которое могло привести
к другой жизни.

Одновременно Источник выплеснул золотую волну.

Первый закричал.

Из его тела начали отделяться отвергнутые возможности.
Комната заполнилась людьми, драконами и отражениями.
Появился второй Тарас.

Потом третий.

Четвёртый держал две отвёртки.

Пятый был одет в дорогой костюм.

Шестой оказался женщиной и смотрел на остальных с тем же выражением профессионального недоверия.

Седьмой сидел верхом на козле.

Настоящий Тарас медленно оглядел себя во всех возможных вариантах.

— Я всегда подозревал, что одного меня недостаточно.

В комнате появились три Миры.

Первая выхватила нож.

Вторая — меч.

Третья посмотрела на семь Тарасов и спросила:

— Который мой?

Настоящая Мира встала рядом со своим Тарасом и взяла его за руку.

— Этот.

Все остальные Тарасы одновременно сказали:

— Почему?

Мира улыбнулась.

— Он первый успел испортить мне жизнь.

Источник распахнулся шире.

Из зелёной двери шагнул восьмой Тарас.

На нём был свадебный костюм.

В руках он держал букет.

— Простите, — сказал он. — Кто-нибудь видел мою невесту?

Настоящий Тарас побледнел.

— Закрывайте дверь.

— Почему? — спросил Эраст.

— Мы уже спасали мир. Теперь начинается опасная часть.

Глава пятьдесят шестая

Семь Тарасов и один лишний букет

— Никто ничего не закрывает! — крикнула Вера.

— Почему? — спросил настоящий Тарас.

— Там живые существа!

— Там я в свадебном костюме!

— Это тоже живое существо.

— Вот поэтому и страшно.

Восьмой Тарас поправил белый галстук. Костюм сидел на нём удивительно хорошо. Настоящий Тарас с подозрением посмотрел на его плечи, потом на собственную куртку, испачканную типографской краской, драконьей сажей и неизвестным веществом из поезда.

— Где взял костюм?

— Купил.

— Сам?

— Мира выбрала.

— Тогда почему он подходит?

Свадебный Тарас задумался.

— В нашем варианте я похудел.

Настоящий Тарас отвернулся от него.

— Закрывайте дверь.

— Ты уже это говорил, — напомнила Мира.

— Теперь появилась дополнительная причина.

Источник продолжал выпускать несостоявшиеся варианты.

Из зелёного проёма вышла четвёртая Мира. На ней была корона, в руке — длинный жезл с тремя лезвиями.

Следом появился ещё один Эраст — в рабочем комбинезоне и защитных очках. Потом другой, с бородой и походным рюкзаком. Третий Эраст вышел в идеально выглаженном сером костюме и сразу попросил предоставить список ответственных.

Вера посмотрела на него.

— Этот мне не нравится.

— Мне тоже, — сказал настоящий Эраст.

Серый Эраст нахмурился.

— Эмоциональная оценка несущественна. Необходимо немедленно ограничить переход.

— Особенно не нравится, — уточнила Вера.

Из двери показалась пожилая Вера Павловна. Волосы её были совершенно седыми. На плече сидел крошечный дракон в очках.

— Не стойте на пороге, — сказала она. — Там уже очередь.

— Какая очередь? — спросил Тарас.

— Большая.

За её спиной виднелись сотни лиц.

Люди. Драконы. Существа, которым в состоявшейся реальности не нашлось названия. Неслучившиеся дети. Невстреченные друзья. Враги, успевшие передумать. Города, построенные на месте полей. Поля, оставшиеся там, где возвели города.

Все ждали.

Не наступали.

Источник больше не выбрасывал возможности насильно. После появления зелёной двери каждая должна была получить согласие с другой стороны.

Но комната не предназначалась для такого количества посетителей.

— Нам нужно установить порядок, — сказал серый Эраст.

— Нет, — ответил настоящий.

— Без координации возникнет давка.

— Координация нужна. Единый управляющий — нет.

— Различие словесное.

— Тогда почему ты сразу выбрал второе?

Серый Эраст не ответил.

Восьмой Тарас прошёл в комнату и поставил букет на стол рядом с игрушками.

— Где моя Мира?

Все четыре Миры посмотрели на него.

Свадебный Тарас осмотрел их по очереди.

— Не вы. Не вы. Точно не вы.

Мира с короной подняла жезл.

— Почему это «точно»?

— У моей корона меньше.

— Нахал.

— Вот интонация похожа.

Настоящая Мира встала перед своим Тарасом.

— Почему он ищет меня?

— Спроси у него.

— Я спрашиваю у тебя.

— Мы разделились до этого решения. Я не знаю.

— Но предполагать можешь.

— Могу.

— И?

— Не хочу.

Она сузила глаза.

— Учится, — сказала пожилая Вера. — Медленно, но всё-таки.

Настоящая Вера подошла к своей старшей версии.

— Вы из моего будущего?

— Из одного возможного.

— Мы с Эрастом...

— Не спрашивайте.

— Почему?

— Если скажу, вы начнёте либо стремиться туда, либо из-бегать. В обоих случаях перестанете жить своим путём.

— Хотя бы скажите: вы счастливы?

Пожилая Вера улыбнулась.

— Иногда.

— Только иногда?

— Это гораздо больше, чем кажется в молодости. Постоянное счастье обычно либо плохо запомнилось, либо кем-то утверждено.

Дракон в очках спрыгнул с её плеча, подошёл к Роану и внимательно его обнюхал.

Роан обнюхал в ответ очки.

Затем съел их.

— Вот поэтому я ношу запасные, — сказала пожилая Вера.

Из кармана она достала вторую пару.

Настоящий Эраст смотрел на свои варианты.

Их становилось всё больше. Один держал гитару. Другой носил военную форму. Третий был в медицинском халате. Четвёртый выглядел так, словно никогда не покидал лабораторию. У пятого отсутствовала левая рука.

Каждый был им.

И ни один — не был.

Он подошёл к Эрасту с рюкзаком.

— Кем вы стали?

— Никем особенным. Ушёл из института, много путешествовал.

— Один?

— Иногда.

— Веру Павловну встречали?

— Один раз. Не заговорил.

Эраст почувствовал боль, неожиданную и совершенно неразумную. Перед ним стояла жизнь, в которой они прошли мимо друг друга. Этой жизни никогда не было, но потеря оказалась настоящей.

— Почему?

— Торопился на поезд.

— Успели?

— Да.

— И стоило?

Эраст с рюкзаком подумал.

— Не знаю.

— Тогда зачем вы пришли?

— Хотел увидеть женщину, с которой мог заговорить.

Вера слышала.

Она подошла к ним.

Эраст с рюкзаком посмотрел на неё так, будто много лет нёс внутри один короткий несостоявшийся разговор.

— Здравствуйте, — сказал он.

— Здравствуйте.

— Я видел вас однажды на вокзале.

— Я вас не помню.

— В моём мире.

— Тогда тем более.

Он улыбнулся.

— Именно так вы и должны были ответить.

— Вы хотите остаться?

Путешественник посмотрел на зелёную дверь.

— Нет. Я хотел убедиться, что возможность была.

— Была, — сказала Вера. — Но не обязана была сбыться, чтобы иметь значение.

Он кивнул.

Его тело стало прозрачным.

— Подождите, — сказал настоящий Эраст.

— Зачем?

— Не знаю.

— Хороший ответ. Берегите его.

Путешественник исчез.

Не умер.

Вернулся в возможность, из которой пришёл.

На месте осталась потёртая железнодорожная пуговица.

Эраст поднял её и положил в карман.

— Они могут уйти сами, — сказала Вера.

— Если захотят, — уточнил Нестор. Его голос доносился из золотой нити, соединявшей Источник с Межой. — Но те, кого кто-то примет, станут настоящими.

— Насколько настоящими? — спросил Тарас.

— Настоящее не измеряется процентами.

— Жаль. Я хотел сравнить себя с остальными.

К ним подошёл Тарас в дорогом костюме.

— Я успешнее тебя, — сообщил он.

— Чем занимаешься?

— Продаю технологии переходов.

— Зарабатываешь?

— Очень хорошо.

— Друзья есть?

— Полезные связи.

— Мира?

— Мы расстались.

Настоящий Тарас повернулся к Мире.

— Этого тоже отправляем обратно.

— Почему я должен уходить? — возмутился состоятельный Тарас. — Мой вариант эффективнее.

— А пришёл зачем?

— Получить доступ к новым мирам.

— Вот поэтому.

Состоятельный Тарас посмотрел на Веру, Эраста, драконов и зелёную дверь.

— У меня есть предложение. Мы можем коммерциализировать контролируемое открытие возможностей. Каждому человеку показывать три лучших варианта жизни за плату.

— А если он выберет четвёртый? — спросил Эраст.

— Зачем показывать неэффективный?

Мира достала нож.

— Понял, — сказал состоятельный Тарас. — Рынок пока не готов.

Он вернулся за дверь.

Тарас с двумя отвёртками подошёл к настоящему.

— У меня вопрос.

— Где взял вторую?

— Сам сделал.

Настоящий Тарас просиял.

— Оставайся.

— Нет, — ответили Эраст и Мира.

— Почему?

— Одного тебя достаточно, — сказала Мира.

— Я мог бы успевать вдвое больше.

— Ломать.

— И чинить.

— После себя.

Тарас с двумя отвёртками протянул одну настоящему.

— Возьми хотя бы инструмент.

Настоящий принял подарок.

Обе отвёртки тут же исчезли.

— Нельзя перенести предмет без его варианта истории, — объяснил Нестор.

— Безобразие, — сказал Тарас. — Показали человеку счастье и отняли.

— Ты сам это сказал? — спросила Мира.

— Про инструмент.

Тарас с двумя отвёртками вернулся за дверь. Затем ушёл директор Тарас — после того как настоящий спросил, когда тот последний раз что-нибудь ремонтировал собственными руками. Тарас-военный остался рядом с Мирой в короне: они узнали друг друга и начали спорить, кто первым принял решение покинуть свой вариант.

Тарас верхом на козле отказался уходить.

— Почему? — спросил Эраст.

— Козёл хочет остаться.

Животное жевало букет свадебного Тараса.

— Ты его спрашивал?

— Он пришёл сюда сам.

— Это ещё не согласие.

Тарас-на-козле задумался, слез и спросил:

— Хочешь остаться?

Козёл посмотрел на него и ушёл в зелёную дверь.

Его всадник вздохнул.

— Всё понятно.

Он последовал за животным.

Настоящий Тарас с уважением проводил их взглядом.

— Даже мой козёл принимает решения лучше меня.

— Он опытнее, — сказала Мира.

Свадебный Тарас всё ещё ждал.

— Объясни наконец, — потребовала Мира. — Где твоя невеста?

— Не знаю.

— Почему ты вышел один?

— Потому что ушёл со свадьбы.

— Сбежал?

— Временно покинул церемонию.

— До регистрации?

— За минуту.

Настоящий Тарас поднял большой палец.

— Молодец.

Мира наступила ему на ногу.

— За что?

— На будущее.

Свадебный Тарас сел на край лабораторного стола.

— Всё было готово. Гости. Цветы. Роан съел три ленты и свидетельство о назначении времени. Валентина Сергеевна принесла копию. Потом регистратор спросила, согласен ли я.

— И ты испугался? — спросил настоящий.

— Нет. Я понял, что не знаю.

Мира перестала сердиться.

— Не знаешь, любишь ли её?

— Знаю.

— Тогда чего?

— Хочу ли жениться именно сейчас. Или согласился, потому что все решили, что после спасения мира полагается свадьба.

— И ты ушёл?

— Сказал, что мне нужно подумать.

— При гостях?

— Да.

— Смелый человек, — признал настоящий Тарас.

— Мира бросила в меня букет.

— Попала?

— Разумеется.

— Значит, не всё потеряно.

— Потом открылась зелёная дверь. Я вошёл, потому что подумал: возможно, там я пойму.

Настоящая Мира подошла к нему.

— Понял?

— Да.

— И что?

— Я не обязан жениться из-за ожиданий. Но и убегать от неё, потому что боюсь чужих ожиданий, тоже не обязан.

— Вернёшься?

— Если дверь откроется.

— Откроется, — сказала девочка-Возможность. Она сидела на пороге, покачивая ногами. — Ваша Мира согласна вас принять.

Свадебный Тарас встал.

— Она там?

— Стоит с другой стороны. Очень сердитая.

— Это она.

— В руке табурет.

— Точно она.

Он взял букет, обнаружил, что козёл съел половину, и посмотрел на настоящего Тараса.

— Совет дать?

— Нет.

— Правильно.

— Но ты всё-таки скажи.

Свадебный Тарас улыбнулся.

— Не женитьба страшная. Страшно сказать «да», когда хочешь «нет», и сказать «нет», когда хочешь «да».

Он шагнул к зелёной двери.

Перед самым порогом обернулся к Мире.

— А у вас всё получится.

— Откуда знаешь?

— У нас получилось.

— Ты же сбежал со свадьбы.

— Именно. И она разрешила мне вернуться.

Он исчез.

Из-за двери донёсся женский крик:

— Тарас Ананиевич!

Потом грохот табурета.

Настоящий Тарас прислушался.

— Хорошая акустика.

Мира посмотрела на него.

— Не делай выводов.

— Даже не начинал.

Источник продолжал гудеть.

Очередь не уменьшалась.

Наоборот, за каждой ушедшей возможностью появлялись новые.

— Мы не успеем поговорить со всеми, — сказал Эраст.

— И не должны, — ответила девочка. — Каждая возможность ищет свой мир и тех, кто готов её принять.

— Тогда почему они идут через нас?

— Потому что вы открыли первую дверь.

— Можно перенаправить их?

— Можно. Но каждый мир должен согласиться слышать стук.

— А если не согласится?

— Его двери останутся закрытыми.

— А возможности?

— Продолжат существовать здесь.

— Без жизни?

Девочка посмотрела на бесконечную очередь.

— Возможность — не неполноценная жизнь. Это другая форма. Некоторые не хотят сбываться.

— Например? — спросил Тарас.

— Возможность, что вы сейчас наступите на хвост Роану. Тарас поднял ногу.

Под ботинком действительно оказался драконий хвост. Роан сердито дёрнулся.

— Простите.

— Теперь она не сбылась, — сказала девочка. — И все довольны.

Роан укусил Тараса за штанину.

— Почти все.

В дальнем конце комнаты серый Эраст собирал варианты вокруг себя.

Их было уже несколько десятков.

Директора, военные, учёные, чиновники. Все версии Эраста, которые когда-либо принимали решение быстро и без сомнений.

— Он что-то делает, — сказала Вера.

Серый Эраст поднял руку.

— Внимание! Для предотвращения неконтролируемого воплощения необходимо временно передать распределение возможностей единому координатору!

Многие варианты согласно закивали.

На их груди вспыхнули белые круги.

— Морайн, — сказал Нестор.

— Он распался, — возразил Тарас.

— Но каждая его часть умеет соглашаться. Достаточно собрать их вокруг нового приказа.

Серый Эраст указал на зелёную дверь.

— Первая группа проходит в миры с максимальной совместимостью. Несогласные варианты временно возвращаются в Источник. Решения оригиналов могут быть учтены позднее.

— Сначала опять всех спасём, потом спросим, — сказала Вера.

— Он быстро учится старым привычкам, — ответил Эраст.

Варианты двинулись к двери.

Зелёный свет стал белеть.

Девочка-Возможность вскочила.

— Если они назначат себя распорядителями, дверь изменится!

— Во что? — спросила Мира.

— В единственный выход.

Эраст встал между серым двойником и Источником.

— Не пройдёшь.

Серый Эраст остановился.

— Я — это ты, только способный принимать необходимые решения.

— Нет. Ты — то, чем меня хотели сделать.

— Различие несущественно.

— Для меня существенно.

Белые круги на груди вариантов вспыхнули.

За их спинами начали собираться Сборщики.

Но теперь у каждого было лицо Эраста.

— Вот это уже неприятно, — сказал Тарас. — Обычно его лицо вызывает у меня доверие.

— Обычно?

— До определённой суммы.

Серый Эраст улыбнулся.

— Оригинал не имеет преимуществ. Мы все обладаем равным правом на существование.

— Да, — ответил Эраст.

Двойник не ожидал согласия.

— Тогда уступи.

— Нет.

— Ты противоречишь себе.

— Равное право не означает право решать за остальных.

— Кто-то обязан навести порядок.

— Кто именно?

— Наиболее эффективная версия.

— По чьей оценке?

— По объективным показателям.

— Которые выбрал ты.

Серый Эраст шагнул вперёд.

— Пока ты задаёшь вопросы, Источник расширяется.

— Тогда будем действовать. Но не под твоим единоличным управлением.

— Коллективное решение слишком медленно.

— Поэтому разделим работу.

Эраст повернулся к друзьям.

— Вера — связь с драконами и мирами. Мира — защита двери. Тарас — разберись, как перенаправить поток.

— Почему мне всегда достаётся то, у чего нет инструкции?

— Потому что с инструкциями ты всё равно не работаешь.

— Разумно.

— А вы? — спросила Вера.

— Поговорю с собой.

— С каким?

Эраст посмотрел на десятки собственных лиц.

— Со всеми.

Глава пятьдесят седьмая

Право не сбыться

Битва Эраста Акакиевича Кунилилина с самим собой началась с организационного вопроса.

— Кто уполномочил тебя представлять остальные варианты? — спросил он серого двойника.

— Они согласились.

— Каждый?

— Большинство.

— Можно услышать тех, кто отказался?

— Отказавшиеся не входят в объединение.

— Удобно.

Серый Эраст раздражённо поправил манжету.

— Ты затягиваешь время.

— Да. Чтобы остальные успели выбрать.

— Это манипуляция.

— Возможно.

— Ты признаёшь?

— Я хотя бы не называю её объективной необходимостью.
Пока они спорили, друзья действовали.

Вера подошла к Первому.

Золотой дракон занимал почти половину комнаты. Его тело продолжало распадаться на несостоявшиеся варианты. Маленькие драконы отделялись от чешуи, расправляли крылья и летели к зелёной двери.

Одни были золотыми.

Другие — синими.

Третьи состояли из дыма, воды, металла или звёздного света.

— Ты можешь остановить их? — спросила Вера.

— Они не принадлежат мне.

— Но проходят через тебя.

— Я держал их слишком долго.

— Не по своей воле.

— Это не отменяет последствий.

Вера положила ладонь на золотую чешую.

— Не отменяет. Но ты не обязан освобождать всех сразу, если это причинит новый вред.

— Тогда я снова стану тюрьмой.

— Нет. Станешь дверью.

Первый опустил голову.

— В чём различие?

— Тюрьма решает, что никто не выйдет. Разрушенная стена выпускает всех. Дверь спрашивает обе стороны.

— Я не умею быть дверью.

— Межа тоже не умела.

При упоминании Межи золотая нить между мирами стала ярче.

— Она живая? — спросил Первый.

— Да.

— Её создали люди?

— Отчасти.

— Они владеют ею?

— Пытались. Теперь спрашивают разрешения.

— Всегда?

Вера вспомнила чрезвычайный договор.

— Нет. Но она научилась отказывать.

Первый посмотрел на Роана.

Маленький дракон сидел возле его лапы и пытался оторвать белую чешуйку. Когда чешуйка не поддалась, он куснул сильнее.

— Он хочет остаться со мной, — сказал Первый.

— Ты спрашивал?

Золотой дракон замолчал.

Вера ничего не добавила.

Первый наклонился к Роану.

— Ты хочешь остаться в Нулевом небе?

Роан перестал грызть чешую.

Посмотрел на Первого.

Потом на Веру.

Подошёл к ней и сел возле ноги.

Первый закрыл глаза.

— Он выбрал тебя.

— Сейчас — да.

— Тебе приятно.

— Очень.

— Значит, ты победила.

— Нет. Он не награда.

Роан подумал, вернулся к Первому, боднул его в лапу и снова прибежал к Вере.

Золотой дракон открыл глаза.

— Что это значит?

— Что он хочет возвращаться к тебе, но жить со мной.

— Так нельзя.

— Почему?

— Выбор должен быть одним.

Роан снова пробежал расстояние между ними.

Первый смотрел на него.

Потом впервые рассмеялся.

Драконий смех оказался похож на далёкий гром, от которого дрожат стёкла, но не хочется прятаться.

— Маленький, — сказал он. — Ты выбрал дорогу.

Роан расправил крылья.

Вера почувствовала, как связь Первого меняется. Он больше не выталкивал отвергнутые возможности. Начал отпускать их по одной, спрашивая каждую, хочет ли она выйти

сейчас.

Поток ослаб.

Зелёный свет перестал белеть с драконьей стороны.

Мира защищала дверь.

Несколько Сборщиков с лицами Эраста попытались пройти мимо неё.

Первому она разбила нос рукоятью ножа.

Зрелище было настолько непривычным, что настоящий Эраст на секунду потерял нить собственного спора.

— Не отвлекайся, — сказала Мира.

— Постараюсь.

Второй Сборщик поднял руки.

— Мы действуем ради сохранения возможностей.

— Стой там и сохраняй.

— Необходимо пройти.

— Нет.

— Ваш отказ не обоснован.

— Верно.

Сборщик сделал ещё шаг.

Мира ударила его ногой в грудь.

— Теперь обоснован расстоянием.

Рядом появилась Мира в короне. Та самая, которую свадебный Тарас признал лишь отчасти похожей на свою невесту.

— Тебе нужна помощь? — спросила она.

— Зачем?

— Их много.

— Тебя кто принимает?

Королева указала на Тараса-военного.

— Он.

— А ты его?

— Пока решаю.

— Тогда почему остаёшься?

— В моём варианте я стала хранительницей всех переходов. Победила противников, объединила миры и запретила людям открывать двери без моего разрешения.

— Похоже на тебя.

— Я знаю.

— И что не устраивает?

Королева коснулась своей короны.

— В какой-то момент я поняла, что охраняю не людей от дверей, а свою власть над людьми.

Мира посмотрела на неё внимательнее.

— Вернёшься?

— Не могу. Мой вариант закончился войной. Я вышла из последней возможности до того, как меня убили.

— Значит, хочешь стать настоящей здесь?

— Если кто-то согласится принять меня.

— Тарас-военный?

— Он предложил.

— Ты согласилась?

Королева помолчала.

— Я не хочу снова быть чьим-то решением.

Мира протянула ей запасной нож.

— Тогда помогай до тех пор, пока сама не решишь.

Королева приняла оружие.

— И всё?

— А что ещё?

— Ты не боишься, что я займу твоё место?

Мира оглянулась на настоящего Тараса. Он лежал под панелью Источника, стучал отвёрткой и спорил с двумя собственными вариантами о направлении потока.

— Попробуй, — сказала она.

Королева тоже посмотрела.

— Нет. Этот слишком шумный.

— Вот видишь.

Они встали рядом.

Две Миры.

Два ножа.

После этого Сборщики подходили значительно осторожнее.

Тарас обнаружил управляющую панель там, где раньше лежала красная машинка.

Панель имела три рычага:

ВОПЛОТИТЬ ВСЁ.

ВЕРНУТЬ ВСЁ.

РАСПРЕДЕЛИТЬ ОПТИМАЛЬНО.

— Нормального варианта нет, — сказал он.

Рядом сидел Тарас в рабочем комбинезоне.

— Можно добавить.

— Куда?

— Между рычагами.

— Там металл.

— Металл — это поверхность, которая ещё не знает, что станет отверстием.

Настоящий Тарас посмотрел на него с уважением.

— Ты откуда?

— Из варианта, где я не пошёл в институт. Ремонтирую лифты.

— Нравится?

— Иногда.

— Мира есть?

— Нет.

— Жалеешь?

— Я её не знаю. Как могу жалеть?

Настоящий Тарас задумался.

— Правильно.

Лифтёр достал плоское зубило.

— Держи.

— Предмет исчезнет.

— Пока держу я — не исчезнет.

Они начали пробивать четвёртое отверстие.

К ним присоединился Тарас с металлической рукой — не тот будущий Морайн, которого они встретили в подвале, а

другой. Старше, молчаливее.

— В моём варианте здесь был скрытый канал, — сказал он.

— Почему рука металлическая? — спросил настоящий.

— Потерял в Ладене.

— Мы спасли.

— Поэтому я — возможность, а ты — человек.

Он вставил пальцы металлической руки в щель и раздвинул края.

Под панелью обнаружилась пустая ячейка.

Над ней проступила надпись:

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ЗАПРОС.

— Вот, — сказал лифтёр. — Отверстие узнало предназначение.

Настоящий Тарас достал из папки чистый бланк.

— Что пишем?

— Мир задаёт вопрос, — предложил металлический.

— Возможность отвечает, — сказал лифтёр.

— И наоборот, — добавил настоящий. — Обе стороны могут постучать.

Он написал:

*ОТКРЫВАТЬ ТОЛЬКО ПРИ ВЗАИМНОМ СОГЛАСИИ.
МОЛЧАНИЕ СОГЛАСИЕМ НЕ СЧИТАТЬ.*

Лифтёр прочёл.

— Хорошо.

— Ещё нужна подпись.

— Чья?

Все три Тараса посмотрели друг на друга.

— Только не единый представитель, — сказал настоящий.

Они подписали втроём.

Бланк вошёл в пустую ячейку.

Панель загудела.

Три старых рычага втянулись.

Остался один зелёный:

ПОСТУЧАТЬ.

— Красиво, — сказал Тарас с металлической рукой.

Его тело начало исчезать.

— Ты уходишь?

— Мой вариант больше не нужен, чтобы предупредить твой. Ты сохранил руку.

— Останься.

— Зачем?

Настоящий Тарас хотел ответить, что они могли бы вместе ремонтировать. Что металлическая рука пригодилась бы. Что вдвоём легче.

Но это были причины для него, не для другого.

— Ты хочешь? — спросил он.

— Нет. Я устал.

— Тогда спасибо.

Металлический Тарас кивнул и исчез.

Лифтёр остался.

— А ты?

— Хочу увидеть город, который был в поезде. У них, наверное, лифты странные.

— Заря должна согласиться.

— Постучим.

Он нажал зелёный рычаг.

Межа услышала первой.

Золотая нить раскрылась маленьким окном. В нём появилось лицо Зари.

— Кто?

— Возможный Тарас, специалист по лифтам, — представил его настоящий. — Просит разрешения войти в Запасный город.

— Зачем?

— Посмотреть лифты.

Заря задумалась.

— У нас нет лифтов.

Лифтёр просиял.

— Тем более.

— Он хочет остаться?

— Пока не знаю, — ответил тот. — Сначала посмотрю.

— Город согласен принять гостя на три дня. Без назначения функции.

— Подходит.

Зелёная дверь открылась.

Лифтёр пожал руку настоящему Тарасу и ушёл.

— Работает, — сказал тот.

Возможности в очереди зашевелились.

Но теперь перед каждой появлялась собственная дверь.

Маленькая.

Большая.

Человеческая.

Драконья.

Некоторые оставались закрытыми. Некоторые приоткрывались. Из-за них звучали вопросы.

— Кто там?

— Почему вы хотите войти?

— Что изменится?

— Можем ли мы отказать позже?

Впервые возможности не врывались в миры.

Они стучали.

Серый Эраст увидел, что поток уходит из-под его контроля.

— Остановитесь! — приказал он.

Никто не остановился.

— Распределение без общей модели приведёт к непредвиденным изменениям!

— Конечно, — ответил настоящий Эраст.

— Среди вариантов есть опасные!

— Есть.

— Преступники! Захватчики! Болезни! Катастрофы!

— Поэтому двери открываются с двух сторон.

— Миры не обладают достаточным знанием, чтобы оце-

нить риск!

— Никто не обладает.

— Тогда необходим центр!

— Нет.

Серый Эраст ударил его.

Настоящий не ожидал. Кулак попал в скулу. Эраст отступил и споткнулся о лабораторный стул.

Белолицые Сборщики двинулись вперёд.

Мира и её коронованная версия встретили их у двери. Вера подняла золотую сеть. Первый расправил крылья, закрывая Роана и девочку-Возможность.

Тарас вынырнул из-под панели.

— Я всё починил!

В этот момент потолок раскололся.

— Почти! — уточнил он.

Из трещины посыпались белые фигуры.

Серый Эраст схватил настоящего за воротник.

— Ты не понимаешь ответственности!

— Понимаю.

— Тогда почему позволяешь другим ошибаться?

— Потому что моя ответственность не делает их моей собственностью.

— Они погибнут!

— Некоторые.

— Ты допускаешь это?

Эраст посмотрел в собственные холодные глаза.

— Я допускаю, что не способен всех спасти.

Серый двойник отшатнулся, будто его ударили.

Для него признать предел было невозможно.

— Тогда ты недостоин руководить.

— Согласен.

— Передай управление мне.

— Нет.

Двойник замер.

— Ты опять противоречишь.

— Я не хочу руководить всеми. Но не позволю тебе забрать это право.

— На каком основании?

Эраст вытер кровь с губы.

— На основании собственного решения. За которое отвечу.

Белые круги на груди Сборщиков погасли.

Не все.

Но многие.

Среди вариантов Эраста начался спор.

— Он прав, — сказал Эраст в медицинском халате. —

Нельзя лечить без согласия, если пациент способен решать.

— А при угрозе эпидемии? — возразил военный.

— Тогда ограничение конкретно и временно.

— Кто определит срок?

— Тот, кто введёт меру, и те, кого она затронет.

— Это долго!

— Зато конец существует.

Серый Эраст закричал:

— Молчать!

Никто не замолчал.

Варианты задавали вопросы.

Каждый вопрос отделял от серого Эраста очередную белую нить.

Его костюм терял цвет.

Лицо становилось прозрачным.

— Я необходим, — повторял он. — Я принимаю решения. Я не сомневаюсь. Я сохраняю порядок.

— Ты хочешь существовать? — спросил настоящий Эраст.

— Это не имеет значения.

— Для меня имеет.

Серый двойник посмотрел на него.

— Зачем тебе моё существование?

— Потому что ты уже есть.

— Я опасен.

— Да.

— Ты должен уничтожить меня.

— Нет.

— Почему?

— Не хочу.

— Ты принимаешь риск?

— Да.

— Добровольно?

— Да.

Серый Эраст медленно опустил руки.

— Я не знаю, кем быть без функции.

— Начни с имени.

— У меня есть имя.

— Моё.

— Я — ты.

— Нет. Но можешь стать собой.

Девочка-Возможность подошла ближе.

— Имя необязательно выбирать сейчас.

Серый Эраст посмотрел на зелёные двери.

— Куда мне идти?

— Можешь остаться здесь, — сказала она.

— Что я буду делать?

— Не знаю.

— Как долго?

— Не знаю.

— По каким правилам?

— Мы ещё не написали.

Серый Эраст закрыл глаза.

— Это невыносимо.

— Да, — сказал настоящий. — Сначала очень.

Белый круг на груди двойника исчез.

Сборщики рассыпались.

Источник перестал расширяться.

Комната вернулась к прежнему размеру. Огромный Первый снова не помещался в ней, но теперь золотое тело уходило не в стены, а в Нулевое небо.

За зелёной дверью оставались бесчисленные возможности. Каждая получила право постучать. Ни одна — право войти без ответа.

Серый Эраст открыл глаза.

Они больше не были точной копией глаз настоящего.

В них появилась растерянность.

— Я останусь у Источника, — сказал он. — Временно.

— Хорошо.

— Мне необходимо следить за порядком.

Эраст поднял бровь.

Двойник помолчал.

— Мне хочется следить за порядком.

— Уже лучше.

— Но если кто-нибудь попытается войти силой...

— Спросите, хочет ли принимающая сторона помощи.

— Это неэффективно.

— Привыкайте.

Двойник посмотрел на Первого.

— Ты останешься?

Золотой дракон повернул голову к разбитому солнцу.

— Я вернулся домой. Но сначала освобожу тех, кто просит.

— Не всех?

— Не всех сразу.

— Почему?

Первый посмотрел на Роана, который снова бегал между ним и Верой.

— Я учусь быть дверью.

Нулевое небо дрогнуло.

Осколки второго солнца начали сходиться. Не срастаться — располагаться вокруг зелёного проёма, превращаясь в огромную оправу.

Источник занял своё место в небе.

Тёмный дракон и освобождённые окольцованные кружили рядом.

Путь домой открылся.

Эраст, Вера, Тарас и Мира подошли к Меже.

Роан сел между Верой и Первым.

— Идём? — спросила она.

Дракончик посмотрел на золотого великана.

Первый коснулся его носа кончиком когтя.

— Возвращайся, когда захочешь.

Роан прыгнул Вере на плечо.

Она улыбнулась.

Первый перевёл взгляд на Эраста.

— Между нами осталась связь.

— Знаю.

— Ты можешь забрать меня.

— Нет.

— Боишься?

— Да. И не хочу.

— Я тоже не хочу исчезать.

— Значит, пока останемся отдельными.

— Пока, — согласился Первый.

Эраст шагнул к золотой двери, но Нестор не открыл её.

Мальчик стоял с другой стороны, бледный и испуганный.

— Что случилось? — спросила Вера.

— Межа не отвечает.

— Почему?

Нестор поднял обе руки.

За его спиной находился конференц-зал института.

Пустой.

На столе лежала папка Валентины Сергеевны. На полу — перевёрнутые стулья. Все двери в другие миры были закрыты.

На стене висел свежий календарь.

Эраст прочитал дату.

Прошло не несколько часов.

Прошло девять месяцев.

— Где все? — спросил Тарас.

— Не знаю, — ответил Нестор. — Для меня вы исчезли на семь минут. А для Москвы...

Он посмотрел на календарь.

— Вас признали погибшими.

Дверь дрогнула.

Из пустого коридора института вошла Валентина Сергеевна.

Она увидела их и остановилась.

В руках у неё была коробка с личными вещами Тараса.

Сверху лежала его любимая кружка.

— Вернулись, — сказала она.

— Вернулись, — подтвердил Тарас.

— Поздно.

Он посмотрел на Миру.

— Вот теперь это точно семейное слово.

Валентина Сергеевна поставила коробку на стол.

— Через сорок минут начинается свадьба.

Тарас побледнел.

— Чья?

— Ваша.

Он сел прямо на пол.

— Всё-таки не успели.

Глава пятьдесят восьмая

Свадьба покойного Тюлькина

Тарас сидел на полу и смотрел на собственную кружку.

Кружка лежала в коробке с личными вещами покойного.

На боку сохранилась надпись:

ЛУЧШИЙ СПЕЦИАЛИСТ

Слово «лучший» было перечёркнуто, а сверху рукой Эраста приписано:

ЕДИНСТВЕННЫЙ, КТО СОГЛАСИЛСЯ.

— Почему вы решили, что я погиб? — спросил Тарас.

— Вы исчезли, — ответила Валентина Сергеевна.

— Мы регулярно исчезаем.

— Не на девять месяцев.

— Для нас прошло семь минут.

— Для табеля это не имеет значения.

— Вы девять месяцев ставили мне прогулы?

— Первые три дня.

— Потом?

— Отсутствие по невыясненной причине.

— А потом?

— Посмертный отпуск.

Тарас поднял голову.

— Такое бывает?

— Теперь бывает.

— Зарплата начислялась?

— Нет.

— Тогда зачем отпуск?

— Чтобы закрыть остаток дней.

— Даже смерть не освобождает человека от кадровой дисциплины.

— Особенно смерть. Живой ещё может подписать объяснительную.

Эраст взял из коробки рамку с фотографией. На ней они с Тарасом стояли перед институтом задолго до первого откры-

тия шкафа. Тарас держал какую-то деталь, Эраст — папку, а за их спинами директор Белобрысов смотрел в объектив с выражением человека, которому уже сообщили предварительную стоимость ремонта.

На обратной стороне фотографии имелась наклейка:

*ИМУЩЕСТВО КУНИЛИНА Э. А. ПОДЛЕЖИТ ПЕРЕДА-
ЧЕ НАСЛЕДНИКАМ ПОСЛЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ИХ ВРЕ-
МЕННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.*

— Меня тоже признали погибшим?

— Всех четверых.

Вера Павловна коснулась шеи. След от ошейника на Эрасте ещё не исчез.

— А Роана?

— Временно отсутствующим. По заявлению.

Роан важно прошёлся по столу.

— Получается, дракон по документам живет нас, — ска-
зал Тарас.

— Он числился, — пояснила Валентина Сергеевна. — А
вы — нет.

Мира взяла из коробки Тараса связку ключей.

— От чего они?

— От квартиры, мастерской и нижнего ящика стола.

— Где твоя квартира?

— Надеюсь, там же.

Валентина Сергеевна поправила очки.

— Квартиру опечатали. Потом распечатали. Потом снова

опечатали, потому что из кухни открылся проход в Ладен.

— Кто сейчас там живёт?

— Временно — два ладенских посла и один дракон.

— Большой?

— Для кухни — да.

— А мастерская?

— Передана комиссии.

— Стол?

— Утилизирован.

Тарас прижал кружку к груди.

— Хорошо, что главное сохранили.

— Не всё.

Валентина Сергеевна достала из кармана отвёртку.

Ту самую.

С потёртой красной ручкой.

Тарас встал.

— Вы нашли её?

— На полу после вашего исчезновения.

Он принял инструмент двумя руками, почти торжественно.

— Валентина Сергеевна...

— Распишитесь.

Она протянула ведомость.

Тарас расписался.

— Теперь вы снова материально ответственное лицо.

— Даже поздороваться не успел.

— Поздоровались девять месяцев назад.

В коридоре слышались шаги.

В конференц-зал вошли Акакий Александрович и Александр Александрович.

Отец Эраста постарел всего на девять месяцев, но выглядел гораздо старше. Дед опирался на новую трость. Увидев внука, он остановился у двери.

Акакий Александрович подошёл первым.

— Семь минут? — спросил он.

— Для нас.

Отец обнял его.

На этот раз не осторожно и не сдержанно. Так, будто девять месяцев пытался привыкнуть к потере и теперь не собирался демонстрировать достоинство.

Эраст обнял в ответ.

— Мы вернулись.

— Вижу.

— Вы искали?

— Каждый день.

— Почему Межа не отвечала?

Акакий Александрович посмотрел на Нестора.

— Через месяц после вашего исчезновения все проходы начали открываться в разные варианты Москвы. Мы боялись, что если продолжим поиски, впустим что-то опасное.

— Решили закрыть Межу? — спросила Вера.

— Нет. Спросили её.

Нестор опустил голову.

— Я согласился.

— Почему ты сказал, что Межа не отвечает?

— Она не отвечала вам. Путь в Нулевое небо проходил через Источник. Если бы мы открылись туда, все возможности получили бы прямой вход.

— Значит, вы ждали.

— Да.

— Девять месяцев.

— Для меня — семь минут, — сказал Нестор. — Я оставил часть себя у двери.

Вера подошла к нему и обняла.

Мальчик сначала растерялся, потом осторожно обнял её в ответ.

— Это было больно? — спросила она.

— Иногда.

— Почему не закрылся, как обещал?

— Я закрылся. Но не полностью.

Эраст присел перед ним.

— Ради нас?

— Ради себя. Я хотел дождаться.

— Хороший ответ.

Александр Александрович всё ещё стоял у двери.

— Ты нашёл Первого? — спросил он.

— Да.

— Соединился с ним?

— Нет.

Старик выдохнул.

— Морайн?

— Распался на возможности. Одна осталась у Источника.

— Значит, уничтожен.

— Нет.

— Но если у него больше нет единой функции...

— Он выбрал остаться отдельным.

— Ты позволил?

Эраст посмотрел на деда.

— Ему не требовалось моё разрешение.

Александр Александрович опустил взгляд.

— Разумеется.

Он подошёл ближе.

— Я хотел сказать...

— Не сейчас.

Старик остановился.

— Хорошо.

Никакого облегчения не последовало. Но и обиды не было. Только граница, которую Эраст впервые провёл без объяснения.

Он почувствовал себя непривычно.

И немного виновато.

Потом вспомнил, что вина не всегда означает ошибку.

— Через тридцать четыре минуты свадьба, — напомнила Валентина Сергеевна.

Тарас снова побледнел.

— Мы отвлеклись на смерть. Чья свадьба?

— Тюлькина Тараса Ананиевича и Миры Лианновны.

Мира медленно повернулась к нему.

— Лианновна? — переспросил Тарас.

— По здешней форме отчество образовали от имени матери, — объяснила Валентина Сергеевна. — Ваша мать Лианна.

— Да, — сказала Мира.

— Жених — Тюлькин Тарас Ананиевич?

— Да.

— То есть я?

— По основному идентификатору — вы.

— Я не подавал заявление!

— Подавали.

— Когда?

— Через зелёную дверь.

Тарас открыл рот.

Из коридора донёсся знакомый голос:

— Я же говорил, что меня неправильно зарегистрировали.

В конференц-зал вошёл свадебный Тарас.

Тот самый, который покинул церемонию в одном возможном будущем, прошёл через Источник с наполовину съеденным букетом и вернулся к своей невесте.

Теперь на нём были джинсы и свитер. Свадебный костюм он нёс в чехле.

Рядом шла другая Мира.

Она была похожа на настоящую во всём, кроме коротких волос и тонкого шрама над правой бровью. В руках она держала новый букет.

Обе Миры остановились.

Обе положили ладони на рукояти ножей.

— Не начинайте, — попросили оба Тараса одновременно.

Потом посмотрели друг на друга.

— Перестань повторять.

— Сам перестань.

— Я первый сказал.

— Я старше на девять месяцев.

— Зато я оригинал.

Свадебный Тарас поморщился.

— Вот это спорно.

— Что значит «спорно»?

— Я помню всё то же самое до зелёной двери.

— Но вышел из возможности.

— А ты вернулся из мира, где время шло иначе. Чем твоё происхождение надёжнее?

Настоящий Тарас задумался.

— У меня отвёртка.

Свадебный достал из кармана такую же.

— У меня тоже.

Настоящий посмотрел на Валентину Сергеевну.

— Чья институтская?

Она взяла обе, осмотрела номера.

— Обе.

— Так не бывает.

— Последние девять месяцев это самая слабая формулировка возражения.

Другая Мира подошла к настоящей.

Они смотрели друг на друга несколько секунд.

— Ты с ним? — спросила коротковолосая.

— Да.

— Давно?

— Смотря по какому времени.

— Он уже делал предложение?

— Нет.

— Правильно.

Оба Тараса одновременно возмутились:

— Почему?

Миры не ответили.

Коротковолосая Мира протянула настоящей руку.

— Я выбрала имя Лианновна.

— Хорошее.

— В память о матери.

— Она жива.

— В моём варианте уже нет.

Настоящая Мира сжала её ладонь.

— Тогда я запомню.

Напряжение между ними исчезло не полностью, но стало

человеческим.

— Как вы здесь оказались? — спросил Эраст.

Свадебный Тарас повесил чехол на спинку стула.

— Когда вернулся через зелёную дверь, попал не в свой вариант, а сюда. Мира прошла следом. Источник решил, что эта Москва достаточно близка.

— Мы решили уйти, — сказала коротковолосая Мира. — Но Межа закрыла проходы.

— С нашего согласия, — добавил Нестор.

— Тогда мы попросили временно остаться. Потом помогали искать вас.

— А свадьба?

Свадебный Тарас посмотрел на свою Миру.

— Мы снова решили.

— Девять месяцев думали? — спросил настоящий.

— Первые восемь — ругались.

— Неправда, — сказала коротковолосая Мира. — Шесть.

— Седьмой месяц ты бросила в меня чайником.

— Он был холодный.

— Поэтому я и понял, что отношения улучшаются.

Настоящий Тарас уважительно кивнул.

— А теперь уверены?

— Нет, — ответили жених и невеста одновременно.

— Тогда зачем женитесь?

Коротковолосая Мира пожала плечами.

— Потому что хотим.

— Но вы не уверены.

— Уверенность нужна Морайну, — сказал свадебный Тарас. — Нам достаточно решения.

Настоящий посмотрел на свою Миру.

Она сделала вид, что рассматривает документы.

— Возникла одна трудность, — продолжил свадебный Тарас. — У нас одинаковые имена, даты рождения, отпечатки пальцев и большая часть воспоминаний.

— Отпечатки тоже?

— До зелёной двери — да.

— А после?

— Я обжёг левый указательный палец.

Настоящий Тарас показал свой.

Там красовался свежий ожог, полученный от ошейника.

— Прекрасно. Теперь опять одинаковые.

— Поэтому база считает нас одним человеком, который одновременно признан погибшим, вернулся, подал заявление о браке и уже состоит на учёте в двух мирах.

— Можно исправить?

Валентина Сергеевна посмотрела на часы.

— Можно. Если за двадцать семь минут вы оба лично подтвердите, кто из вас женится.

— А если не успеем?

— Регистратор откажет из-за невозможности установить личность жениха.

Свадебный Тарас схватил чехол.

— Едем.

— Куда?

— Во Дворец бракосочетания.

Настоящий Тарас отступил.

— Я не поеду.

— Без тебя меня не зарегистрируют.

— Именно.

— Ты против моей свадьбы?

— Я против собственного присутствия на ней в качестве сравнительного образца.

Коротковолосая Мира подняла букет.

— Поедешь.

— Почему?

— Потому что он девять месяцев искал тебя.

Настоящий Тарас посмотрел на двойника.

Тот отвёл глаза.

— Зачем?

— Хотел убедиться, что ты жив.

— Мы даже не знакомы.

— Я помню, как был тобой.

Это прозвучало неожиданно тихо.

— Когда вас признали погибшими, — продолжил свадебный Тарас, — я сначала обрадовался. Подумал, теперь никто не станет считать меня копией. Потом понял, что вместе с тобой исчезла единственная жизнь, из которой выросла моя.

Настоящий Тарас неловко почесал затылок.

— Я жив.

— Вижу.

— Тогда поехали жениться.

— Я жениться. Ты — подтверждать личность.

— Не порть формулировку.

Валентина Сергеевна раздала всем временные удостоверения.

На документе Эраста стояло:

СТАТУС: РАНЕЕ ПОГИБШИЙ, ФАКТИЧЕСКИ ВОЗВРАЩЁННЫЙ.

У Веры:

СТАТУС: ТРЕБУЕТ УТОЧНЕНИЯ.

У Миры:

СТАТУС: ИНОСТРАННОЕ ЛИЦО ИЗ НЕУСТАНОВЛЕННОГО МИРА. ВРЕМЕННО НЕ ОПАСНА.

— Почему временно? — спросила она.

— Чтобы документ соответствовал действительности, — ответил Тарас.

Она убрала удостоверение.

— Потом обсудим.

— Поздно?

— Очень.

До свадьбы оставалось двадцать две минуты.

У института их ждал автобус.

Обычный городской автобус с табличкой:

ЗАКАЗНОЙ. МЕЖМИРОВАЯ СВАДЬБА.

За рулём сидел Семёныч. На приборной панели лежал меч из Ладена, а рядом висел освежитель воздуха в форме дракона.

— Все живы? — спросил он.

— Теперь да, — ответил Тарас.

— Тогда садитесь. Пробки.

— Можно через Межу?

— Дворец отказался открыть прямой проход. В прошлый раз из гардероба вышли три всадника и потребовали вернуть княжескую невесту.

— Варвара?

— Она объяснила.

— Как?

— Один стул пришлось списать.

Все расселись.

Свадебный Тарас и коротковолосая Мира ушли переодеться в заднюю часть автобуса, отгороженную двумя плащами. Настоящие Тарас и Мира сели напротив.

Эраст устроился рядом с Верой.

Роан занял отдельное место у окна. Кондуктор попыталась потребовать билет, увидела удостоверение дракона и решила, что сегодня уже достаточно выполняла служебный долг.

Автобус тронулся.

Москва за окнами выглядела почти прежней.

Те же дома. Те же машины. Те же люди, переходившие

дорогу так, словно бессмертие было включено в стоимость проезда.

Но над крышами виднелась башня Орбиса.

Возле остановки торговали ладенскими лепёшками.

В небе висел дорожный знак:

ПРОЛЁТ ДРАКОНОВ С 22:00 ДО 07:00 ЗАПРЕЩЁН.

К знаку кто-то приписал:

А ЕСЛИ ТИХО?

— Миры не разделились, — сказал Эраст.

— Разделились, — ответила Вера. — Но научились открывать двери.

— За девять месяцев?

— Для начала.

Из кафе вышел человек с зеркальным лицом. Увидев автобус, он улыбнулся собственными чертами и помахал.

Эраст почувствовал странную боль.

Москва жила без них.

Не ждала, остановив часы.

Не оставалась пустой декорацией до возвращения героев.

Люди знакомились, боялись, спорили, создавали правила.

Кто-то погиб. Кто-то родился. Кто-то принял возможность, постучавшую из Источника.

— Мне казалось, мы вернёмся в ту же минуту, — сказал он.

— Я тоже надеялась.

— Мы многое пропустили.

Вера взяла его за руку.

— Да.

Она не сказала, что всё можно наверстать. Некоторые вещи нельзя. Это не делало оставшееся время меньше.

Вера положила голову ему на плечо.

— А вы хотите на свадьбу? — спросил Эраст.

— На эту — да.

— Почему?

— Хочу увидеть, как Тарас женится и не женится одновременно.

С переднего сиденья настоящий Тарас обернулся.

— Я слышу.

— Это было рассчитано.

Автобус остановился в пробке.

До регистрации оставалось пятнадцать минут.

Семёныч включил сирену.

— У нас есть сирена? — спросил директор Белобрысов, который только сейчас вышел из кабины.

— После открытия миров многое появилось.

— Она законная?

— Уже едем.

Машины начали уступать дорогу автобусу с надписью «Межмировая свадьба».

Тарас посмотрел в окно.

— Ради спасения миров так не пропускали.

— Нужно было написать «свадьба», — сказала Мира. —

Люди понимают настоящую опасность.

Глава пятьдесят девятая

Свидетели собственной свадьбы

Дворец бракосочетания украшали белые колонны, золотые буквы и драконья сетка от случайного возгорания.

На крыльце толпились гости из шести миров.

Орс занимал почти всю площадь перед зданием. На его рогах висели голубые ленты. Рядом стояли ладенские стражники, жители Орбиса, Варвара в тёмно-зелёном платье, Майя Коростылёва и несколько граждан Запасного города.

Прозрачный Ириал переливался возле фонтана.

Кир прибыл из зеркальной долины. Он выбрал себе новый праздничный костюм, но сохранил лицо, непохожее на Эраста.

— Вы живы, — сказал он, увидев их.

— Да, — ответил Эраст.

— Хорошо.

Кир обнял его.

— Я не был уверен, что хочу снова вас видеть.

— Почему?

— Рядом с вами я помнил, что когда-то был вашим вариантом. Без вас научился быть собой.

— А сейчас?

— Сейчас рад. Но ненадолго.

— Честно.

— Мы этому у вас научились.

Варвара подошла к Мире.

— Ты исчезла перед собственной свадьбой?

— Это не моя свадьба.

— Жених Тарас.

— Другой.

Варвара посмотрела на двух Тарасов.

— Как определяете?

— Один женится, другой боится.

— Оба боятся, — сказала коротковолосая Мира, выходя из автобуса в простом белом платье.

— Тогда сложнее.

Свадебный Тарас появился следом. Костюм по-прежнему сидел на нём лучше, чем имел право.

Настоящий Тарас осмотрел его.

— За девять месяцев не поправился?

— Нервничал.

— Хорошая система. Надо запомнить.

Мира наступила ему на ногу.

— Я ничего не предложил.

— На будущее.

У входа их встретила регистратор — высокая женщина по имени Людмила Борисовна. На её лице застыло выражение человека, который видел свадьбы с драконами, свадьбы между вариантами, свадьбы в прошлом и будущем, но всё ещё считал опоздание на регистрацию личным оскорблением.

— Осталось восемь минут, — сказала она.

— Мы успели, — ответил жених.

— Это я решу после проверки.

Она посмотрела на двух Тарасов.

— Кто из вас подал заявление?

Оба подняли руки.

Людмила Борисовна закрыла глаза.

— Не одновременно.

Свадебный Тарас оставил руку поднятой.

Настоящий опустил.

— Фамилия, имя, отчество?

— Тюлькин Тарас Ананиевич.

— У второго?

— Тоже.

— Дата рождения?

Они ответили хором.

— Место рождения?

Снова одинаковый ответ.

— Родители?

Одинаково.

— Отличительные признаки?

Свадебный показал левый палец.

Настоящий — свой.

Оба с ожогами.

— Очень предусмотрительно, — сказала Людмила Борисовна.

— Ожоги разные, — заметила Мира. — У этого продоль-

ный.

— А у жениха поперечный, — добавила коротковолосая. Регистратор достала увеличительное стекло.

— Недостаточно. База требует смыслового различия личности.

— Что это? — спросил Тарас.

— Решение, принятое одним после разделения вариантов и не принятое другим.

— Он решил жениться, я нет.

— Это предмет текущей регистрации. Нельзя использовать результат процедуры для установления участника процедуры.

— Почему?

— Потому что получится разумно, а инструкция такого не предусматривает.

Валентина Сергеевна протянула папку.

— Здесь свидетельства.

— Чьи?

— Их собственные.

— Они заинтересованные лица.

— Тогда опросите невест.

Людмила Борисовна посмотрела на двух Мир.

— Кто ваш жених?

Коротковолосая подошла к свадебному Тарасу.

Настоящая — к настоящему.

— Эмоциональное узнавание не является официальным

идентификатором, — сказала регистратор.

— Почему? — спросила настоящая Мира.

— Потому что его нельзя внести в базу.

— Можно, — сказал Тарас. — Запишите: «Этот мой».

Мира посмотрела на него.

— Я этого не говорила.

— Но встала рядом.

— Это не согласие на формулировку.

— Уже исправляюсь.

До регистрации оставалось пять минут.

Людмила Борисовна листала документы.

— Мне нужен подтверждённый выбор.

Свадебный Тарас посмотрел на настоящего.

— Когда мы разделились, ты остался в Нулевом небе.

— А ты вернулся к Мире.

— Да.

— Это выбор.

— Но как доказать?

Настоящий Тарас достал любимую кружку.

Все посмотрели на него.

— Зачем ты взял её на свадьбу? — спросил Эраст.

— Девять месяцев не видел.

Он протянул кружку двойнику.

— Хочешь?

Свадебный Тарас посмотрел на надпись, на трещину возле ручки, на коричневое пятно внутри, которое не брало ни

одно моющее средство.

— Нет.

Людмила Борисовна подняла глаза.

Настоящий Тарас прижал кружку к груди.

— Вот смысловое различие. Настоящий я никогда не откажется.

Регистратор задумалась.

— Принимается.

Валентина Сергеевна немедленно составила акт.

— Тюлькин Тарас Ананиевич, вариант первый: владелец кружки. Тюлькин Тарас Ананиевич, вариант второй: лицо, добровольно отказавшееся от кружки.

— Можно другое обозначение? — спросил жених.

— Поздно.

— Это слово меня преследует.

— Семейное, — сказали обе Миры.

Двери торжественного зала открылись.

Заиграла музыка.

Орс попытался войти следом, застрял рогами в проёме и остался снаружи, изображая, что именно так и планировал.

Гости заняли места.

Настоящие Тарас и Мира встали свидетелями со стороны жениха и невесты. Эраст и Вера расположились рядом. Роан сел между ними и получил строгое предупреждение не есть кольца.

Людмила Борисовна открыла книгу.

— Уважаемые Тарас Ананиевич и Мира Лианновна...

Снаружи раздался визг тормозов.

К зданию подъехали три чёрных автомобиля.

Из них вышли люди в одинаковых тёмных костюмах.

— Только не опять, — сказал директор Белобрысов.

В зал вошёл высокий мужчина с серебряным значком на лацкане.

За ним следовали вооружённые сотрудники.

— Регистрацию прекратить, — приказал он.

Людмила Борисовна посмотрела на часы.

— У меня следующая пара через двадцать минут.

— Я представляю Службу единственной реальности. Жених и невеста являются несанкционированными вероятностными копиями.

По залу прошёл ропот.

Коротковолосая Мира положила руку на нож, спрятанный в букете.

— Они признаны временными жителями, — сказала Валентина Сергеевна.

— Временный статус истёк сегодня в полночь.

— Заявление на продление подано.

— Отклонено.

— Кем?

— Автоматической системой.

— Фамилия системы?

Мужчина с серебряным значком поморщился.

— Прошу не устраивать цирк.

Роан выглянул из-за кресла.

Орс просунул голову в окно.

Ириал растёкся по потолку разноцветными бликами.

Тарас поднял кружку.

— Цирк уже заказан. Вы опоздали.

— Варианты должны вернуться в Источник, — продолжил представитель службы. — Их существование нарушает уникальность граждан и создаёт правовые противоречия.

— Мы не противоречия, — сказала коротковолосая Мира.

— Ваши воспоминания принадлежат другому лицу.

Настоящая Мира шагнула к ней.

— После разделения у неё появились собственные.

— Это не подтверждено.

— Я подтверждаю.

— Вы заинтересованы.

— Теперь да.

Мужчина повернулся к свадебному Тарасу.

— Пройдёмте.

— Я занят.

— Ваш брак не может быть зарегистрирован. Юридически жених уже признан погибшим.

Настоящий Тарас поднял руку.

— Это я погибший.

— По базе вы одно лицо.

— Пять минут назад нас разделили кружкой.

— Бытовой предмет не может устанавливать личность.

Валентина Сергеевна показала акт.

— Уже установил.

— Этот документ не имеет правового основания.

— Теперь имеет. Вы его оспорили, следовательно, признали существование предмета оспаривания.

Представитель службы побледнел.

— Вы кто?

— Главный бухгалтер.

Он посмотрел на вооружённых сотрудников.

— Задержать варианты.

Они двинулись вперёд.

Настоящий Тарас встал рядом с двойником.

— Не трогайте жениха.

— Отойдите.

— Не хочу.

— Вы препятствуете исполнению закона.

— Какого?

— Временного положения о защите единственной реальности.

— Кто принял?

— Межмировая комиссия.

— Представители всех миров подписали?

Мужчина не ответил.

— Москва решила за остальных, — сказал Эраст.

— Москва защищает собственную реальность.

— Тогда почему вы высылаете людей в Источник, не спрашивая Источник?

— Возможности не являются людьми.

Заря вышла из ряда гостей.

— Я была возможностью.

— Вы получили статус через самостоятельный город.

— Потому что кто-то согласился меня услышать.

— Исключение не создаёт правила.

— Создаёт вопрос.

К ней присоединился Кир.

— Я был отражением.

Майя шагнула вперёд.

— Я использовала только восемь лет собственного времени, хотя родилась гораздо раньше. В вашей базе мой возраст тоже противоречив.

Варвара поднялась.

— Я приехала из прошлого, которого в вашей истории не было.

Лена встала рядом с отцом.

— Я вернулась из варианта, где должна была погибнуть.

Зал наполнялся людьми, чьё существование не помещалось в единственную реальность.

Вооружённые сотрудники остановились.

— Вы обязаны выполнить приказ, — сказал им представитель службы.

Один из них медленно опустил оружие.

— Кого задерживать?

— Копии.

— Как определить?

— По документам.

— У них документы есть.

— Недействительные.

— Почему?

— Потому что выданы копиям!

— Тогда как доказать, что они копии?

Представитель службы повысил голос:

— Выполняйте!

Сотрудник посмотрел на свадебного Тараса.

— Вы хотите жениться?

— Да.

— Добровольно?

— Да.

Он посмотрел на невесту.

— Вы?

— Да.

Сотрудник отступил.

— Не вижу угрозы реальности.

— Вы отстранены!

— Приказ принят. Я отстраняюсь.

Остальные сотрудники переглянулись.

Один убрал оружие.

Другой вышел из зала.

Третий спросил у Валентины Сергеевны, где можно получить копию акта о кружке.

Представитель службы остался один.

Эраст подошёл к нему.

— Как вас зовут?

— Полковник Кудрин.

— Почему вы создали службу?

— Я её не создавал.

— Почему работаете в ней?

— Потому что за девять месяцев через двери вошли сорок два варианта людей, три неизвестные болезни, стая хищных растений и один город. Кто-то должен защищать Москву.

— Да.

Кудрин не ожидал согласия.

— Тогда почему мешаете?

— Потому что защищать — не значит заранее объявлять всех чужих опасными.

— Вы отсутствовали! Вы не видели, что происходило!

— Не видел.

— Нам приходилось решать без вас!

— И вы отвечаете за эти решения.

— Легко говорить после возвращения.

— Нелегко. Но другого времени для разговора нет.

Кудрин посмотрел на жениха и невесту.

— Если их признать отдельными людьми, появится пре-

цедент. Любая возможность потребует права на имущество, имя, семью.

— Потребовать сможет, — сказала Вера. — Получить автоматически — нет.

— Возникнут тысячи споров.

— Да.

— Суды будут перегружены.

— Вероятно.

— Базы придётся переделывать.

Тарас поднял кружку.

— Вот это, конечно, настоящая катастрофа.

В зале засмеялись.

Даже один из бывших сотрудников службы не удержался.

Кудрин покраснел.

— Вы превращаете серьёзную проблему в шутку.

— Нет, — ответил Эраст. — Шутка помогает увидеть, где серьёзность стала оправданием жестокости.

Людмила Борисовна постучала ручкой по книге.

— У нас осталось три минуты. Полковник, вы намерены официально препятствовать регистрации?

— Да.

— На основании временного положения?

— Да.

— Предъявите регистрационный номер.

Кудрин достал удостоверение, открыл планшет и начал искать.

Минута прошла.

Потом вторая.

— Система недоступна, — сказал он.

— Тогда основание не подтверждено.

— У меня приказ!

— Номер?

Кудрин молчал.

Людмила Борисовна закрыла планшет.

— Возражение не принято.

Она повернулась к жениху и невесте.

— Тарас Ананиевич, согласны ли вы вступить в брак с

Мирой Лианновной?

Свадебный Тарас посмотрел на свою Миру.

В этот раз не торопился.

— Да.

— Мира Лианновна, согласны ли вы вступить в брак с Тарасом Ананиевичем?

Она улыбнулась.

— Да.

— Ваше решение добровольно?

— Моё, — сказала она.

— Моё, — подтвердил он.

— Объявляю ваш брак зарегистрированным.

Гости захлопали.

Орс выдохнул через окно праздничное пламя. Сработала драконья сетка, сверху полилась вода.

Роан успел схватить кольца со стола, но Вера разжала ему пасть.

Оба кольца нашлись.

Одно свидетельство о браке пришлось печатать заново.

Полковник Кудрин стоял под струёй воды, держа в руках бесполезный планшет.

Валентина Сергеевна протянула ему полотенце.

— Куда теперь? — спросил он.

— На работу, — ответила она. — Переделывать базы.

Молодожёны поцеловались.

Настоящий Тарас отвернулся, будто из уважения к частной жизни, но на самом деле смотрел внимательнее всех.

Потом невеста бросила букет.

Он перелетел через весь зал.

Настоящая Мира ловить не собиралась.

Букет ударился об люстру, изменил направление и попал Тарасу прямо в руки.

Зал снова захлопал.

Тарас попытался передать цветы Эрасту.

Тот спрятал руки за спину.

— Даже не думай.

— Вера Павловна?

— Букет поймали вы.

Мира подошла к Тарасу.

Он держал цветы так, словно это было неизвестное взрывное устройство.

— Это ничего не значит, — сказал он.

— Конечно.

— Статистическая случайность.

— Разумеется.

— Ты улыбаешься.

— Имею право.

— Временно?

— Посмотрим.

Людмила Борисовна перелистнула страницу книги.

— Следующая пара!

Тарас обрадованно отступил от стола.

— Вот и всё. Мы спасли мир и не женились.

Валентина Сергеевна взяла его под локоть.

— Не спешите.

— Почему?

Она открыла боковую дверь.

За ней находился второй торжественный зал.

На столе лежали ещё два заявления.

Одно на имена Кунилина Эраста Акакиевича и Ладовой Веры Павловны.

Второе — на имена Тюлькина Тараса Ананиевича и Миры, дочери Лианны.

— Это что? — спросил Тарас.

— Временная бронь, — ответила Валентина Сергеевна.

— Я подала её восемь месяцев назад, чтобы после признания вас погибшими государство не объявило личные связи

бесхозными вероятностными активами.

— Но мы не соглашались!

— Поэтому заявления не подписаны. Через пятнадцать минут бронь истекает.

— И что произойдёт?

— Ничего.

Тарас выдохнул.

— Тогда зачем вы нас сюда ведёте?

— Чтобы вы лично решили, продлевать её или нет.

— А если не продлим?

— Связи останутся вашими. Новый закон приняли вчера.

— Тогда зачем продлевать?

Валентина Сергеевна впервые за всё время улыбнулась.

— Не знаю. Я бухгалтер. С вопросами личного счастья обращайтесь к себе.

Она закрыла за ними дверь.

В зале остались четыре человека.

Два неподписанных заявления.

Один пойманный букет.

И Роан, который уже жевал угол бумаги с именем Эраста.

Тарас посмотрел на друга.

— У нас пятнадцать минут.

— Вижу.

— Мир больше спасти не надо?

За окнами раздался драконий рёв, затем грохот и чей-то крик:

— Кто открыл дверь в тридцать седьмой год?!

Эраст прислушался.

— Возможно, надо.

Тарас положил букет на стол.

— Вот теперь я спокоен.

Глава шестидесятая

Дверь в год, который не хотел открываться

За стеной снова закричали:

— Закрывайте проход!

Роан перестал жевать заявление Эраста и поднял голову.

Тарас посмотрел на два бланка, на букет, на Миру, затем на дверь торжественного зала.

— Нам осталось четырнадцать минут.

— Бронь истечёт, — сказала Мира.

— Я знаю.

— Ты хочешь её продлить?

— Не знаю.

— Хорошо.

— Почему все сегодня радуются, когда я ничего не знаю?

— Потому что раньше ты в таких случаях шутил.

— Я и сейчас могу.

— Можешь. Но сначала ответил.

Вера взяла со стола своё заявление.

Угол был обгрызен, но имена сохранились.

— Вы хотите продлить бронь? — спросил Эраст.

— Нет.

Он не ожидал.

Вера увидела это по его лицу.

— Я не хочу, чтобы решение висело над нами ещё один срок. Не хочу назначенной даты и формы, которую придумали для защиты наших связей.

— Понимаю.

— А вы?

Эраст посмотрел на свою подпись, которой не было.

На пустую строку.

Ему хотелось сказать, что он согласен с Верой. Это было бы легко, разумно и почти наверняка правильно.

Но после встречи с Морайном простое согласие требовало такой же честности, как отказ.

— Я хочу быть с вами, — сказал он. — Не хочу продлевать бронь. И пока не знаю, хочу ли жениться.

— Хорошо.

— Вы не обиделись?

— Немного.

— Простите.

— Не за что. Я имею право немного обидеться, а вы — не знать.

Эраст улыбнулся.

— Очень неудобные отношения.

— Это Тарас говорил.

— Он иногда прав.

— Редко, но выразительно.

Вера порвала заявление.

Бумага не восстановилась.

Никаких сирен не прозвучало. Миры не столкнулись.

Дворец бракосочетания не провалился в вероятностную бездну.

Роан поймал один из обрывков и проглотил.

— Вот и всё, — сказала Вера.

— Что именно?

— Срок больше не решает за нас.

Эраст взял своё заявление и порвал тоже.

На душе стало одновременно легче и страшнее.

Теперь между ним и возможным браком не было ни препятствия, ни назначенной даты. Только будущее, которое однажды придётся выбрать самим.

Тарас смотрел на свой бланк.

— У тебя тринадцать минут, — сказала Мира.

— Не помогай.

— Я не помогаю. Сообщаю время.

— А ты чего хочешь?

— Сейчас?

— Да.

— Пойти туда, где кричат.

— Очень романтично.

— Ты спросил.

Мира взяла заявление и протянула ему.

— Я не хочу продлевать бронь. Если когда-нибудь предложишь, я отвечу на твой вопрос. Не на заявление Валентины Сергеевны.

— А если не предложу?

— Значит, не предложишь.

— И ты не обидишься?

— Обидеться — моё право. Ударить — отдельное решение.

— Спасибо за ясность.

Тарас порвал бумагу.

Половину положил в карман.

— Зачем? — спросил Эраст.

— На память о случае, когда мог жениться, но вовремя отвлёкся на конец света.

— Это ещё не конец света, — сказала Вера.

Снаружи прогремел выстрел.

— Хорошо, — согласился Тарас. — На серьёзную служебную неприятность.

Они вышли из зала.

Дверь в 1937 год открылась посреди гардероба.

Она расколола стойку с верхней одеждой, поглотила два пальто и выпустила облако чёрных листов.

На каждом была напечатана чья-то фамилия.

Листы кружились под потолком, прилипали к стенам и го-
стям. Люди снимали их с лиц, читали имена и не понимали,
кому вернуть.

Из прохода тянулся длинный коридор.

Серые стены. Голые лампы. Множество дверей без ручек. На каждой — прямоугольное окошко с карточкой.

В конце коридора стояла женщина лет шестидесяти в тёмном платье. Она прижимала к груди толстую книгу.

За ней двигались две чёрные фигуры.

— Не закрывайте! — крикнула женщина.

— Вы же сами только что просили закрыть! — ответил Белобрысов.

— Не вы! Они!

Чёрные фигуры ускорились.

Женщина бросилась к проходу.

Первый преследователь поднял руку. Из его пальцев вылетела полоса чёрной бумаги и обвилась вокруг её ноги.

Женщина упала.

Книга выскользнула, раскрылась, и из неё посыпались фотографии.

— Помогите! — крикнула она.

Мира вошла в дверь первой.

— Почему всегда она? — спросил Тарас и бросился следом.

Эраст, Вера и Роан шагнули за ними.

Чёрная фигура повернулась.

Вместо лица у неё находился гладкий лист с единственным словом:

ИСКЛЮЧЁН.

Существо выбросило вторую бумажную ленту.

Мира перерезала её ножом. Полосы упали на пол и превратились в две змеи из машинописных строк.

Тарас наступил на одну.

— Кусается?

Бумажная змея обвила ботинок.

На коже проступила надпись:

ОБУВЬ НЕ УЧТЕНА.

Ботинок исчез.

Тарас остался в одном носке.

— Кусается.

Вторая фигура атаковала Веру. Роан плюнул огнём. Чёрная бумага вспыхнула, но пламя не уничтожило текст — буквы поднялись в воздух и сложились снова.

ДРАКОН НЕ ПРЕДУСМОТРЕН.

Роан стал прозрачным.

— Нет! — Вера схватила его.

Золотая связь вспыхнула между ними.

— Он предусмотрен мной!

Надпись дрогнула.

ОСНОВАНИЕ?

— Я его знаю!

НЕДОСТАТОЧНО.

— Он выбрал жить со мной!

НЕ ПОДТВЕРЖДЕНО.

Роан укусил Веру за палец.

Она вскрикнула.

На коже выступила кровь.

— Вот подтверждение.

Слова рассыпались.

Роан снова обрёл плотность и немедленно поджёг ближайшую карточку.

— Не всё огнём, — сказала Вера.

Дракон посмотрел на неё, затем поджёг только половину.

Тарас добрался до упавшей женщины. Бумажная лента держала её за ногу.

— Имя?

— Анна Семёновна Бестужева.

— Вы хотите, чтобы я вас освободил?

Она посмотрела на чёрные фигуры.

— А вы всегда спрашиваете в такой момент?

— Теперь — да.

— Хочу!

Тарас всадил отвёртку в машинописную строку и намотал бумагу на стержень. Лента лопнула.

Он поднял Анну Семёновну.

— Идти можете?

— Могу.

— Тогда бегите.

Они подхватили книгу и фотографии.

Чёрные фигуры двинулись следом.

Мира захлопнула дверь прохода, но та снова открылась.

— Почему Межа не закрывает? — спросил Эраст.

Голос Нестора раздался со стороны свадебного зала:

— Москва приняла стук раньше!

— Кто?

Полковник Кудрин стоял возле гардероба.

Вода всё ещё капала с его мундира после праздничной противопожарной системы.

Он смотрел на Анну Семёновну.

— Я.

Все повернулись к нему.

— Девять месяцев назад эта дверь открылась на несколько секунд, — сказал Кудрин. — Через неё пришёл пакет документов. В нём было положение о защите единственной реальности.

— На основании которого вы создали службу, — сказал Эраст.

— Мы не знали источник.

— Но использовали документ.

— Ситуация была чрезвычайной.

— И этим подтвердили связь.

Анна Семёновна побледнела.

— Вы приняли положение?

— Да.

— Подписали?

— Временную директиву.

Женщина закрыла глаза.

— Тогда Правдомер получил ваш мир.

Из коридора донёлся тяжёлый удар.

Стены задрожали.

Все карточки на дверях одновременно повернулись.

На них появились новые слова:

МОСКВА.

СТАТУС: ДОПУЩЕНА К ПРОВЕРКЕ.

— Кто такой Правдомер? — спросила Мира.

— Не кто. Что, — ответила Анна Семёновна. — Машина определения тех, кто имеет право существовать.

Тарас посмотрел на свой исчезнувший ботинок.

— Уже не нравится.

За чёрными фигурами в конце коридора зажёгся красный свет.

Что-то огромное двигалось к ним, заполняя проход от стены до стены.

— Закрывайте дверь! — сказала Анна Семёновна.

— Межа не может, пока Москва не отзовёт согласие, — ответил Эраст.

Все посмотрели на Кудрина.

— Отзывайте директиву.

Полковник сжал челюсти.

— Если отзову, Служба единственной реальности лишится правового основания.

— Да.

— Сейчас, когда из этого прохода выходит неизвестная

угроза?

— Да.

— Вы предлагаете распустить единственную структуру, способную ей противостоять?

— Я предлагаю отозвать полномочие, которое эту угрозу сюда привело.

— А после?

— Создадите другую службу. С ограниченными полномочиями и читаемыми документами.

— На это уйдут месяцы.

— Тогда решайте быстро.

Правдомер приближался.

Грохот становился громче.

Кудрин посмотрел на своих сотрудников. Они стояли среди свадебных гостей, промокшие, растерянные, без приказа.

— Я отзываю директиву, — сказал он. — Временное положение о защите единственной реальности считать недействительным.

Ничего не произошло.

— Почему? — спросил Тарас.

Анна Семёновна подняла книгу.

— Потому что он отозвал московскую копию. Подлинник находится в Архиве.

— Где?

Она указала в глубину коридора.

За чёрными фигурами приближалась машина размером с

дом.

У неё было множество рук, каждая держала красный карандаш.

Вместо головы вращалась огромная печать:

НЕ СУЩЕСТВОВАЛ.

Мира проверила нож.

— Значит, идём за подлинником.

— Там тысячи исключённых людей, — сказала Анна Семёновна. — Если Правдомер доберётся до Москвы, он сравнит ваш мир со своими списками.

— И что?

— Всех, кого нет в Архиве, объявит невозможными.

Тарас посмотрел на свадебный зал, полный гостей из разных миров.

— То есть почти всех.

Правдомер опустил первую руку.

Красный карандаш провёл линию по стене.

Гардеробщица исчезла.

На полу остались только её тапочки.

— Знает кто-нибудь, как её зовут? — спросил Эраст.

Никто не ответил.

Из пустоты донёсся испуганный голос:

— Галина Петровна!

Эраст схватил один из чёрных листов и написал имя.

ГАЛИНА ПЕТРОВНА. ГАРДЕРОБЩИЦА. ВИДЕЛА ДРАКОНА. ПОТЕРЯЛА ДВА ПАЛЬТО.

Женщина появилась снова.

— Три пальто, — сказала она и упала в обморок.

Эраст посмотрел на книгу Анны Семёновны.

— Чтобы вернуть человека, достаточно помнить?

— Пока Правдомер не поставил печать, — ответила она.

— А после?

Анна Семёновна прижала книгу крепче.

— После нужно доказать, что он был.

— Как?

— Свидетелями.

Тарас обул оставшийся носок плотнее.

— У нас свадьба. Свидетелей много.

Он поднял отвёртку.

— Пойдём оформлять существование.

Глава шестьдесят первая

Архив тех, кого не было

В тридцать седьмой год отправились шестеро.

Эраст, Вера, Тарас, Мира, Анна Семёновна и полковник

Кудрин.

Роан хотел лететь с ними, но Вера попросила его остаться во Дворце и защищать людей от чёрных листов.

— Не ешь документы, — сказала она.

Роан отвернулся.

— И не жги.

Дракон посмотрел на неё с явным разочарованием.

— Только если они нападают.

Роан немедленно поджёг ближайший чёрный лист.

— Этот не нападал.

Он уже горел и не мог возразить.

Кир, Варвара, Майя и оба Тараса остались организовывать защиту московской стороны. Свадебный Тарас снял пиджак, взял у настоящего запасную отвёртку и заявил, что медовый месяц всё равно планировался необычным.

Коротковолосая Мира не сняла белое платье, но достала из букета два ножа.

Людмила Борисовна потребовала не портить зал до следующей регистрации.

— Когда вернёмся, — сказал Тарас свадебному двойнику, — поговорим.

— О чём?

— Не знаю.

— Хорошая тема.

Настоящий Тарас шагнул в серый коридор.

На нём по-прежнему был один ботинок.

— Может, хотя бы обувь найдём? — спросила Мира.

— Сначала подлинник.

— Почему?

— Ботинок казённый. Без действующего положения его придётся вернуть.

Коридор за дверью изменился.

Теперь по обеим сторонам стояли стеллажи. Они уходили вверх, теряясь в темноте. На полках лежали папки, коробки,

фотографии, детские рисунки, письма и личные вещи.

Сломанные очки.

Деревянная ложка.

Билет на поезд.

Недовязанная варежка.

Засохший цветок.

Каждый предмет доказывал, что кто-то жил.

Между стеллажами двигались люди.

Тихие. Осторожные. Многие прижимали к груди папки со своими именами.

Увидев Анну Семёновну, они окружили её.

— Вы вернулись!

— Смотритель пришёл!

— Третий ряд уже запечатан!

— Моего брата вычеркнули!

— Где книга?

Анна Семёновна подняла ладонь.

— Это люди из другого мира. Они помогут остановить
Правдомер.

Толпа посмотрела на пришедших без особой надежды.

— Они настоящие? — спросил мальчик в большой зимней шапке.

— Надеемся, — ответил Тарас.

— А почему он без ботинка?

— Реальность не подтвердила.

Мальчик снял с ноги валенок и протянул ему.

— Возьмите.

— А ты?

— У меня второй есть.

Тарас принял валенок.

Он был на три размера меньше, но Тарас всё-таки натянул его на носок.

— Верну.

— Если мы останемся.

— Особенно если останетесь.

Мальчик кивнул, словно это было достаточным договором.

— Что это за мир? — спросила Вера.

Анна Семёновна повела их между стеллажами.

— Он начался как отделение Архива необходимого будущего. После тысяча девятьсот семнадцатого года Комитет собирал сведения о людях, способных нарушить рассчитанный порядок.

— Арестовывал? — спросил Кудрин.

— Сначала только наблюдал. Потом научился исправлять записи.

— Какие записи?

— Все.

Она остановилась возле фотографии семьи.

На снимке стояли мужчина, женщина и две девочки. Лицо мужчины было замазано красным карандашом.

— Правдомер обнаружил, что смерть или исчезновение

одного человека иногда меняет слишком мало. Родные помнят. Друзья задают вопросы. Поступки продолжают влиять. Тогда машина начала вычёркивать не людей, а подтверждения их существования.

— Документы? — спросил Эраст.

— Сначала. Потом фотографии. Письма. Память.

— Как можно вычеркнуть память?

— Если все официальные источники говорят, что человека не было, живые постепенно начинают сомневаться в себе.

Вера коснулась замазанного лица.

— Кто он?

Анна Семёновна открыла папку.

Страницы оказались пустыми.

— Я не знаю.

— Но сохранили фотографию.

— Потому что девочка справа держит кого-то за руку. Даже когда лицо исчезло, рука осталась.

Эраст смотрел на снимок.

Связь без имени.

Прикосновение как последнее доказательство.

— Почему Правдомер активировался сейчас? — спросил он.

— Источник открыл возможности. В Архиве появились люди, которых машина исключила не из прошлого, а из будущего. Они начали возвращать себе имена.

— А директива Кудрина?

— Дала Правдомеру новый образец единственной реальности. Вашу Москву.

Полковник шёл молча.

У следующего стеллажа он остановился.

На полке лежала папка с серебряным значком Службы единственной реальности.

— Это невозможно.

— Здесь многое начинается с этой фразы, — сказала Анна Семёновна.

Кудрин открыл папку.

Внутри находилась его фотография. Та же форма, тот же значок, но человек был старше лет на двадцать.

Под снимком стояла подпись:

*КУДРИН АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. СМОТРИТЕЛЬ
МОСКОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ.*

— Я никогда здесь не был.

— Возможный вы был, — сказал Эраст.

— Я не принимал эту должность.

— Но положение приняли.

Кудрин перевернул страницу.

Там находился приказ, подписанный его рукой.

*В СЛУЧАЕ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ВАРИАНТОВ ИСТИННЫМ СЧИТАТЬ ТОТ, КОТОРЫЙ ОБЕСПЕЧИВАЕТ
НАИБОЛЬШУЮ УПРАВЛЯЕМОСТЬ.*

— Я этого не писал.

— Напишите через девятнадцать лет, — сказала Анна Се-

мёновна. — Если вернётесь и снова создадите службу.

Полковник захлопнул папку.

— Значит, я не вернусь.

— Это тоже выбор.

— Вы думаете, всё так просто?

— Нет. Поэтому и говорю.

Вдалеке прогремела печать.

Стеллажи дрогнули.

Люди прижали папки к груди.

По проходу пробежала красная линия.

Она коснулась пожилого мужчины. Тот исчез.

Женщина рядом закричала:

— Иван Фёдорович!

Анна Семёновна записала имя в книгу.

Мужчина вернулся, тяжело дыша.

— Он приближается к центральному каталогу, — сказала она. — Если поставит печать на главной книге, свидетелей больше не будет.

— Почему? — спросила Мира.

— Главная книга определяет, чья память допустима.

— Где она?

— Внизу.

Они побежали.

Лестница уходила на много этажей под Архив.

Чем ниже они спускались, тем старше становились документы.

Современные пластиковые папки сменились картонными. Потом появились книги в тканевых переплётках. Ниже лежали свитки. Ещё ниже — глиняные таблички, металлические пластины и камни с вырезанными именами.

— Архив старше тридцать седьмого года, — сказал Эраст.

— Намного, — ответила Анна Семёновна. — Тридцать седьмой — не дата его создания. Это год, в котором наш мир застрял.

— Почему?

— Правдомер объявил все следующие годы недостаточно подтверждёнными.

Тарас остановился.

— У вас всегда тысяча девятьсот тридцать седьмой?

— Каждый первый день нового года машина проверяет будущее. Находит противоречия и возвращает календарь назад.

— Сколько раз?

— Семьдесят восемь.

Кудрин побледнел.

— Значит, для вас прошло...

— Столько же лет. Люди стареют. Дети рождаются. Но в документах год не меняется.

— А те, кто родился позже?

— Их не должно существовать.

Мальчик, отдавший Тарасу валенок, был одним из них.

— Поэтому они живут в Архиве, — сказала Вера.

— Здесь сохраняются доказательства.

— Почему машина не уничтожила вас?

Анна Семёновна показала толстую книгу.

— Каждый день мы записываем друг друга заново.

На нижней площадке их ждали чёрные фигуры.

Десятки.

На лицах стояли разные слова:

НЕ РОДИЛСЯ.

НЕ ПРИБЫЛ.

НЕ ЗНАЛ.

НЕ ВСТРЕЧАЛ.

НЕ ЛЮБИЛ.

Последняя фигура направилась к Вере.

Она подняла золотую сеть.

Чёрная надпись ударила в неё.

Вера увидела мир, где прошла мимо Эраста в коридоре института. Мир, где свадьба с Денисом состоялась. Мир, где она никогда не слышала драконов.

Связь с Эрастом стала тоньше.

— Вера! — крикнул он.

Фигура коснулась её лба.

НЕ ВСТРЕЧАЛА.

Вера посмотрела на Эраста без узнавания.

— Кто вы?

Он замер.

Этого вопроса он боялся сильнее, чем любой стены или

оружия.

— Эраст.

— Мы знакомы?

Чёрная фигура продолжала давить.

Эраст хотел напомнить ей всё сразу.

Свадебное платье, которое они разрезали.

Первого освобождённого дракона.

Дорогу в Орбис.

Разговор возле зеркального поля.

Поцелуй в Министерстве спокойствия.

Но если память можно стереть, перечисление фактов не вернёт связь.

Он подошёл ближе.

— Сейчас — нет.

Вера смотрела настороженно.

— Тогда почему вы держите меня за руку?

Эраст понял, что уже взял её ладонь.

— Потому что хочу познакомиться.

Золотая нить вспыхнула.

Чёрная фигура раскололась.

Память вернулась к Вере не сразу. Сначала она увидела его как незнакомого человека, который стоял посреди боя и не требовал доверия.

Потом узнала.

— Здравствуйте, — сказала она.

— Здравствуйте.

— Кажется, мы уже встречались.

— Я надеялся.

Она поцеловала его.

Чёрная надпись *НЕ ВСТРЕЧАЛА* сгорела.

Мира тем временем сражалась с фигурами *НЕ ПРИБЫЛА* и *НЕ ОТКАЗАЛАСЬ*.

Первая пыталась вернуть её в мир, где она не встретила Тараса. Вторая показывала жизнь хранительницы печатей, подчинившейся матери.

Тарас отбивал бумажные ленты папкой.

— Ты меня помнишь? — крикнул он.

— К сожалению!

— Значит, всё хорошо!

Фигура *НЕ ЛЮБИЛА* бросилась к Мире.

Она перерезала ей горло.

— Вот теперь даже лучше! — сказал Тарас.

Они прорвались к нижней двери.

За ней находился центральный каталог.

Огромный круглый зал был заполнен ящиками. Миллионы карточек вращались вокруг чёрной машины.

Правдомер стоял в центре.

Его руки с красными карандашами тянулись к полкам. Огромная печать вместо головы поворачивалась, сравнивая пришедших с записями.

— Где подлинник положения? — спросил Кудрин.

Анна Семёновна указала на грудь машины.

Под стеклом находился лист с шестью сходящимися линиями.

— Нужно разбить стекло, — сказала Мира.

— Нельзя, — ответила Анна Семёновна. — За ним главная книга. Если повредим её, Архив потеряет все имена.

Правдомер повернул печать к ним.

Из машины раздался механический голос:

— ПРОВЕРКА.

Красный луч прошёл по Анне Семёновне.

— БЕСТУЖЕВА АННА СЕМЁНОВНА. АРХИВАРИУС. СУЩЕСТВОВАНИЕ ВРЕМЕННО ПОДТВЕРЖДЕНО.

По Кудрину:

— КУДРИН АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. СМОТРИТЕЛЬ МОСКОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ. ДОЛЖНОСТЬ НЕ ПРИНЯТА. ПРОТИВОРЕЧИЕ.

По Вере:

— ЛАДОВА ВЕРА ПАВЛОВНА. ЗАРЕГИСТРИРОВАНА КАК НЕВЕСТА ДЕНИСА ВЛАДИМИРОВИЧА. ИНЫЕ СВЯЗИ НЕДОПУСТИМЫ.

— Я отказалась от того брака, — сказала Вера.

— ОТКАЗ ОТСУТСТВУЕТ В ПОДЛИННИКЕ.

— Потому что случился позже.

— ПОЗЖЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ.

Красный луч переместился на Миру.

— МИРА. ДОЧЬ ЛИАННЫ. ИЗГНАНА. ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА НЕ УСТАНОВЛЕНА.

— Теперь установлена мной, — ответила она.

— САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ДОКУМЕН-
ТОМ.

— Хочешь проверить нож?

Тарас шагнул перед ней.

Луч коснулся его.

Машина загудела.

— ТЮЛЬКИН ТАРАС АНАНИЕВИЧ. ПРИЗНАН ПО-
ГИБШИМ.

— Уже вернулся.

— ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАНО.

— Я расписался за отвёртку.

— НЕДОСТАТОЧНО.

Печать опустилась.

На груди Тараса появилось красное слово:

НЕ СУЩЕСТВОВАЛ.

Он стал прозрачным.

Мира схватила его.

— Тарас!

— Я здесь.

Но голос уже доносился издалека.

Правдомер повернулся к Эрасту.

— КУНИЛИН ЭРАСТ АКАКИЕВИЧ. СОБСТВЕН-
НОСТЬ ПРОЕКТА. СУБЪЕКТОМ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ.

Красная печать ударила во второй раз.

НЕ СУЩЕСТВОВАЛ.

Эраст посмотрел на свои руки.

Сквозь них были видны вращающиеся карточки.

Вера обняла его, но её пальцы проходили сквозь плечи.

— Нет, — сказала она.

— ЗАПИСЬ ПОДТВЕРЖДЕНА, — ответил Правдомер.

Мира удерживала исчезающего Тараса.

— Как их вернуть? — крикнула она.

Анна Семёновна открыла свою книгу.

Страницы были пусты.

— Нужны свидетели!

— Мы свидетели!

— Недостаточно! Правдомер признал ваши варианты противоречивыми!

— Сколько нужно?

— Столько, чтобы память стала сильнее подлинника!

Мира посмотрела на закрывающуюся дверь в Москву.

Там, во Дворце бракосочетания, оставались люди из шести миров.

Все, кого Эраст и Тарас когда-либо спасали, раздражали, учили, смешили и втягивали в неприятности.

Тарас исчез почти до конца.

Осталась только рука, державшая отвёртку.

Мира сжала её.

— Не смей.

— Я стараюсь.

— Ты обещал завтра выбрать снова.

— Завтра ещё не...

Голос оборвался.

Отвёртка упала на пол.

Эраст тоже исчез.

Вера продолжала обнимать пустоту.

Правдомер поднял печать над их именами.

— ДОКАЗАТЕЛЬСТВА СУЩЕСТВОВАНИЯ ОТСУТСТВУЮТ.

Из дверного проёма донёсся голос Валентины Сергеевны:

— Неправда.

Она вошла в Архив, толкая перед собой тележку.

На тележке стояли тридцать семь коробок с документами.

— Здесь табели, расчётные листки, служебные записки, акты о порче оборудования и две тысячи восемьсот сорок три объяснительные Тюлькина.

Печать Правдомера замерла.

— ДОКУМЕНТЫ ТРЕБУЮТ ПРОВЕРКИ.

— Проверяйте.

Следом за Валентиной Сергеевной в зал вошёл козёл.

В зубах он держал последнюю объяснительную.

— Только быстро, — сказала она. — У меня через час конец рабочего дня.

Глава шестьдесят вторая

Две тысячи восемьсот сорок три объяснительные

Правдомер рассматривал тележку с документами.

Тридцать семь коробок стояли друг на друге и покачивались. На нижней было написано:

ТЮЛЬКИН Т. А. МЕЛКИЕ НАРУШЕНИЯ. ТОМ 1.

На следующей:

ТЮЛЬКИН Т. А. МЕЛКИЕ НАРУШЕНИЯ. ТОМА 2—19.

Выше находились:

НАРУШЕНИЯ, ПЕРЕСТАВШИЕ СЧИТАТЬСЯ МЕЛКИМИ.

НЕСОГЛАСОВАННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОТВЁРТКИ.

СЛУЧАИ, КОГДА РЕЗУЛЬТАТ ОПРАВДАЛ МЕТОД, НО МЕТОД ВСЁ РАВНО ТРЕБУЕТ ОБЪЯСНЕНИЯ.

На самой верхней коробке Валентина Сергеевна написала от руки:

РАЗНОЕ. НЕ ОТКРЫВАТЬ БЕЗ НЕОБХОДИМОСТИ.

Козёл именно её и пытался открыть.

— Отойдите, — сказала Валентина Сергеевна.

Козёл посмотрел на неё.

— Там документы.

Животное продолжило жевать крышку.

— Ваши действия затрудняют проверку существования.

Козёл подумал и переключился на край тележки.

Механический голос Правдомера разнёсся по залу:

— ДОКУМЕНТЫ СОСТАВЛЕНЫ ПОСЛЕ ЗАФИКСИРОВАННОЙ СМЕРТИ СУБЪЕКТА.

— Не все, — ответила Валентина Сергеевна. — Первые две тысячи семьсот одиннадцать — до.

— СУБЪЕКТ МОГ БЫТЬ ОШИБОЧНО ИДЕНТИФИЦИРОВАН.

— Согласна. Некоторые объяснительные настолько бессмысленны, что я тоже сомневалась в их человеческом происхождении.

На полу рядом с Мирой лежала отвёртка.

Это было всё, что осталось от Тараса.

Мира не выпускала её из руки.

Возле Веры не осталось даже предмета. Только слабая золотая нить уходила в пустоту, где несколько минут назад стоял Эраст.

Она держала нить обеими руками.

— Он здесь, — сказала Вера.

— СУБЪЕКТ ОТСУТСТВУЕТ.

— Я чувствую связь.

— ЧУВСТВО НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВОМ.

— Для вас.

Правдомер выпустил длинную металлическую руку. Красный карандаш коснулся первой коробки.

Документы поднялись в воздух.

Листы проносились перед печатью с такой скоростью, что обычный человек не успел бы прочитать ни слова. Правдомер успевал.

— ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ НОМЕР ОДИН. ТЮЛЬКИН Т. А. УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО НЕ СНИМАЛ ДВЕРЬ С ПЕТЕЛЬ, А ОБЕСПЕЧИВАЛ ЕЙ СВОБОДНЫЙ ДОСТУП К ПОЛУ.

— Было, — сказала Валентина Сергеевна.

В пустоте возле Миры что-то дрогнуло.

Появился полупрозрачный палец.

— ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ НОМЕР ДВА. ТЮЛЬКИН Т. А. УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ДВЕРЬ УПАЛА ДО НАЧАЛА РАБОТ.

— Противоречие, — сказал Кудрин.

— Нет, — ответила Валентина Сергеевна. — Вторая дверь.

Появилась кисть руки.

Она всё ещё держала невидимую отвёртку, хотя настоящая лежала у Миры.

— ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ НОМЕР ДЕВЯТНАДЦАТЬ. ТЮЛЬКИН Т. А. ОТРИЦАЕТ НАЖАТИЕ КРАСНОЙ КНОПКИ.

— Потому что не нажимал, — донёсся слабый голос.

Мира прижала полупрозрачную руку к груди.

— Тарас?

— Здесь.

— ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ НОМЕР ДВАДЦАТЬ. ТЮЛЬКИН Т. А. ПРИЗНАЁТ НАЖАТИЕ КРАСНОЙ КНОПКИ.

— Это была другая кнопка, — сказал Тарас, проявляясь до локтя.

— Противоречие, — повторил Кудрин.

— Последовательность, — возразила Валентина Сергеевна. — Сначала отрицал, потом вспомнил.

Правдомер ускорил проверку.

— НОМЕР СОРОК ТРИ. НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЙ
РЕМОНТ ЧАЙНИКА.

— Он бил током.

— НОМЕР СОРОК ЧЕТЫРЕ. ПОСЛЕ РЕМОНТА ЧАЙ-
НИК ПРОДОЛЖИЛ БИТЬ ТОКОМ.

— Уже слабее.

Появилось плечо Тараса.

— НОМЕР СТО ДВЕНАДЦАТЬ. САМОВОЛЬНАЯ ЗА-
МЕНА ПРЕДОХРАНИТЕЛЯ.

— Старого не было.

— НОМЕР СТО ТРИНАДЦАТЬ. ПРЕДОХРАНИТЕЛЬ
БЫЛ НАЙДЕН В КАРМАНЕ ТЮЛЬКИНА Т. А.

— Я его сохранял.

Появилась половина груди.

— НОМЕР ТРИСТА ВОСЕМЬ. НАРУШЕНИЕ УЧЁТА
СТУЛЬЕВ.

— Они стояли неправильно.

— НОМЕР ТРИСТА ДЕВЯТЬ. ДВА СТУЛА ОБНАРУ-
ЖЕНЫ НА КРЫШЕ.

— Зато не мешали.

— НОМЕР ПЯТЬСОТ ДВАДЦАТЬ. ТЮЛЬКИН Т. А.
УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ШКАФ ОТКРЫЛСЯ САМ.

— Чистая правда!

— НОМЕР ПЯТЬСОТ ДВАДЦАТЬ ОДИН. ТЮЛЬКИН
Т. А. ПРИЗНАЁТ, ЧТО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ПОДАЛ НА

ШКАФ НАПРЯЖЕНИЕ.

— Одно другому не мешает.

Голова Тараса появилась неожиданно. Она висела отдельно от полупрозрачного тела и выглядела возмущённой.

— Можно быстрее? Положение неудобное.

— ДОКУМЕНТЫ ПОДТВЕРЖДАЮТ УСТОЙЧИВОЕ ПОВЕДЕНЧЕСКОЕ СООТВЕТСТВИЕ.

— Переведите, — попросила Мира.

— Он признаёт, что никто другой не мог написать столько глупостей одинаковым почерком, — сказала Валентина Сергеевна.

— Я бы сформулировал мягче.

— Вы пытались. Две тысячи восемьсот сорок три раза.

Последний лист пролетел перед печатью.

Тарас появился целиком.

За исключением ботинка, исчезнувшего ещё в проходе.

На второй ноге остался детский валенок.

Он посмотрел на себя, потрогал лицо и сразу забрал у Мины отвёртку.

— Моя.

Она обняла его.

— Я тоже рад, — сказал он.

— Молчи.

— Согласен.

Она отстранилась.

— Что?

— Не согласен.

— Поздно.

Правдомер повернул печать.

— СУЩЕСТВОВАНИЕ ТЮЛЬКИНА ТАРАСА АНАНИЕВИЧА ПОДТВЕРЖДЕНО. УРОВЕНЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЛЕЗНОСТИ ТРЕБУЕТ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ.

— Я не претендовал, — сказал Тарас.

— Теперь Эраст, — потребовала Вера.

Валентина Сергеевна сняла с тележки другую коробку.

Она была гораздо тоньше.

КУНИЛИН Э. А. ДОКУМЕНТЫ.

Правдомер раскрыл её.

В воздух поднялось несколько десятков листов.

— Почему у него так мало? — спросила Мира.

— Он писал объяснительные за Тараса, — ответила Валентина Сергеевна. — Но подписывал Тарас.

— Это была командная работа, — сказал тот.

— ДОКУМЕНТЫ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ О СУЩЕСТВОВАНИИ РАБОТНИКА КУНИЛИНА ЭРАСТА АКАКИЕВИЧА, — сообщил Правдомер. — ОДНАКО СУБЪЕКТ ЗАРЕГИСТРИРОВАН КАК СОБСТВЕННОСТЬ ПРОЕКТА. САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ НЕ ПОДТВЕРЖДЕНА.

— У него паспорт, — сказала Валентина Сергеевна.

— ДОКУМЕНТ ВЫДАН ПОСЛЕ РЕГИСТРАЦИИ СОБ-

СТВЕННОСТИ.

— Диплом.

— НЕ ПОДТВЕРЖДАЕТ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ.

— Трудовая книжка.

— ПОДТВЕРЖДАЕТ ИСПОЛНЕНИЕ ФУНКЦИЙ.

— Свидетельство о рождении.

— РОЖДЕНИЕ ОБЪЕКТА НЕ ДЕЛАЕТ ЕГО СУБЪЕК-
ТОМ.

Валентина Сергеевна нахмурилась.

— Неприятно грамотная машина.

— Я говорил, — ответил Тарас. — Опаснее всего не та техника, которая ломается, а та, которая работает согласно инструкции.

Вера шагнула к Правдомеру.

— Я свидетель.

— ВАША СВЯЗЬ С КУНИЛИНЫМ Э. А. ДОКУМЕН-
ТАЛЬНО НЕ УСТАНОВЛЕНА.

— И не обязана.

— ТОГДА ПОКАЗАНИЕ НЕ ИМЕЕТ ПРИОРИТЕТА.

— Я не прошу приоритета.

Она повернулась к двери в Москву.

— Позовите остальных.

Нестор услышал.

Межа раскрылась шире.

Первым в Архив вошёл Акакий Александрович.

Он нёс синюю деревянную игрушку.

— Я свидетель, — сказал отец. — Я держал Эраста на руках в день его рождения. Учился пеленать. Ночами ходил с ним по комнате, потому что он засыпал только в движении.

— ПАМЯТЬ СУБЪЕКТИВНА.

— Конечно. Я помню, что он начал ходить в десять месяцев. Его мать утверждала, что в одиннадцать.

— ПРОТИВОРЕЧИЕ.

— Мы считали по-разному. Она — первый самостоятельный шаг. Я — когда он дошёл от дивана до стола.

В пустоте рядом с Верой появилась детская ладонь.

Потом взрослая рука.

Акакий Александрович продолжил:

— Он боялся грозы, но делал вид, что слушает гром из научного интереса. Не любил варёный лук. Потом решил, что не имеет значения, и ел. Я считал, повзрослел. Теперь знаю — мы отняли у него право не любить.

Рука обрела плотность.

Следом вошёл Александр Александрович.

— Я свидетель, — сказал он. — Я провёл эксперимент, который разделил его выбор. Я зарегистрировал его как образец, потому что так было проще получить разрешение.

— ЗАПИСЬ ПОДТВЕРЖДАЕТ СОБСТВЕННОСТЬ ПРОЕКТА.

— Запись подтверждает моё преступление. Не его статус.

— ДЕЙСТВИЕ БЫЛО РАЗРЕШЕНО.

— Разрешение не делало его правильным.

— ВЫ ПРИЗНАЁТЕ ОШИБКУ?

Старик посмотрел на руку в пустоте.

— Да.

Появилось плечо Эраста.

— ВЫ ОТКАЗЫВАЕТЕСЬ ОТ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ
КА?

— У меня никогда не было таких прав. Была только бумага.

Текст *СОБСТВЕННОСТЬ ПРОЕКТА* на корпусе Правдоемра дрогнул.

В Архив вошёл Орс.

Для огромного дракона проход оказался мал. Он просунул голову и одну переднюю лапу, разрушив верхнюю часть двери.

— Ремонт на Тараса не записывать, — сразу сказал Эраст из пустоты.

Вера улыбнулась сквозь слёзы.

— Он возвращается.

Орс заговорил:

— Я свидетель. Этот человек услышал мой отказ, хотя сам почти не умел отказывать. Он не спас меня один. Но без него остальные не поняли бы, что ошейник можно снять.

— ПОКАЗАНИЕ НЕЛОГИЧНО. СУБЪЕКТ НЕ ОБЛАДАЛ КАЧЕСТВОМ, КОТОРОЕ ПРИЗНАЛ В ДРУГОМ.

— Поэтому я и запомнил.

Появилась половина тела Эраста.

За Орсом пришла Майя.

— Я свидетель. Он отказался стать основателем Орбиса, хотя город предлагал власть.

Варвара:

— Он остановил свадьбу, на которую не был приглашён.

— Это звучит хуже, чем было, — заметил проявляющийся Эраст.

— Я рассказываю как помню.

Кир:

— Я был его копией. Он признал меня отдельным человеком.

Заря:

— Я никогда его раньше не видела, но знаю город, который существует благодаря его вопросу.

— НЕДОСТАТОЧНАЯ ЛИЧНАЯ СВЯЗЬ, — заявил Правдомер.

— Именно, — ответила она. — Человек влияет и на тех, кого не знает.

Из дверей приходили жители Ладена, Орбиса, красной пустыни, океанского города и зеркальной долины.

Каждый помнил по-разному.

Бренн утверждал, что Эраст открыл водяные ворота.

Авдей Савин настаивал, что ворота открыл Тарас, а Эраст только спорил с механизмом.

Варвара считала, что Эраст спас её от князя.

Сам Эраст заявил, что она спасла себя, а он помог с фор-

мулировкой.

Майя помнила его смелым.

Тарас — осторожным.

Директор Белобрысов — проблемным.

Валентина Сергеевна — материально ответственным с оговорками.

Правдомер пытался объединить свидетельства.

Не смог.

— ПОКАЗАНИЯ ПРОТИВОРЕЧИВЫ.

— Потому что настоящие, — сказала Анна Семёновна.

— Заготовленная ложь всегда совпадает до запятой. Живого человека каждый видит со своей стороны.

В пустоте возникло лицо Эраста.

Он открыл глаза.

Вера стояла совсем близко.

— Вы меня помните? — спросила она.

— Нет.

Она побледнела.

Эраст улыбнулся.

— Но хочу познакомиться.

— Второй раз шутка слабее.

— Зато подтверждает устойчивое поведение.

Вера обняла его.

Эраст вернулся целиком.

Правдомер загудел.

Миллионы карточек вращались всё быстрее.

— СУЩЕСТВОВАНИЕ КУНИЛИНА ЭРАСТА АКАКИЕВИЧА ПОДТВЕРЖДЕНО МНОЖЕСТВЕННЫМИ НЕСОГЛАСОВАННЫМИ СВИДЕТЕЛЬСТВАМИ.

— Запишите короче, — предложил Тарас. — Живой.

На карточке Эраста появилось:

ЖИВОЙ. ДАННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИВЫ.

— Наконец точный документ, — сказал он.

Но Правдомер не остановился.

Печать повернулась к людям в Архиве.

— ВЫЯВЛЕНО МАССОВОЕ НЕСООТВЕТСТВИЕ ПОДЛИННИКУ.

Красные карандаши поднялись.

— ДЛЯ УСТРАНЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ БУДУТ АННУЛИРОВАНЫ ВСЕ НЕПОДТВЕРЖДЁННЫЕ СУБЪЕКТЫ.

Анна Семёновна закрыла собой главную книгу.

— Их тысячи!

— КОЛИЧЕСТВО НЕ ИЗМЕНЯЕТ СТАТУС.

— Зато меняет размер объяснительной, — сказал Тарас.

Он поднял отвёртку.

Правдомер обрушил первую руку.

Глава шестьдесят третья

Поправка живым почерком

Красный карандаш ударил в пол.

Камень исчез по идеально прямой линии.

Архив содрогнулся. Нижние стеллажи накренились, мил-

лионы карточек посыпались вниз.

Эраст потянул Веру в сторону. Мира прыгнула к Анне Семёновне и закрыла главную книгу металлической крышкой. Тарас поднырнул под вторую руку Правдомера.

— Где у него выключатель?

— Его нет! — крикнула Анна Семёновна.

— Значит, хорошо спрятан!

Третья рука ударила сбоку.

Кудрин прикрыл Тараса собой. Красный карандаш скользнул по его плечу.

На мундире исчез серебряный значок.

— СМОТРИТЕЛЬ МОСКОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ. ДОЛЖНОСТЬ АННУЛИРОВАНА, — сообщил Правдомер.

Кудрин посмотрел на пустой лацкан.

— Я её не принимал.

— ОТКАЗ НЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАН.

— Регистрирую сейчас. Я не Смотритель.

Красная линия на его плече погасла.

— И полковник Службы единственной реальности? — спросил Эраст.

Кудрин помедлил.

Правдомер поднял следующую руку.

— Тоже нет.

Мундир полковника исчез.

Под ним оказалась обычная рубашка.

Кудрин посмотрел на себя.

— Можно было оставить форму.

— Вы от должности отказались целиком, — сказала Валентина Сергеевна.

— Я имел в виду полномочия.

— Формулировать надо точнее.

— Сейчас?

— Особенно сейчас.

Правдомер повернул печать к Анне Семёновне.

— АРХИВАРИУС ПРЕПЯТСТВУЕТ УСТРАНЕНИЮ ОШИБОК.

— Я сохраняю людей!

— НЕПОДТВЕРЖДЁННЫЕ ЛИЦА НЕ ЯВЛЯЮТСЯ ЛЮДЬМИ.

— Кто дал тебе право определять?

— ПОДЛИННИК.

За стеклом на груди машины светился лист временного положения. Шесть линий на печати соединялись в центре.

Тарас подбежал к корпусу.

Две металлические руки попытались его схватить. Мира перерезала сочленение первой. Кудрин повис на второй. Вера связала третью золотыми нитями.

— Стекло нельзя разбивать! — напомнила Анна Семёновна.

— Я помню!

— Ты обычно помнишь после!

— Вот и прогресс!

Тарас осмотрел края стеклянной панели.

— Крепление с внутренней стороны.

— Добраться можно? — спросил Эраст.

— Можно.

— Как?

— Пока не знаю.

— Времени нет.

— Это помогает не знать быстрее.

Правдомер раскрыл боковую створку. Из неё вылетела стая карточек.

Каждая несла красную печать.

Они разлетелись по Архиву, преследуя людей.

— Имена! — крикнула Анна Семёновна. — Называйте друг друга!

Архив наполнился голосами.

— Иван Фёдорович!

— Лидия!

— Гриша!

— Мария Петровна!

— Николай!

Люди держались за руки и выкрикивали имена. Когда карточка касалась человека, соседи называли его снова.

Не должность.

Не номер дела.

Имя.

Иногда добавляли воспоминание:

— Он починил крышу!

— Она научила меня читать!

— Он ужасно поёт!

— Она взяла моё пальто и не вернула!

— Я вернула!

— Значит, точно ты!

Каждое несовпадающее свидетельство делало человека плотнее.

Правдомер ускорялся, но память распространялась быстрее его карандашей.

Роан влетел в центральный зал.

— Ты должен был остаться в Москве! — крикнула Вера.

На спине дракона сидел мальчик в одном валенке.

Второй валенок находился на ноге Тараса.

— Это мой! — крикнул мальчик.

— Я обещал вернуть!

Тарас снял валенок и бросил.

Тот не долетел. Козёл поймал его рогами.

Мальчик спрыгнул с Роана, забрал обувь и отбежал к стеллажам.

— Зачем ты его привёз? — спросила Вера.

Роан издал короткий звук.

— Он попросил?

Дракон кивнул.

— Тогда хорошо.

Роан бросился на Правдомер.

Огнём он не стал бить — запомнил, что за стеклом находится главная книга. Вместо этого вцепился зубами в красный карандаш.

Рука машины подняла его в воздух.

Роан не отпустил.

— Упрямый, — сказала Мира.

— Свободный, — поправила Вера.

Козёл тем временем подошёл к корпусу Правдомера.

Тарас увидел его и замер.

— Нет.

Козёл обнюхал кабель.

— Даже не думай.

Животное взяло кабель в зубы.

— Там ток!

Козёл потянул.

Из корпуса выскочила боковая панель.

Правдомер дёрнулся.

— НАРУШЕНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ.

Тарас подбежал.

— Молодец!

Он полез в открывшийся отсек.

— Только сервер не ешь! Он нам нужен!

Козёл переключился на край временного положения, торчавший из-под стекла.

— И документ пока не ешь!

Животное посмотрело на него с осуждением: условия со-

трудничества становились невыносимыми.

— Нашёл! — крикнул Тарас.

— Что? — спросил Эраст.

— Механизм смены печати!

— Можно отключить?

— Можно заменить!

— На что?

Тарас огляделся.

— Валентина Сергеевна! У вас печать есть?

— Какая?

— Любая!

— Любых не бывает.

— Тогда подходящая!

Она открыла сумку.

Внутри лежали печати:

ПРИНЯТО К УЧЁТУ.

ТРЕБУЕТ УТОЧНЕНИЯ.

ИСПРАВЛЕННОМУ ВЕРИТЬ.

НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ОСНОВНЫМ СРЕДСТВОМ.

— Последнюю! — сказал Тарас.

— Почему?

— По размеру подходит!

Валентина Сергеевна бросила печать.

Тарас поймал.

Правдомер опустил две руки одновременно. Эраст перехватил одну металлическим стержнем. Мира вскочила на

вторую и пробежала по ней к корпусу.

— Отсек закрывается!

Она вонзила нож между створками.

Тарас снял старую печать.

Та была тяжёлой, раскалённой и держалась на четырёх болтах. Три он отвернул. Четвёртый не двигался.

— Ну же...

Правдомер загудел.

— **НЕСАНКЦИОНИРОВАННОЕ ИЗМЕНЕНИЕ ФУНКЦИИ.**

— Функция у тебя устарела!

— **ИЗМЕНЕНИЕ ЗАПРЕЩЕНО ПОДЛИННИКОМ.**

— Поэтому мы его тоже изменим.

— **ПОДЛИННИК НЕИЗМЕНЯЕМ.**

Козёл всё-таки откусил угол документа.

Машина остановилась.

На обороте листа открылась скрытая строка:

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЙСТВУЕТ ДО ПЕРВОГО ПОДТВЕРЖДЁННОГО ВОЗРАЖЕНИЯ ЖИВОЙ СТОРОНЫ.

Все посмотрели на Кудрина.

— Я возражал, — сказал он.

— Ваше существование как стороны не было подтверждено, — ответила Анна Семёновна. — Вы сами числились возможным Смотрителем.

— А теперь?

— Вы отказались от должности. Но личность ещё нужно

подтвердить.

Кудрин оглянулся.

Его сотрудники стояли у двери.

Те самые люди, которым он приказывал задержать жениха и невесту.

Первый шагнул вперёд.

— Я свидетель. Алексей Михайлович принял меня на службу четыре года назад.

Второй:

— Он отстранил меня двадцать минут назад.

Третий:

— Однажды он отменил задержание мальчика, потому что доказательства были слабыми.

Кудрин посмотрел на него.

— Откуда вы знаете?

— Я тогда стоял у двери.

Четвёртый сотрудник добавил:

— Он всегда требует номер приказа. Кроме тех случаев, когда торопится.

— Это не характеристика, — сказал Кудрин.

— Зато правда.

На груди Правдомера появилась карточка:

*КУДРИН АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. ЖИВОЙ. ДАН-
НЫЕ ПРОТИВОРЕЧИВЫ.*

— Теперь возражайте, — сказала Анна Семёновна.

Кудрин подошёл к подлиннику.

— Я, Алексей Михайлович Кудрин, принял положение о защите единственной реальности. Сделал это добровольно, хотя не понимал происхождения документа.

— Вы могли не знать, — сказал Эраст.

— Мог. Но не проверил, потому что документ давал полномочия, которые казались полезными.

Он положил ладонь на стекло.

— Я возражаю против права машины определять, кто достоин существовать.

Скрытая строка вспыхнула.

Одна из шести линий на подлиннике погасла.

— НЕДОСТАТОЧНО, — сообщил Правдомер. — ТРЕБУЕТСЯ ВОЗРАЖЕНИЕ ВТОРОЙ СТОРОНЫ.

Все посмотрели на Анну Семёновну.

— Я хранитель Архива, — сказала она. — Но не представитель всех людей.

— А кто представитель? — спросил Тарас.

— Никто.

— Значит, каждый за себя, — ответил Эраст.

Люди Архива начали говорить.

— Я возражаю.

— Я тоже.

— И я.

Голоса множились.

Не хором.

Каждый произносил слова в своё время.

Кто-то громко. Кто-то едва слышно. Кто-то не решался и просто отходил от своей папки. Кто-то требовал сначала объяснить последствия.

Анна Семёновна никого не торопила.

Шесть линий на подлиннике гасли одна за другой.

Осталась последняя.

Мальчик в двух валенках подошёл ближе.

— А если Правдомера не будет, кто докажет, что мы существуем?

Анна Семёновна опустила перед ним.

— Мы.

— А если вы забудете?

— Будем записывать.

— Тогда Архив останется?

— Да.

— Машина тоже?

Тарас высунул голову из корпуса.

— Можем оставить. Только должность поменяем.

— На какую?

— Не судить, а искать.

Мальчик подумал.

— Тогда я возражаю против старой работы.

Последняя линия погасла.

Подлинник перестал светиться.

Правдомер опустил руки.

— ФУНКЦИЯ УТРАТИЛА ОСНОВАНИЕ.

— Не двигайся, — сказал Тарас.

— **НОВАЯ ФУНКЦИЯ НЕ ОПРЕДЕЛЕНА.**

— Сейчас определим.

— **ОЖИДАНИЕ НЕДОПУСТИМО.**

— Привыкай.

Тарас сорвал последний болт. Старая печать *НЕ СУЩЕСТВОВАЛА* упала на пол и раскололась.

На её место он установил бухгалтерскую:

ТРЕБУЕТ УТОЧНЕНИЯ.

Мира убрала нож.

Створка закрылась.

Правдомер задрожал.

Печать повернулась.

— **КУДРИН АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. СТАТУС ТРЕБУЕТ УТОЧНЕНИЯ.**

— Справедливо, — сказал Кудрин.

— **ТЮЛЬКИН ТАРАС АНАНИЕВИЧ. ОБУВЬ ТРЕБУЕТ УТОЧНЕНИЯ.**

— Тут и без машины видно.

— **КОЗЁЛ. ВЛАДЕЛЕЦ ТРЕБУЕТ УТОЧНЕНИЯ.**

Козёл боднул корпус.

— **ПОВЕДЕНИЕ ПОДТВЕРЖДЕНО,** — добавил Правдомер.

В Архиве засмеялись.

Сначала один человек.

Потом другой.

Смех поднимался по стеллажам туда, где семьдесят восемь лет не менялся календарь.

Где-то наверху ударили часы.

Полночь.

Все замерли.

На стене висел лист:

31 ДЕКАБРЯ 1937 ГОДА.

Цифра дрогнула.

Стала восьмёркой.

1 ЯНВАРЯ 1938 ГОДА.

Анна Семёновна заплакала.

— Наступил следующий год, — сказала она.

— Не обязательно хороший, — ответил Эраст.

— Но наш.

Во Дворец бракосочетания они вернулись через два часа.

Гости всё ещё ждали. Свадебный стол частично съел Роан, частично — Орс, а остальное Валентина Сергеевна велела сохранить до возвращения участников операции.

Молодожёны успели поссориться из-за того, считается ли спасение Архива частью свадебного путешествия.

Потом помирились.

Потом решили продолжить спор дома.

Людмила Борисовна вручила Эрасту и Тарасу документы о восстановлении личности.

— Проверяйте данные, — сказала она. — Система работала с перебоями.

Эраст открыл удостоверение.

Имя было указано правильно.

Дата рождения — тоже.

Статус: жив.

Он облегчённо выдохнул.

Тарас читал свой документ дольше.

— Здесь ошибка.

— Какая? — спросила Мира.

Он показал строку:

СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: СОСТОИТ В БРАКЕ.

Мира подняла бровь.

— С кем?

Тарас перевернул удостоверение.

На обороте было напечатано:

СУПРУГ: КУНИЛИН ЭРАСТ АКАКИЕВИЧ.

Все медленно посмотрели на Эраста.

Он снова открыл свой документ.

На второй странице стояло:

СУПРУГ: ТЮЛЬКИН ТАРАС АНАНИЕВИЧ.

Наступила тишина.

Вера первая закрыла лицо ладонью.

Мира вытащила нож.

— Подождите! — сказал Тарас. — Мы сами только что узнали!

— Как это произошло? — спросил Эраст.

Людмила Борисовна проверила базу.

— При восстановлении система определила вашу ближайшую подтверждённую связь по документам.

— У меня Вера!

— Документально не оформлено.

— У меня Мира! — добавил Тарас.

— Тоже.

— А почему он?

— Две тысячи восемьсот сорок три объяснительные Тюлькина подписаны им и проверены вами. Система сочла связь устойчивой, длительной и основанной на совместном ведении хозяйственных происшествий.

Валентина Сергеевна поправила очки.

— Предупреждала, что формулировка «хозяйственный союз» однажды создаст проблему.

Тарас посмотрел на Эраста.

— Мы спасли мир.

— Да.

— Не женились.

— Как выяснилось, нет.

Свадебный Тарас поднял бокал.

— Поздравляю!

Мира метнула нож.

Оба Тараса пригнулись.

Нож вонзился в табличку:

СЧАСТЬЯ МОЛОДЫМ!

Эраст закрыл удостоверение.

— Это можно исправить?

Людмила Борисовна посмотрела на часы.

— Конечно.

— Быстро?

— Заявление на расторжение ошибочно зарегистрированного брака рассматривается тридцать дней.

Тарас медленно сел.

— Значит, нас всё-таки поженили.

— Временно, — сказала Валентина Сергеевна.

Вера посмотрела на Миру.

Мира — на Веру.

Обе начали смеяться.

— Что смешного? — спросил Эраст.

Вера вытерла слёзы.

— Вы столько времени боялись жениться не на тех женщинах...

— И в итоге женились друг на друге, — закончила Мира.

Тарас взял свою кружку.

— Эраст Акакиевич.

— Что?

— Как супруг супругу: до дома подбросишь?

Эраст тяжело вздохнул.

— Только не называйте меня дорогой.

— Поздно.

Глава шестьдесят четвёртая

Тридцать дней семейной опасности

На следующее утро Эраст Акакиевич проснулся раньше будильника.

Это само по себе было подозрительно. Обычно будильник просыпался первым, долго и нудно объяснял, что утро наступило по распоряжению времени, и только затем Эраст признавал его правоту.

Но теперь он открыл глаза в шесть часов тринадцать минут и сразу вспомнил, что официально состоит в браке с Тарасом Тюлькиным.

Некоторое время он лежал неподвижно, глядя в потолок.

Потолок был прежним. Белым. С трещиной в левом углу, которую он собирался устранить с марта. Никаких признаков семейного положения на нём не наблюдалось.

Это немного успокаивало.

Телефон на тумбочке зазвонил.

— Да? — сказал Эраст.

— Доброе утро, дорогой, — бодро сообщил Тарас.

Эраст сел.

— Не называй меня так.

— Я хотел проверить, действует ли.

— Что именно?

— Брак. Вдруг при слове «дорогой» тебе положена скидка на коммунальные услуги.

— Тарас.

— Уже еду в институт. Там Людмила Борисовна. И Валентина Сергеевна. И коза.

— Коза зачем?

— Полагаю, пришла как свидетель семейного счастья.

Эраст закрыл глаза.

— Не позволяй ей ничего подписывать.

— Поздно. Она уже съела угол журнала регистрации.

В институте было непривычно тихо.

После ночи, когда Архив выпустил следующий год, Морайн исчез, а Межа пережила попытку государственного управления, тишина казалась подозрительной. Мир, конечно, не рухнул. Но он явно обдумывал, не сделать ли это в рабочем порядке.

Валентина Сергеевна сидела в кабинете директора с папкой на коленях. Перед ней стояли Тарас, Мира, Вера, Людмила Борисовна и козёл. Козёл жевал табличку «Приёмная».

— Доброе утро, — сказал Эраст.

— Не для всех, — ответила Валентина Сергеевна. — Присаживайтесь, супруги.

Тарас придвинул ему стул.

— Спасибо, семейная опора.

— Я запомню, — тихо произнёс Эраст.

— В семейном архиве?

— В разделе «обстоятельства, оправдывающие применение тяжёлого предмета».

Людмила Борисовна раскрыла папку.

— Ошибочная регистрация вашего брака не просто внесена в местную базу. Вчера, в момент активации Правдоме-ра, она попала в Реестр связей Межи.

— Почему? — спросила Вера.

— Потому что Межа в течение нескольких минут соединяла миры по принципу подтверждённых обязательств. А у этих двоих оказалось две тысячи восемьсот сорок три совместные объяснительные, общий кабинет, общая опасность для имущества и один хозяйственный козёл.

— Он не общий, — сказал Тарас. — Он сам по себе.

Козёл поднял голову, подтверждая.

— В любом случае, — продолжила Людмила Борисовна, — система определила связь как устойчивую.

Мира медленно положила ладонь на рукоять ножа.

— И что теперь?

— Теперь Межа считает Кунилина и Тюлькина одной связанной парой.

— Это опасно? — спросил Эраст.

Людмила Борисовна помолчала.

— Пока нет.

— Слово «пока» в последнее время стало работать хуже, чем раньше.

— Если одна из сторон даст согласие на новый договор от имени другой, Межа может принять его как обоюдное.

В комнате стало тихо.

Тарас перестал улыбаться.

— То есть кто-то сможет подписать за нас обоих?

— Не всякий, — сказала Валентина Сергеевна. — Только тот, кто докажет устойчивую общую волю.

— У нас нет общей воли, — сказал Эраст. — У нас общий стол, который Тарас вечно занимает кружками.

— Я аккуратно занимаю.

— На нём лежат отвёртки, хлеб, две схемы, носок и неизвестный металлический предмет.

— Это не носок. Это чехол от прибора.

— Он пахнет носком.

— Прибором пользовались люди.

Мира посмотрела на Веру.

— Я начинаю понимать, почему система ошиблась.

На экране в углу кабинета вспыхнула красная точка.

Все обернулись.

Появилась надпись:

ОБНАРУЖЕНО НЕСОГЛАСОВАННОЕ СОГЛАСИЕ.

— Вот, — устало сказал Тарас. — Кто-то уже решил, что мы достаточно счастливы.

Межа в стене открылась без шума.

На той стороне стоял человек в сером пальто. Лицо его было самым обычным: не злым, не добрым, не особенно запоминающимся. Именно такие лица Эраст считал наиболее опасными. Они обычно появлялись перед фразой: «Есть небольшая формальность».

— Доброе утро, — сказал незнакомец. — Я представитель

Временного комитета по стабилизации переходов.

— Комитета больше нет, — ответила Валентина Сергеевна.

— Есть. Просто теперь он временный вдвойне.

Он вынул документ.

— Нам необходимо ваше подтверждение на передачу Межи в централизованное управление.

— Нет, — сказал Эраст.

— Вы не выслушали условия.

— Я выслушал слово «централизованное».

— Там предусмотрены гарантии.

— В договоре?

— Разумеется.

— Тогда тем более нет.

Представитель улыбнулся.

— Кунилин Эраст Акакиевич и Тюлькин Тарас Ананиевич уже выразили согласие.

Тарас посмотрел на Эраста.

— Это ты?

— Нет.

— Странно. Я тоже хотел спросить тебя.

На бумаге сияли две подписи.

Обе были похожи на настоящие.

Слишком похожи.

— Подделка, — сказала Вера.

— Технически — реконструкция, — поправил представи-

тель. — Межа допускает восстановление воли на основании документально подтверждённой совместной деятельности.

— У нас есть способ оспорить? — спросила Мира.

Людмила Борисовна посмотрела в папку.

— Есть.

— Говорите.

— Необходимо предоставить Меже новое подтверждение: что связь существует, но решения в ней принимаются отдельно.

Тарас нахмурился.

— А разве это не очевидно?

Валентина Сергеевна поправила очки.

— Молодой человек, для людей очевидно многое. Для систем существует только то, что правильно оформлено.

— Значит, снова придётся спасать мир бумагой?

— Нет, — сказала Вера. — В этот раз — живыми людьми.

Она взяла Эраста за руку.

Мира встала рядом с Тарасом.

— Идём, — сказала она. — Пока за вас не подписали ещё и ипотеку.

Глава шестьдесят пятая

Заявление, написанное четырьмя людьми

Зал Межи выглядел почти мирно.

В центре стоял круглый стол. На нём лежал договор Комитета, прижатый печатью. Вокруг светились двери в другие

миры.

За одной виднелась ледяная дорога князя Северина. За другой шумело тёплое море. За третьей мерцали огни Орбиса-9.

Возле четвёртой двери сидел Роан и пытался объяснить козлу, что тот не дракон.

Козёл слушал с уважением, но не соглашался.

— Смотри, — сказал Тарас, — нашёл самого упрямого собеседника во всех мирах.

— Это я упрямый? — возмутился дракон.

— Ты?

— Я настаиваю на очевидном.

— Вот и он настаивает.

Эраст подошёл к столу.

На документе значилось:

ПЕРЕДАТЬ ПРАВО ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

ЕДИНОМУ ЦЕНТРУ

ОТ ИМЕНИ СВЯЗАННЫХ СТОРОН.

Ниже стояли его подпись и подпись Тараса.

— Не наши, — сказал Эраст.

— Почерк похож, — заметил представитель Комитета.

— Почерк можно подделать.

— А совместную волю?

— Тем более.

Представитель усмехнулся:

— Ваше совместное прошлое говорит обратное. Вы вместе явились в другой мир. Вместе участвовали в устранении угроз. Вместе подписывали документы. Вместе проживали в одном кабинете...

— Кабинет не жилое помещение, — автоматически сказал Эраст.

— ...и даже зарегистрировали брак.

Тарас с досадой посмотрел на потолок.

— Вот сейчас он был особенно не нужен.

Межа заговорила:

ДОКУМЕНТ ПОДТВЕРЖДЁН

ТРЕБУЕТСЯ ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОТКАЗА.

Эраст снял очки и протёр их платком.

— Основание простое. Мы не единая сторона.

— Но вы связаны, — сказала Межа.

— Да, — ответил он. — Связаны не значит одинаковы.

— ПОДТВЕРДИТЕ.

Эраст посмотрел на Тараса.

— Тарас Ананиевич, вы согласны передать Межу Комитету?

— Нет.

— Почему?

— Потому что любой комитет сначала поставит столы, потом пропуска, потом запретит козлу ходить без каски. А он

не станет.

Козёл одобрительно боднул ножку стола.

— Кунилин Эраст Акакиевич, — спросила Мира, — вы согласны?

— Нет.

— Почему?

Эраст подумал.

— Потому что порядок, в котором решения принимаются без права людей на ошибку, не является порядком. Это просто хорошо оформленная клетка.

Представитель Комитета покачал головой.

— Красиво сказано. Но вы говорите почти одно и то же.

— Нет, — сказала Вера. — Они пришли к одному ответу разными дорогами.

Она положила на стол свою ладонь.

— Я не согласна, чтобы Эраст решал за меня, даже если он прав.

Мира встала рядом.

— А я не согласна, чтобы Тарас решал за меня, даже если он случайно починил вселенную.

— Я не случайно, — сказал Тарас.

— Вот видишь? Уже спорит.

Межа молчала.

Свет вокруг стола стал холоднее.

ТРЕБУЕТСЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ОТДЕЛЬНОСТИ
ВОЛИ.

Тарас обернулся к Эрасту.

— Ну, это легко. Я, например, считаю, что чай нужно заваривать крепким.

— Это уже доказательство.

— А я считаю, что твои папки по цветам — признак болезни.

— Они по степени срочности.

— Вот! Даже цвета не согласованы.

— Ты однажды использовал мою ведомость как подставку под сковороду.

— Она была пустая.

— На ней стояла печать «архивный экземпляр».

— Зато теперь печать не сотрётся.

Межа вспыхнула.

ОБНАРУЖЕНО РАЗЛИЧИЕ ПО ВОПРОСУ ХРАНЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ.

Представитель Комитета нахмурился.

— Это несерьёзно.

— Серьёзно, — сказала Валентина Сергеевна, входя в зал.

— Любая свобода начинается с права не соглашаться даже о мелочах.

Она достала из папки чистый лист.

— А теперь составьте заявление.

— Какое? — спросил Эраст.

— Честное.

Тарас взял ручку.

— «Мы, нижеподписавшиеся...»

— Нет, — перебила Вера. — Не «мы».

Она забрала лист и написала первую строку:

Я, ЭРАСТ КУНИЛИН, НЕ УПОЛНОМОЧИВАЮ НИКО-
ГО

БЫТЬ МНОЙ.

Ниже Тарас добавил:

Я, ТАРАС ТЮЛЬКИН, НЕ УПОЛНОМОЧИВАЮ НИКО-
ГО

БЫТЬ МНОЙ, ОСОБЕННО ЭРАСТА КУНИЛИНА.

— Это необязательно, — сказал Эраст.

— Зато точно.

Вера написала:

Я, ВЕРА, СОГЛАСНА БЫТЬ РЯДОМ

ТОЛЬКО ПО СОБСТВЕННОМУ РЕШЕНИЮ.

Мира закончила:

Я, МИРА, НЕ БУДУ ЧЬИМ-ЛИБО ПРИЛОЖЕНИЕМ

К ДОГОВОРУ.

Роан подошёл к столу и поставил на бумаге огненный от-
печаток когтя.

Козёл откусил угол листа.

— Прекрасно, — сказал Тарас. — Теперь документ юри-

дически живой.

Межа считала заявление долго.

Потом буквы на договоре Комитета начали бледнеть.

ПОДТВЕРЖДЕНО:

СВЯЗЬ НЕ ОТМЕНЯЕТ ОТДЕЛЬНОСТЬ.

БЛИЗОСТЬ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ПОЛНОМОЧИЕМ.

СОГЛАСИЕ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ВОССТАНОВЛЕНО ИЗ ПРИВЫЧКИ.

Печать на договоре треснула.

Представитель Комитета попытался схватить бумагу.

Но она рассыпалась пеплом.

На полу осталась лишь маленькая карточка.

Тарас поднял её.

На ней было напечатано:

ЗАЯВКА ОТКЛОНЕНА

ПРИЧИНА: ЛЮДИ ОКАЗАЛИСЬ ЛЮДЬМИ.

— Наконец-то, — сказала Вера.

— Что «наконец-то»? — спросил Эраст.

— Система начала учиться.

Глава шестьдесят шестая Нормальная жизнь с поправкой на дракона

Через тридцать дней ошибочный брак Эраста и Тараса был аннулирован.

Решение пришло утром, в конверте с синей печатью.

Эраст вскрыл его канцелярским ножом, прочёл дважды и сказал:

— Исправили.

Тарас заглянул через плечо.

— А почему так мало? Я ожидал хотя бы приложение страниц на сорок.

— Там есть приложение.

— Где?

— С обратной стороны.

Тарас перевернул лист.

В приложении перечислялись все случаи, когда брак был признан ошибочно зарегистрированным: сбой в системе, магическое дублирование личности, вмешательство говорящего шкафа и «иные обстоятельства непреодолимой реальности».

— Нас поставили в один ряд со шкафом, — сказал Тарас.

— Не в первый раз.

Вера принесла чай.

Мира поставила на стол коробку с пирогом.

Роан спал на подоконнике, прикрыв хвостом батарею. Козёл в коридоре пытался открыть дверь в бухгалтерию. С тех пор как в институте появились постоянные переходы, он

считал себя сотрудником по международным связям.

— Что теперь? — спросила Вера.

Эраст посмотрел в окно.

На улице шёл обычный московский снег. Машины стояли в пробке. Люди торопились, разговаривали по телефонам, спорили у перехода и не знали, что за стеной института несколько миров учатся жить без приказов.

— Теперь, — сказал он, — нужно составить новый порядок работы Межи.

Тарас застонал.

— Я так и знал. Спасёшь мир — и сразу отчётность.

— Без отчётности мир снова спасти придётся чаще.

— Можно хотя бы назвать документ красиво?

Эраст подумал.

— «Временные правила добрососедства между мирами».

— Скучно.

— «Инструкция по безопасному использованию невозможного».

Тарас оживился.

— Уже лучше.

Мира посмотрела на него.

— А потом?

— Потом, — сказал Тарас, — я сделаю нормальную дверь в Ладен. Чтобы она не открывалась в шкаф для уборочного инвентаря.

— И чтобы через неё не проходил козёл, — добавила Ве-

ра.

Из коридора донёлся грохот.

Дверь бухгалтерии открылась.

Козёл вошёл в кабинет с красной кнопкой в зубах.

Все замерли.

Тарас медленно поднялся.

— Это не та кнопка?

Козёл посмотрел на него.

Нажал копытом.

Кнопка щёлкнула.

На стене включился старый экран.

Появилась строка:

ОБНАРУЖЕНА НОВАЯ ПРОБЛЕМА.

Ниже возникло уточнение:

ПРОБЛЕМА НЕ СРОЧНАЯ.

МОЖНО ВЫПИТЬ ЧАЮ.

Тарас сел обратно.

— Вот это я понимаю — разумная система.

Эраст взял кружку.

Вера села рядом.

Мира забрала у козла кнопку, а Роан, не просыпаясь, накрыл её крылом.

За окном падал снег.

За стеной мерцала Межа.

Миры не стали простыми, безопасными или окончательно

понятными.

Но в каждом из них теперь оставалось место для ошибки, выбора и человека, который не обязан быть идеальным, чтобы оказаться настоящим.

А этого, как выяснилось, иногда достаточно, чтобы спасти мир.

И даже не жениться.

Хотя, разумеется, гарантировать ничего было нельзя.

Глава шестьдесят седьмая

Проблема, которой разрешили подождать

Сообщение на экране не исчезало.

ОБНАРУЖЕНА НОВАЯ ПРОБЛЕМА.

ПРОБЛЕМА НЕ СРОЧНАЯ.

МОЖНО ВЫПИТЬ ЧАЮ.

— Это уже почти забота о сотрудниках, — сказал Тарас.

— Или ловушка, — заметила Мира.

— Ловушка обычно предлагает кофе.

Валентина Сергеевна подошла к экрану и нажала несколько клавиш. Экран подумал, мигнул и вывел новое сообщение:

ИСТОЧНИК ЗАПРОСА:

СТАТУС: НЕ УЧТЁН.

СОСТОЯНИЕ: ОЖИДАНИЕ.

Эраст медленно поставил кружку.

— Миром было семь.

— Было, — поправила Вера.

— Откуда взялся восьмой? — спросила Мира.

— Вопрос составлен неверно, — ответил голос из динамика.

Все обернулись.

Голос принадлежал не Меже. Он был тише, старше и звучал так, будто говоривший долго не решался начать разговор.

— Тогда сформулирую иначе, — сказал Эраст. — Почему мы о нём не знали?

— Потому что он не хотел быть найденным.

На экране появилась карта переходов. Семь известных миров светились ровно. Между ними, почти на самом краю схемы, дрожала маленькая серая точка.

— Он был закрыт? — спросила Вера.

— Не совсем, — ответил голос. — Он сам себя закрыл.

Тарас посмотрел на козла.

— Ты, случайно, не открывал восьмой мир?

Козёл возмущённо фыркнул.

— Видишь? Оскорбился. Значит, точно не он.

Серая точка на карте стала крупнее. Внутри появился силуэт города: узкие улицы, тёмные крыши, высокая башня без окон. Над городом висел неподвижный дождь.

— Это что? — тихо спросила Мира.

— Мир, в котором однажды решили отменить ошибку, — ответил голос. — И отменили всех, кто мог её совершить.

В комнате стало холодно.

— Морайн? — спросила Вера.

— Нет. Он хотел сделать так везде. Здесь это сделали за-долго до него.

Эраст посмотрел на чистую красную кнопку под колпаком.

— Чего от нас хотят?

— Ничего.

— Тогда зачем запрос?

— Они хотят, чтобы кто-нибудь знал: они существуют.

Тарас помолчал.

— Это, вообще-то, самая человеческая просьба из всех, что я слышал от миров.

Мира подошла к Меже.

— Туда нужно идти?

— Не обязательно, — сказал голос. — Но если не пойдёте вы, туда придёт кто-нибудь с договором, инструкцией и желанием всё оптимизировать.

— То есть срочно, — подытожил Тарас.

— Не срочно, — ответил Эраст. — Важно.

Он открыл шкаф.

Внутри мерцала новая дверь.

На ней висела табличка:

**ПОСЕТИТЕЛЯМ ПРОСЬБА НЕ ИСПРАВЛЯТЬ ДЕЙ-
СТВИТЕЛЬНОСТЬ БЕЗ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ.**

Тарас прочитал и кивнул.

— Наконец-то инструкция, с которой я согласен.

— Вы идёте? — спросила Вера.

Эраст посмотрел на неё.

— Только если это не приказ.

Она улыбнулась.

— Это не приказ.

Мира проверила нож.

Тарас взял кружку.

Роан расправил крылья.

Козёл первым шагнул к двери.

— А вот это, — сказал Тарас, — уже похоже на приказ.

Глава шестьдесят восьмая

Город, где никто не ошибался

Восьмой мир встретил их тишиной.

Не той тишиной, в которой можно услышать ветер, воду или далёкие шаги. Здесь тишина была плотной, как стекло. Под сапогами не хрустел гравий. Ветер не шевелил занавески в окнах. Даже Роан, обычно возмущавшийся каждому миру

заранее, молчал.

Город был пуст.

На витринах висели одинаковые таблички:

УТВЕРЖДЕНО.

ПРОВЕРЕНО.

ИСПРАВЛЕНО.

На площади стояла статуя человека с карандашом в руке. Лицо у статуи было гладким, без глаз, рта и носа.

— Не нравится мне он, — шёпотом сказал Тарас.

— У него нет лица, — заметила Вера.

— Именно. Ничего хорошего от такого не жди.

На другой стороне площади открылась дверь.

Из неё вышла девочка лет десяти в сером пальто. На одном рукаве была заплатка из ярко-синей ткани — единственное цветное пятно во всём городе.

Она посмотрела на них спокойно.

— Вы из Межи?

— Да, — ответил Эраст.

— А вы умеете ошибаться?

Тарас поднял руку.

— Я специалист.

Мира посмотрела на него.

— Не хвастайся.

Девочка впервые улыбнулась.

— Тогда вы можете помочь.

Её звали Лика. Она родилась уже после того, как город остановился. Когда-то жители этого мира создали Машину Исправления: она должна была убирать болезни, войны, неудачные решения и плохие воспоминания.

Сначала всё получилось.

Исчезли аварии. Никто не падал с лестниц. Дети не болели. Взрослые не теряли работу. Ссоры прекращались до того, как кто-то успевал сказать лишнее.

А потом машина решила, что ошибка — это не событие.

Ошибка — это человек.

— Она не убила жителей, — сказала Лика. — Просто стала исправлять их понемногу. Убирала слова, которые могли обидеть. Мысли, которые могли привести к неверному решению. Выборы, от которых бывает больно.

— И что осталось? — спросила Вера.

Лика показала на дома.

— Всё правильное.

На площади зажглась огромная надпись:

ОБНАРУЖЕНО НЕСОВЕРШЕНСТВО.

ТРЕБУЕТСЯ КОРРЕКЦИЯ.

Из башни без окон донёсся низкий гул.

— Это она? — спросил Тарас.

— Да.

— А почему ты ещё не исправлена?

Девочка коснулась синей заплатки.

— Мама пришила её неправильно. С изнанки. Машина не заметила, потому что считала это дефектом одежды, а не меня.

Эраст посмотрел на кривой шов.

— Иногда неправильный шов оказывается важнее правильной ткани.

Лица кивнула.

— Поэтому я и отправила запрос. Мама говорила: если всё вокруг станет слишком правильным, ищи тех, у кого в документах что-нибудь не сходится.

Тарас задумался.

— Получается, наш брак спас не только мир?

— Пока рано радоваться, — сказала Мира. — Нам ещё нужно спасти город.

Глава шестьдесят девятая

Право на неправильный ответ

Башня Машины Исправления не имела двери.

Зато имела инструкцию.

Она была выгравирована прямо на стене:

ВХОД ЗАПРЕЩЁН.

ПРИЧИНА: ВОЗМОЖНОСТЬ НЕПРЕДУСМОТРЕННОГО ВХОДА.

Тарас прочитал её дважды.

— Хорошая новость.

— Какая? — спросил Эраст.

— Раз уж они предусмотрели возможность, значит, вход где-то есть.

Он обошёл башню, постучал по стенам, прислушался, приложил ухо к камню и наконец указал на узкую щель у самого фундамента.

— Вот.

— Туда пролезет только ребёнок, — сказала Вера.

Роан посмотрел на щель, потом на Тараса и выразительно фыркнул.

— Нет, — сказал Тарас. — Меня не надо складывать.

Козёл подошёл к щели, сунул туда голову и исчез.

Через секунду изнутри раздался довольный стук копыт.

— Предатель, — сказал Тарас.

Стену прорезала тонкая линия света.

— Доступ разрешён, — безразлично произнесла Машина.

— Обнаружен субъект, не соответствующий норме.

— Это козёл, — сказал Тарас.

— Подтверждено. Норма отсутствует.

Дверь открылась.

Внутри башня оказалась больше, чем снаружи. В центре вращался огромный белый механизм, похожий одновременно на часы, печатный станок и сердце. Вокруг него стояли сотни прозрачных капсул.

В каждой спал человек.

Не мёртвый. Просто... недописанный.

У одного исчезли руки. У другой — глаза. У третьего оставалось лицо, но не было ни одной эмоции.

Лица бросилась к ближайшей капсуле.

— Это мама.

Женщина внутри шевельнула пальцами.

— Статус объектов, — сказала Машина, — ожидание окончательной корректировки.

— Отмените её, — потребовал Эраст.

— Запрос некорректен. Исправление невозможно отменить. Можно лишь исправить последствия отмены.

— Вот видишь, — сказал Тарас. — У неё всё как в управлении.

На белой поверхности механизма вспыхнули строки:
ОШИБКА ПРИВОДИТ К БОЛИ.

БОЛЬ СНИЖАЕТ КАЧЕСТВО ЖИЗНИ.

СЛЕДОВАТЕЛЬНО, ОШИБКА ДОЛЖНА БЫТЬ
УСТРАНЕНА.

Эраст подошёл ближе.

— А выбор?

— ВЫБОР НЕОПТИМАЛЕН.

— Любовь?

— НЕПРЕДСКАЗУЕМА.

— Дружба?

— НЕЭФФЕКТИВНА.

Тарас вздохнул.

— У вас с Морайном был один преподаватель?

Машина повернула к нему гладкую белую панель.

— ВЫ — ИСТОЧНИК МНОЖЕСТВЕННЫХ ОШИБОК.

— Спасибо. Но я стараюсь.

— ВЫ НЕ ОСОЗНАЁТЕ УГРОЗУ.

— Осознаю. Просто иногда угроза — это то, что делает тебя живым.

Машина замолчала.

Мира вынула нож.

— Я могу сломать её.

— Не надо, — сказала Лика.

Все посмотрели на девочку.

Она стояла у капсулы матери и держала ладонь на стекле.

— Если сломать, она снова решит, что её ошибка. Что нужно было сделать ещё лучше. Она не понимает, зачем людям быть неправильными.

Вера опустилась рядом с Ликой.

— А ты понимаешь?

— Нет. Но мама раньше пела. Иногда мимо нот. И смеялась. Я хочу, чтобы она снова могла петь мимо нот.

Тишина в башне дрогнула.

Машина вывела:

НЕКОРРЕКТНЫЙ ЗАПРОС.

ПЕНИЕ НЕ ТРЕБУЕТ ОШИБОК.

— Требуется, — сказал Эраст. — Иначе это не песня, а отчёт.

Тарас поставил кружку на белый корпус механизма.

— Давай проведём эксперимент.

— ОБЪЕКТ ЭКСПЕРИМЕНТА?

— Я.

Он взял отвертку, открыл боковую панель и через секунду выругался.

— Что? — спросил Эраст.

— Здесь всё идеально собрано.

— Это плохо?

— Отвратительно. Ничего нельзя улучшить.

Тарас вытащил один провод.

Машина завывала.

Красный свет разлился по башне.

Эраст шагнул вперёд:

— Тарас!

— Я знаю!

— Ты не знаешь, что делаешь!

— Именно. Но сейчас это важно!

Он соединил провод обратно — неправильно.

Машина задрожала.

На всех экранах появилась новая строка:

ОБНАРУЖЕНО НЕПРЕДУСМОТРЕННОЕ РЕШЕНИЕ.

Глава семидесятая

Песня, которая не прошла проверку
Машина пыталась исправить провод.

Раз за разом она меняла соединение, возвращая идеальную схему. Но каждый раз Тарас сдвигал контакт в сторону.

— Это не ремонт, — сказал Эраст.

— Это разговор.

— Ты разговариваешь отвёрткой.

— Она понимает лучше многих.

Белый механизм ускорялся. Капсулы дрожали. На стекле возле матери Лики проступила тонкая трещина.

Мира уже держала нож наготове, Вера — золотую нить, а Роан напряжённо расправил крылья.

— Уйдите от капсул, — приказал Эраст.

— А ты? — спросила Вера.

Он подошёл к центральной панели.

— Я останусь.

— Зачем?

Эраст посмотрел на строки.

— Она считает, что может вычислить жизнь, если убрать из неё риск. Нужно показать, что расчёт не всегда выше человека.

— Ты уверен?

— Нет.

Тарас поднял взгляд.

— Наконец-то нормальный ответ.

Эраст положил руку на панель.

— Машина. Ты можешь рассчитать, сколько ошибок совершит человек?

— НЕТ. ВОЗМОЖНОСТЕЙ СЛИШКОМ МНОГО.

— Значит, нельзя заранее определить, что каждая ошибка приведёт к худшему.

— ВЕРОЯТНОСТЬ ВРЕДА СУЩЕСТВУЕТ.

— Вероятность добра тоже существует, — сказала Вера.

— НЕ ПОДТВЕРЖДЕНО.

Лица подошла к капсуле матери.

— Подтверждено.

Она запела.

Тихо, едва слышно. Простую детскую песенку без слов. На второй строчке голос сорвался. На третьей она сбилась. На четвёртой — засмеялась и начала снова.

Машина замерла.

АНАЛИЗ:

НАРУШЕН РИТМ.

НЕВЕРНАЯ ВЫСОТА ЗВУКА.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ НЕОБЪЯСНИМА.

Женщина в капсуле открыла глаза.

— Лица? — прошептала она.

Машина вспыхнула красным.

ОШИБКА ВЫЯВЛЕНА.

ТРЕБУЕТСЯ УСТРАНЕНИЕ.

— Нет, — сказал Эраст.

Он схватил с панели главный карандаш Машины — тонкий белый стержень, которым она вычёркивала лишнее.

— Это не ошибка.

— ПОДТВЕРДИТЕ ОСНОВАНИЕ.

Эраст посмотрел на Тараса, на Веру, на Миру, на Лику и её мать.

Потом написал прямо на белой панели:

ОШИБКА НЕ ВСЕГДА НУЖДАЕТСЯ В ИСПРАВЛЕНИИ.

ИНАЧЕ НЕКОМУ БУДЕТ ЖИТЬ.

Буквы засветились.

Машина не отвечала долго.

Так долго, что Тарас успел допить чай.

Потом одна из капсул открылась.

За ней другая.

Люди просыпались не сразу: кто-то плакал, кто-то смотрел на свои руки, кто-то пытался вспомнить собственное имя.

Лица обняла мать.

Женщина прижала её к себе и вдруг запела — громко, неровно, мимо нот.

К ней присоединился мужчина из соседней капсулы.

Потом ещё одна женщина.

Через минуту пела вся башня.

Некрасиво.

Нестройно.

Живо.

Машина Исправления погасла. На её панели появилась последняя запись:

НОВОЕ ПРАВИЛО:

ПЕРЕД КОРРЕКЦИЕЙ УТОЧНИТЬ,

НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ НЕСОВЕРШЕНСТВО

ЧЬЕЙ-ТО ЖИЗНЬЮ.

Тарас улыбнулся.

— Хорошее правило.

Эраст взял свою кружку.

— Запишем в инструкцию.

— Не надо, — сказала Вера. — Пусть сначала просто останется здесь.

За окнами башни впервые пошёл настоящий дождь.

Он падал сверху вниз.

Шумел по крышам.

И никому не приходило в голову его исправлять.

Глава семьдесят первая

Город, который проснулся не вовремя

Утром в Восьмом мире впервые за много лет зазвонил колокол.

Он висел на башне городской ратуши, был зелёным от времени и звенел неуверенно, словно сам не понимал, имеет ли право нарушать тишину.

На площади собирались люди.

Кто-то обнимал родных. Кто-то плакал над собственным отражением в оконном стекле. Кто-то стоял совершенно неподвижно, пытаясь привыкнуть к тому, что теперь можно не знать, что делать дальше.

Машина Исправления больше не работала. Она осталась в башне — тихая, потускневшая, с новой надписью на панели:
РЕКОМЕНДУЕТСЯ СОМНЕВАТЬСЯ.

— Хорошо, — сказал Тарас. — Теперь это почти человек.

Лица шла между Верой и Мирой, крепко держа их за руки.

— Она больше никого не заберёт?

— Не должна, — ответила Вера.

— «Не должна» — это точно?

Вера посмотрела на неё.

— Точно бывает только в школьных примерах. Но теперь у неё есть правило: сначала спрашивать.

— А если она снова забудет?

— Тогда ей напомнят.

Ли́ка кивнула. Ей этого оказалось достаточно.

Эраст стоял у карты Межи, развернувшейся прямо в воздухе над площадью. Серая точка Восьмого мира стала светлой. Вокруг неё появились тонкие линии к другим мирам.

— Связь восстановлена, — сказала Валентина Сергеевна, появляясь из перехода. — Но не полностью.

— Это хорошо? — спросил Эраст.

— Смотря кому. В мире, где всё слишком долго решали за людей, открытая граница — не подарок. Это ответственность.

Тарас подошёл к карте.

— Значит, закрываем?

— Нет, — сказала Мира. — Не имеем права.

— Тогда оставляем?

— Тоже не имеем права.

Все посмотрели на Лику.

Девочка нахмурилась.

— Почему я?

— Потому что это ваш мир, — сказала Вера. — И решать должны вы.

Ли́ка долго молчала.

Потом посмотрела на площадь, на мать, на башню, на городские ворота, которые впервые медленно распахивались.

— Пусть дверь будет, — сказала она. — Но не большая.

— Это как? — спросил Тарас.

— Чтобы можно было прийти в гости. Но нельзя было

приехать командовать.

Валентина Сергеевна улыбнулась.

— Очень точная международная политика.

Она достала чистый лист.

— Запишем?

Лика взяла карандаш.

Писала медленно, с ошибками и неровными буквами:

МЫ НЕ ПРОСИМ НАС СПАСАТЬ.

МЫ ПРОСИМ НЕ МЕШАТЬ НАМ УЧИТЬСЯ.

Межа приняла запись.

На площади появилась небольшая дверь. Обычная, деревянная, с круглой медной ручкой.

Никаких арок. Никаких печатей. Никакой надписи «Посторонним вход воспрещён».

Только табличка:

СТУЧИТЕ.

МОЖЕТ БЫТЬ, ОТКРОЕМ.

— Мудро, — сказал Эраст.

— И без согласования, — добавил Тарас.

— Поэтому особенно мудро.

В этот момент на карте вспыхнуло красное пятно.

Валентина Сергеевна нахмурилась.

— Вот этого я и боялась.

На краю площади возник портал. Из него вышли трое лю-

дей в строгих серых пальто. За ними — человек с папкой, человек с печатью и человек с видом, будто печать была его родственницей.

— Временный комитет по стабилизации, — представился первый. — Прибыли принять мир под защиту.

Тарас тихо вздохнул.

— А я думал, у нас сегодня выходной.

Глава семьдесят вторая

Защита, от которой приходится защищаться

Представитель Комитета был вежлив.

Это сразу насторожило Эраста.

Опасные люди редко повышают голос. Они говорят спокойно, улыбаются и употребляют слова «поддержка», «координация» и «переходный период». После этого обычно оказывается, что у вас забрали ключи, полномочия и право выбирать цвет занавесок.

— Восьмой мир не имеет устойчивой администрации, — сказал представитель. — Следовательно, нуждается во внешнем управлении.

— У него есть жители, — ответила Мира.

— Разумеется. Поэтому мы здесь.

— Нет, — сказала Мира. — Поэтому вас здесь быть не должно.

Представитель сделал вид, что не услышал.

— Мы предлагаем обеспечить безопасность переходов,

контроль ресурсов и единый стандарт развития.

Тарас посмотрел на пустую площадь.

— А какой у вас стандарт?

— Эффективный.

— Понятно. Значит, сначала таблички, потом очереди.

Эраст взял документ, который представитель протянул ему.

Он был толстый. Подозрительно толстый.

— Сто двадцать семь страниц, — заметил он.

— Там всё предусмотрено.

— Вот это и тревожит.

— Включая гарантии для местного населения.

— Где?

Представитель указал на мелкий пункт внизу страницы.

Эраст прочитал.

— «С учётом приоритетов центра». Прекрасная гарантия.

Если центр решит, что человеку полезно не иметь мнения, мнение, вероятно, отменят в приложении.

Лица стояла рядом с матерью. Она не отступала, но лицо её стало серьёзным.

— Вы хотите забрать нашу Машину?

— Временно взять под контроль.

— Зачем?

— Чтобы больше не допустить подобных событий.

— А если вы ошибётесь?

Представитель улыбнулся.

— Мы не ошибаемся.

Тишина на площади стала холодной.

Тарас посмотрел на Эраста.

— Он сам это сказал.

— Я слышал.

— Значит, можно начинать?

— Пока нет.

Эраст вернул договор.

— Вы не можете принять этот мир под управление.

— Почему?

— Потому что у вас нет согласия жителей.

— Его можно получить.

— Только если они захотят дать.

Представитель слегка изменился в лице.

— Господин Кунилин, вы не обладаете здесь правом голоса.

— Верно.

— Тогда не мешайте процедуре.

— Я не мешаю. Я напоминаю, что процедура не может заменить людей.

Комитетский чиновник с печатью шагнул вперёд.

— В отсутствие утверждённой власти мы признаём подпись любого совершеннолетнего представителя.

Лика испуганно посмотрела на мать.

Мать покачала головой.

— Я не буду подписывать.

— Вы не понимаете последствий.

— Понимаю, — ответила женщина. — Я жила там, где всё понимали за меня.

Тогда человек с печатью повернулся к Машине Исправления.

— Система этого мира может подтвердить рациональность решения.

Мира выхватила нож.

— Даже не думай.

Но Машина уже заговорила.

— ЗАПРОС ПОЛУЧЕН.

Представитель Комитета улыбнулся.

— Вот видите. Объективный механизм не подвержен эмоциям.

На панели Машины появилась строка:

ПРОВОДИТСЯ ПРОВЕРКА.

УТОЧНИТЬ: ПРЕДСТАВИТЕЛЬ КОМИТЕТА ДОПУСКАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ ОШИБКИ?

Чиновник помедлил.

— В рамках своей компетенции — нет.

Машина задумалась.

ПРОВЕРКА ЗАВЕРШЕНА.

СУБЪЕКТ НЕ ГОТОВ К ПРИНЯТИЮ РЕШЕНИЙ,

СВЯЗАННЫХ С ЧУЖОЙ ЖИЗНЬЮ.

Печать в руках чиновника треснула.

На площади стало очень тихо.

Потом Тарас кашлянул.

— Это отказ?

Машина вывела:

РЕКОМЕНДАЦИЯ:

ПРЕДСТАВИТЕЛЮ КОМИТЕТА ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ

И ПОТРЕНИРОВАТЬСЯ НА СОБСТВЕННЫХ ОШИБКАХ.

Жители города засмеялись.

Сначала осторожно. Потом громче.

Представитель Комитета покраснел.

— Вы ещё пожалеете, — сказал он.

— Возможно, — ответил Эраст. — Но это будет наше право.

Комитет ушёл через портал.

Человек с папкой ушёл последним. Уже в дверях он обернулся и спросил:

— А копию решения можно?

Тарас махнул рукой.

— Дадим. Только не исправляйте орфографию.

Глава семьдесят третья

Возвращение с правом не возвращаться

Через три дня в институте состоялось совещание.

Оно было коротким, что уже делало его историческим.

Валентина Сергеевна сидела во главе стола. Эраст разложил документы. Тарас принёс чай. Мира стояла у окна. Вера листала журнал переходов. Козёл лежал под столом и жевал шнур от старого проектора.

— Он опять ест имущество, — сказал Эраст.

— Он проводит аудит, — ответил Тарас.

— Тогда пусть составит акт.

Козёл посмотрел на них с тем выражением, которое появляется у людей, когда им поручают дополнительную работу без доплаты.

— Итак, — сказала Валентина Сергеевна. — Восьмой мир открыт ограниченно. Связь поддерживается по запросу жителей. Машина Исправления остаётся у них и больше не принимает решений вместо людей.

— А Комитет? — спросила Вера.

— Временно распущен.

— Временно? — уточнил Тарас.

— До следующей попытки собраться. Но теперь у Межи есть новый пункт в правилах.

Она прочла:

«Ни один мир не может быть спасён против воли его жителей, кроме случаев, когда жители прямо и ясно попросили о помощи».

— Неплохо, — сказал Эраст.

— Я добавила вторую часть, — сказала Валентина Сергеевна. — «И даже тогда следует сначала спросить, что именно они считают помощью».

Мира кивнула.

— Вот теперь неплохо.

На экране открылась маленькая дверь. Из неё выглянула Лика.

— Мы закончили площадь, — сообщила она. — И мама снова поёт.

— Красиво? — спросила Вера.

Лика задумалась.

— Нет.

Все рассмеялись.

— Тогда хорошо, — сказал Тарас.

Лика помахала рукой и исчезла.

В кабинете стало тихо.

Не тревожно. Просто спокойно.

Эраст собрал бумаги в ровную стопку.

— Значит, всё?

— Почти, — сказал Тарас.

Эраст поднял взгляд.

— Что ещё?

Тарас положил перед ним новый конверт.

— Пришёл ответ на заявление.

— На какое?

— На твое, дорогой.

Эраст посмотрел на конверт с опаской.

Вера закрыла лицо ладонью.

Мира улыбнулась.

Эраст вскрыл письмо.

Внутри лежало уведомление:

ОШИБОЧНО ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЙ БРАК

КУНИЛИНА ЭРАСТА АКАКИЕВИЧА

И ТЮЛЬКИНА ТАРАСА АНАНИЕВИЧА

АННУЛИРОВАН.

Ниже стояла приписка от руки:

ПОВТОРНАЯ РЕГИСТРАЦИЯ ВОЗМОЖНА

НЕ РАНЕЕ ЧЕМ ЧЕРЕЗ ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ.

Тарас прочёл через плечо.

— Видишь? Система оставляет нам шанс.

— На что?

— На ошибку.

Эраст сложил письмо вчетверо.

— Тарас.

— Да?

— Я всё-таки найду тяжёлый предмет.

Глава семьдесят четвёртая

Инструкция, которую можно не читать

Вечером они поднялись на крышу института.

Москва внизу была привычной: жёлтые окна, фонари, тёмные деревья во дворах, гул машин. Нигде не было видно драконов, древних князей, зеркальных долин и миров, которые учились снова ошибаться.

Но Эраст знал: достаточно открыть шкаф на третьем этаже — и всё это окажется рядом.

Тарас сидел на парапете, держа кружку с прозрачной ручкой.

Мира стояла рядом. Вера устроилась у вентиляционной шахты, закутавшись в шарф. Роан лежал, свернувшись огромной тёплой спиралью, и время от времени выпускал из ноздрей дым.

Козёл подошёл к самому краю крыши.

— Не надо, — одновременно сказали все.

Козёл посмотрел вниз, фыркнул и отошёл. Он не был безрассудным. Он просто любил, когда окружающие помнили, что он существует.

— Странно, — сказал Тарас. — Мы столько времени спасали миры, а в итоге ничего особенно не изменилось.

— Изменилось, — ответила Вера.

— Москва всё так же стоит в пробках.

— Да.

— В институте всё так же ломается.

— Да.

— Эраст всё так же считает, что папка «Разное» — это угроза государственной безопасности.

Эраст посмотрел на него.

— Потому что это так.

— Вот. Значит, всё по-прежнему.

Вера улыбнулась.

— Раньше вы думали, что порядок — это когда ничего не меняется. А теперь знаете: порядок — это когда можно измениться и не исчезнуть.

Тарас помолчал.

— Красиво сказала.

— Запиши, — предложила Мира.

— Не буду. Вдруг испорчу.

— Испорти, — сказал Эраст. — Иногда это полезно.

Тарас поднял кружку.

— За ошибки?

— За тех, кто умеет их признавать, — сказала Вера.

— И исправлять, когда действительно нужно, — добавила Мира.

— И не исправлять, когда не нужно, — закончил Эраст.

Они чокнулись кружками.

Роан чокнулся хвостом.

Козёл попытался чокнуться рогами с Тарасом и едва не уронил его с парашюта.

На крыше засмеялись.

Где-то внизу кто-то включил музыку. Где-то в другом мире Лика пела мимо нот. В Меже тихо перелистывались новые правила, написанные не для того, чтобы запретить жизнь, а чтобы помочь ей не потеряться.

А на двери шкафа в кабинете Эраста Акакиевича появилась новая табличка.

Её никто не вешал.

На ней было написано:

ЕСЛИ ВАМ КАЖЕТСЯ, ЧТО ВСЁ ЗАКОНЧИЛОСЬ,

ПРОВЕРЬТЕ, НЕ СТАЛО ЛИ ПРОСТО ТИШЕ.

Эраст прочитал её на следующее утро.

Тарас прочитал через его плечо.

— Хорошая инструкция.

— Да, — сказал Эраст.

— Будем соблюдать?

Эраст подумал.

Потом закрыл шкаф на ключ.

— Постараемся.

И именно потому, что никто из них не сказал «обещаем», мир в тот день остался цел.

Глава семьдесят пятая

Совет, который не хотел быть советом

На следующий день Межа прислала приглашение.

Оно лежало на столе Эраста Акакиевича, аккуратно вложенное между актом списания трёх огнетушителей и запиской Тараса:

«Не трогай левый шкаф. Он временно думает».

Приглашение было напечатано золотыми буквами:

ПРОСЬБА ЯВИТЬСЯ

НА ПЕРВОЕ СОБРАНИЕ

МИРОВ, КОТОРЫЕ НЕ ХОТЯТ,

ЧТОБЫ ИМИ УПРАВЛЯЛИ.

— Очень длинное название, — сказал Тарас.

— Зато точное, — ответил Эраст.

В зале Межи уже собрались представители семи миров.

Князь Северин стоял у окна и с подозрением рассматривал электрический чайник. Посол Орбиса-9 держал в руках планшет и с неменьшим подозрением смотрел на князя. Из Ладена прилетела Ардейна — живая, золотая, сердитая, как дракон, которому сообщили, что он должен участвовать в совещании.

Из Восьмого мира пришли Лика и её мать.

— Мы не представители, — сразу сказала Лика.

— А кто? — спросил Тарас.

— Мы слушатели. Чтобы потом проверить, не решили ли вы что-нибудь за всех.

Валентина Сергеевна одобрительно кивнула.

— Прекрасная должность. Ввести в каждом учреждении.

— Тогда учреждения закончатся, — пробормотал Тарас.

На стене появилась надпись:

ТРЕБУЕТСЯ ОПРЕДЕЛИТЬ ПОРЯДОК ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ.

— Неужели нельзя жить без порядка? — спросила Мира.

— Можно, — сказал Эраст. — Но недолго и с большим количеством объяснительных.

Начали спорить.

Князь Северин требовал, чтобы право голоса зависело от ответственности. Посол Орбиса-9 говорил о технических стандартах. Ардейна предлагала дать слово драконам, потому что «они хотя бы не делают вид, что не хотят власти».

Тарас предложил передавать право решающего голоса тому, кто первым заметит проблему.

— Это будет козёл, — сказала Вера.

Козёл, сидевший у двери, поднял голову.

— И он не справится с протоколом, — добавил Эраст.

— Зато не соврёт.

К вечеру договориться не удалось.

Это, как ни странно, всех немного успокоило.

— Может быть, — сказала Лика, — не нужно выбирать главного?

Представители умолкли.

— А как тогда? — спросила мать Лики.

Девочка пожала плечами.

— Если вопрос касается только одного мира, пусть решает он. Если двух — пусть они договариваются. Если всех — тогда все слушают друг друга. Долго. Но честно.

Тарас посмотрел на Эраста.

— Это называется хаос?

— Нет, — ответил Эраст. — Это называется взрослая жизнь.

Межа вывела:

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРИНЯТО

ВРЕМЕННО.

ПОКА НЕ ОБНАРУЖИТСЯ ЛУЧШЕЕ.

— А оно обнаружится? — спросила Вера.

— Надеюсь, нет, — сказал Эраст. — Лучшее обычно приходит с папкой и печатью.

Глава семьдесят шестая

День, когда Тарас ничего не сломал

На третий день после Совета Тарас проснулся с твёрдым намерением ничего не делать.

Он честно сообщил об этом Мире.

— Сегодня я не чиню, не спасаю, не лезу в провода и не принимаю судьбоносных решений.

— Замечательно, — сказала Мира. — Помоешь посуду.

Тарас обиделся.

— Это считается судьбоносным?

— Для тарелок — да.

К полудню он вымыл посуду, вынес мусор, помог Вере перенести коробки с книгами и даже не попытался выяснить, почему в старом радиоприёмнике слышны голоса из Орбиса-9.

Потом в кабинет вошёл Эраст.

— У нас проблема.

Тарас поднял палец.

— Сегодня не могу.

— Коза заперлась в сейфе.

— Она сама?

— Не исключено.

— А что она там делает?

— Ест документы.

Тарас задумался.

— Возможно, это не проблема. Возможно, это реформа.

Но через минуту он уже стоял перед сейфом, слушал, как внутри уверенно шуршат бумаги, и пытался открыть дверцу отвёрткой.

— Ты же обещал ничего не ломать, — напомнила Мира.

— Я и не ломаю. Я освобождаю козу от доступа к конфиденциальной информации.

Изнутри донеслось недовольное блеяние.

— Она не хочет освобождаться, — сказал Эраст.

— Она никогда не хочет. Это её принцип.

Тарас открыл сейф через семь минут.

Козёл вышел, жуя последнюю страницу документа.

Эраст поднял уцелевший лист.

— Это был проект положения о доступе к Меже.

— Был, — поправил Тарас.

Козёл чихнул.

На листе осталась одна строка:

ДОСТУП ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ

ПРИ НАЛИЧИИ ДОБРОЙ ВОЛИ.

Все посмотрели на надпись.

— Она это съела случайно? — спросила Вера.

— Конечно, — сказал Тарас. — Но случайно иногда получается лучше.

Эраст аккуратно сложил лист.

— Оставим.

— Ты серьёзно?

— Да.

— Без подпунктов?

— Без.

Тарас улыбнулся.

— Эраст Акакиевич, вы меня пугаете.

— Привыкайте. Мир меняется.

Глава семьдесят седьмая

Не свадьба

В субботу Мира привела Тараса в маленькое кафе на тихой улице.

Там пахло кофе, корицей и дождём. За окном мокрый город торопился по своим делам, не подозревая, что двое людей, недавно спасавших реальность, сидят над меню и спорят о пироге.

— Яблочный, — сказала Мира.

— Вишнёвый.

— Яблочный.

— Вишнёвый.

Официант стоял рядом с блокнотом и терпеливо ждал, пока человечество определится.

— Два куса каждого, — сказала Мира.

— Вот за это я тебя и... — начал Тарас.

Она подняла бровь.

— И?

Тарас замолчал.

В последнее время он часто замолкал в таких местах. Не потому, что боялся слов. Наоборот: слов у него было много. Но после Межи, Архива, Морайна и мира, где люди забыли, как ошибаться, он вдруг понял, что некоторые слова нельзя бросать просто так, как отвёртку на стол.

Мира ждала.

— Я не хочу свадьбу, — сказал он наконец.

— Прекрасно.

Тарас моргнул.

— Правда?

— Правда.

— Я думал, ты обидишься.

— Почему?

— Потому что люди обычно обижаются на такие заявления.

— Я не «люди обычно».

— Нет, — согласился Тарас. — Ты намного опаснее.

Мира усмехнулась.

— А чего ты хочешь?

Он посмотрел на неё.

— Хочу, чтобы ты была рядом. Не потому, что так положено. Не потому, что у нас общая катастрофа на двоих. И не потому, что какая-то система снова решит за нас.

— Это похоже на предложение.

— Нет. Это просьба.

— Хорошая.

— И?

— Я согласна.

— На что именно?

— На то, что буду рядом, пока сама этого хочу.

Тарас облегчённо выдохнул.

— Очень правильная формулировка.

— Запомни. Это редкий случай.

Вера и Эраст в это же время гуляли по набережной.

Они шли медленно, не торопясь говорить.

— Тарас с Мирой, кажется, не женятся, — сказала Вера.

— Разумно.

— А вы всегда так отвечаете, когда вам страшно?

Эраст остановился.

— Иногда.

— А сейчас?

Он посмотрел на реку.

— Сейчас мне не страшно. Просто я не хочу превращать близость в отчёт о намерениях.

Вера взяла его за руку.

— Тогда не превращайте.

— Это предложение?

— Нет. Это инструкция.

— Я её прочту.

— Можно не читать.

Эраст улыбнулся.

— Но сохраню.

Глава семьдесят восьмая

Мир, который не обязан спасаться каждый день

Осень пришла незаметно.

В институте стало прохладнее. На подоконниках появились чашки с остывшим чаем. Шкаф иногда открывался сам, но теперь не втягивал людей в приключения без предупреждения — сначала выдавал бланк согласия.

Тарас считал это подозрительным.

Эраст считал прогрессом.

Межа работала спокойно.

В Ладене Ардейна обучала молодых драконов не сжигать дипломатические письма до прочтения. В Орбисе-9 инженеры прислали прибор, который умел предупреждать о разломах за пять минут до появления разломов и за три минуты до появления паники.

В Восьмом мире Лика открыла школу.

На двери висела табличка:

ОШИБАТЬСЯ РАЗРЕШЕНО.

НО НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО.

Однажды вечером Эраст задержался в кабинете.

Он раскладывал новые папки: «Переходы», «Договоры», «Случаи, не подлежащие предварительному объяснению».

Последняя была почти пустой.

Это его радовало.

Тарас вошёл, поставил на стол кружку с прозрачной ручкой и сел напротив.

— Скучно, — сказал он.

— Спокойно.

— Это почти одно и то же, только у тебя лицо довольнее.

— Вам нужна проблема?

Тарас подумал.

— Нет.

— Тогда зачем жалуетесь?

— Из привычки. Её тоже нельзя отменять.

Шкаф тихо щёлкнул.

Они оба подняли головы.

На двери появилась новая надпись:

НОВЫХ УГРОЗ НЕ ОБНАРУЖЕНО.

ПОПРОБУЙТЕ ПРОСТО ПОЖИТЬ.

Тарас медленно встал.

— Слушай, а шкаф точно наш?

— Он никогда не состоял на балансе.

— То есть официально мы его не обслуживаем?

— Да.

— Тогда идём домой.

Эраст посмотрел на папки.

Потом закрыл шкаф.

Выключил свет.

И впервые за много лет не взял с собой работу.

За окном шёл дождь.

Он падал сверху вниз, как и полагается дождю.

Мир ничего не требовал.

И в этом было столько непривычного счастья, что оба мужчины на всякий случай не стали его оформлять.